ДЭН БРАУН

Инферно

Инферно
Дэн Браун

Аннотация
Дэн Браун. Инферно
Факты:
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44

Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70

Глава 71
Глава 72
Глава 73
Глава 74
Глава 75
Глава 76
Глава 77
Глава 78
Глава 79
Глава 80
Глава 81
Глава 82
Глава 83
Глава 84
Глава 85
Глава 86
Глава 87
Глава 88
Глава 89
Глава 90
Глава 91
Глава 92
Глава 93
Глава 94
Глава 95
Глава 96

Глава 97
Глава 98
Глава 99
Глава 100
Глава 101
Глава 102
Глава 103
Глава 104
Эпилог
Выражение признательности

Аннотация

…Оказавшись в самом загадочном городе Италии – Флоренции, профессор Лэнгдон, специалист по кодам, символам и истории искусства, неожиданно попадает в водоворот событий, которые способны привести к гибели все человечество… И помешать этому может только разгадка тайны, некогда зашифрованной Данте в строках бессмертной эпической поэмы…

Дэн Браун
Инферно

© Dan Brown, 2013
© Перевод. В.В. Антонов, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Моим родителям посвящается…
Самое жаркое место в аду уготовано тем, кто в пору нравственного испытания предпочитает оставаться в стороне.

Факты:

Все произведения искусства и литературы, а также исторические события, упоминаемые в этом романе, реальны.

Консорциум — частная организация с отделениями в семи странах. Ее название изменено из соображений безопасности и конфиденциальности.

Инферно — преисподняя, изображенная в эпической поэме Данте Алигьери «Божественная Комедия» в виде сложно организованного загробного мира, населенного бестелесными душами, заключенными между жизнью и смертью.

Пролог

Я — Призрак.

За мной — мир слез, страданий и мучений,

За мною — скорбь без грани, без конца,

За мной — мир падших душ и привидений[1].

Я бегу, задыхаясь, по берегу реки Арно… поворачиваю налево на улицу Кастеллани и направляюсь на север, держась в тени галереи Уффици.

Но они по-прежнему не отстают.

Они гонятся за мной с дьявольским упорством, и их шаги звучат все ближе.

Они преследовали меня долгие годы.

Своим упорством они загнали меня в подполье… заставили жить в чистилище… мучиться под землей подобно хтоническому зверю.

Я — Призрак.

Здесь, на поверхности, я обращаю взгляд на север, но не могу найти прямого пути к спасению… ибо первые проблески зари закрывают Апеннинские горы.

---

[1] Примечания: 1

Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, цитаты из «Божественной Комедии» Данте Алигьери даны в переводе с итальянского Д. Минаева.

Я прохожу позади дворца с его зубчатой башней и часами с одной стрелкой… осторожно проскальзываю между первыми уличными торговцами на площади Сан-Фиренце с их хриплыми голосами и дыханием, наполняющим воздух запахом сычуга и жареных маслин. Не доходя до замка Барджелло, я сворачиваю на запад к башне Бадия, и, наконец, передо мной дверь из железных прутьев у основания лестницы.

Здесь места страху нет!

Я поворачиваю ручку и вступаю в проход, понимая, что возврата оттуда уже не будет. Я с трудом заставляю себя переставлять налившиеся свинцом ноги по закрученным спиралью узким и стертым от времени мраморным ступеням.

Снизу доносятся голоса. Они взывают ко мне.

Они уже совсем близко и вот-вот меня настигнут.

Они не понимают, что грядет… не понимают, что я для них сделал!

Неблагодарная земля!

По мере того как я поднимаюсь, меня обступают видения… тела распутников, корчащихся под огненными струями, души чревоугодников, тонущие в нечистотах, вероломные злодеи, застывшие в ледяных объятиях Сатаны.

Я поднимаюсь по последним ступенькам и, обессиленный, оказываюсь на верхней площадке, чувствуя, как влажен и прохладен утренний воздух. Я устремляюсь к стене в человеческий рост и смотрю сквозь проемы в ней на раскинувшийся далеко внизу благословенный город, служивший мне убежищем от тех, для кого я стал изгоем.

Голоса приближаются и становятся все громче.

— То, что ты сделал, безумие!

Безумие порождает безумие.

— Ради всего святого! — молят они. — Скажи, где ты его спрятал!

Но именно ради всего святого я этого не сделаю.

Я стою в углу, прижимаясь спиной к холодному камню. Они вглядываются в мои ясные зеленые глаза, и их лица мрачнеют — теперь от уговоров они переходят к угрозам.

— Ты знаешь, что у нас есть разные методы. Мы можем заставить тебя сказать, где это.

Вот поэтому я и забрался на такую высоту.

Не говоря ни слова, я поворачиваюсь, хватаюсь за край стены и залезаю наверх — там выпрямляюсь и стою, пошатываясь, над пропастью. *Веди меня, Виргилий, путей не разбирая… С тобой мне*

не страшна пучина зол…

Не веря своим глазам, они бросаются ко мне, хотят схватить за ноги, но боятся, что я потеряю равновесие и сорвусь вниз. В отчаянии они снова переходят к уговорам, но я отворачиваюсь. *Я знаю, что должен сделать.*

Подо мной, в головокружительной дали, красные черепичные крыши похожи на языки пламени, освещающего эту чудесную страну, по которой некогда бродили гиганты… Джотто, Донателло, Брунеллески, Микеланджело, Боттичелли.

Я подвигаюсь к самому краю.

— Слезай! — кричат они. — Еще не поздно!

Упрямые невежды! Неужели вы не видите будущего? Неужели не понимаете всей красоты моего творения? Его необходимости?

Я с радостью принесу эту жертву… и тем самым лишу вас последней надежды найти то, что вы ищете.

Вам ни за что не отыскать его вовремя.

Мощенная булыжником площадь в сотнях футов подо мной манит, словно райский оазис. Как же мне хочется еще пожить… но время нельзя купить даже на все мои несметные богатства.

В эти последние секунды я смотрю на площадь

и вдруг вижу пугающий образ.

Я вижу твое лицо.

Ты смотришь на меня из теней. Твои глаза полны скорби, и все же я вижу в них уважение к моим свершениям. Ты понимаешь, что я лишен выбора. Ради любви к человечеству я должен защитить свой шедевр.

Он набирает силу даже сейчас… ждет… бурлит под водами кровавыми лагуны, которые вовек не отражают звезд.

И вот я отрываю от тебя взгляд и устремляю его на горизонт. Высоко над этим истерзанным миром я возношу свою последнюю молитву.

Боже милостивый, молю, чтобы мир считал меня не чудовищным грешником, а чудесным спасителем, которым, Ты знаешь, я являюсь на самом деле. Я молюсь, чтобы человечество поняло, какой дар я ему оставляю.

Мой дар — будущее.

Мой дар — спасение.

Мой дар — Инферно.

Я шепотом произношу «аминь»… и делаю последний шаг — в небытие.

Глава 1

Воспоминания всплывали медленно… как пузыри из глубин бездонного колодца.

Женщина с вуалью.

Роберт Лэнгдон смотрел на нее через реку, чьи воды бурлили кровью. Женщина неподвижно стояла на другом берегу, повернувшись к нему, но ее лицо скрывала вуаль. В руке она держала узкую головную повязку из синей ткани, которую затем подняла, отдавая дань уважения морю мертвецов у своих ног. В воздухе витал запах смерти.

Ищите, прошептала женщина. *И обрящете.*

Лэнгдон услышал слова, будто они прозвучали у него в голове.

— Кто вы? — крикнул он, но не услышал своего голоса.

Время уже на исходе, прошептала она. *Ищите и обрящете.*

Лэнгдон шагнул к реке, но увидел, что перейти ее вброд не сможет — кроваво-красные воды были слишком глубокими. Когда он снова поднял взгляд на женщину с вуалью, тел у ее ног стало

гораздо больше. Их было уже сотни, а может, и тысячи; некоторые, еще живые, корчились в агонии и, умирая в жутких муках… поглощались огнем, захлебывались в испражнениях, пожирали друг друга. По воде разносились скорбные крики и вопли людских страданий.

Женщина двинулась к нему, протягивая тонкие руки, словно взывая о помощи.

— Кто вы?! — снова закричал Лэнгдон.

В ответ женщина медленно убрала с лица вуаль. Она была поразительно красива, но старше, чем сначала показалось Лэнгдону — наверное, лет шестидесяти с небольшим, — при этом величественная и статная, словно неподвластная течению времени скульптура. Волевой подбородок, глубокий проникновенный взгляд, длинные серебристые волосы спадают на плечи локонами. На шее амулет из лазурита — змея, обвившая посох.

Лэнгдон чувствовал, что знает ее… доверяет ей. *Но как такое возможно? Почему?*

Она показала на дергавшуюся перед ней пару ног, которые, судя по всему, принадлежали какому-то несчастному, закопанному в землю по пояс вниз головой. На бледном бедре мужчины виднелась написанная грязью буква «R».

«R»? — подумал Лэнгдон. *Первая буква моего имени? Это что — я?*

Лицо женщины оставалось бесстрастным. *Ищите и обрящете*, повторила она.

Внезапно она начала испускать сияние, которое становилось все ярче и ярче. Затем ее тело задрожало, начало вибрировать и в конце концов с грохотом взорвалось и разлетелось на тысячи световых осколков.

Лэнгдон закричал и очнулся.

Он лежал в светлой комнате, где кроме него никого не было. В воздухе резко пахло спиртом, и слышался размеренный, в такт его сердцу, писк какого-то прибора. Лэнгдон попытался пошевелить правой рукой, но сразу почувствовал острую боль. Скосив глаза вниз, он увидел, что к руке подсоединена капельница.

Сердце его забилось быстрее, о чем сразу возвестил участившийся писк прибора.

Где я? Что со мной?

В голове пульсировала тупая, ноющая боль. Он осторожно поднял руку и дотронулся до затылка, пытаясь определить источник боли. Под спутанными волосами нащупал примерно с десяток швов, покрытых запекшейся кровью.

Он закрыл глаза, стараясь вспомнить, что с ним

случилось.

Ничего. Полная пустота.

Думай.

Никаких проблесков.

В палату торопливо вошел мужчина в белом халате, видимо, отреагировавший на участившийся сигнал кардиомонитора. У него были косматая борода, густые усы и добрые глаза, участливо смотревшие из-под кустистых бровей.

— Что… случилось? — с трудом выдавил из себя Лэнгдон. — Я попал в аварию?

Приложив палец к губам, бородач вернулся в коридор и кого-то позвал.

Лэнгдон повернул голову, но это движение отозвалось острой болью. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, он дал боли успокоиться. Затем очень осторожно и методично осмотрел больничную палату.

В ней стояла только одна кровать — его. На тумбочке рядом не оказалось ни цветов, ни визитных карточек. Его одежда, сложенная в прозрачный пластиковый мешок, была перепачкана кровью.

Боже милостивый! Должно быть, дело серьезное.

Лэнгдон осторожно повернул голову в сторону окна у кровати. На улице было темно. Ночь. В

стекле Лэнгдону было видно его отражение — мертвенно-бледный незнакомец, опутанный трубками и проводами, в окружении медицинских приборов.

Голоса в коридоре стали громче, и Лэнгдон перевел взгляд на дверь в палату. Врач вернулся, но уже в сопровождении женщины на вид лет тридцати с небольшим. Она была одета в голубую медицинскую форму, светлые волосы забраны в конский хвост, раскачивавшийся в такт ее шагам.

— Я доктор Сиенна Брукс, — представилась она Лэнгдону с улыбкой. — В эту смену я работаю вместе с доктором Маркони.

Лэнгдон слабо кивнул.

Высокая и пластичная, доктор Брукс двигалась с легкостью спортсменки. Даже мешковатая униформа не могла скрыть грациозности ее движений. Лэнгдон заметил, каким гладким и чистым было ее лицо без макияжа, — лишь крошечная родинка над верхней губой нарушала его безупречность. Взгляд ее карих глаз был удивительно проницательным, будто принадлежал человеку, много повидавшему в жизни, что так редко бывает у людей ее возраста.

— Доктор Маркони плохо говорит по-англий-

ски, — пояснила она, садясь рядом, — и он попросил меня заполнить вашу регистрационную карту. — Она снова улыбнулась.

— Спасибо, — прохрипел Лэнгдон.

— Хорошо, — начала она деловым тоном, — как вас зовут?

Он ответил не сразу.

— Роберт… Лэнгдон.

Доктор Брукс посветила Лэнгдону в глаза маленьким фонариком.

— Род занятий?

Чтобы ответить на этот вопрос, ему потребовалось еще больше времени.

— Я профессор. Читаю курс по истории искусств… и науке о символах. В Гарвардском университете.

Доктор Брукс удивленно опустила фонарик. Врач с кустистыми бровями выглядел не менее изумленным.

— Вы… американец?

Лэнгдон непонимающе на нее посмотрел.

— Просто… — Она запнулась. — Когда вы поступили к нам вечером, при вас не было никаких документов. На вас был пиджак из харрисовского твида и английские туфли, поэтому мы решили, что вы англичанин.

— Я американец, — заверил ее Лэнгдон, не чувствуя в себе сил объяснять, почему отдает предпочтение дорогой и элегантной одежде.

— У вас что-нибудь болит?

— Голова, — ответил Лэнгдон.

От яркого луча света пульсирующая в затылке боль усилилась. К счастью, доктор Брукс убрала фонарик в карман и взяла Лэнгдона за руку, чтобы проверить пульс.

— Вы очнулись от крика, — сказала она. — Вы помните, что вас так напугало?

Перед глазами Лэнгдона снова возникла женщина со скрытым вуалью лицом в окружении корчащихся тел. *Ищите и обрящете*.

— У меня был кошмар.

— Какой именно?

Лэнгдон рассказал.

Доктор Брукс записала что-то на листе бумаги, прикрепленном к планшету с зажимом. На ее лице ничего не отразилось.

— А что, по-вашему, могло вызвать столь пугающее видение?

Лэнгдон попытался порыться в памяти, но лишь удрученно покачал головой, которая тут же отреагировала ноющей болью.

— Хорошо, мистер Лэнгдон, — сказала доктор

Брукс, продолжая делать заметки, — еще пара стандартных вопросов. Какой сегодня день недели?

Лэнгдон на мгновение задумался.

— Суббота. Я помню, как шел по университетскому городку… направлялся читать вечерние лекции… а потом… это, в общем-то, последнее, что я помню. Я что — упал?

— Мы дойдем до этого. Вы знаете, где сейчас находитесь?

— В Массачусетской больнице? — предположил Лэнгдон.

Доктор Брукс опять что-то записала.

— У вас есть близкие, кому следует о вас сообщить? Жена? Дети?

— Нет, — машинально ответил Лэнгдон. Он всегда дорожил одиночеством и независимостью, которые давал ему сознательный выбор холостяцкой жизни. Однако сейчас был вынужден признать, что совсем не возражал бы увидеть рядом знакомое лицо. — Есть кое-кто из коллег, но я в порядке, так что необходимости с кем-то связываться нет.

Доктор Брукс закончила писать, и вперед выступил второй врач. Поглаживая густые брови, он вытащил из кармана маленький диктофон и

показал его своей коллеге. Та понимающе кивнула и повернулась к пациенту.

— Мистер Лэнгдон, когда вы вчера вечером попали к нам, вы повторяли в бреду одно и то же слово. — Она взглянула на доктора Маркони, который протянул диктофон ближе и нажал кнопку.

Включилась запись, и Лэнгдон услышал свой прерывистый голос, невнятно повторявший слово, похожее на «визири».

— Мне кажется, — предположила женщина, — что вы произносите слово «визири».

Лэнгдон согласился с ней, хоть и не имел понятия, о чем шла речь.

Доктор Брукс испытующе на него посмотрела.

— У вас есть представление, что стоит за этим словом? Вам оно о чем-то говорит?

Порывшись в памяти, Лэнгдон снова увидел загадочную женщину. Она стояла на берегу кровавой реки в окружении тел. Воздух опять наполнил зловонный запах смерти.

Неожиданно Лэнгдона охватило инстинктивное чувство опасности… грозившей не только ему… но и всем людям на земле. Писк кардиомонитора резко участился. По телу Лэнгдона пробежала дрожь, он попытался сесть.

Доктор Брукс быстро положила руку ему на грудь, удерживая на месте. Потом бросила взгляд на бородатого доктора, и тот, подойдя к стоявшему рядом столику, начал проделывать какие-то манипуляции.

Наклонившись над Лэнгдоном, доктор Брукс успокаивающе прошептала:

— Мистер Лэнгдон, нервозность — обычный симптом при травмах головного мозга, но вам нельзя волноваться. Лежите спокойно. Никаких переживаний. Просто лежите и набирайтесь сил. С вами все будет в порядке. И память постепенно вернется.

Бородач подошел к доктору Брукс и передал ей шприц. Она ввела его содержимое в капельницу Лэнгдона.

— Это легкое успокоительное, которое снимет напряжение, — пояснила доктор Брукс, — а также облегчит боль. — Она поднялась, готовясь уйти. — Все будет хорошо, мистер Лэнгдон. Постарайтесь поспать. Если вам что-нибудь понадобится, нажмите на кнопку рядом с кроватью. — Она выключила свет и вслед за бородатым доктором вышла из палаты.

Лежа в темноте, Лэнгдон чувствовал, как лекарство начинает действовать и его тело вновь

погружается в глубокий колодец, в котором пребывало совсем недавно. Он боролся со сном и изо всех сил старался не закрывать глаза. Затем попытался сесть, но тело не слушалось. Наконец ему удалось повернуться лицом к окну. При выключенном свете его отражение в окне исчезло, и теперь в нем виднелись контуры стоящих вдалеке зданий. Среди шпилей и куполов выделялось внушительное и величественное строение. Оно представляло собой огромную каменную крепость с зубчатым парапетом и стенами с бойницами, над которыми вздымалась высоченная башня.

Лэнгдон рывком выпрямился и сел — от резкого движения голову пронзила острая боль. Дождавшись, когда она утихнет, он перевел взгляд на башню.

Лэнгдон отлично знал это средневековое сооружение. Других таких в мире не было. Однако находилось оно в четырех тысячах миль от Массачусетса.

За окном палаты на улице Торрегалли, окутанной ночным мраком, женщина крепкого телосложения легко спрыгнула с мотоцикла «БМВ». Внимательно оглядываясь по сторонам, она направилась к входу в больницу пружиня-

щей походкой пантеры, преследующей добычу. Над воротником-стойкой черной кожаной куртки торчали склеенные в шипы коротко стриженные волосы. Проверив пистолет с глушителем, она перевела взгляд на окно палаты Лэнгдона, где только что погас свет.

Накануне вечером она бездарно провалила возложенную на нее миссию. И все из-за какого-то воркования голубя.

Теперь она приехала, чтобы все исправить.

Глава 2

Я во Флоренции?!

В голове у Роберта Лэнгдона стучало. Он сидел на больничной койке и лихорадочно жал на кнопку вызова. Несмотря на действие успокоительного, сердце его, казалось, вот-вот выскочит из груди.

В палату влетела доктор Брукс — ее конский хвост метался из стороны в сторону.

— С вами все в порядке?

Лэнгдон озадаченно покачал головой.

— Я… в Италии?!

— Отлично! — воскликнула она. — Значит, память возвращается.

— Нет! — Лэнгдон показал на видневшееся за окном величественное строение. — Я узнал палаццо Веккьо.

Доктор Брукс снова включила свет, и зданий за окном не стало видно. Она подошла к кровати и тихо, успокаивающе заговорила:

— Мистер Лэнгдон, вам не о чем беспокоиться. Вы страдаете от легкой амнезии, но доктор Маркони уже убедился в том, что ваш мозг функ-

ционирует без каких-либо нарушений.

В палату стремительно ворвался бородатый врач — судя по всему, он тоже услышал сигнал вызова. Он занялся изучением показаний кардиомонитора, пока доктор Брукс вводила его в курс дела на беглом итальянском — что-то насчет того, каким *agitato* Лэнгдон стал, узнав, что находится в Италии.

Взволнован? — сердито подумал Лэнгдон. *Скорее, ошарашен!* Адреналин, бушевавший в его крови, теперь сражался с успокоительным.

— Что со мной произошло? — поинтересовался он. — Какой сегодня день?!

— Все в порядке, — заверила она. — Сейчас раннее утро понедельника, восемнадцатое марта.

Понедельник. Усилием воли Лэнгдон заставил болевшую голову сосредоточиться и еще раз припомнить последнее, что сохранилось в его памяти — такой темной и холодной. Он шел в одиночестве по студенческому городку Гарварда, направляясь на вечерние лекции. Это было в субботу. *То есть два дня назад?!* Он так и не смог вспомнить ни самой лекции, ни того, что случилось после нее, и его охватила настоящая паника. *Он не помнил ничего!* Кардиомонитор опять тревожно запищал. Почесав бороду, доктор

Маркони снова занялся настройкой оборудования, а доктор Брукс села рядом с Лэнгдоном.

— С вами все будет в порядке, — мягко заверила она. — У вас просто ретроградная амнезия, которая очень часто наблюдается при травме головы. Ваши воспоминания о последних нескольких днях могут быть отрывочными или отсутствовать вовсе, но вскоре все придет в норму. — Она немного помолчала. — А вы помните, как меня зовут? Я говорила вам, когда заходила в первый раз.

Лэнгдон на секунду задумался.

— Сиенна.

Доктор Сиенна Брукс.

— Вот видите? — улыбнулась она. — У вас уже формируются новые воспоминания.

Голова у Лэнгдона раскалывалась от боли, а предметы вблизи расплывались.

— Что случилось? Как я сюда попал?

— Мне кажется, вам следует немного отдохнуть, и, возможно…

— Как я сюда попал?! — решительно повторил он, и писк монитора участился.

— Хорошо, хорошо, только успокойтесь, — ответила доктор Брукс, обмениваясь нервным взглядом с коллегой. — Я вам расскажу. — Ее го-

лос стал серьезным. — Мистер Лэнгдон, три часа назад вы появились в приемном покое нашей больницы, истекая кровью, и сразу же потеряли сознание. Никто не знал, кто вы такой, как сюда попали. Вы что-то бормотали на английском, поэтому доктор Маркони и попросил меня помочь. Сама я приехала из Англии и работаю здесь временно, пока нахожусь в творческом отпуске.

Лэнгдону показалось, что он попал в картину Макса Эрнста. *Что, черт возьми, я делаю в Италии?* Обычно Лэнгдон приезжал сюда раз в два года в июне на искусствоведческую конференцию, но сейчас был март.

Успокоительное давало о себе знать, и Лэнгдон чувствовал, как с каждым мгновением сила земного притяжения нарастала и пыталась втиснуть его в матрац. Он из последних сил старался держать голову ровно, боясь, что вот-вот отключится.

Доктор Брукс наклонилась над ним и казалась парящей, будто ангел.

— Пожалуйста, мистер Лэнгдон, — попросила она тихим голосом. — Чтобы избежать серьезных осложнений при травмах головы, в первые сутки надо проявлять особую осторожность. Вы должны отдохнуть, иначе подвергнете себя большому

риску.

Неожиданно из динамика внутренней связи послышался голос:

— Доктор Маркони?

Бородатый врач нажал на кнопку на стене и ответил:

— Sì?

Из динамика полилась быстрая итальянская речь. Лэнгдон ничего не понял, но заметил, с каким удивлением переглянулись медики. *Или с тревогой?*

— Momento, — ответил Маркони, заканчивая разговор.

— Что происходит? — поинтересовался Лэнгдон.

Глаза доктора Брукс чуть сузились.

— Звонил дежурный администратор реанимационного отделения. К вам пришел посетитель.

В тумане, окутывавшем сознание Лэнгдона, вдруг забрезжил лучик надежды.

— Это отличные новости! Возможно, этот человек знает, что со мной приключилось.

На лице доктора Брукс отразилось сомнение.

— Очень странно, что о вас кто-то спрашивает. Мы не знали вашего имени и даже не успели вас зарегистрировать.

Лэнгдон продолжал сражаться с успокоительным и неловко выпрямился в постели.

— Если кому-то известно, что я здесь, то этот человек должен знать, что произошло!

Доктор Брукс взглянула на доктора Маркони, который решительно покачал головой и постучал по циферблату своих часов. Тогда она повернулась к Лэнгдону.

— Это отделение интенсивной терапии, — объяснила она. — Сюда запрещен доступ по крайней мере до девяти утра. Сейчас доктор Маркони сходит и узнает, кто этот посетитель и что ему нужно.

— А как насчет того, что нужно мне? — спросил Лэнгдон.

Доктор Брукс терпеливо улыбнулась и, наклонившись к Лэнгдону, тихо объяснила:

— Мистер Лэнгдон, вы не все знаете о прошлой ночи… о том, что с вами случилось. И прежде чем с кем-нибудь разговаривать, полагаю, вам надо узнать все факты. К сожалению, вы еще недостаточно окрепли, чтобы…

— Какие еще факты?! — изумился Лэнгдон. Он постарался выпрямиться и сесть ровно. Руку в том месте, куда входила игла от капельницы, сильно щипало, а тело, казалось, весило несколько сот

фунтов. — Я знаю только то, что нахожусь во флорентийской больнице и появился тут, повторяя в бреду слово «визири»… — Неожиданно ему на ум пришла страшная догадка. — Я что — виноват в дорожной аварии? Из-за меня кто-то пострадал?

— Нет-нет, — заверила она. — Я так не думаю.

— Тогда что? — не унимался Лэнгдон, со злостью переводя взгляд с одного доктора на другого. — Я имею право знать, что происходит!

После долгого молчания доктор Маркони наконец нехотя кивнул своей привлекательной молодой коллеге. Доктор Брукс выдохнула и придвинулась к кровати Лэнгдона еще ближе.

— Ладно, я расскажу, что мне известно… а вы все выслушаете спокойно, договорились?

Лэнгдон кивнул, что снова отозвалось острой болью в голове. Но он так хотел получить ответы, что не обратил на боль внимания.

— Во-первых, дело в том… что ваша рана на голове вызвана не аварией.

— Рад это слышать.

— Как сказать. На самом деле ее причиной является пуля.

Кардиомонитор тревожно запищал.

— Прошу прощения?!

Доктор Брукс продолжила говорить ровным

тоном, но очень быстро.

— Пуля оцарапала вам макушку и, судя по всему, вызвала сотрясение мозга. Вам очень повезло, что вы остались живы. На дюйм ниже, и… — Она покачала головой.

Лэнгдон изумленно уставился на нее. *В меня стреляли?*

Из холла донеслись разгневанные голоса — там явно разразился скандал. Судя по всему, посетитель, приехавший навестить Лэнгдона, не хотел ждать. Почти сразу Лэнгдон услышал, как распахнулась тяжелая дверь в дальнем конце коридора, и в проеме показалась фигура, направлявшаяся в их сторону.

Женщина, с ног до головы облаченная в экипировку из черной кожи. Спортивная, с темными волосами, склеенными в шипы. Она двигалась легко, словно не касаясь земли, и направлялась прямиком к палате Лэнгдона.

Доктор Маркони немедленно встал в дверях, преграждая путь незваной гостье.

— Ferma![2] — скомандовал он, выставив вперед раскрытую ладонь, как делают полицейские.

Незнакомка, не замедляя шага, вытащила пи-

---

[2] Примечания: 2

Закрыто! (*ит.*) — *Здесь и далее примеч. пер.*

столет с глушителем, направила его доктору Маркони в грудь и выстрелила.

Раздался характерный хлопок.

Лэнгдон с ужасом увидел, как доктор Маркони пошатнулся и упал навзничь, прижимая руку к груди. На белом халате расплывалось кровавое пятно.

Глава 3

Роскошная яхта «Мендаций» свыше двухсот тридцати футов длиной рассекала воды Адриатики в пяти милях от побережья Италии. Над легкой зыбью клубился предрассветный туман. Из-за темно-серого цвета, в который был выкрашен корпус из радиопоглощающих материалов, судно больше походило на военный корабль, что его отнюдь не украшало.

Проданная за триста с лишним миллионов долларов яхта имела на борту полный набор атрибутов комфорта, типичных для судов такого класса: сауну, бассейн, кинотеатр, персональную подводную лодку и вертолетную площадку. Однако человека, купившего яхту пять лет назад, роскошь интересовала меньше всего — он сразу избавился от ненужных излишеств, а освободившееся пространство использовал для командного центра, оборудованного по последнему слову техники, начинив его электроникой и защитив от взлома свинцовыми переборками.

Благодаря трем каналам спутниковой связи и широкой сети наземных ретрансляционных

станций почти два десятка живших на борту техников, аналитиков и координаторов операций поддерживали постоянный контакт с оперативными центрами на суше.

Безопасность судна обеспечивалась небольшой группой бывших военных, в распоряжении которых имелись две системы обнаружения ракет и внушительный арсенал новейшего вооружения. С учетом вспомогательного персонала — поваров, уборщиков и прислуги — всего на борту находилось чуть более сорока человек. «Мендаций», по сути, представлял собой мобильное офисное здание, из которого его владелец управлял своей империей.

Маленький и тщедушный, с темной от загара кожей и глубоко посаженными глазами, он был известен своим подчиненным только как Ректор. Его внешняя невзрачность и решительность в действиях как нельзя лучше соответствовали образу человека, сколотившего огромное состояние на оказании услуг особого рода не самым примерным членам общества.

Его называли по-разному — бездушным наемником, пособником греха, орудием дьявола, — но никем из перечисленного он не являлся. Ректор всего лишь предоставлял клиентам возможность

удовлетворять свои амбиции и желания без каких бы то ни было неприятных последствий, а то, что человечество греховно по своей природе, его не беспокоило.

Несмотря на критику хулителей и недоброжелателей, моральный кодекс Ректора оставался незыблемым. Его репутация — как и сам Консорциум — покоилась на двух столпах.

Никогда не давать обещания, которого не сможешь сдержать.

И никогда не подводить клиента.

Что бы ни случилось.

За всю свою профессиональную деятельность Ректор ни разу не нарушил данного обещания и не давал обратного хода. Его слово было самой верной гарантией и надежным, как банковский сейф, и хотя о заключении некоторых контрактов он сожалел, возможность их расторжения никогда не рассматривалась.

В это утро Ректор вышел на балкон своей каюты и, глядя на покрытую барашками водную гладь, пытался избавиться от нехорошего предчувствия, лишавшего его душевного покоя.

Решения, принятые нами в прошлом, создают наше настоящее.

Решения, которые Ректор принимал в про-

шлом, не раз заводили его на опасное минное поле, но ему всегда удавалось с него выбраться невредимым. Однако сегодня, разглядывая далекие огоньки на берегу, он ощущал непривычную тревогу.

Год назад, на этой самой яхте, он принял решение, последствия которого теперь угрожали разрушить все, что он построил. *Я согласился предоставить услуги не тому человеку.* Тогда Ректор никак не мог предположить, каким шквалом непредвиденных проблем обернется этот просчет, заставивший его отправить на задание своих лучших агентов с приказом «любыми средствами» удержать давшее течь судно на плаву.

Сейчас он с нетерпением ждал вестей от конкретного агента.

Вайента, подумал он, вспоминая опытную и отлично подготовленную оперативницу с причудливой прической из шипов. Вайента, которая до этого выполняла все задания безупречно, вчера совершила непростительную ошибку, чреватую ужасными последствиями. Последние шесть часов были гонкой на выживание, отчаянной попыткой восстановить контроль над ситуацией.

Вайента утверждала, что ей просто не повезло

и задание оказалось проваленным из-за голубя, заворковавшим так некстати.

Однако Ректор никогда не полагался на удачу. Все, что он делал, обязательно тщательно продумывалось, чтобы исключить малейшую случайность и свести риски к нулю. Его фирменным знаком был контроль, который достигался умением предвидеть все возможные варианты, предвосхищать любую реакцию и направлять события в русло, ведущее к нужному результату. Клиентуру Ректора составляли миллиардеры, политики, шейхи и даже правительства, чье доверие он заслужил впечатляющим списком успешно проведенных операций и неукоснительным соблюдением секретности.

Небо на востоке начинало светлеть, растворяя висевшие над горизонтом звезды. Ректор стоял на палубе и терпеливо дожидался донесения Вайенты об успешном выполнении задания.

Глава 4

На мгновение Лэнгдону показалось, что время остановилось. Доктор Маркони неподвижно лежал на полу, и на его груди расплывалось кровавое пятно. Превозмогая действие снотворного, Лэнгдон поднял взгляд на убийцу со странной прической, которая продолжала идти по коридору. Теперь от открытой двери в палату ее отделяло всего несколько шагов. У порога она посмотрела на Лэнгдона и вскинула пистолет, целясь ему в голову.

Сейчас я умру, подумал Лэнгдон. *Это конец.*

Тишину больницы разорвал оглушительный грохот. Лэнгдон невольно отпрянул назад, не сомневаясь, что в него попали, но грохот был не от выстрела. Это доктор Брукс успела броситься к тяжелой металлической двери в палату и с силой захлопнуть ее. Щелкнул замок.

С перекошенным от страха лицом Сиенна опустилась на колени возле лежавшего в крови коллеги и принялась нащупывать пульс. Доктор Маркони закашлялся, заливая хлынувшей горлом кровью щеки и бороду, потом дернулся

и затих.

— Enrico, no! Ti prego![3] — закричала она.

Железная дверь грохотала под градом сыпавшихся на нее пуль. Из коридора доносились испуганные крики.

Тело Лэнгдона непостижимым образом обрело подвижность, а паника и инстинкт самосохранения нейтрализовали действие снотворного. Он неловко стал выбираться из кровати, и вдруг его правое предплечье пронзила острая боль. В первое мгновение он решил, что в него угодила пуля, прошившая дверь насквозь, но, опустив взгляд, увидел, что все дело в оторвавшейся трубке капельницы: из пластикового катетера, застрявшего в руке, сочилась кровь. От сонливости не осталось и следа.

Склонившись над телом Маркони, доктор Брукс продолжала искать пульс — в ее глазах стояли слезы. Затем, будто по команде, она поднялась и повернулась к Лэнгдону. Выражение ее лица тут же изменилось, на нем отразилась уверенность опытного врача «скорой помощи», привыкшего действовать в критических ситуациях.

— За мной! — скомандовала она и, схватив

---

[3] Примечания: 3
Энрико, не умирай! Прошу тебя! (*ит.*)

Лэнгдона за руку, потащила его в другой конец комнаты.

С трудом переставляя ноги, он безропотно подчинился, а из коридора продолжали доноситься звуки выстрелов и испуганные крики. В голове у него прояснилось, но напичканное лекарствами тело слушалось плохо. *Быстрее!* Он был босиком и чувствовал, как от кафельного пола веет холодом, а тонкая больничная сорочка с завязками на спине оказалась слишком короткой для него. Из вены на руке все еще сочилась горячая кровь.

За спиной по-прежнему раздавались выстрелы — это убийца методично пыталась выбить замок, и доктор Брукс бесцеремонно втолкнула Лэнгдона в маленькую ванную комнату. Она уже собиралась войти следом, но вдруг остановилась и неожиданно бросилась назад, чтобы схватить со столика его заляпанный кровью твидовый пиджак.

Какого черта?!

Сжимая пиджак в руке, она быстро заперла за собой дверь в ванную, и в этот момент в палату ворвалась убийца.

Сиенна действовала решительно. Распахнув в ванной вторую дверь, она увлекла Лэнгдона в смежную послеоперационную палату. Сзади сно-

ва раздались выстрелы, и доктор Брукс, выглянув в коридор, быстро схватила Лэнгдона за руку и потащила по коридору на лестничную клетку. От резкого движения у Лэнгдона закружилась голова — он чувствовал, что в любой момент может отключиться.

Следующие пятнадцать секунд он почти ничего не соображал… куда-то спускался по ступенькам… спотыкался… падал. Голова раскалывалась от боли. Перед глазами все плыло, ноги не слушались, а каждое движение было как в замедленной съемке.

И вдруг в лицо ему дохнуло холодом.

Я на улице.

Когда доктор Брукс тащила его по темному переулку подальше от больницы, Лэнгдон наступил на что-то острое и упал, сильно ударившись о тротуар. С трудом подняв его на ноги, Сиенна, не сдержавшись, выругалась, проклиная успокоительное, которым его напичкали.

В конце переулка Лэнгдон снова споткнулся и упал. На этот раз доктор Брукс не стала его поднимать — она выскочила на мостовую, крича кому-то вдалеке. Лэнгдону удалось разглядеть слабый зеленый огонек такси, стоявшего перед входом в больницу. Автомобиль не двигался, его

водитель наверняка спал. Доктор Брукс снова закричала, отчаянно размахивая руками. Наконец фары машины зажглись, и она медленно тронулась в их сторону.

Позади Лэнгдона в переулке открылась дверь, и послышались быстро приближающиеся шаги. Он обернулся и увидел темную фигуру, которая направлялась к нему. Лэнгдон попытался сам подняться на ноги, но Сиенна была уже рядом и затолкала его на заднее сиденье подъехавшего «фиата». Лэнгдон практически съехал на пол, когда доктор Брукс нырнула за ним следом и захлопнула за собой дверь.

Заспанный водитель обернулся и с недоумением уставился на странную парочку, забравшуюся к нему в машину, — молодую женщину в медицинской униформе, с собранными в конский хвост волосами и мужчину в рваной больничной сорочке и с залитой кровью рукой. Он уже хотел сказать, чтобы они убирались ко всем чертям, как вдруг боковое зеркало разлетелось на мелкие осколки. К машине бежала затянутая в черную кожу женщина с пистолетом в руке. Доктор Брукс едва успела пригнуть Лэнгдону голову, когда послышался свистящий звук нового выстрела и заднее стекло разлетелось вдребезги, осыпая их

мелкими осколками.

Никаких других доводов водителю не понадобилось. Он вдавил педаль газа в пол, и такси рвануло с места.

Лэнгдон был на грани обморока. *Кто-то пытается меня убить?*

Когда машина повернула за угол, доктор Брукс выпрямилась на сиденье и взяла Лэнгдона за окровавленную руку. Из вены на сгибе локтя неуклюже торчала игла с обрывком трубки.

— Посмотрите в окно, — приказала она.

Лэнгдон повиновался. Свет фар выхватывал из темноты проносившиеся мимо призрачные надгробные плиты. То, что они проезжали кладбище, казалось весьма символичным. Лэнгдон почувствовал, как пальцы доктора осторожно нащупали иглу — и вдруг она резко ее выдернула.

Жгучая боль пронзила Лэнгдону руку и буквально расколола ему череп. Он почувствовал, как его глаза закатились, и провалился в темноту.

Глава 5

Резкий телефонный звонок заставил Ректора оторвать взгляд от стелившейся над водной гладью дымки и поспешно вернуться в оборудованную под офис каюту. *Наконец-то*, подумал он, с нетерпением ожидая новостей.

На экране монитора светилось сообщение о входящем звонке с мобильного телефона «Тайгер» шведской компании «Сектра коммьюникейшнз», предназначенного для защиты разговора от прослушивания. Прежде чем достигнуть его, сигнал прошел переадресацию через четыре неотслеживаемых маршрутизатора.

Надев наушники, он произнес медленно и четко:

— Говорит Ректор. Я слушаю.

— Это Вайента, — послышалось в ответ.

Ректор уловил в ее голосе необычную нервозность. Оперативники редко разговаривали с Ректором напрямую, но еще реже оставались у него на службе после провала, подобного допущенному в прошлую ночь. Однако исправить положение мог только агент на месте, и Вайента

для этого подходила больше других.

— Есть новости, — сообщила Вайента.

Молчание Ректора означало, что он ждет продолжения.

— Лэнгдону удалось скрыться, — сообщила она нарочито сухо, будто подчеркивая свой профессионализм. — Предмет по-прежнему у него.

Ректор опустился в кресло и долго молчал.

— Понятно, — наконец произнес он. — Полагаю, он обратится к властям при первой возможности.

Старший координатор Лоренс Ноултон, сидевший за своим пультом в защищенном центре управления двумя палубами ниже, увидел, что разговор Ректора по закодированной линии закончился. Он надеялся, что новости были хорошими. В последние два дня Ректор явно нервничал, и все понимали, что проводится операция, где на кон поставлено очень многое.

Ставки невероятно высоки, и новые промахи были бы непозволительной роскошью.

Обычно контроль над тщательно спланированными операциями осуществлял Ноултон, но в данном случае все пошло наперекосяк, и Ректор взял руководство на себя.

Мы вторглись на неизведанную территорию.

Хотя в настоящий момент Консорциум проводил с полдюжины других операций в разных уголках мира, ими занимались отделения на местах, а Ректор и сотрудники, находившиеся на борту «Мендация», сосредоточились исключительно на этом проекте.

Несколько дней назад их клиент разбился насмерть, прыгнув с высокой башни во Флоренции, но у Консорциума по-прежнему имелись обязательства перед ним. Клиент поручил организации выполнить ряд заданий при любых обстоятельствах — и Консорциум, как всегда, намеревался сделать все без лишних вопросов.

У меня есть приказ, подумал Ноултон, *и я его выполню.*

Он вышел из своей звуконепроницаемой стеклянной кабины и прошел мимо других отсеков, в которых дежурные сотрудники занимались прочими аспектами этой операции. Одни кабины были забраны прозрачными стеклами, другие — матовыми.

Кивая по дороге техникам, Ноултон пересек центр управления с прохладным кондиционированным воздухом и вошел в небольшое хранилище с дюжиной сейфов, располагавшееся за отдельной дверью. Открыв один из сейфов, он

извлек из него ярко-красную флешку. Согласно прикрепленной к ней инструкции, на флешке имелся большой видеофайл, который клиент поручил им отправить основным новостным порталам в определенное время завтра утром.

Осуществить анонимную рассылку не представляло никакого труда, но протокол обращения с цифровыми данными требовал обязательного ознакомления с ними за сутки до рассылки, с тем чтобы у Консорциума было достаточно времени для дешифровки, компилирования и других возможных действий, которые могли потребоваться для загрузки в определенный час.

Исключить любую случайность.

Ноултон вернулся на свое рабочее место и плотно закрыл тяжелую стеклянную дверь, отгородив себя от внешнего мира.

Он щелкнул выключателем на стене, и стеклянные стены кабинки мгновенно стали матовыми. Для обеспечения секретности все перегородки кабинок на борту «Мендация» были изготовлены по технологии «взвешенных частиц». Прозрачность таких стекол легко регулировалась с помощью электрического тока — под напряжением миллионы продолговатых крошечных частиц внутри перегородок выстраивались параллельно друг

другу, а при отсутствии напряжения располагались хаотично.

Изоляция участков работы и ограничение информированности сотрудников исключительно рамками их непосредственной задачи являлись краеугольным камнем успеха Консорциума.

Знай только то, что положено. Никому ничего не рассказывай.

Отгородившись от внешнего мира, Ноултон вставил флешку в компьютер и кликнул на файл, открывая его.

Из динамиков послышался мягкий плеск воды, а на мгновенно погасшем экране начало проступать изображение чего-то неясного и темного. Постепенно изображение стало обретать четкость… это была какая-то пещера… или огромный зал. Вместо пола в нем была вода — что-то вроде подземного озера. Как ни странно, вода светилась… будто ее подсвечивали изнутри.

Ничего подобного Ноултон никогда раньше не видел. Вся пещера переливалась жутким красноватым сиянием, а на светлых стенах дрожали отблески водной ряби. *Что это… за место?* Под продолжающийся плеск камера начала спускаться к воде и наконец погрузилась в нее. Наступила зловещая тишина. Камера продолжила движе-

ние вниз и на глубине в несколько футов замерла у покрытого илом дна.

К нему была привинчена блестящая прямоугольная табличка из титана.

На ней имелась надпись.

СЕГОДНЯ В ЭТОМ МЕСТЕ
МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА

Внизу были выгравированы имя и дата.

Имя — их клиента.

А дата… завтрашний день.

Глава 6

Лэнгдон почувствовал, как чьи-то сильные руки подхватывают его… заставляют очнуться и помогают выбраться из такси. Тротуар под босыми ногами казался ледяным.

Опираясь на свою стройную спутницу, Лэнгдон, пошатываясь, брел по безлюдному проулку между двумя большими жилыми домами. Порывы утреннего ветра забирались под больничную сорочку, и Лэнгдон чувствовал холод в тех местах, которые обычно бывают прикрытыми.

От введенного в больнице успокоительного он плохо соображал, в глазах все расплывалось. Как будто он шел под водой, пытаясь пробиться сквозь вязкий и тусклый мир. Сиенна Брукс тащила его вперед, поддерживая с удивительной для такого хрупкого тела силой.

— Лестница, — предупредила она, и Лэнгдон понял, что они добрались до бокового входа в здание.

Ухватившись за перила, Лэнгдон, покачиваясь, шаг за шагом поднимался по ступенькам, с трудом переставляя ноги. Тело не слушалось. Доктор

Брукс буквально толкала его сзади, не позволяя останавливаться. Когда они наконец добрались до двери, она набрала несколько цифр на ржавом кодовом замке, в замке что-то щелкнуло, и дверь открылась.

В подъезде было не намного теплее, но для босого Лэнгдона плитка на полу казалась мягким ковром по сравнению с шершавым асфальтом на улице. Доктор Брукс подвела его к крошечному лифту, открыла раздвижную дверь и впихнула в кабинку размером с телефонную будку. В ней пахло сигаретами «MS» — этот горьковато-сладкий запах, как и аромат свежесваренного кофе эспрессо, висит в Италии повсюду. От запаха в голове Лэнгдона чуть прояснилось. Доктор Брукс нажала кнопку, и где-то высоко над ними с лязгом пришли в движение изношенные шестерни…

Тронулись…

Скрипучая кабинка, дребезжа и вибрируя, потащилась вверх. Ее стены были из металлической сетки, и сквозь нее Лэнгдон видел проплывающие вниз стены шахты. Несмотря на полубессознательное состояние Лэнгдона, его хроническая клаустрофобия тут же дала о себе знать.

Не смотреть.

Он прислонился к стенке лифта, пытаясь вос-

становить дыхание. Рука продолжала ныть, и, опустив взгляд, Лэнгдон увидел, что она неуклюже обмотана рукавом его твидового пиджака. Сам пиджак, обтрепанный и грязный, волочился по земле.

Он закрыл глаза, чтобы унять стучавшую в висках боль, и вновь провалился в темноту.

Из нее выплыло знакомое видение — похожая на изваяние женщина со скрытым вуалью лицом, с амулетом и струящимися локонами серебристых волос. Как и раньше, она стояла на берегу кроваво-красной реки в окружении корчившихся тел. Она обращалась к Лэнгдону, и ее голос звучал умоляюще. *Ищите и обрящете!*

Лэнгдон почувствовал, что должен обязательно спасти ее… спасти всех. Торчавшие из земли ноги зарытых вниз головой людей бессильно падали… одна за другой.

Кто вы?! — беззвучно выкрикнул он. *Чего вы хотите?*

Пышные серебристые волосы странной дамы затрепетали на горячем ветру. *Время уже на исходе*, прошептала она, касаясь рукой ожерелья с амулетом. И вдруг превратилась в ослепительный огненный вал, который пронесся через реку, поглотив и его тоже.

Лэнгдон громко закричал и очнулся.

— Что случилось? — спросила доктор Брукс, с тревогой глядя на него.

— Снова галлюцинация, — объяснил Лэнгдон. — Та же самая.

— Женщина с серебристыми волосами? А вокруг тела мертвецов?

Лэнгдон кивнул, чувствуя, как на лбу выступает испарина.

— Это пройдет, — заверила Сиенна, хотя голос у нее самой задрожал. — Повторяющиеся видения типичны при амнезии. Из-за временного нарушения функции мозга, отвечающей за сортировку и каталогизацию ваших воспоминаний, все сливается в одну картину.

— Не очень-то приятную, — с трудом выдавил Лэнгдон.

— Я понимаю, но до выздоровления все ваши воспоминания какое-то время будут путаными и беспорядочными: прошлое, настоящее и воображаемое — все вперемешку. То же самое происходит во сне.

Лифт остановился, и доктор Брукс рывком открыла раздвижную дверь. Они пошли по темному узкому коридору и миновали окно, за которым в предрассветном сумраке уже начали вырисовы-

ваться смутные очертания флорентийских крыш. В конце коридора Сиенна нагнулась и, достав ключ из-под горшка с растением, которое уже давно не поливали, отперла дверь.

Квартира оказалась крошечной, а в воздухе висел запах борьбы ароматизированной ванильной свечи со старым ковролином. Мебель и картины на стенах были в лучшем случае убогими, будто приобретались на барахолке. Доктор Брукс настроила термостат, и батареи стали нагреваться.

Она секунду постояла, закрыв глаза и глубоко дыша, будто собиралась с силами. Затем повернулась и помогла Лэнгдону добраться до скромной кухоньки с пластиковым столиком и двумя хлипкими стульями.

Лэнгдон шагнул к стулу, намереваясь сесть, но доктор Брукс одной рукой удержала его, а другой открыла шкафчик. В нем лежали только крекеры, несколько пакетиков с макаронами, банка колы и пузырек с таблетками.

Сиенна достала пузырек и вытряхнула Лэнгдону на ладонь шесть таблеток.

— Кофеин, — объяснила она. — На случай ночных смен, как сегодня.

Лэнгдон сунул таблетки в рот и огляделся, ища, чем бы запить.

— Их лучше разжевать, — сказала доктор Брукс. — Тогда они подействуют быстрее и помогут нейтрализовать успокоительное.

Лэнгдон начал жевать и тут же скривился. Таблетки оказались очень горькими и явно предназначались для проглатывания целиком. Доктор Брукс открыла холодильник, достала початую бутылку минералки «Сан-Пеллегрино» и протянула Лэнгдону. Он с благодарностью припал к горлышку.

Дождавшись, когда он напьется, она взяла его правую руку и, размотав импровизированную повязку и положив грязный пиджак на стол, внимательно осмотрела рану. Лэнгдон чувствовал, как дрожат ее пальцы.

— Жить будете, — наконец констатировала она.

Лэнгдон надеялся, что с ней тоже все будет хорошо. У него никак не укладывалось в голове, через что им пришлось пройти.

— Доктор Брукс, — сказал он, — нам надо кому-нибудь позвонить. В консульство… в полицию. Не важно куда.

Она согласно кивнула.

— И еще — перестаньте обращаться ко мне «доктор Брукс». Меня зовут Сиенна.

Лэнгдон кивнул.

— Спасибо. А я — Роберт. — Испытания, через которые они только что прошли, спасая свои жизни, казались вполне резонным основанием, чтобы обращаться друг к другу по имени. — Вы говорили, что вы англичанка?

— По рождению — да.

— Но у вас нет акцента.

— Это хорошо, — ответила она. — Я приложила немало сил, чтобы избавиться от него.

Лэнгдон собирался спросить зачем, но она жестом пригласила его следовать за собой и провела по узкому коридорчику в тесную непрезентабельную ванную. Над раковиной висело зеркало, и Лэнгдон впервые увидел свое отражение, если не считать окна в больничной палате.

Ну и вид! Густые черные волосы всклокочены, взгляд измученный, глаза налились кровью. Подбородок зарос щетиной.

Повернув кран, Сиенна пустила воду и направила больную руку Лэнгдона под струю ледяной воды. От резкой боли он невольно скривился, но руку не отдернул.

Сиенна достала чистую салфетку из махровой ткани и намылила ее антибактериальным мылом.

— Вы можете отвернуться.

— Ничего. Меня не…

Сиенна принялась яростно тереть, и от боли у Лэнгдона перехватило дыхание. Он с силой стиснул зубы, подавляя крик.

— Инфекция вам ни к чему, — пояснила она, действуя еще энергичнее. — К тому же если вы собираетесь связаться с властями, то голова должна быть ясной, а не такой, как сейчас. А боль — самое эффективное средство для выработки адреналина.

Лэнгдон выдерживал эту пытку, как ему показалось, не меньше десяти секунд, после чего с силой отдернул руку. *Довольно!* Он действительно пришел в себя и не чувствовал никакой сонливости, а боль в руке полностью избавила его от боли в голове.

— Вот и славно, — сказала Сиенна, выключая воду и осторожно вытирая ему руку чистым полотенцем.

Глядя, как она накладывает ему на локоть новую повязку, Лэнгдон вдруг заметил нечто, ужасно его огорчившее. Почти сорок лет он носил подаренные родителями коллекционные часы с изображением Микки-Мауса. Веселая мордашка Микки, распростершего объятия, неизменно вы-

зывала у него улыбку и поднимала настроение.

— Мои… часы, — пробормотал Лэнгдон. — Они пропали! — Без них ему вдруг стало очень неуютно. — Они были на мне, когда я попал в больницу?

Сиенна удивленно на него посмотрела, не понимая, как такая мелочь может его беспокоить.

— Я не помню никаких часов. Постарайтесь привести себя в порядок. Я скоро вернусь, и мы решим, к кому обратиться за помощью. — Она повернулась, чтобы идти, но на пороге остановилась и встретилась с ним взглядом в зеркале. — А пока меня нет, советую хорошенько подумать, почему кто-то желает вас убить. Думаю, это первое, о чем спросят власти.

— Постойте, вы куда?

— Вы не можете разговаривать с полицией полуголым. Попробую достать вам одежду. У моего соседа примерно ваш размер. Он сейчас в отъезде, и я кормлю его кошку. Так что он мой должник. — С этими словами Сиенна вышла.

Роберт Лэнгдон повернулся к маленькому зеркалу над раковиной и едва узнал себя в отражении. *Кто-то желает мне смерти.* В голове у него снова зазвучало услышанное на диктофоне слово, которое он бормотал в бреду.

Визири. Визири.

Он напряг память, пытаясь отыскать в ее глубинах хоть какую-то подсказку… хоть что-нибудь. Но там была одна пустота. Он знал только то, что находился во Флоренции с пулевым ранением в голову.

Вглядываясь в свои усталые глаза, Лэнгдон вдруг подумал, что все это ему снится и он скоро проснется дома в любимом кресле с пустым бокалом в одной руке и томиком «Мертвых душ» в другой. И поймет наконец, что смешивать Гоголя и джин «Бомбейский сапфир» нельзя ни в коем случае.

Глава 7

Лэнгдон выбросил испачканную кровью больничную сорочку и обмотал вокруг талии полотенце. Ополоснув лицо водой, он осторожно потрогал швы на голове и почувствовал боль. Потом пригладил спутанные волосы, и рана сделалась почти незаметной. Таблетки кофеина начали действовать, и туман в голове наконец стал постепенно рассеиваться.

Думай, Роберт. Вспоминай.

Внезапно маленькая ванная без окон вызвала у него приступ клаустрофобии, и Лэнгдон вышел в коридор, куда пробивался свет из приоткрытой двери комнаты. Комната оказалась импровизированным кабинетом, в котором стоял дешевый стол с потертым вращающимся стулом, на полу были разбросаны книги и, к счастью… имелось *окно*.

Лэнгдон подошел к нему.

Первые лучи тосканского солнца озаряли самые высокие шпили просыпавшегося города — колокольни Джотто, башни Бадия, дворца Барджелло. Лэнгдон прижался лбом к холодному

стеклу. Солнечный свет, уже заливавший склоны гор, казался особенно выразительным на хрустящем от холода мартовском воздухе. Излюбленное освещение живописцев.

Посреди горизонта высился величественный купол, облицованный красной черепицей и увенчанный золоченым медным шаром, который сверкал на солнце, словно луч маяка. Собор Санта-Мария-дель-Фьоре. Возведением гигантского купола над кафедральным собором города Брунеллески навсегда вписал свое имя в историю архитектуры, и его творение высотой в триста семьдесят пять футов уже пятьсот лет стоит на центральной Соборной площади.

Но что я делаю во Флоренции?

Для Лэнгдона, страстного поклонника итальянского искусства, Флоренция была одним из любимейших мест во всей Европе. На ее улицах в детстве играл Микеланджело, эпоха итальянского Возрождения зародилась в ее художественных мастерских. Миллионы туристов приезжали во Флоренцию, чтобы посетить ее музеи и полюбоваться «Рождением Венеры» Боттичелли, «Благовещением» Леонардо и главной гордостью флорентинцев — статуей Давида.

Лэнгдон был заворожен «Давидом» Микелан-

джело с самой первой встречи с ним. Тогда, еще подростком, он оказался в Академии изящных искусств… медленно брел вдоль шеренги незаконченных скульптур «Рабов» Микеланджело… и вдруг почувствовал, как взгляд сам собой тянется вверх к великолепной огромной статуе высотой семнадцать футов. Большинство посетителей, видевших скульптуру в первый раз, поражали ее размеры и рельефность мускулатуры Давида, но на Лэнгдона наибольшее впечатление произвела гениальность выбранной позы. Микеланджело использовал классический прием под названием «контрапост», чтобы создать иллюзию, что Давид чуть отклоняется вправо и почти не опирается на левую ногу, в то время как на самом деле на нее давили тонны мрамора.

Именно «Давид» пробудил в Лэнгдоне искреннее восхищение великолепием великих скульптур. Лэнгдон попытался припомнить, не навещал ли он этот шедевр в последние дни, но единственным, что удавалось извлечь из глубин памяти, было пробуждение в больнице и убийство у него на глазах ни в чем не повинного доктора.

От нахлынувшего чувства вины его затошнило. *Что же я сделал?*

Стоя у окна, боковым зрением он заметил на столе ноутбук. Что бы с ним ни произошло прошлой ночью, подумал он, об этом обязательно сообщат в новостях.

Если у меня будет доступ в Интернет, я смогу найти ответы.

Лэнгдон повернулся к дверному проему и громко позвал:

— Сиенна!

В ответ — тишина. Она все еще находилась в соседней квартире и искала одежду.

Не сомневаясь, что Сиенна все поймет правильно, Лэнгдон открыл ноутбук и включил его. На экране появилась стандартная заставка операционной системы «Виндовс». Лэнгдон вышел на итальянскую версию поисковой страницы «Гугл» и набрал «Роберт Лэнгдон».

Видели бы сейчас меня мои студенты, подумал он, подтверждая команду поиска. Лэнгдон постоянно выговаривал своим студентам за то, что они «гуглили» себя в Интернете, — эта новая экстравагантная забава, заразившая американскую молодежь, демонстрировала непонятную одержимость собственной известностью.

На экране высветились результаты поиска — сотни ссылок, относившихся к Лэнгдону, его

книгам и лекциям. *Все не то.*

Лэнгдон ограничил поиск, выбрав рубрику новостей. Появилась другая страница: *Результат поиска новостей с «Роберт Лэнгдон».*

Автограф-сессии: Роберт Лэнгдон появится…

Выступление Роберта Лэнгдона на церемонии вручения дипломов…

Роберт Лэнгдон выпустит учебник «Основы символогии» для начинающих…

Список занимал несколько страниц, но не содержал ничего о последних днях — во всяком случае, ничего, что могло хоть как-то прояснить происходящее с ним сейчас. *Что же случилось вчера ночью?* Лэнгдон не сдавался и запросил ссылку на веб-сайт «Флорентайн» — англоязычной газеты, выходящей во Флоренции. Он просмотрел заголовки, раздел срочных новостей и полицейский блог, пробежал глазами статьи о пожаре в квартире, коррупционном скандале в правительстве и разных мелких правонарушениях.

Неужели ничего?!

Его внимание привлекла заметка о городском чиновнике, который накануне вечером скончался от сердечного приступа на Соборной площади. Имя чиновника пока не разглашалось, но осно-

ваний подозревать убийство у полиции не было.

Вконец отчаявшись, Лэнгдон зашел в свой почтовый ящик в Гарварде, надеясь найти там хоть какие-то подсказки. Увы, в нем были самые обычные письма от коллег, студентов и друзей. Мало того, во многих из них говорилось о встрече на предстоящей неделе.

Похоже, все считают, что я дома.

Еще больше недоумевая, Лэнгдон выключил компьютер и опустил крышку. Он уже собирался отойти от стола, как его внимание привлек поляроидный снимок, лежавший на стопке старых медицинских журналов и бумаг. На нем Сиенна Брукс и ее бородатый коллега весело смеялись в вестибюле больницы.

Доктор Маркони, подумал Лэнгдон, с горьким чувством вины разглядывая снимок.

Возвращая фотографию на место, Лэнгдон с удивлением заметил на той же стопке журналов желтую брошюрку, которая оказалась потрепанной программкой лондонского театра «Глобус». Судя по обложке, она была выпущена к спектаклю «Сон в летнюю ночь» Шекспира… поставленному почти двадцать пять лет назад. На обложке было выведено фломастером: «Милая, никогда не забывай, какое ты чудо».

Лэнгдон взял буклет, и из него посыпались газетные вырезки. Он хотел быстро вложить их обратно, открыл буклет и замер от изумления.

На потертой от времени странице было фото девочки, игравшей озорного маленького эльфа Пака. Ей было от силы лет пять, а волосы были собраны в знакомый конский хвост. Подпись под снимком гласила: «Рождение звезды».

Тут же шел восторженный рассказ о театральном чудо-ребенке Сиенне Брукс, обладавшей невероятным интеллектом. За один вечер она выучила наизусть реплики всех персонажей пьесы и на первых репетициях подсказывала текст другим актерам. Среди увлечений пятилетней девочки были скрипка, шахматы, биология и химия. Она родилась в богатой семье из лондонского пригорода Блэкхит и уже успела прославиться в научных кругах: в четыре года обыграла в шахматы гроссмейстера и умела читать на трех языках.

Боже милостивый, подумал Лэнгдон. *Сиенна! Теперь кое-что становится понятным.*

Лэнгдон вспомнил, что одним из самых известных выпускников Гарварда был вундеркинд по имени Сол Крипке, который в возрасте шести лет самостоятельно выучил иврит, а к двенадцати годам изучил философию Декарта, прочитав все

его работы. Другим примером вундеркинда, уже последнего времени, являлся Моше Кай Кавалин, который в одиннадцать лет окончил колледж, не раз становился победителем национальных состязаний по боевым искусствам, а в четырнадцать лет опубликовал книгу под названием «Мы можем».

Лэнгдон взял еще одну газетную вырезку с фотографией Сиенны в возрасте семи лет: ГЕНИАЛЬНЫЙ РЕБЕНОК С IQ 208.

А он и не подозревал, что коэффициент интеллекта может быть таким высоким. В статье говорилось, что Сиенна Брукс виртуозно играла на скрипке, могла за месяц выучить незнакомый язык и самостоятельно изучала анатомию и физиологию.

Он взял другую вырезку — на этот раз из медицинского журнала: БУДУЩЕЕ МЫСЛИ: НЕ ВСЕ УМЫ СОЗДАНЫ РАВНЫМИ.

На фотографии к этой статье Сиенне, снятой возле массивного медицинского аппарата и такой же светловолосый, было лет десять. В статье содержалось интервью с врачом, который объяснял, что на снимке мозжечка девочки, полученном методом позитронно-эмиссионной томографии, видно, что он значительно крупнее,

чем у обычных людей, и позволяет обрабатывать визуально-пространственную информацию способами, которые другим не доступны в принципе. По словам доктора, своими удивительными способностями Сиенна была обязана ускоренному росту клеток мозга, только «полезных», а не злокачественных, как в случае рака.

На глаза Лэнгдону попалась вырезка из газеты какого-то захолустного городка.

Проклятие гениальности.

На этот раз фотографии не было, но в статье рассказывалось о юном гении Сиенне Брукс, которая пыталась посещать обычные школы, но становилась в них изгоем, потому что не была похожа на сверстников. В статье говорилось об изоляции, в которой оказывались юные таланты, чьи навыки социальной адаптации не поспевали за развитием интеллекта, и общество нередко их отвергало.

Если верить статье, Сиенна в восемь лет убежала из дома и была достаточно умна, чтобы скрываться целых десять дней и жить без помощи взрослых. Ее нашли в первоклассном отеле, где она выдавала себя за дочь постояльца, украла ключ от номера и заказывала в номер еду за чужой счет. Судя по всему, именно там она за

неделю проштудировала все 1600 страниц «Анатомии» Грея. На вопрос полицейских, зачем она читает книги по медицине, она ответила, что хочет понять, что с ее мозгом не так.

От жалости к маленькой девочке у Лэнгдона защемило сердце. Он не мог вообразить, какое одиночество она ощущала из-за своей столь разительной непохожести на других. Сложив вырезки в буклет, он бросил прощальный взгляд на снимок пятилетней Сиенны в роли Пака. Учитывая, какие злоключения им пришлось пережить утром, Лэнгдон не мог не признать, что роль шкодливого лесного духа Пака подходит Сиенне как нельзя лучше. Жаль только, что он не мог проснуться, как персонажи пьесы, и сделать вид, что все пережитое было сном.

Лэнгдон аккуратно поместил вырезки на прежнее место, закрыл буклет, и при виде надписи на обложке — *милая, никогда не забывай, какое ты чудо,* — у него снова защемило сердце.

Его взгляд задержался на знакомом символе, украшавшем обложку буклета. Эта древнегреческая пиктограмма, столь часто встречающаяся на театральных афишах по всему миру, существует уже двадцать пять веков и заслуженно является эмблемой драматического театра.

Le maschere[4].

Лэнгдон разглядывал привычные изображения Комедии и Трагедии, и внезапно в голове у него загудело, как будто кто-то дернул за туго натянутую струну. Череп буквально раскололся от резкой боли, и маски на буклете поплыли перед глазами. Охнув, Лэнгдон опустился на стул и, крепко зажмурив глаза, сдавил ладонями виски.

Из наступившей темноты снова выплыли непонятные видения… резкие и яркие.

К нему вновь взывала женщина с амулетом и серебристыми волосами, стоявшая на другом берегу кроваво-красной реки. Ее крик перекрывал мольбы людей, корчившихся в предсмертной агонии повсюду, куда простирался взгляд. Лэнгдон снова увидел торчащие ноги, украшенные буквой «R», зарытого вниз головой несчастного, который исступленно ими дрыгал в диком отчаянии.

Ищите и обрящете! — молила женщина Лэнгдона. *Время уже на исходе!*

Лэнгдон вновь почувствовал непреодолимое желание помочь ей… помочь всем. Охваченный волнением, он крикнул ей через реку: *Кто вы?*

Женщина опять подняла вуаль, открывая Лэн-

---

[4] Примечания: 4
Маски (*ит.*).

гдону свое поразительной красоты лицо, которое уже показывала раньше.

Я — жизнь, ответила она.

И вдруг небо над ней потемнело, и на нем появилась жуткая, чудовищных размеров маска с длинным клювом и горящими зелеными глазами, равнодушно взиравшими на Лэнгдона.

А я… стану смертью, прогремел ее голос.

Глава 8

Судорожно вздохнув, Лэнгдон разомкнул веки. Он по-прежнему сидел за столом, сжимая виски и чувствуя, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

Что, черт возьми, со мной происходит?

Перед его глазами продолжали стоять образы женщины с серебристыми волосами и маски с клювом. *Я — жизнь. Я — смерть.* Он попытался прогнать видение, но оно, казалось, запечатлелось в мозгу навечно. С буклета на него продолжали безмолвно взирать две маски.

Какое-то время ваши воспоминания будут путаными и беспорядочными, предупреждала Сиенна. *Прошлое, настоящее и воображаемое — все вперемешку.*

У Лэнгдона кружилась голова.

Где-то в квартире звонил телефон. Звонок был старомодный и пронзительный и доносился с кухни.

— Сиенна! — позвал Лэнгдон, поднимаясь.

Ответа не последовало. Она еще не вернулась. После двух звонков включился автоответчик.

— Ciao, sono io, — приветливо поздоровался голос Сиенны. — Lasciatemi un messaggio e vi richiamerò[5].

После звукового сигнала послышался взволнованный голос женщины, говорившей с сильным восточноевропейским акцентом. Ее сбивчивая речь отзывалась эхом в коридоре.

— Сиенна, это Даникова! Ты где?! Тут ужас! Твой друг доктор Маркони мертв! Больница — сумасшедший дом! Кругом полиция! Люди рассказывают, ты сбежать, чтобы спасти пациента?! Зачем?! Он тебе никто! Теперь полиция ищет тебя! Они взять твою анкету! Я знаю, там все неправда — чужой адрес, нет телефона, фальшивая рабочая виза, сегодня тебя не найти, но потом найти все равно! Я звоню предупредить. Мне так жаль, Сиенна! — Трубку повесили.

Лэнгдона снова охватило чувство вины. Из сообщения он понял, что доктор Маркони разрешал Сиенне работать в больнице. Появление в ней Лэнгдона стоило Маркони жизни, и благородный порыв Сиенны, спасшей незнакомца, обернулся для нее серьезными неприятностями.

В этот момент дверь в квартиру громко хлоп-

---

[5] Примечания: 5
Здравствуйте, это я! Оставьте сообщение, и я вам перезвоню *(ит.).*

нула.

Она вернулась.

Через мгновение послышалась запись оставленного сообщения. «Сиенна, это Даникова! Ты где?!»

Лэнгдон поморщился, зная, что Сиенне предстояло услышать. Пока она прослушивала сообщение, он быстро вернул буклет на место и, убедившись, что на столе все выглядит по-прежнему, проскользнул обратно в ванную, чувствуя неловкость за свое бесцеремонное вторжение в прошлое Сиенны.

Через десять секунд в ванную осторожно постучали.

— Я оставлю одежду на дверной ручке, — сказала Сиенна. В ее голосе слышалось волнение.

— Огромное спасибо, — отозвался Лэнгдон.

— Я буду ждать на кухне, — добавила она. — Прежде чем мы позвоним, я хочу показать вам нечто очень важное.

Сиенна устало направилась по коридору в маленькую спальню, достала из комода пару синих джинсов и свитер и отнесла в свою ванную.

Глядя на себя в зеркало, она подняла руку и, ухватившись за конский хвост из светлых волос, стащила с головы парик.

Из зеркала на нее смотрела совершенно лысая тридцатидвухлетняя женщина.

На долю Сиенны выпало немало тяжелых испытаний, и хотя она научилась их преодолевать с помощью своего незаурядного интеллекта, последние события выбили ее из колеи.

Отложив парик в сторону, она умылась. Затем вытерлась и, переодевшись, вновь водрузила парик на голову и убедилась, что он сидит ровно. Обычно она не давала воли жалости к себе, но после сегодняшних потрясений сдерживать слезы оказалось выше ее сил.

Она плакала потому, что не могла управлять своей жизнью.

Она плакала потому, что у нее на глазах погиб ее наставник.

Она плакала потому, что ее сердце переполняло бесконечное одиночество.

Но более всего она оплакивала свое будущее… которое вдруг стало таким смутным.

Глава 9

Координатор Лоренс Ноултон сидел в своем наглухо закрытом стеклянном отсеке в недрах роскошной яхты, озадаченно уставившись в монитор, на котором только что просмотрел ролик, оставленный их клиентом.

И это я должен отправить в СМИ завтра утром?

За десять лет работы в Консорциуме Ноултону не раз доводилось выполнять откровенно сомнительные, если не сказать противозаконные задания. Действия в зоне серой морали были обычной практикой Консорциума — организации, чьей единственной непререкаемой заповедью являлось выполнение данного клиенту обещания — во что бы то ни стало и чего бы это ни стоило.

Мы доводим дело до конца и не задаем никаких вопросов, что бы ни случилось.

Однако отправка этого девятиминутного ролика в интернет-СМИ внушала Ноултону беспокойство. При всей эксцентричности поручений, которые ему доводилось выполнять в прошлом,

он всегда понимал их смысл и логику… осознавал преследуемую цель.

Но этот ролик сбивал его с толку. С ним что-то было не так.

Совсем не так.

Ноултон решил прокрутить его еще раз, надеясь, что после второго просмотра вопросов станет меньше. Чуть прибавив звук, он устроился поудобнее и кликнул на кнопку воспроизведения.

Послышался мягкий плеск воды, и на экране появилась жутковатая, заполненная водой пещера, залитая зловещим красным сиянием. Камера снова погрузилась в светящуюся воду и остановилась у таблички на покрытом илом дне. Ноултон еще раз прочитал выгравированную на ней надпись:

СЕГОДНЯ В ЭТОМ МЕСТЕ
МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА

То, что под этими словами стояло имя их клиента, уже внушало Ноултону тревогу. А завтрашняя дата усиливала ее еще больше. Однако главной причиной беспокойства, лишавшего Ноултона душевного равновесия, было нечто совсем иное.

Камера повернулась влево, и на экране показался удивительный предмет, паривший в толще

воды рядом с табличкой. Он представлял собой контейнер округлой формы, похожий на большой мыльный пузырь, а его оболочка из тонкого мягкого пластика то и дело меняла очертания под воздействием подводных потоков. Покачиваясь на коротком тросе, удерживавшем контейнер на месте, емкость напоминала воздушный шар… только внутри был не гелий, а какая-то студенистая желтовато-коричневая жидкость. Раздувавшаяся под ее давлением аморфная емкость была около фута в диаметре, за прозрачными стенками клубилось мутное облако, совсем как эпицентр зарождающегося циклона.

Боже, подумал Ноултон, чувствуя, что покрывается испариной: при втором просмотре висящий в воде контейнер пугал даже больше, чем в первый раз.

Изображение медленно исчезло, и на его месте показалась влажная стена пещеры, на которой играли отблески водной ряби. На стене появилась тень… ее отбрасывал человек… стоявший в пещере. Но голова у него не была человеческой… Вместо носа торчал длинный клюв… как будто человек был наполовину птицей.

Он заговорил приглушенным голосом, выразительно и размеренно, словно актер, читавший

слова автора в классической драме.

Ноултон замер и, затаив дыхание, ловил каждое слово таинственной фигуры.

Я — Призрак.

Если вы меня видите, значит, душа моя наконец-то обрела покой.

Загнанный под землю, я вынужден обращаться к миру из ее глубин, из мрачной пещеры с кроваво-красными водами, которые вовек не отражают звезд.

Но здесь мой рай… идеальное чрево для моего хрупкого плода.

Инферно.

Вы скоро узнаете, что я оставил.

И все же, даже здесь до меня доносится поступь моих невежественных преследователей. Они готовы на все, лишь бы остановить меня.

Вы можете сказать: прости их, ибо не ведают они, что творят. Но наступает момент, когда невежество становится непростительным… а искупает грехи и дарует прощение лишь здравый смысл.

От чистого сердца и с благими помыслами я оставляю вам дар Надежды, спасения, будущего.

Но есть люди, которые травят меня, будто дикого зверя. Ими движет лицемерная убежденность

в моем безумии. А седовласая женщина с красивым лицом даже осмеливается называть меня чудовищем! Подобно темным церковникам, осудившим на смерть Коперника, она считает меня исчадием ада, не в силах смириться с тем, что я узрел Истину.

Но я не пророк.

Я — ваше спасение.

Я — Призрак.

Глава 10

— Присядьте, — сказала Сиенна. — У меня есть несколько вопросов.

Дойдя до кухни, Лэнгдон понял, что теперь стоит на ногах гораздо увереннее. Костюм от Бриони, позаимствованный у соседа, оказался ему удивительно впору. Подошли даже туфли, в которых было так удобно, что Лэнгдон решил по возвращении домой перейти на итальянскую обувь.

Если, конечно, мне суждено вернуться, подумал он.

Сиенна тоже преобразилась: обтягивающие джинсы и кремовый свитер подчеркивали стройность ее фигуры и природную красоту. Волосы по-прежнему были убраны в конский хвост, а без медицинской униформы, невольно внушавшей почтительное уважение, она уже не казалась такой уверенной в себе. Лэнгдон заметил, что глаза у нее покраснели, будто она плакала, и у него снова защемило сердце от жгучего чувства вины.

— Сиенна, мне ужасно жаль. Я слышал телефонное сообщение. Даже не знаю, что сказать.

— Спасибо, — ответила она. — Но сейчас мы

должны сосредоточиться на вас. Пожалуйста, сядьте.

Ее ставший решительным тон невольно заставил Лэнгдона вспомнить газетные вырезки, в которых рассказывалось о ее незаурядном интеллекте и раннем развитии.

— Я прошу вас подумать, — сказала Сиенна, указывая ему на стул. — Вы помните, как мы попали в эту квартиру?

Лэнгдон не очень понимал, какое это имело значение.

— На такси, — ответил он, усаживаясь. — В нас стреляли.

— Профессор, стреляли в вас. Это — для ясности.

— Да. Мне жаль.

— А помните, сколько было выстрелов, когда вы оказались в машине?

Странный вопрос.

— Да, два. Одна пуля угодила в боковое зеркало, а вторая разбила заднее стекло.

— Отлично! А теперь закройте глаза.

Догадавшись, что она проверяет его память, Лэнгдон закрыл глаза.

— Во что я одета?

Это он помнил в малейших деталях.

— Черные туфли без каблуков, синие джинсы и кремовый свитер с вырезом. Светлые волосы до плеч, зачесаны назад. Глаза карие. — Открыв глаза, Лэнгдон с удовольствием убедился, что его зрительная память в полном порядке.

— Отлично. Визуально-когнитивное восприятие в норме, что подтверждает ретроградный характер амнезии и отсутствие серьезных проблем с механизмами создания воспоминаний. Удалось вспомнить что-нибудь новое о событиях последних дней?

— К сожалению нет. Но пока вы отсутствовали, у меня снова было видение.

Лэнгдон рассказал о повторении галлюцинации с женщиной с вуалью, окруженной бесчисленными мертвецами, и торчащими из земли ногами с буквой «R». А потом в небе появилась странная маска с большим клювом.

— «Я стану смертью»? — переспросила Сиенна, явно встревожившись.

— Да, так она сказала.

— Понятно… Похоже на цитату «Я стану смертью, разрушителем миров».

Молодая женщина процитировала слова Роберта Оппенгеймера, сказанные им после испытания первой атомной бомбы.

— А эта маска с клювом… и зелеными глазами? — озадаченно произнесла Сиенна. — Есть идеи, что могло навеять такой образ?

— Понятия не имею, но в Средние века такие маски встречались довольно часто. — Помолчав, Лэнгдон добавил: — Их называли «чумными масками».

Встревожившись еще больше, Сиенна переспросила:

— Чумными масками?

Лэнгдон вкратце объяснил, что в мире символов необычная маска с длинным клювом зачастую служила обозначением «черной смерти» — смертельной эпидемии бубонной чумы, от которой в четырнадцатом веке в отдельных регионах Европы погибло до трети населения. Считается, что «черная смерть» называлась черной, потому что кожа жертв темнела от гангрены и подкожных кровоизлияний, но на самом деле это отражало панический ужас, который вызывала пандемия.

— Такие маски с длинным клювом, — пояснил Лэнгдон, — надевали средневековые врачеватели, лечившие зараженных чумой, чтобы держаться от больных на определенном расстоянии. Сейчас же такие маски можно встретить

разве что на карнавале в Венеции — довольно жутковатое напоминание о том мрачном периоде в истории Италии.

— И вы уверены, что в своих видениях видели именно такую маску? — спросила Сиенна дрогнувшим голосом. — Маску средневекового врачевателя чумы?

Лэнгдон кивнул. *Маску с клювом трудно с чем-то перепутать*.

Сиенна сдвинула брови, и Лэнгдон понял, что она подыскивает слова, чтобы сообщить ему неприятную новость.

— И женщина говорила: «Ищите и обрящете»?

— Да, как и раньше. Проблема в том, что я понятия не имею, что должен искать.

Медленно выдохнув, Сиенна устремила на него серьезный взгляд.

— Мне кажется, я знаю. Мало того… Я думаю, что вы, возможно, уже нашли это.

Лэнгдон изумленно на нее уставился.

— Вы о чем?!

— Роберт, вчера вечером, когда вы появились в больнице, у вас в кармане пиджака был необычный предмет. Вы помните, что это было?

Лэнгдон покачал головой.

— Этот предмет… он весьма необычный. Я

наткнулась на него случайно, когда мы вас переодевали. — Она жестом показала на запачканный кровью твидовый пиджак, лежавший на столе. — Он и сейчас в кармане. Если хотите, можете на него взглянуть.

Лэнгдон растерянно перевел взгляд на пиджак. *По крайней мере, теперь понятно, зачем она за ним возвращалась*. Он схватил свой грязный пиджак и обыскал все карманы — пусто. Проверив еще раз, пожал плечами и повернулся к ней.

— Здесь ничего нет.

— А как насчет потайного кармана?

— Что? На моем пиджаке нет никаких потайных карманов.

— Нет? — удивилась она. — Так это… не ваш пиджак?

Голова у Лэнгдона опять пошла кругом.

— Пиджак мой.

— Вы уверены?

Еще бы, подумал он. *Этот пиджак был моим любимым.*

Он показал пришитый к подкладке ярлык со своим любимым фирменным знаком настоящего шотландского твида. Это был знаменитый шар, который венчал мальтийский крест и украшали тринадцать похожих на пуговицы драгоценных

камней.

Вот так шотландцы ссылались на христианское воинство на куске саржи.

— Видите? — Лэнгдон показал на инициалы «Р.Л.», вышитые на ярлыке вручную. Он никогда не жалел денег на твидовые пиджаки ручной работы и отдельно платил за то, чтобы его инициалы вышивали на ярлыке. В аудиториях и столовых университетского городка сотни твидовых пиджаков постоянно снимались и надевались, и у Лэнгдона не было ни малейшего желания оказаться жертвой чьей-то непреднамеренной ошибки.

— Я вам верю, — сказала она, забирая у него пиджак. — А теперь смотрите. — Сиенна вывернула пиджак и показала на участок под воротником. Там в подкладку был аккуратно вшит большой потайной карман.

Что за черт?!

Лэнгдон был уверен, что видит его впервые.

Безупречные потайные швы делали карман практически незаметным.

— Раньше его здесь не было! — стоял на своем Лэнгдон.

— Тогда, наверное, вы не видели… *и этого*? — Сиенна вытащила из потайного кармана гладкий

металлический предмет и осторожно передала его Лэнгдону. — Вы знаете, что это?

— Нет… — запинаясь, ответил он, разглядывая предмет в полном изумлении. — Никогда не видел ничего подобного.

— А я, к сожалению, знаю. И не сомневаюсь, что именно из-за него вас и пытаются убить.

Меряя шагами свой кабинет на борту «Мендация» координатор Ноултон с нарастающей тревогой размышлял о ролике, который должен был обнародовать на следующее утро.

Я — Призрак?

До него доходили слухи, что в последние месяцы их клиент страдал психическим расстройством, и ролик не оставлял никаких сомнений в их достоверности.

Ноултон понимал, что у него есть два варианта действий. Он мог либо подготовить видео для завтрашней рассылки, как и было обещано, либо показать его Ректору и узнать его мнение.

Я уже знаю, что он скажет, подумал Ноултон. Еще ни разу Ректор не отказывался от выполнения обещания, данного клиенту. *Он прикажет отправить это видео, как было обещано, и не задавать лишних вопросов… и придет в ярость из-за того, что их задаю я.*

Ноултон снова вернулся к компьютеру, нашел в записи место, которое вызывало у него особое беспокойство, и кликнул на воспроизведение. На экране снова появилась пещера и послышался плеск воды. На фоне влажной стены стоял похожий на тень высокий мужчина с длинным птичьим клювом.

Он заговорил глухим голосом:

Мы переживаем новое Средневековье.

Несколько веков назад Европа страдала от ужасающей нищеты — люди жили в тесноте, голодали, погрязли в грехе и отчаянии. Они были похожи на запущенный лес, задушенный сухостоем, который ждет божественного удара молнией. Огонь, воспламенившийся от этой искры, пронесется по всей земле и очистит ее от сухих стволов, загораживающих живительный солнечный свет, так нужный здоровым побегам.

Отбраковка — это естественная процедура, установленная Всевышним.

Спросите себя: что наступило после «черной смерти»?

Ответ известен.

Ренессанс.

Эпоха Возрождения.

Так было всегда. За смертью следует рождение.

Чтобы попасть в рай, человек должен пройти через ад.

Этому нас учит Творец.

И седая невежда еще осмеливается называть меня монстром? Неужели она так и не поняла математики будущего? Всех ужасов, которые в нем уготованы?

Я — Призрак.

Я — ваше спасение.

И вот я стою в глубокой пещере и смотрю на воды, в которых никогда не отражаются звезды. Здесь, в водах этого подземного чертога, набирает силу Инферно.

И скоро его пламя яростно вспыхнет.

И ничто не земле уже не сможет его остановить.

Глава 11

Предмет в руках Лэнгдона оказался на удивление тяжелым для своих размеров. Тонкий и гладкий блестящий металлический цилиндр длиной около шести дюймов, закругленный с обоих концов был похож на миниатюрную торпеду.

— Прежде чем что-нибудь с этим делать, — сказала Сиенна, — советую посмотреть на другую сторону. — Она натянуто улыбнулась. — Вы же разбираетесь в символах?

Лэнгдон принялся медленно поворачивать цилиндр, внимательно разглядывая его поверхность, и вдруг замер, заметив ярко-красный символ.

Разбираясь в иконографии, Лэнгдон хорошо знал, что список символов, способных вызвать у человека мгновенный страх, весьма ограничен… но увиденный на цилиндре значок безусловно в него входил. Его реакция была инстинктивной и молниеносной — он положил цилиндр на стол и откинулся на спинку стула.

Сиенна понимающе кивнула:

— Я тоже так отреагировала.

На цилиндре был изображен простой символ из трех элементов.

Лэнгдон когда-то читал, что этот зловещий знак был разработан в 1960-х годах химической компанией «Доу кемикал» и заменил огромное количество предупреждающих символов, которые использовались прежде. Как и все успешные знаки, он был простым, запоминающимся и легко воспроизводимым. Эта эмблема «биологической опасности» получила распространение во всем мире еще и потому, что вызывала у самых разных народов ассоциации со многими не очень приятными вещами, начиная от клешней краба и заканчивая метательными ножами ниндзя.

— Эта маленькая канистра является биокапсулой, — объяснила Сиенна. — Их используют для перевозки опасных веществ. Иногда применяют и в медицине. Пробирка с образцом вставляется в пенопластовый футляр, чтобы защитить от возможного повреждения во время транспортировки. В нашем же случае… — Она показала на символ биологической опасности: — Думаю, что тут, наверное, какой-то смертельно ядовитый химикат… или вирус. — Помолчав, она добавила: — Первые образцы вируса Эбола были доставлены из Африки в такой же капсуле.

Но Лэнгдона интересовало вовсе не это.

— Но как, черт возьми, она оказалась в моем пиджаке?! Я же преподаю историю искусств, откуда ей у меня взяться?

Перед глазами у него промелькнула жестокая картина — корчащиеся в смертельной агонии тела… и парящая над ними чумная маска.

Визири… Визири.

— Откуда бы она ни взялась, — сказала Сиенна, — но это продукт очень высоких технологий. Освинцованный титан. Защищает даже от радиации. Полагаю, что тут не обошлось без каких-нибудь секретных разработок по заказу правительства. — Она указала на темный прямоугольник размером с почтовую марку возле знака биологической опасности. — Это распознаватель отпечатка пальца. Защита на случай потери или кражи. Такую капсулу может открыть только конкретный человек.

Хотя способность Лэнгдона соображать уже полностью восстановилась, происходящее было выше его понимания. *Я носил биометрически запечатанный контейнер.*

— Обнаружив эту капсулу в вашем пиджаке, я хотела потихоньку показать ее доктору Маркони, но не успела, потому что вы очнулись. Я даже

подумала, не приложить ли ваш палец к капсуле, пока вы были без сознания, но побоялась, не зная, что в ней содержится…

— Мой палец?! — Лэнгдон покачал головой. — Не может быть, чтобы эта штука была запрограммирована на меня. Я ничего не соображаю в биохимии и не могу иметь с ней ничего общего.

— Вы уверены?

Сомнений у Лэнгдона не было. Он протянул руку и приложил большой палец к распознавателю. Ничего не произошло.

— Видите?! Я же говорил…

Титановый цилиндрик громко щелкнул, и Лэнгдон отдернул руку, как после удара током. *Проклятье!* Он уставился на капсулу, будто ждал, что она развинтится сама по себе и начнет испускать смертельный газ. Но через три секунды раздался новый щелчок — видимо, капсула снова заблокировалась.

Потрясенный, Лэнгдон повернулся к Сиенне.

Та устало вздохнула.

— Что ж, теперь очевидно, что именно вас избрали курьером.

Лэнгдону все происходящее представлялось полным абсурдом.

— Но это невозможно. Как бы я пронес такую

железяку через рамочный детектор в аэропорту?

— А может, вы прилетели на частном самолете? Или получили контейнер уже здесь, в Италии?

— Сиенна, я должен позвонить в консульство. Немедленно.

— А может, сначала посмотрим, что в ней?

В своей жизни Лэнгдону не раз приходилось совершать необдуманные поступки, но открывать контейнер с опасным содержимым на кухне у этой женщины он точно не будет.

— Я передам ее властям. Немедленно.

Сиенна закусила губу, прикидывая варианты.

— Хорошо, но после звонка вы уже будете сами по себе. Я выхожу из игры. И встреча точно не может состояться здесь. Моя итальянская виза… в общем, есть сложности.

Лэнгдон посмотрел Сиенне в глаза.

— Сиенна, я знаю только то, что вы спасли мне жизнь. Я сделаю так, как вы скажете.

Она благодарно кивнула, подошла к окну и посмотрела на улицу.

— Ладно, вот как мы поступим.

Сиенна быстро изложила свой план. Простой, умный и безопасный.

Включив блокиратор распознавания номера, она быстро набрала на мобильнике справоч-

ную. Ее тонкие пальцы уверенно скользили по кнопкам.

— Informazioni abbonati? Per favore, può darmi il numero del Consolato americano di Firenze?[6] — спросила Сиенна на безупречном итальянском. Немного подождав, она записала номер. — Grazie mille, — поблагодарила она и повесила трубку. Потом передала Лэнгдону бумажку с номером и мобильный телефон.

— Звоните. Вы помните, что сказать?

— У меня с памятью все в порядке, — заверил он с улыбкой, набирая номер.

Послышались гудки входящего вызова.

Трубку никто не брал.

Нажав кнопку громкой связи, Лэнгдон положил телефон на стол, чтобы Сиенна могла все слышать. Наконец включился автоответчик, сообщавший информацию о предлагаемых консульством услугах и режиме работы.

Лэнгдон посмотрел на часы на телефоне. Шесть утра. Консульство открывалось в половине девятого.

— В экстренных случаях наберите две семерки для связи с дежурным сотрудником, — сообщил

---

[6] Примечания: 6

Справочная? Не могли бы вы дать мне номер телефона американского консульства? (*ит.*)

автоответчик.

Лэнгдон тут же последовал совету.

— Consolato americano. Sono il funzionario di turno[7], — послышался усталый голос.

— Lei parla inglese?[8] — спросил Лэнгдон.

— Разумеется, — ответил дежурный с американским акцентом. Похоже, он был не слишком обрадован, что его разбудили. — Чем могу помочь?

— Я американец, нахожусь во Флоренции, и на меня совершено нападение. Меня зовут Роберт Лэнгдон.

— Номер паспорта, пожалуйста, — зевая, попросил дежурный.

— Мой паспорт пропал. Думаю, что его украли. В меня стреляли и ранили в голову. Мне нужна помощь.

Сотрудник моментально проснулся.

— Сэр! Вы говорите, что в вас *стреляли*? Повторите, пожалуйста, свое имя.

— Роберт Лэнгдон.

На линии послышался шорох, и Лэнгдон уловил стук клавиш. Раздался звуковой сигнал. Пауза.

---

[7] Примечания: 7
Американское консульство. Дежурный слушает *(ит.).*

[8] Примечания: 8
Вы говорите по-английски? (*ит.*)

Затем снова стук клавиш. Еще один звуковой сигнал. А затем сразу три, причем громких.

Снова пауза, уже продолжительная.

— Сэр? — наконец произнес дежурный. — Вас зовут Роберт Лэнгдон?

— Именно так. И у меня проблемы.

— Сэр, ваше имя помечено особым флажком, это значит, что я должен немедленно соединить вас с главным администратором консула. — Дежурный помолчал, видимо, сам в шоке от причастности к столь удивительным событиям. — Пожалуйста, не вешайте трубку.

— Подождите! Вы можете сказать…

Но в трубке уже раздавались звонки вызова.

На четвертый звонок трубку сняли.

— Коллинз слушает, — ответил хриплый голос.

Глубоко вздохнув, Лэнгдон постарался говорить спокойно и изложить все предельно ясно.

— Мистер Коллинз, меня зовут Роберт Лэнгдон. Я — американец и нахожусь во Флоренции. В меня стреляли. Мне нужна помощь. Я хочу немедленно приехать в консульство США. Вы можете мне помочь?

Низкий голос ответил без колебаний:

— Слава богу, что вы живы, мистер Лэнгдон. Мы искали вас.

Глава 12

В консульстве знают, что я здесь?

Лэнгдон почувствовал огромное облегчение. Мистер Коллинз, представившийся главным администратором консула, говорил уверенным тоном профессионала, но в его голосе звучала настойчивость.

— Мистер Лэнгдон, нам нужно немедленно поговорить. И, понятно, не по телефону.

В данный момент Лэнгдону ничего не было понятно, но спорить он не стал.

— Я немедленно пришлю за вами, — продолжал Коллинз. — Где вы находитесь?

Сиенна нервно переминались с ноги на ногу, слушая разговор по громкой связи. Лэнгдон успокаивающе ей кивнул, показывая, что будет точно следовать ее плану.

— Я в маленькой гостинице «Пенсионе ла Фиорентина», — ответил он и посмотрел на желтовато-серое здание отеля на другой стороне улицы, которое предложила Сиенна. Затем назвал Коллинзу улицу.

— Все понял, — ответил тот. — Никуда не уходи-

те. Оставайтесь в номере. За вами сейчас приедут. Какой у вас номер?

— Тридцать девятый, — ответил Лэнгдон наобум.

— Отлично. Через двадцать минут. — Коллинз понизил голос. — И еще, мистер Лэнгдон, я понимаю, что вы ранены и наверняка сбиты с толку, но я должен знать… это по-прежнему при вас?

Это. При всей неопределенности формулировки у Лэнгдона не было сомнений, о чем его спрашивали. Он перевел взгляд на биокапсулу, лежавшую на кухонном столе.

— Да сэр. По-прежнему при мне.

Было слышно, как Коллинз с облегчением выдохнул.

— Когда вы пропали, мы подумали… честно говоря, мы решили, что произошло непоправимое. Я рад, что это не так. Оставайтесь на месте. Никуда не выходите. Через двадцать минут в вашу дверь постучат. — Коллинз повесил трубку.

Лэнгдон впервые, с тех пор как очнулся в больнице, по-настоящему расслабился. *В консульстве знают, что происходит, и скоро у меня будут ответы на все вопросы.* Он закрыл глаза и медленно выдохнул, чувствуя себя почти в норме. Голова уже не раскалывалась от боли.

— Прямо как в шпионском боевике, — произнесла Сиенна с улыбкой. — Вы, случайно, не тайный агент?

Теперь Лэнгдон и сам не знал, что думать. Он не мог понять, как два дня жизни полностью стерлись из его памяти, а сам он попал в Италию, но факт оставался фактом… и через двадцать минут в захудалый отель напротив за ним приедет сотрудник американского консульства.

Что происходит?

Лэнгдон взглянул на Сиенну, понимая, что скоро им предстоит расстаться, и ощущая какую-то недоговоренность. Он вспомнил, как в больнице у нее на глазах убили бородатого доктора.

— Сиенна, — прошептал он, — ваш друг… доктор Маркони… я чувствую себя ужасно.

Она рассеянно кивнула.

— Мне так жаль, что я втянул вас во все это. Я знаю про ваше положение в больнице, и если начнется расследование… — Он не стал заканчивать фразу.

— Все в порядке, — ответила она. — Мне не привыкать к переездам.

По ее отрешенному взгляду было видно, что сегодняшнее утро полностью изменило уже налаженную ею жизнь. Хотя и его собственное

положение оставляло желать лучшего, сердце у него защемило от жалости к этой женщине.

Она спасла мою жизнь… а я разрушил ее.

Они молча сидели, ощущая повисшее в воздухе напряжение, словно им обоим хотелось говорить, но сказать было нечего. В конце концов, они оказались просто попутчиками на этом странном отрезке жизни, а теперь их пути расходились, и каждому было суждено дальше пойти своей дорогой.

— Сиенна, — наконец прервал молчание Лэнгдон, — я сейчас разберусь с консульством, и если могу хоть чем-то помочь… пожалуйста, дайте мне знать.

— Спасибо, — прошептала она, с грустью глядя в окно.

Бежали минуты, Сиенна Брукс рассеянно смотрела на улицу и пыталась представить, как сложится дальше этот день. В том, что к вечеру ее мир будет выглядеть иначе, она не сомневалась.

Профессор ей нравился, хотя она допускала, что это связано с действием адреналина. У него отзывчивое и доброе сердце, да и внешне он весьма привлекательный. В какой-нибудь совсем другой жизни они могли бы даже оказаться вместе.

Хотя зачем я ему такая, подумала она. *Ненор-*

мальная.

Подавив всплеск эмоций, Сиенна вдруг заметила за окном какое-то движение и, прильнув лицом к стеклу, замерла от неожиданности.

— Роберт! Посмотрите!

Лэнгдон выглянул в окно и увидел остановившийся перед входом в «Пенсионе ла Фиорентина» сверкающий черный мотоцикл «БМВ». С него ловко соскочил спортивного вида человек в черном кожаном костюме и шлеме. Изящным движением он снял блестящий черный шлем, и Сиенна боковым зрением заметила, что Лэнгдон невольно отпрянул назад.

Эти склеенные в шипы волосы они уже видели.

Вытащив пистолет, убийца проверила глушитель и снова убрала оружие в карман куртки. После чего, двигаясь со смертельной грацией, скользнула в отель.

— Роберт, — прошептала Сиенна сдавленным от страха голосом. — Правительство США послало за вами убийцу.

Глава 13

Замерев у окна и не сводя взгляда с гостиницы на другой стороне улицы, Роберт Лэнгдон старался подавить приступ охватившей его паники. Женщина с прической из шипов исчезла за дверью, а Лэнгдон лихорадочно пытался сообразить, откуда она могла узнать адрес. Выброс адреналина опять не давал ему мыслить ясно.

— Меня пытается убить мое же правительство?

Сиенна была поражена не меньше его.

— Роберт, это означает, что и первое покушение на вашу жизнь было санкционировано правительством. — Она подошла к двери и убедилась, что та заперта. — Если консульство получило команду вас устранить… — Она не закончила фразу, но это и не требовалось. Оба отлично понимали, какие выводы из этого следовали.

Да что, черт возьми, происходит? Почему на меня охотится мое же правительство?!

В голове Лэнгдона снова зазвучало слово, которое он произносил в бреду, когда попал в больницу.

Визири… визири.

— Оставаться здесь вам опасно, — сказала Сиенна и тут же поправилась: — *Нам* опасно. — Она показала на улицу. — Эта женщина видела, как мы вместе бежали из больницы, и не сомневаюсь, что меня уже разыскивают и ваше правительство, и местная полиция. Эта квартира снята на чужое имя, но со временем на меня обязательно выйдут. — Она показала на биокапсулу на столе. — Вы должны открыть ее. Прямо сейчас!

Лэнгдон смотрел на титановый цилиндр, но видел только знак биологической опасности.

— То, что находится внутри, — продолжила Сиенна, — должно иметь какой-нибудь идентификационный код, наклейку с логотипом конторы, телефон, *хоть что-то*. Вам нужна информация. Мне нужна информация! Ваше правительство убило моего друга!

Боль, звучавшая в голосе Сиенны, заставила Лэнгдона встряхнуться, и он согласно кивнул, понимая, что она права.

— Да… мне очень жаль. — Он поморщился, сообразив, насколько неуместны слова соболезнования в данный момент. Потом повернулся к контейнеру, гадая, какие в нем могут храниться ответы. — Это может быть очень опасно.

Сиенна на мгновение задумалась.

— То, что внутри, наверняка надежно защищено и скорее всего помещено в небьющуюся пробирку из плексигласа. Этот биоконтейнер — просто внешний футляр для дополнительной защиты во время транспортировки.

Лэнгдон посмотрел в окно на припаркованный перед отелем черный мотоцикл. Женщина еще не вышла, но вскоре она выяснит, что Лэнгдона там нет. Интересно, каким будет ее следующий шаг… и сколько пройдет времени, прежде чем она постучится к ним в дверь?

Наконец Лэнгдон решился. Взяв титановый цилиндр, он скрепя сердце приложил большой палец к биометрическому датчику. Через мгновение в капсуле что-то звякнуло, и раздался громкий щелчок.

Прежде чем механизм защиты блокировки успел снова включиться, Лэнгдон принялся осторожно развинчивать половинки цилиндра. Через четверть оборота капсула звякнула еще раз, и Лэнгдон понял, что обратного пути нет. Ладони у него вспотели, но он продолжил начатое.

Половинки плавно скользили по идеально подогнанной резьбе. Он словно пытался открыть драгоценную русскую матрешку, правда, не зная,

что скрывается у нее внутри.

После пяти поворотов половинки развинтились. Сделав глубокий вдох, Лэнгдон осторожно их разъединил. Его глазам предстал завернутый в поролон овальный предмет, формой напоминавший миниатюрный мяч, каким играют в американский футбол. Лэнгдон осторожно положил его на стол.

Пока ничего страшного.

Лэнгдон осторожно освободил предмет от защитной оболочки.

Сиенна озадаченно склонила голову набок.

— Даже не знаю, что сказать.

Лэнгдон ожидал увидеть какой-нибудь футуристический флакон, но содержание биоконтейнера оказалось отнюдь не современным. Предмет размером с упаковку из-под леденцов был покрыт изящной резьбой и сделан из материала, напоминавшего слоновую кость.

— Выглядит как старинный, — прошептала Сиенна. — Похоже на…

— Цилиндрическую печать, — подсказал Лэнгдон со вздохом облегчения.

Изобретенные шумерами в середине четвертого тысячелетия до нашей эры цилиндрические печати были предшественниками современной

техники печатной графики. Конструкция напоминала современный красящий валик — боковая поверхность цилиндра была покрыта резьбой, в его продольное осевое отверстие вставлялся вал, и после прокатки цилиндра по мокрой глине на ней отпечатывалась повторяющаяся полоса символов, изображений или текста.

Лэнгдон не сомневался, что данная печать действительно представляла большую ценность, но не понимал, зачем кому-то понадобилось заключать ее в титановый контейнер, словно химическое оружие.

Бережно поворачивая печать, он увидел, что на ней вырезано жуткое изображение — трехглавый рогатый Сатана пожирает одновременно трех человек, торчавших из пасти каждой его головы.

Нечего сказать — приятное зрелище.

Лэнгдон посмотрел на семь букв под картинкой. Как и все тексты на печатном цилиндре, витиеватая каллиграфия была нанесена зеркально, но Лэнгдону не составило труда прочитать все слово — SALIGIA.

Прищурившись, Сиенна тоже разобрала надпись.

— Saligia?

Лэнгдон кивнул, чувствуя, как по коже у него

пробежали мурашки.

— Это латинский акроним, придуманный Ватиканом в Средние века, чтобы напоминать христианам о семи смертных грехах. Он составлен из начальных букв их названий: superbia, avaritia, luxuria, invidia, gula, ira и acedia.

Сиенна нахмурилась.

— Гордыня, алчность, похоть, зависть, чревоугодие, гнев и лень.

Лэнгдон был впечатлен.

— Вы знаете латынь.

— Меня воспитали католичкой. В грехах я разбираюсь хорошо.

Лэнгдон улыбнулся и снова опустил взгляд на печать, пытаясь понять, зачем ее надо было прятать в биоконтейнер, словно она представляла опасность.

— Я сначала подумала, что это слоновая кость, — заметила Сиенна, — но на самом деле кость обычная. — Она поднесла цилиндр к солнечному свету и показала на испещрявшие его поверхность тонкие линии. — На слоновой кости ромбовидная диагональная штриховка с полупрозрачными жилками, а у обычной кости жилки расположены параллельно и имеют темные вкрапления.

Лэнгдон осторожно взял печать и внимательно осмотрел резные фигурки. На подлинных шумерских печатях имелась клинопись и фигурки были примитивными. На этой же резьба была намного искуснее и относилась, по мнению Лэнгдона, к Средневековью. Вдобавок при мысли, что вырезанное изображение явно перекликается с его галлюцинациями, ему стало не по себе.

Сиенна смотрела на него с тревогой.

— Что-то не так?

— Все тот же сюжет, — мрачно пояснил Лэнгдон и показал на резную фигурку на печати. — Видите этого трехглавого дьявола, пожирающего людей? Это обычный для Средневековья образ «черной смерти». Три прожорливых пасти символизируют свирепость, с какой чума расправлялась с населением.

Сиенна с опаской покосилась на знак биологической опасности.

Лэнгдону не нравилось, что вопрос о чуме и так поднимался слишком часто, поэтому раскрывать дальнейшую связь с этой темой ему очень не хотелось.

— Saligia олицетворяет коллективные грехи всего человечества… которые, согласно средневековым религиозным верованиям…

— …и явились причиной, по которой Бог покарал людей «черной смертью», — закончила его мысль Сиенна.

— Верно, — согласился Лэнгдон и вдруг осекся.

Он только сейчас обратил внимание на одну очень странную деталь цилиндра. Обычно такие печати имели продольное осевое отверстие, в которое можно было посмотреть, как в обычную трубку, но в данном случае оно было чем-то закрыто. Внутри кости что-то находилось. Торец печати блеснул, поймав луч света.

— Внутри что-то есть, — сказал Лэнгдон. — Похоже, стекло.

Он перевернул цилиндр вверх дном, чтобы посмотреть на другой конец, и внутри что-то перекатилось, будто там был спрятан шарик.

Лэнгдон замер, а Сиенна невольно вскрикнула.

Что, черт возьми, это было?!

— Вы слышали? — шепотом спросила Сиенна.

Лэнгдон кивнул и осторожно оглядел торец цилиндра.

— Тут какая-то заглушка… похоже, металлическая. — *Может, пробка от пробирки?*

Сиенна отшатнулась.

— А мы… случайно, ничего не разбили?

— Не думаю.

Лэнгдон осторожно перевернул цилиндр, чтобы снова посмотреть на торец, и внутри опять что-то перекатилось. Через мгновение со стеклом в торце случилось нечто невообразимое. Оно вдруг засветилось.

Глаза Сиенны расширились.

— Роберт, стойте! Не шевелитесь!

Глава 14

Лэнгдон застыл на месте с цилиндром в поднятой руке. Вне всякого сомнения, из стекла в торце цилиндра лился свет… как будто его содержимое внезапно потревожили.

Однако вскоре внутреннее свечение погасло.

Стараясь унять волнение, Сиенна подошла ближе и, наклонив голову, пристально вгляделась в стеклышко в торце.

— Переверните цилиндр еще раз, — шепотом попросила она. — Только потихоньку.

Лэнгдон осторожно перевернул печать, и стало слышно, как внутри что-то опять прокатилось вниз.

— Давайте еще раз, только аккуратно, — сказала Сиенна.

Лэнгдон повторил процесс, и снова раздался тот же звук. На этот раз в стеклышке мелькнул свет, но тут же погас.

— Судя по всему, это культура бактерий в пробирке, — предположила Сиенна, — а шарик при встряхивании заставляет их реагировать.

Лэнгдон знал, что в распылители действи-

тельно кладут шарики: с их помощью при встряхивании краска в баллончиках лучше перемешивается.

— Наверное, там содержится какое-то фосфоресцирующее химическое вещество, — сказала Сиенна, — а может, биолюминесцентные бактерии, которые при раздражении начинают светиться.

У Лэнгдона была иная версия. Ему доводилось пользоваться химическими фонарями и даже наблюдать свечение биолюминесцентного планктона, когда тревожили его среду обитания, но он не сомневался, что в данном случае свечение объяснялось другой причиной. Он еще несколько раз осторожно перевернул цилиндр и направил себе на ладонь послушно появившийся слабый красноватый лучик.

Приятно сознавать, что люди с IQ за двести тоже не боги.

— Смотрите, — сказал Лэнгдон и с силой встряхнул цилиндр.

Предмет внутри загремел, перекатываясь вверх-вниз все быстрее и быстрее.

Сиенна отскочила назад.

— Вы с ума сошли?!

Продолжая трясти трубку, Лэнгдон подошел к

выключателю и погасил свет, погрузив кухню в полумрак.

— Это не культура бактерий в пробирке, — пояснил он, продолжая трясти цилиндр. — Это указка Фарадея.

Подобное устройство Лэнгдон однажды получил в подарок от своего студента. Оно представляло собой лазерную указку для преподавателей, которых раздражала необходимость постоянно менять батарейки и которые были не прочь произвести несколько встряхиваний, чтобы превратить кинетическую энергию в электричество. Кинетическая энергия от такой тряски накапливалась аккумуляторной батареей, которая приводила в действие крошечный генератор. По-видимому, кто-то решил превратить старинную печать в такую указку и поместить современную электронную игрушку в древнюю оболочку.

Теперь кончик указки ярко светился, и Лэнгдон с улыбкой произнес:

— Представление начинается!

Он направил луч указки на голый участок кухонной стены. Стена осветилась, и Сиенна испуганно охнула. Но самого Лэнгдона увиденное поразило так, что он отпрянул от неожиданности.

На стене появилась не крошечная красная лазерная точка, а фотография высокого разрешения, как будто производил ее не маленький цилиндр, а старомодный диапроектор.

Боже милостивый! Узнав жуткую картину, отобразившуюся на стене, Лэнгдон почувствовал дрожь в руках. *Неудивительно, что я видел образы смерти.*

Прикрыв рот ладонью, Сиенна нерешительно шагнула вперед, завороженная представшим перед ее глазами зрелищем.

Костяная печать спроецировала на стену мрачную картину человеческих страданий: тысячи душ претерпевали ужасные пытки на разных уровнях ада. На цветном рисунке преисподняя была изображена в вертикальном разрезе в виде воронки, уходящей концентрическими уступами вглубь до самого центра Земли. Нисходящие уступы представляли собой соответствующие круги ада — чем ниже, тем страшнее, — в которых корчились в пытках грешники.

Лэнгдон сразу узнал картину. Этот шедевр — «La Mappa dell'Inferno» — был создан одним из колоссов итальянского Возрождения Сандро Боттичелли. Его выписанная с мельчайшими подробностями «Карта ада» стала одним из са-

мых жутких изображений загробной жизни, когда-либо созданных человеком. И по сей день эта темная, мрачная и страшная картина никого не оставляет равнодушным. Если «Весну» или «Рождение Венеры» Боттичелли писал яркими и радостными красками, то в «Карте ада» преобладает унылая желто-коричневая палитра.

У Лэнгдона вдруг сильно разболелась голова, но впервые после пробуждения в незнакомой больнице хоть что-то начало находить объяснение. Судя по всему, его мрачные галлюцинации были навеяны этой знаменитой картиной.

Должно быть, я накануне разглядывал «Карту ада» Боттичелли, подумал он, хотя понятия не имел, зачем это могло ему понадобиться. Картина уже сама по себе внушала трепет, но еще большее беспокойство у него вызывала мысль о том, что именно вдохновило Боттичелли на создание сего шедевра. Лэнгдон прекрасно понимал, что художником двигала не его собственная фантазия, а воображение другого человека, жившего на двести лет раньше.

Один великий шедевр породил другой.

На написание «Карты ада» Боттичелли вдохновило литературное произведение четырнадцатого века, которое стало одним из самых про-

славленных литературных творений в истории человечества… жуткое видение ада, вызывающее трепет по сей день.

«Ад» Данте.

Вайента неторопливо поднялась по служебной лестнице и осторожно выбралась на плоскую крышу погруженного в сон «Пенсионе ла Фиорентина». Лэнгдон назвал работнику консульства номер комнаты, которого не существовало в действительности. «Зеркальная встреча», как называлась эта уловка, была вполне обычным приемом для людей с подобным родом деятельности и позволяла оценить ситуацию, не выдавая своего местоположения. Для «зеркальной встречи» обязательно выбиралось место, за которым агент мог наблюдать с безопасного расстояния.

Вайента нашла удобную точку обзора на крыше, откуда открывался вид на всю округу с высоты птичьего полета, и принялась методично сканировать взглядом окна большого жилого здания напротив.

Теперь ваш ход, мистер Лэнгдон.

В этот момент Ректор вышел на обшитую красным деревом палубу своей роскошной яхты и с наслаждением набрал полную грудь солоновато-

го морского воздуха Адриатики. Это судно долгие годы служило ему домом, но теперь череда событий во Флоренции угрожала уничтожить все, что он построил.

Из-за фиаско Вайенты его империя оказалась под ударом, и за это по окончании миссии ей обязательно придется ответить, но сейчас она была нужна на месте.

И не дай ей бог подвести его еще раз.

Сзади послышались быстрые шаги, и Ректор, обернувшись, увидел, что к нему спешит одна из сотрудниц аналитического отдела.

— Сэр, — обратилась она к нему, запыхавшись, — появилась новая информация. — В утреннем воздухе ее голос звенел от волнения. — Роберт Лэнгдон только что зашел в свою гарвардскую почту с незащищенного IP-адреса, — доложила она и, встретившись взглядом с Ректором, добавила: — Теперь мы можем точно определить его местонахождение.

Ректор поразился удивительному легкомыслию, проявленному Лэнгдоном. *Это совершенно меняет дело.* Сложив пальцы домиком, он устремил взгляд на береговую линию, просчитывая варианты.

— Нам известно, где сейчас команда Службы

наблюдения и реагирования?

— Да, сэр. Она менее чем в двух милях от позиции Лэнгдона.

Ректор принял решение.

Глава 15

— L'Inferno di Dante[9], — восторженно прошептала Сиенна, не сводя взгляда с изображения преисподней, застывшего на стене кухни.

Представление Данте об аде во всей красе, подумал Лэнгдон.

Признанный одним из величайших произведений мировой литературы, «Ад» был первой из трех частей, которые составили «Божественную Комедию» Данте Алигьери. В этой эпической поэме из 14 233 стихов описывается, как автор сошел в преисподнюю, прошел через чистилище и, наконец, прибыл в рай. Из трех частей «Комедии» — «Ада», «Чистилища» и «Рая» — первая часть, «Инферно», как по-итальянски звучит «Ад», была, безусловно, самой читаемой и известной в мире.

Написанный Данте Алигьери в начале четырнадцатого века «Ад» буквально перевернул средневековые представления о вечных муках. Никогда прежде идея ада не находила столь наглядного и поражающего воображение опи-

---

[9] Примечания: 9
Ад Данте (*ит.*).

сания. Своим творением Данте в мгновение ока превратил абстрактную концепцию ада в понятное и пугающее видение — зримое, реальное и незабываемое. Неудивительно, что после выхода поэмы в католические храмы хлынули толпы перепуганных грешников, желающих избежать адских мук, столь красочно описанных Данте.

Боттичелли изобразил ад Данте в виде подземной воронки, где в муках страдают грешники: языки пламени, зловоние серы, нечистоты, чудовища и, наконец, сам Сатана, поджидающий свои жертвы внизу, вызывают неподдельный ужас. Бездна преисподней разделена на уровни — девять кругов ада, — куда попадают грешники по тяжести совершенных ими грехов. Наверху находятся сладострастники, которых истязают ураганом и ударами о скалы, что символизирует их неспособность укротить свои желания. Под ними — обиталище чревоугодников: они лежат, зарывшись лицом в нечистоты, а их рты набиты отходами их неумеренности. Еще ниже находятся еретики, обреченные на вечные муки в пылающих гробах. И чем ниже — тем ужаснее кара.

Семь столетий после его создания творение Данте служило предметом восхищения и источником вдохновения величайших творцов

человечества. Его переводили на разные языки, сочиняли вариации на его тему. Видение ада Данте нашло отражение в литературном наследии Лонгфелло, Чосера, Маркса, Мильтона, Бальзака, Борхеса и даже нескольких пап. Монтеверди, Лист, Вагнер, Чайковский, Пуччини, а из современных композиторов — Лорина Маккеннитт, чье творчество особенно нравилось Лэнгдону, сочинили произведения, основанные на этой поэме. Даже современный мир видеоигр и приложений для планшета изобиловал материалами, связанными с ней.

Чтобы приобщить своих студентов к удивительному миру Данте, насыщенному яркими символами, Лэнгдон даже читал специальный курс лекций о неизменной образности созданных им и его последователями произведений.

— Роберт, — окликнула его Сиенна, подходя ближе к стене с изображением. — Взгляните-ка на это! — Она показала на участок в нижней части воронкообразной преисподней.

Там был изображен «Малеболже», что означает «Злые Щели», или «Злопазухи». Так в «Божественной Комедии» назывался восьмой, предпоследний круг ада, разделенный на десять рвов — каждый для своей категории грешников.

Сиенна продолжала еще более взволнованно:

— Видите?! Разве не это было в вашем видении?!

Лэнгдон прищурился, пытаясь разглядеть, что именно привлекло внимание Сиенны, но ничего не увидел. Заряд электричества кончался, и изображение начало тускнеть. Он снова энергично потряс цилиндрик, и картинка вновь ожила и заиграла красками. Чтобы увеличить изображение, Лэнгдон установил необычный проектор на краю стола у противоположной стены и, стоя чуть в стороне, чтобы не загораживать луч, перевел взгляд на картину.

Сиенна снова показала на участок, изображавший восьмой круг ада:

— Видите? Помните, вы говорили, что в ваших галлюцинациях была пара ног, торчавших из земли, с написанной на них буквой «R»? — Она ткнула пальцем в нужное место. — Вот эти ноги!

Лэнгдон много раз видел эту картину и знал, что в десятом ряду Злых Щелей изображены закопанные в землю вниз головой грешники с торчавшими наружу ногами. Но его поразило, что в изображении на стене на одной ноге была выведена грязью буква «R» — в точности как в его видении.

Господи Боже! Лэнгдон еще пристальнее вгляделся в крошечную деталь.

— Этой буквы «R»… на картине Боттичелли нет!

— А вот еще одна буква, — заметила Сиенна, показывая пальцем.

Лэнгдон перевел взгляд на другой ряд Злых Щелей, где буква «E» была нацарапана на лже-пророке со свернутой шеей.

Что за черт?! В картину внесены изменения!

Теперь он заметил, что буквы есть на грешниках во всех десяти рядах Злых Щелей. «C» — на обольстителе, которого бесы стегали кнутами… еще одна «R» — на воре, которого жалили змеи… «A» — на взяточнике, которого бесы варили в смоле.

— Этих букв точно нет на картине Боттичелли, — уверенно заявил Лэнгдон. — Изображение изменили с помощью цифровых технологий.

Он вернулся взглядом к картине и стал читать сверху вниз буквы, нацарапанные во всех десяти рядах Злых Щелей.

C… A… T… R… O… V… A… C… E… R

— Catrovacer? — произнес Лэнгдон. — Это итальянский?

Сиенна покачала головой.

— И не латынь. Никогда такого не встречала.

— Может… это подпись?

— Catrovacer? — Она с сомнением покачала головой. — На имя не похоже. Но посмотрите-ка лучше сюда. — Она показала на фигурку в третьем ряду Злых Щелей.

Лэнгдон вгляделся, и по спине у него побежали мурашки. Среди грешников, толпящихся в третьем ряду, имелось изображение культового образа Средневековья — закутанного в плащ человека в маске с длинным клювом и равнодушным взглядом холодных глаз.

Чумная маска.

— А у Боттичелли есть врачеватель чумы? — поинтересовалась Сиенна.

— Однозначно нет! Эту фигуру добавили.

— Боттичелли оставлял автограф на оригинале?

Этого Лэнгдон не помнил, но, взглянув в правый нижний угол, где обычно подписываются художники, понял, почему она спросила. Подписи там не было, но зато вдоль темно-коричневой границы рисунка тянулась строка, выведенная крошечными печатными буквами: «la verità è visibile solo attraverso gli occhi della morte».

Лэнгдон достаточно хорошо знал итальянский,

чтобы уловить смысл.

— Истину можно узреть только глазами смерти.

Сиенна согласно кивнула.

— Странно.

Оба замолчали, глядя, как зловещее изображение на стене начало тускнеть. *Дантов «Ад»*, подумал Лэнгдон, *вдохновлявший на создание пророческих произведений искусства с 1330 года.*

Курс лекций Лэнгдона о Данте обязательно включал раздел о блестящих произведениях изобразительного искусства, созданных под влиянием творения Мастера. Помимо знаменитой «Карты ада» Боттичелли тут и бессмертная скульптура Родена «Три тени у врат ада»… иллюстрации Яна ван дер Страта, где челн Флегия пересекает реку Стикс, заполненную мертвыми телами… похотливые грешники Уильяма Блейка, гонимые вечной бурей… полное причудливого эротизма полотно Уильяма Бугро, на котором Данте и Виргилий наблюдают за схваткой двух обнаженных мужчин… грешные души Франца фон Байроса, изнемогающие под огненным градом… серия эксцентричных гравюр на дереве и акварелей Сальвадора Дали… большая коллекция черно-белых иллюстраций к «Божественной

Комедии» Гюстава Доре, где изображено все, от ведущего в ад тоннеля… до крылатого Сатаны.

Судя по всему, Дантов «Ад» оказал влияние не только на самых почитаемых в истории человечества художников. Он вдохновил еще и какого-то субъекта с больной психикой, который с помощью цифровых технологий внес изменения в знаменитый рисунок Боттичелли, добавив в него десять букв, врачевателя чумы и зловещую фразу о том, что истину можно узреть только глазами смерти. А затем этот «художник» упрятал изображение в высокотехнологичный проектор, который поместил в костяной футляр с причудливой резьбой.

Лэнгдон никак не мог взять в толк, кому вообще могло понадобиться создавать этот артефакт, но сейчас ему не давал покоя совсем другой вопрос.

Какого черта он оказался у меня?

Сиенна по-прежнему находилась на кухне рядом с Лэнгдоном, размышляя, что делать дальше, когда с улицы неожиданно донесся рев мощного двигателя. За ним последовал скрип тормозов, хлопнули дверцы. Озадаченная, она подошла к окну и выглянула на улицу.

Внизу стоял черный фургон, от которого отделилась группа мужчин в черной форме с круглой

зеленой нашивкой на левом рукаве и с автоматами в руках. Действуя с военной решительностью, они быстро направились к их дому.

Сиенна почувствовала, как кровь застыла у нее в жилах.

— Роберт, я не знаю, кто это, но они нашли нас!

Внизу агент Кристоф Брюдер выкрикивал команды своим людям, уже входившим в подъезд. Армейская закалка научила его беспрекословно выполнять полученный приказ, не задавая никаких вопросов. Он знал только свою задачу и понимал, насколько высоки ставки.

В организации, на которую работал Брюдер, имелось много разных подразделений, но его Службу наблюдения и реагирования, или сокращенно СНР, задействовали, когда ситуация выходила из-под контроля и требовались нестандартные, зачастую силовые решения.

Дождавшись, когда члены команды окажутся внутри дома, Брюдер вытащил рацию и связался с руководителем.

— Это Брюдер, — доложил он. — Мы вычислили местонахождение Лэнгдона по IP-адресу. Мои люди уже поднимаются. Я сообщу сразу, как только мы его возьмем.

Лежа на крыше «Пенсионе ла Фиорентина», Вайента с ужасом наблюдала, как агенты входят в дом, и не верила своим глазам.

Какого черта ОНИ тут делают?

Нервно проведя рукой по склеенным в шипы волосам, она только теперь осознала, чем для нее обернулось проваленное вчера задание. Простое воркование голубя в самый неподходящий момент повлекло за собой целую череду неконтролируемых событий. То, что сначала выглядело самым обычным заданием… теперь превратилось в настоящий кошмар.

Если тут появилась команда СНР, то для меня все кончено.

Вайента торопливо вытащила свой мобильный «Тайгер» и набрала номер Ректора.

— Сэр, — запинаясь, произнесла она. — Тут на месте команда СНР. Люди Брюдера зашли в дом напротив!

Она ждала ответа, но услышала в трубке несколько щелчков, после чего электронный голос безучастно произнес: «Запущен протокол дезавуирования».

Посмотрев на экран мобильника, Вайента увидела, что он погас. Кровь отлила у нее от лица, и она заставила себя принять случившееся. Кон-

сорциум только что поставил на ней крест.

Никаких связей. Никаких следов.

От меня отреклись.

Шок длился всего мгновение.

Ему на смену пришел страх.

Глава 16

— Быстрее, Роберт! — торопила Сиенна. — Не отставайте!

Даже выбегая из квартиры в подъезд, Лэнгдон продолжал находиться в плену мрачных образов Дантовой преисподней. До сих пор Сиенна Брукс переносила выпавшие на их долю испытания с удивительным самообладанием, но теперь в ее поведении сквозил настоящий страх.

Сиенна бежала впереди. Она промчалась мимо лифта, который уже спускался вниз, наверняка вызванный людьми в черном. Добравшись до конца коридора, она, не оглядываясь, скрылась на лестничной площадке.

Лэнгдон бежал следом, скользя гладкими подошвами позаимствованных у соседа туфель. В нагрудном кармане пиджака от Бриони подпрыгивал крошечный проектор, в голове продолжали крутиться непонятные буквы из восьмого круга ада: CATRO-VACER. Перед глазами возникла чумная маска и странная фраза: *истину можно узреть только глазами смерти*.

Лэнгдон пытался найти связи между этими

разрозненными элементами, но в голову ничего не приходило. На лестничной площадке он остановился, увидев, что Сиенна замерла, прислушиваясь. Снизу кто-то поднимался по лестнице.

— Здесь есть другой выход? — шепотом спросил Лэнгдон.

— За мной! — отрывисто бросила она.

Утром Сиенна уже спасла ему жизнь, так что Лэнгдону ничего не оставалось, кроме как вновь довериться ей. Набрав полную грудь воздуха, он поспешил по ступенькам вниз.

Они спустились на один этаж, и, судя по шагам внизу, от поднимавшихся преследователей их отделял всего этаж или два.

Зачем она идет им навстречу?

Сиенна схватила его за руку и, не давая опомниться, втолкнула в пустынный коридор с запертыми дверями.

Но здесь же негде спрятаться!

Сиенна щелкнула выключателем, и горевшие в коридоре лампочки погасли, однако даже в полумраке беглецов было отлично видно. Теперь шаги преследователей раздавались совсем близко, и Лэнгдон понял, что они вот-вот появятся на лестничной площадке, откуда был виден коридор.

— Дайте мне свой пиджак! — шепотом скоман-

довала Сиенна и, не дожидаясь, сама стащила его с Лэнгдона. Затем заставила своего спутника присесть на корточки в небольшой нише перед запертой дверью и загородила его собой. — Не шевелитесь!

Что она делает? Она же на самом виду!

На лестничной площадке появились два агента, спешившие наверх, но, заметив в полумраке коридора Сиенну, остановились.

— Per l'amore di Dio! Cos'è questa confusione? — визгливо закричала она. *Да что же это такое! Совсем совесть потеряли!*

Агенты нерешительно переглянулись.

Сиенна не унималась:

— Tanto chiasso a quest'ora! — *Шуметь в такую рань!*

Она успела накинуть на голову и плечи его черный пиджак, похожий в полумраке на старушечью шаль, сгорбилась и, полностью преобразившись, сделала шаг вперед, еще больше закрывая скрючившегося в нише Лэнгдона, — точь-в-точь выжившая из ума старая фурия.

Один из агентов, подняв руку, попросил ее вернуться к себе в квартиру:

— Signora! Rientri subito in casa!

Сиенна сделала еще один неуверенный шаг им

навстречу и сердито потрясла кулаком.

— Avete svegliato mio marito, che è malato!

Лэнгдон не верил своим ушам. *Разбудили мужа?*

Второй агент поднял автомат и навел его на Сиенну.

— Ferma o sparo! — *Стой, или буду стрелять!*

Сиенна остановилась и, продолжая осыпать их проклятиями, заковыляла назад.

Агенты бросились дальше по лестнице и скрылись из виду.

Не шекспировская постановка, подумал Лэнгдон, *но впечатляет. Театральный опыт оказался весьма эффективным оружием*.

Сиенна стянула пиджак с головы и вернула его Лэнгдону.

— Ладно, теперь пора идти.

На этот раз Лэнгдон последовал за ней без колебаний.

С лестничной площадки над вестибюлем они увидели, как двое мужчин с автоматами уже заходили в лифт. Еще один дежурил на улице возле фургона — его черная униформа плотно обтягивала мускулистое тело. Сиенна и Лэнгдон, не говоря ни слова, продолжили путь и спустились в подземный гараж.

Здесь было темно и пахло мочой. Сиенна рысцой устремилась в угол, где стояли мотороллеры и мотоциклы, и остановилась у трайка — трехколесного мопеда, который походил на неуклюжего отпрыска маленького итальянского скутера и взрослого трехколесного велосипеда. Скользнув тонкой рукой под переднее крыло, она вынула небольшую коробочку, державшуюся там на магните. В ней оказался ключ. Вставив его в зажигание, она завела двигатель.

Через мгновение Лэнгдон уже сидел на мопеде позади нее. Еле уместившись на маленьком сиденье, он пошарил по бокам руками в поисках чего-нибудь, за что можно было бы держаться.

— Сейчас не до приличий, — сказала Сиенна, положив его руки себе на талию. — Держитесь крепче.

Лэнгдон подчинился, и трайк рванулся с места. Его двигатель оказался мощнее, чем можно было подумать, и они, слегка подпрыгнув, вылетели из гаража в пятидесяти ярдах от главного входа в здание. Мускулистый агент, оставшийся у внедорожника, обернулся на звук и увидел, как беглецы уносятся прочь. Сиенна прибавила газу, и двигатель взвыл на максимальных оборотах.

Прижавшись к спине Сиенны, Лэнгдон обер-

нулся, чтобы посмотреть на агента, — тот вскинул оружие и тщательно прицелился. Лэнгдон невольно съежился. Раздался выстрел, и пуля, срикошетив от заднего крыла, едва не угодила Лэнгдону в поясницу.

Господи!

На перекрестке Сиенна резко свернула влево, и Лэнгдон едва не сорвался с мопеда, чудом сохранив равновесие.

— Прижмитесь ко мне сильнее! — крикнула Сиенна.

Лэнгдон так и сделал, и трайк на полной скорости вылетел на широкую улицу. Они проехали не меньше квартала, прежде чем Лэнгдон обрел способность соображать.

Кто, черт возьми, эти люди?!

Внимание Сиенны было приковано к дороге — она неслась по проспекту, смело лавируя между машинами, которых в этот утренний час оказалось не так много. Кое-кто из прохожих невольно останавливался, чтобы проводить удивленным взглядом странную парочку — мопедом управляла хрупкая женщина, а за ней сидел высокий мужчина.

Лэнгдон и Сиенна проехали три квартала и уже приближались к большому перекрестку, когда

впереди послышался вой сирены. Из-за угла на двух колесах вылетел черный фургон и, повернув, понесся прямо на них. Он был точно таким же, как тот, что стоял у их дома.

Сиенна резко вильнула вправо и нажала на тормоза. Лэнгдон по инерции ткнулся грудью ей в спину, и мопед замер, скрывшись из виду за припаркованным грузовиком. Сиенна выключила двигатель.

Они нас засекли?!

Съежившись, беглецы затаили дыхание.

Фургон, не сбавляя скорости, промчался мимо — судя по всему, не заметив их. Но Лэнгдон успел разглядеть сидевших в нем людей.

На заднем сиденье между двумя громилами была зажата, будто пленница, очень красивая пожилая женщина. Ее взгляд не фокусировался, а голова болталась, словно ее опоили или накачали наркотиком. На груди висел амулет, длинные серебристые локоны спадали с плеч.

У Лэнгдона перехватило дыхание, словно он увидел призрак. Это была женщина из его видений.

Глава 17

Ректор стремительно покинул командный центр и зашагал по длинной палубе «Мендация», стараясь собраться с мыслями. Случившееся в жилом доме во Флоренции не укладывалось у него в голове.

Он дважды обошел яхту и только после этого вернулся в каюту и достал бутылку односолодового виски пятидесятилетней выдержки. Поставив ее на стол, он повернулся к ней спиной, доказывая самому себе, что по-прежнему полностью собой владеет.

Его взгляд невольно задержался на тяжелом потрепанном томе, стоявшем на книжной полке. Его подарил тот самый клиент… о встрече с которым он теперь так сожалел.

Год назад… откуда мне было знать?

Обычно Ректор не встречался с потенциальными клиентами лично, но этого человека рекомендовал очень надежный источник, и он решил сделать для него исключение.

Когда клиент прибыл на частном вертолете на борт «Мендация», на море стоял полный штиль.

Гостю было сорок шесть лет — подтянутый, очень высокий и с пронзительным взглядом зеленых глаз, он был заметной фигурой в своей сфере деятельности.

— Как вам известно, — начал посетитель, — воспользоваться вашими услугами мне порекомендовал наш общий друг. — Он вытянул ноги, чувствуя себя как дома в роскошном кабинете Ректора. — Позвольте мне изложить, что, собственно, от вас требуется.

— В этом нет необходимости, — прервал его Ректор, давая понять, кто здесь главный. — Согласно нашим правилам, вы ничего не должны мне рассказывать. Я объясню, какие услуги мы предоставляем, после чего вы решите, имеют ли они для вас интерес.

Посетитель не ожидал такого поворота, но возражать не стал и внимательно все выслушал. Как потом выяснилось, долговязому гостю требовалась весьма обычная для Консорциума услуга — обеспечить ему возможность на какое-то время «исчезнуть», чтобы он мог завершить задуманное вдали от любопытных глаз.

Детские игры.

Консорциум должен был снабдить его фальшивыми документами и предоставить абсолютно

надежное и безопасное убежище, где он смог бы работать в полной секретности, чем бы ни занимался. Консорциум никогда не интересовался причинами, по которым клиенту необходима секретность, предпочитая знать о нем как можно меньше.

На протяжении целого года Ректор за весьма солидное вознаграждение обеспечивал пребывание зеленоглазого мужчины, оказавшегося идеальным клиентом, в надежном убежище. Ректор с ним никогда не связывался, все выставленные счета оплачивались вовремя.

Но две недели назад все изменилось.

Неожиданно клиент сам вышел на связь и потребовал личной встречи с Ректором. Помня, какую сумму тот заплатил за оказанные услуги, Ректор не смог ему отказать.

Во взъерошенном неопрятном человеке, прибывшем на яхту, было трудно узнать подтянутого и уверенного в себе визитера, с которым Ректор встречался год назад. В зеленых, некогда проницательных глазах теперь блуждал огонек смятения. Он казался больным.

Что с ним случилось? Чем он занимался?

Клиент с затравленным видом прошел за Ректором в его кабинет.

— Седовласая дьяволица, — запинаясь, произнес он. — Она подобралась совсем близко.

Ректор раскрыл папку с досье на клиента и взглянул на фотографию красивой женщины с серебристыми волосами.

— Да, — сказал он, — седовласая дьяволица. Ваши враги нам хорошо известны. И какой бы могущественной она ни была, мы целый год успешно вас от нее скрывали и сможем это делать и дальше.

Зеленоглазый мужчина нервно накрутил на палец прядь засаленных волос.

— Не смотрите, что она такая красивая. Она очень опасна.

Мне ли не знать, подумал Ректор, уже не в первый раз досадуя, что его клиент оказался в центре внимания столь влиятельной особы. У этой пожилой женщины имелись обширные связи и огромные ресурсы, а Ректор предпочитал не иметь дела с противниками такого калибра.

— Если она или ее подручные меня найдут… — начал клиент.

— Не найдут, — заверил Ректор. — Разве до сих пор нам не удавалось укрывать вас в безопасном месте и снабжать всем, что требовалось?

— Все так, — согласился клиент. — Но я буду

спать спокойнее, если… — Он помолчал, собираясь с мыслями. — Я должен быть уверен, что, если со мной что-нибудь случится, вы выполните мою последнюю просьбу.

— И в чем она заключается?

Мужчина открыл портфель и вытащил из него маленький запечатанный конверт.

— В конверте сведения, предоставляющие доступ к сейфовой ячейке в одном флорентийском банке. Там хранится маленький предмет. Если со мной что-нибудь случится, я хочу, чтобы вы доставили его адресату от моего имени. Это своего рода подарок.

— Очень хорошо, — согласился Ректор и взял ручку, готовясь записать. — И кому его надо доставить?

— Седовласой дьяволице.

— Подарок своей мучительнице? — Ректор удивленно приподнял бровь.

— Скорее, «подарочек». — Глаза его клиента зловеще блеснули. — Изящная вещица, выточенная из кости. Она поймет, что это карта… личный Вергилий… который сопроводит ее в самое сердце преисподней.

Ректор устремил на него долгий изучающий взгляд.

— Как скажете. Считайте, что это уже сделано.

— Здесь очень важен фактор времени, — в волнении продолжал гость. — Подарок нельзя доставлять заранее. А вручить надо… — Он вдруг замолчал, о чем-то задумавшись.

— А вручить надо?.. — напомнил Ректор, возвращая его к разговору.

Клиент вдруг резко вскочил, обогнул стол и, схватив красный маркер, судорожно обвел им число на персональном настольном календаре Ректора.

— Вот в этот день!

Ректор медленно выдохнул, гася раздражение, вызванное столь беспардонным поведением гостя.

— Я понял, — произнес он. — Я ничего не предпринимаю, пока не наступит дата, обведенная на календаре, и в этот день предмет, находящийся в банковской ячейке, чем бы он ни являлся, будет доставлен седовласой женщине. Можете на меня положиться.

Он посчитал, сколько осталось до обведенной даты.

— Ваша просьба будет выполнена ровно через четырнадцать дней, начиная с сегодняшнего.

— И ни днем раньше! — нервно повторил кли-

ент.

— Я понял, — заверил его Ректор. — Ни днем раньше.

Ректор взял конверт, положил его в папку с досье и сделал пометку, чтобы все было исполнено в точности так, как настаивал клиент. Хотя клиент и не стал объяснять, чем именно являлся предмет из банковской ячейки, Ректора это вполне устраивало. Безучастность и отстраненность являлись краеугольным камнем философии Консорциума. *Предоставить услугу. Не задавать вопросов. Ни о чем не судить.*

Плечи клиента обмякли, он тяжело выдохнул.

— Благодарю вас.

— Что-нибудь еще? — поинтересовался Ректор, стремясь поскорее закончить встречу с изменившимся до неузнаваемости клиентом.

— Вообще-то да, — ответил тот и, вытащив из кармана маленькую флешку, положил ее перед Ректором. — Здесь записан видеоролик. Я хочу, чтобы его разослали в ведущие мировые СМИ.

Ректор пристально посмотрел на гостя. Консорциуму часто приходилось распространять информацию по указанию клиентов, но в просьбе этого человека его что-то смущало.

— В этот же день? — уточнил Ректор, показывая

на календарь с обведенной датой.

— Именно так, — подтвердил клиент. — И ни днем раньше.

— Я понял. — Ректор прикрепил к флешке ярлычок с указаниями. — Итак, на этом все?

Ректор поднялся, намереваясь закончить встречу, но гость остался сидеть.

— Нет. Есть еще одно. Последнее.

Ректор снова опустился в кресло.

— Вскоре после того, как вы разошлете это видео, я стану очень знаменитым человеком, — произнес гость, и его глаза вспыхнули недобрым огнем.

Ты и так уже знаменит, подумал Ректор, знающий о его впечатляющих достижениях.

— И ваша роль в этом заслуживает признания, — продолжал клиент. — Услуга, оказанная вами, позволила мне создать шедевр… творение, которое изменит мир. Вам следует гордиться своим участием.

— Чем бы ни был ваш шедевр, — заметил Ректор с нарастающим нетерпением, — я рад, что мы смогли обеспечить условия, позволившие его создать.

— В знак признательности я хочу сделать вам прощальный подарок, — продолжил гость и от-

крыл портфель. — Это книга.

Ректор сначала решил, что эта книга и есть тот тайный опус, над которым клиент трудился все это время.

— Эту книгу написали вы?

— Нет, — ответил гость и водрузил на стол увесистый фолиант. — Совсем наоборот… ее написали *для меня*.

Ректор озадаченно перевел взгляд на книгу. *Он считает, что ее написали для него?* Но это же классическое произведение литературы… которое было создано в четырнадцатом веке!

— Прочтите ее. — На лице гостя заиграла зловещая усмешка. — Она поможет вам оценить все величие моего свершения. — С этими словами неопрятный гость поднялся и, попрощавшись, тут же вышел.

Ректор посмотрел в окно каюты на вертолет, удалявшийся в сторону итальянского побережья. Потом перевел взгляд на лежавший перед ним фолиант в кожаном переплете. Нерешительно раскрыв книгу, он перелистнул несколько страниц и нашел начало. Вступительный абзац был набран крупным шрифтом и занимал всю страницу.

АД

Когда-то я в годину зрелых лет
В дремучий лес зашел и заблудился.
Потерян был прямой и верный след…

На чистой странице рядом клиент написал от руки:

Мой дорогой друг, спасибо, что помогли мне найти истинный путь.
Мир тоже благодарен вам.

Ректор понятия не имел, что это значило, но с него было довольно. Он закрыл книгу и поставил ее на полку. К счастью, деловые отношения с этим странным субъектом скоро закончатся. *Еще четырнадцать дней*, подумал Ректор, глядя на обведенную красным дату в календаре.

Все дни после этого визита Ректора преследовало нехарактерное для него ощущение смутной тревоги. Клиент производил впечатление психически нездорового человека. Однако, несмотря на дурные предчувствия, время шло, и ничего необычного не происходило.

А затем, как раз накануне обведенной красным даты, во Флоренции произошла череда прискорбных событий. Ректор пытался справиться

с кризисом, но ситуация быстро вышла из-под контроля. Кульминацией стал роковой подъем клиента на башню Бадия.

Он бросился с нее… и разбился насмерть.

Несмотря на потрясение от потери клиента, особенно при таких обстоятельствах, Ректор оставался человеком слова. Он быстро занялся подготовкой к выполнению последней воли покойного — доставкой содержимого банковской ячейки во Флоренции седовласой женщине. Он помнил, что доставить его нужно точно в срок.

И ни в коем случае не раньше даты, отмеченной в календаре.

Ректор передал Вайенте конверт с кодом ячейки, и она отправилась во Флоренцию, чтобы забрать ее содержимое. Однако когда Вайента позвонила, она сообщила не о выполнении задания, а совсем другие, поразительные и крайне тревожные новости. Содержимое банковской ячейки уже кто-то изъял, а сама Вайента чудом избежала ареста. Каким-то образом седовласой женщине стало известно о ячейке, и она, используя свое влияние, добилась доступа к ней и ордера на арест любого, кто попытается ее открыть.

Это было три дня назад.

Клиент явно намеревался с помощью похи-

щенного предмета унизить седовласую женщину — послать своего рода прощальный привет из могилы.

Но голос из могилы прозвучал раньше времени.

Все эти дни Консорциум напрягал все силы, чтобы выполнить последнюю волю клиента и защитить себя. В результате этих усилий им пришлось несколько раз перейти черту, и Ректор понимал, что теперь на кону стоит вопрос выживания. События во Флоренции продолжали развиваться, и Ректор, направив на стол невидящий взгляд, пытался предугадать, что приготовило им будущее.

С календаря на него смотрела небрежно обведенная красным, наверняка не случайная дата.

Завтра.

Ректор с сомнением посмотрел на бутылку виски, стоявшую перед ним на столе. А затем, впервые за последние четырнадцать лет, плеснул себе в бокал и залпом выпил.

Координатор Лоренс Ноултон вытащил маленькую флешку из компьютера и положил на стол перед собой. Подобных странных записей ему еще не доводилось видеть ни разу в жизни.

И она длилась ровно девять минут… секунда в секунду.

Испытывая непривычное чувство тревоги, он поднялся и принялся мерить шагами свой маленький кабинет, вновь спрашивая себя, не стоит ли показать этот странный ролик Ректору.

Просто делай свою работу, приказал себе Ноултон. *Никаких вопросов. Никаких оценок.*

Выкинув ролик из головы, он отметил подтверждение задания в ежедневнике. Завтра, как и обещано клиенту, он разошлет видеофайл всем главным новостным порталам.

Глава 18

Бульвар Никколо Макьявелли называют одной из самых красивых улиц Флоренции. Причудливо петляя по живописному, утопающему в зелени району, он давно стал излюбленным местом велосипедистов и поклонников «феррари».

Оставив позади неопрятные жилые кварталы, Сиенна умело вела трайк по извилистой дороге вдоль чистого, напоенного запахом кедра престижного западного берега. Они миновали церквушку, часы на которой как раз били восемь.

У Лэнгдона по-прежнему не выходили из головы загадочные образы Дантова ада… и таинственное лицо прекрасной незнакомки с серебристыми волосами, которую он только что видел на заднем сиденье фургона в компании двух громил.

Кем бы она ни была, подумал Лэнгдон, *ее схватили.*

— Та женщина в фургоне, — спросила Сиенна, перекрикивая тарахтенье мотора, — вы уверены, что в ваших видениях являлась именно она?

— Абсолютно.

— Тогда вы обязательно должны были встречаться с ней в последние два дня. Вопрос в том, почему она продолжает вам являться… и все время повторяет: «Ищите и обрящете».

Лэнгдон согласно кивнул.

— Я не знаю… я не помню ни о какой встрече, но каждый раз, когда я ее вижу, я чувствую, что должен во что бы то ни стало ей помочь.

Визири… визири…

И почему эти слова все время всплывают, стоит ему о ней подумать? Какая тут может быть связь? Не находя ответа, он злился на свою беспомощность.

Ему казалось, будто из его арсенала изъяли самое главное оружие. *Я ничего не помню*. Обладая с детства фотографической памятью, Лэнгдон считал ее своим самым главным интеллектуальным достоянием. Для человека, привыкшего помнить мельчайшие подробности всего, что только видит глаз, потеря этого дара была сродни попытке посадить самолет в кромешной тьме и без радара.

— Похоже, что расшифровка «Карты ада» — ваш единственной шанс найти ответы, — сказала Сиенна. — Скрытые в ней тайны… наверное, и

есть та причина, по которой за вами охотятся.

Лэнгдон кивнул, думая о слове «catrovacer», написанном на корчащихся телах грешников Дантова ада.

И вдруг его осенило.

Я проснулся во Флоренции…

Ни один город в мире не был так тесно связан с Данте, как Флоренция. Данте Алигьери родился во Флоренции, вырос тут, влюбился, если верить легенде, в Беатриче, а потом был безжалостно изгнан из родного города и долгие годы скитался по Италии, тоскуя по дому.

Покинуть все, что некогда любил, ты должен будешь, скрывши сожаленье и затаив негодованья пыл, писал Данте об изгнании. *Узнаешь ты, озлоблен и уныл, как горек хлеб, чужими поднесенный, как путь тяжел по лестницам чужим*.

Вспомнив эти слова из Семнадцатой песни «Рая», Лэнгдон посмотрел направо, где за рекой Арно виднелись вдали башни старой Флоренции.

Лэнгдон представил себе Старый город: толпы туристов, толкотня, забитые машинами узкие улочки вокруг знаменитых соборов, музеев, церквей и торговых районов. Если они с Сиенной бросят мопед, то смогут затеряться в толпе.

— Нам нужно в Старый город, — заявил Лэнгдон. — Если и есть ответы, то искать их следует там. Старая Флоренция была для Данте всем миром.

Согласно кивнув, Сиенна крикнула ему через плечо:

— Там будет безопаснее, и есть где укрыться. Я поеду к Римским воротам, там мы пересечем реку.

Река, подумал Лэнгдон, невольно вздрогнув. Знаменитое путешествие Данте в ад тоже началось с того, что он пересек реку.

Сиенна прибавила газу, и мимо замелькали, сливаясь, деревья и дома. Перед глазами Лэнгдона снова возникли образы мертвых и умирающих в преисподней, Злые Щели восьмого круга ада с фигурой врачевателя чумы и непонятным словом «catrovacer». Что может означать загадочная фраза «Истину можно узреть только глазами смерти» и не является ли она цитатой из Данте?

Что-то не припомню такого.

Лэнгдон очень хорошо знал «Божественную Комедию» и, будучи признанным экспертом в области истории искусств, специализировавшимся на иконографии, не раз привлекался для расшифровки символов, которыми изобиловали

труды Данте. По чистой случайности, а может, по воле Судьбы, примерно два года назад он даже прочитал целую лекцию, которая называлась «Божественный Данте: символы преисподней».

Данте Алигьери стал поистине культовой фигурой истории, и общества его поклонников имелись в самых разных уголках мира. Старейшее такое объединение в Америке основал Генри Уодсворт Лонгфелло в 1881 году в Кембридже, штат Массачусетс. Этот знаменитый поэт из Новой Англии стал первым американцем, который перевел «Божественную Комедию», и его перевод остается одним из самых читаемых и востребованных по сей день.

Как авторитетного знатока «Божественной Комедии», Лэнгдона попросили выступить на крупном мероприятии, которое организовало известнейшее Венское отделение «Общества Данте Алигьери». Оно проходило в Венской академии наук, и его главному спонсору — богатому ученому и члену «Общества» — удалось арендовать ее лекционный зал на две тысячи мест.

Прибывшего на выступление Лэнгдона встретил распорядитель мероприятия. Когда они шли по вестибюлю, Лэнгдону бросилась в глаза исполинская надпись на торцевой стене: «А ЧТО ЕСЛИ

БОГ ОШИБСЯ?»

— Это Лукас Троберг, — пояснил распорядитель. — Наша новая художественная инсталляция. Как вам?

Окинув взглядом гигантскую надпись, Лэнгдон смутился, не зная, как отреагировать.

— Хм… мазки очень смелые, но над пунктуацией нужно еще поработать.

Распорядитель, опешив, отвернулся, и Лэнгдону лишь оставалось надеяться, что контакт с аудиторией будет лучше.

Когда он вышел на сцену, его встретили овацией. Зал был набит до отказа, и люди, которым не хватило места, стояли в проходах.

— Meine Damen und Herren[10], — начал Лэнгдон, и его голос, усиленный динамиками, разлетелся по залу. — Willkommen, bienvenue, welcome[11].

Знаменитая фраза из «Кабаре» вызвала одобрительный смех.

— Мне сказали, что сегодня здесь собрались не только члены «Общества Данте Алигьери», но и приехавшие ученые, а также студенты, которые только приступают к изучению творчества

---

[10] Примечания: 10
Дамы и господа (*нем.*).

[11] Примечания: 11
Добро пожаловать (*нем., фр., англ.*).

Данте. Поэтому для тех из вас, кто в силу исключительной занятости еще не успел прочитать эту итальянскую средневековую эпическую поэму, я начну с краткого обзора жизни и творчества Данте и объясню, почему он считается одной из самых влиятельных фигур в истории.

Новый взрыв аплодисментов.

С помощью маленького пульта Лэнгдон вывел на экран серию слайдов с изображением Данте. На первом портрете, написанном Андреа дель Кастаньо, Данте был изображен в полный рост — он стоял возле открытой двери с книгой по философии в руках.

— Итак, Данте Алигьери, — начал Лэнгдон. — Этот флорентийский поэт и философ родился в одна тысяча двести шестьдесят пятом году и умер в одна тысяча триста двадцать первом. На этом портрете, как практически и на всех других изображениях, на голове у него каппуччио — своего рода колпак с наушниками, который плотно прилегает к голове. Этот головной убор и темно-красная мантия стали неотъемлемой частью привычного нам облика Данте.

Затем на экране появился портрет из галереи Уффици кисти Боттичелли, подчеркивавший наиболее характерные черты лица поэта — тяже-

лый подбородок и крючковатый нос.

— Здесь мы снова видим, что своеобразное лицо Данте обрамляет тот же головной убор, но Боттичелли добавил еще и лавровый венок как символ мастерства — в данном случае, в искусстве поэзии. Эта традиция унаследована от древних греков и используется по сей день при награждении лауреатов литературных премий и Нобелевской премии.

Лэнгдон быстро показал еще несколько портретов — на всех Данте был изображен с большим крючковатым носом, в красном головном уборе и красном плаще и украшен лавровым венком.

— Завершить ваше представление о внешности Данте поможет статуя на площади Санта-Кроче… и, конечно, знаменитая фреска в часовне Барджелло, приписываемая Джотто.

Оставив на экране проекцию слайда фрески Джотто, Лэнгдон вышел на середину сцены.

— Как вам, без сомнения, известно, Данте прославил его монументальный литературный шедевр «Божественная Комедия», в которой необычайно ярко и волнующе рассказывается о спуске автора в преисподнюю, прохождении через чистилище и, наконец, подъеме в рай для общения с Богом. По нынешним меркам, в «Бо-

жественной Комедии» нет ничего комедийного, и называется она комедией совсем по другой причине. В четырнадцатом веке вся итальянская литература делилась на две категории: трагедия представляла собой высокую литературу на «официальном» итальянском языке, а комедия — литературу для широкой публики, написанную на языке повседневного общения.

Прокрутив слайды, Лэнгдон остановился на знаменитой фреске Микелино, на которой Данте изображен у стен Флоренции с экземпляром «Божественной Комедии» в руках. На заднем плане гора чистилища в форме усеченного конуса поднималась уступами вверх, а под ней располагались врата ада. Теперь эта картина висела во флорентийском соборе Санта-Мария-дель-Фьоре, более известном как Дуомо.

— Как следует из названия, — продолжал Лэнгдон, — «Божественная Комедия» была написана на языке простого народа. Тем не менее в ней мастерски сплетены в единое литературное полотно религия, история, политика, философия и общественная критика. При всей своей утонченности, поэма была доступна пониманию самых широких масс. Это творение стало настоящим столпом итальянской культуры, а Данте принято

считать создателем итальянского литературного языка. — Сделав паузу для усиления эффекта, Лэнгдон тихо произнес: — Друзья, переоценить влияние творчества Данте Алигьери просто невозможно. За исключением разве что Священного Писания, ни одно произведение литературы, живописи или музыки не может сравниться с «Божественной Комедией» по количеству восхищенных отзывов, вариаций, подражаний и комментариев.

Перечислив внушительный список знаменитых композиторов, художников и писателей, обращавшихся в своем творчестве к эпической поэме Данте, Лэнгдон обвел взглядом собравшихся.

— Скажите, есть ли среди вас писатели?

Примерно треть присутствующих подняли руки. Лэнгдон не поверил своим глазам. *Либо тут собралась самая талантливая публика на свете, либо электронные публикации действительно изменили привычные преставления о писательском труде.*

— Что ж, как вам, авторам, известно лучше других, нет ничего, что писатель ценит выше благоприятного отзыва — вожделенной строчки какого-нибудь авторитета, которая печатается на

обложке и поднимает продажи. В Средние века было то же самое. А у Данте таких отзывов было немало. — Лэнгдон поменял слайд. — Разве вам не хотелось бы иметь на обложке своей книги вот такую запись?

Он так велик, что все остальные кажутся карликами.

— Микеланджело

По залу прокатился гул удивления.

— Да, — продолжил Лэнгдон, — эти слова сказаны тем самым Микеланджело, которого мы знаем по Сикстинской капелле и «Давиду». Он был не только гениальным художником и скульптором, но и превосходным поэтом, который опубликовал около трехсот стихотворений. Одно из них называется «Данте» и посвящено человеку, чье мрачное видение ада вдохновило Микеланджело на написание «Страшного суда». А если вы мне не верите, прочитайте Третью песню «Ада» Данте, а потом посетите Сикстинскую капеллу. Там прямо над алтарем вы увидите вот этот знакомый образ. — Лэнгдон показал слайд с изображением звероподобного гиганта, который яростно замахивался веслом на испуганно жавшихся друг к другу людей в лодке. — Это — Харон, доставляю-

щий души в царство мертвых, ударами весла он загоняет их в лодку.

Затем Лэнгдон перешел к следующему слайду — очередному фрагменту «Страшного суда» Микеланджело. На этот раз — к сцене распятия какого-то человека.

— Это Аман Агаги, и в Библии говорится, что он был повешен. Однако в поэме Данте его распинают, и, как вы видите сами, для росписи Сикстинской капеллы Микеланджело предпочел Библии вариант Данте. — Улыбнувшись, Лэнгдон понизил голос до шепота: — Только не говорите об этом папе римскому.

В зале послышался смех.

— В своем «Аде» Данте описал такой мир боли и страданий, представить который до него никто не мог, и его творение в буквальном смысле сформировало наши представления о преисподней. — Помолчав, Лэнгдон продолжил: — И, поверьте, католической церкви есть за что благодарить Данте. Его ад внушал ужас верующим на протяжении веков, и они стали приходить в церковь замаливать грехи в два, а то и в три раза чаще.

Лэнгдон снова сменил слайд.

— А теперь настало время вспомнить, зачем

мы здесь сегодня собрались.

На экране появилось название лекции: «Божественный Данте: символы преисподней».

— Дантов ад предоставляет такое богатство материала по символизму и иконографии, что я часто посвящаю этой теме курс, который занимает целый семестр. И я подумал, что для беглого знакомства с символикой преисподней Данте нет способа лучше, чем вместе с ним пройти… через врата ада. — Лэнгдон подошел к краю сцены и обвел взглядом аудиторию. — А если нам предстоит путешествие по аду, то я настоятельно рекомендую прихватить с собой карту. А самую подробную и точную карту нарисовал Сандро Боттичелли.

Он нажал на пульте кнопку, и на экране появилось изображение внушающей страх «Карты ада» Боттичелли. При виде ужасных пыток в подземном царстве в зале раздались испуганные возгласы.

В отличие от многих других иллюстраторов «Божественной Комедии» Боттичелли относился к авторскому описанию с истинным благоговением. По сути, он проводил так много времени за чтением Данте, что, по словам великого родоначальника искусствоведения Джорджо Вазари,

одержимость Данте «серьезно осложнила его жизнь». Боттичелли создал более двадцати работ по мотивам Данте, но эта карта является самой знаменитой.

Лэнгдон повернулся и показал на верхний левый угол картины.

— Наше путешествие начнется здесь, где вы видите Данте в красном и Виргилия у врат в преисподнюю. Отсюда мы двинемся вниз, пройдем через девять кругов Дантова ада и, в конце концов, окажемся лицом к лицу с… — Лэнгдон быстро сменил слайд, и на экране возникло увеличенное изображение Сатаны, каким его нарисовал на той же картине Боттичелли: жуткий трехголовый Люцифер пожирает трех человек, торчащих из каждой его пасти.

Аудитория испуганно охнула.

— Это для общего представления, — пояснил Лэнгдон. — Сей пугающий персонаж будет ждать нас в конце сегодняшнего путешествия. Тут находится девятый круг ада, где обитает сам Сатана. Однако… — он выдержал паузу, — чтобы ничего не пропустить, давайте вернемся к вратам преисподней, откуда и начнем свое путешествие.

Нажав на кнопку, Лэнгдон показал очередной слайд — литографию Гюстава Доре. На ней был

изображен крутой обрыв с темным входом в тоннель, над которым виднелась надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

— Итак, — спросил Лэнгдон с улыбкой, — в путь?

Где-то послышался громкий визг тормозов, и зал перед глазами Лэнгдона исчез. Его бросило вперед, и он уткнулся в спину Сиенны, а трайк замер посреди бульвара Макьявелли.

Лэнгдон покачнулся, не сразу очнувшись от нахлынувших воспоминаний, и огляделся.

— Что случилось? — спросил он.

Сиенна показала на старинные каменные Римские ворота, когда-то служившие входом во Флоренцию. До них оставалось ярдов триста.

— Роберт, у нас проблема.

Глава 19

Агент Брюдер стоял посреди убогой квартирки и пытался собраться с мыслями. Кто, черт возьми, здесь живет? Скудная и разношерстная мебель делала жилье похожим на комнату в студенческом общежитии, обставленную тем, что нашлось на складе.

— Агент Брюдер? — позвал его из другой комнаты один из подручных. — Тут кое-что есть.

Брюдер прошел по коридору, задаваясь вопросом, удалось ли полиции задержать Лэнгдона. Он бы предпочел решить проблему «своими силами», но побег Лэнгдона не оставлял ему выбора — придется подключать полицейских, чтобы те выставили посты и перекрыли дороги. В лабиринте флорентийских улиц на юрком мопеде легко ускользнуть от тяжелых фургонов Брюдера: массивные пуленепробиваемые стекла и защищенные от проколов шины обеспечивали безопасность, но делали машины неповоротливыми. Вообще-то итальянская полиция неохотно сотрудничала со сторонними организациями, но у той, на которую работал Брюдер, имелось до-

статочно рычагов влияния как на полицейских, так и на посольства с консульствами. *Когда мы просим, нам не смеют отказать.*

Брюдер вошел в маленький кабинет, где его агент в резиновых перчатках что-то набирал на клавиатуре открытого ноутбука.

— Вот отсюда Лэнгдон и выходил в Сеть, — пояснил он. — Он проверил свой почтовый ящик и сделал несколько запросов. Все это осталось в памяти компьютера.

Брюдер подошел к столу.

— Компьютер принадлежит не ему, — продолжил агент. — Он зарегистрирован на человека с инициалами С. К. Полное имя я сейчас выясню.

Дожидаясь результатов, Брюдер скользнул взглядом по стопке бумаг на столе и взял те, что лежали сверху. Ими оказались старая программка лондонского театра «Глобус» и газетные вырезки. Брюдер машинально начал их читать, и его глаза округлились от изумления.

Забрав бумаги, Брюдер вернулся в гостиную и позвонил своему руководителю.

— Это Брюдер, — доложил он. — Думаю, мы знаем, кто помогает Лэнгдону.

— И кто это?

— Вы не поверите, — ответил Брюдер.

* * *

В двух милях от дома Сиенны Вайента мчалась на мотоцикле, низко пригнувшись к рулю. Ей навстречу неслись полицейские машины с включенными сиренами.

Меня списали. Эта мысль не давала ей покоя. Обычно мягкий рокот четырехтактного двигателя действовал на нее умиротворяюще, но не сегодня.

Вайента работала на Консорциум двенадцать лет. Она начинала рядовым оперативником, потом получила повышение и стала координатором операций, а теперь входила в оперативную элиту организации. *Работа — это все, что у меня есть.* Секретность, разъезды и долгие командировки являлись неотъемлемой частью жизни оперативника и не позволяли заводить семью или выстраивать отношения.

Я занималась этой операцией целый год, думала она, не в силах поверить, что Ректор так решительно поставил на ней крест.

Двенадцать месяцев Вайента курировала выполнение обязательств Консорциума перед тем самым клиентом — эксцентричным зеленоглазым гением, который хотел просто «исчезнуть»

на какое-то время и продолжить работу вне поля зрения врагов и конкурентов. Он путешествовал крайне редко и всегда тайно и все время проводил за работой. Чем именно он занимался, Вайента не знала — ее задачей было лишь обеспечить секретность его местонахождения и не допустить, чтобы оно стало известно влиятельным людям, пытавшимся его разыскать.

Вайента справлялась со своими обязанностями с присущим ей профессионализмом, и все шло отлично.

До вчерашнего вечера.

А потом все пошло наперекосяк.

На мне поставили крест.

При запуске протокола дезавуирования агенту надлежало немедленно прекратить выполнение задания и тотчас покинуть «оперативный район». Если агента схватят, Консорциум будет отрицать всякую с ним связь. Агенты знали, что им лучше держать язык за зубами и не рассчитывать на помощь организации, поскольку не раз имели возможность лично убедиться во всесилии Консорциума и его способности настоять на своем.

Вайенте было известно только о двух агентах, в отношении которых был запущен подобный протокол. Никого из них она больше не видела. Она

всегда полагала, что их просто сначала вызвали для объяснений, а потом уволили с требованием никогда больше не вступать в контакт ни с кем из прежних коллег.

Но теперь она не была так в этом уверена.

Ты просто драматизируешь, успокаивала она себя. *Консорциум предпочитает действовать изящно, а не хладнокровно убивать.*

Но от этой мысли ей не стало легче, и она почувствовала, как на лбу выступила холодная испарина.

Повинуясь инстинкту, она скрытно покинула крышу гостиницы, как только заметила высадившийся десант Брюдера, и теперь спрашивала себя, не спас ли инстинкт ей жизнь.

Никто не знает, где я сейчас.

Вайента мчалась по прямому как стрела проспекту Поджо-Империале, думая о том, как все изменилось за эти несколько часов. Ночью она боялась потерять работу, а сейчас — жизнь.

Глава 20

Некогда Флоренция была обнесена крепостной стеной, и входом служили каменные Римские ворота, построенные в 1326 году. Хотя бóльшую часть стен снесли несколько столетий назад, Римские ворота стоят и по сей день, и машины въезжают в город по глубоким арочным тоннелям, пробитым в толще стен.

Сами ворота представляют собой массивное сооружение высотой в пятьдесят футов, воздвигнутое из камня и кирпича, две сохранившиеся внушительные деревянные двери с большими болтами и замками постоянно открыты. К воротам сходятся шесть крупных дорог, а на круглой лужайке перед воротами стоит большая мраморная статуя Микеланджело Пистолетто, которая изображает покидающую город женщину с большим узлом на голове.

Сегодня эти сурового вида городские ворота — настоящая головная боль флорентийцев, вынужденных стоять там в постоянных пробках, а некогда тут проходила «Фьера-деи-контратти» — своеобразная ярмарка невест, где отцы

подыскивали пару своим дочерям и нередко заставляли девушек танцевать как можно обольстительнее, чтобы получить выкуп побольше.

Остановившись за несколько сотен ярдов от ворот, Сиенна с тревогой на что-то показывала. Лэнгдон посмотрел вперед и сразу понял, что ее насторожило. Полиция заблокировала въезд в город и на круговом движении, и теперь там выстроилась длинная автомобильная очередь. На усиление кордона прибывали все новые полицейские машины. Вооруженные полицейские обходили скопившиеся автомобили, заглядывали внутрь и задавали вопросы.

Не может быть, чтобы это из-за нас, подумал Лэнгдон. *Или может?*

К ним приближался мокрый от пота велосипедист, ехавший по бульвару Макьявелли из города. Велосипед у него был лежачий, и педали он крутил босыми ногами.

Сиенна крикнула ему:

— Cos' è successo? — *Что там случилось?*

— E chi lo sa! — отозвался он раздраженно. *Откуда мне знать?* — Carabinieri. — Он продолжил свой путь, стараясь как можно скорее оказаться подальше.

Сиенна повернулась к Лэнгдону и нахмури-

лась.

— Дорогу перекрыла военная полиция.

Где-то вдалеке позади них послышался вой сирены, и Сиенна, повернувшись, бросила взгляд на бульвар Макьявелли, по которому они только что проехали. На ее лице отразился страх.

Нас загнали в капкан, подумал Лэнгдон, лихорадочно глядя по сторонам в поисках выхода — другой дороги, парка или проезда, — но слева были только частные дома, а справа тянулась высокая каменная стена.

Вой сирен приближался.

— Туда! — показал Лэнгдон на безлюдную стройплощадку в тридцати ярдах впереди. На ней стояла передвижная бетономешалка, которая могла послужить хоть каким-то укрытием.

Резко рванув с места, Сиенна съехала на обочину, и через мгновение они оказались на стройплощадке. За бетономешалкой можно было спрятать только мопед — для них места уже не оставалось.

— За мной! — скомандовала Сиенна и бросилась к маленькой кладовке для инвентаря, приткнувшейся к каменной стене.

Это не кладовка, догадался Лэнгдон по запаху, стоило им оказаться ближе. *Это переносной*

туалет.

Вой полицейских сирен раздавался уже совсем рядом. Сиенна рванула ручку двери туалета, но та не распахнулась — на ней висела массивная цепь с замком. Лэнгдон схватил Сиенну за руку и увлек за собой, показывая на узкий закуток между кабинкой и каменной стеной. Задыхаясь от зловония, они с трудом протиснулись в него и замерли.

В этот момент на дороге показался блестящий черный внедорожник с эмблемой и надписью «CARABINIERI» на борту. Машина медленно продолжила свой путь.

Итальянская военная полиция, подумал Лэнгдон, не веря своим глазам. Интересно, есть ли у них приказ сразу стрелять на поражение?

— Кому-то очень важно нас найти, — шепотом заметила Сиенна. — И им это удалось.

— Джи-пи-эс? — вслух предположил Лэнгдон. Может, в проекторе есть маячок?

Сиенна покачала головой.

— Поверьте, если бы эту штуку можно было отследить, то полиция нас бы уже схватила.

Лэнгдон пошевелился, пытаясь поудобнее расположить свое крупное тело в узком пространстве, и прямо под носом у него оказались

неожиданно изящные рисунки, украшавшие заднюю стенку туалета.

Итальянцы есть итальянцы.

В Америке подобные туалеты были чаще всего разрисованы примитивным изображением огромных женских грудей или мужских гениталий. Но здесь граффити больше походило на наброски начинающего художника — человеческий глаз, умело прорисованная рука, профиль человека и сказочный дракон.

— В Италии не везде портят имущество с таким вкусом, — заметила Сиенна, явно прочитав его мысли. — Просто прямо за этой оградой располагается Академия изящных искусств.

Будто в подтверждение ее слов, вдалеке показалась группа студентов, которые направлялись в их сторону с альбомами для эскизов под мышкой. Они болтали, курили и бросали удивленные взгляды на столпотворение у Римских ворот.

Лэнгдон и Сиенна пригнулись пониже, чтобы студенты их не заметили, и неожиданно Лэнгдону пришла в голову одна любопытная мысль.

Закопанные вниз головой грешники с торчащими из земли ногами.

Возможно, его осенило из-за жуткого запаха человеческих испражнений, а может, причиной

послужили босые ноги, которыми крутил педали встретившийся им велосипедист, но он вдруг вспомнил зловонный мир восьмого круга ада на рисунке и торчавшие из земли ноги и резко повернулся к своей спутнице.

— Сиенна, в нашей версии «Карты» торчащие ноги были в десятой Злой Щели, верно? Самой нижней в восьмом кругу ада?

Сиенна посмотрела на него с недоумением, не понимая, как можно об этом думать в такую минуту.

— Да, в самом низу.

На долю секунды перед глазами Лэнгдона вновь возник зал в Вене, где он читал лекцию, и его последние комментарии после показа слайда с гравюрой Доре, изображавшей Гериона — крылатое чудовище с ядовитым шипом на хвосте, которое обитало над восьмым кругом.

— Прежде чем мы встретимся с Сатаной, — разнесся по залу голос Лэнгдона, усиленный динамиками, — нам предстоит пройти через десять рвов восьмого круга, где кара настигает обманщиков — тех, кто виновен в умышленном совершении зла.

Показав слайды с изображением восьмого круга, Лэнгдон провел слушателей по всем Злым

Щелям.

— Если идти снизу вверх, мы видим следующее: сводников и обольстителей бесы хлещут кнутами… льстецы плавают в человеческих нечистотах… святокупцы закопаны вниз головой с торчащими наружу ногами… у прорицателей головы вывернуты назад… мздоимцы кипят в смоле… лицемеры изнемогают в свинцовых одеждах… воров жалят змеи… лукавые советчики охвачены языками пламени… зачинщиков раздора бесы разрывают на части… и, наконец, лжесвидетелей терзают страшные недуги. — Лэнгдон повернулся спиной к залу. — Скорее всего Данте приберег последний ров для лжесвидетелей, потому что именно ложные слухи стали причиной изгнания его из любимой Флоренции.

— Роберт? — окликнула его Сиенна, возвращая к реальности. — Что с вами?

Он поймал на себе ее вопрошающий взгляд.

— Наша версия «Карты ада», — взволнованно ответил он. — Ее изменили!

Он вытащил из кармана пиджака проектор и принялся трясти его, насколько позволяла теснота. Шарик внутри послушно загремел, но вой сирен перекрывал этот звук.

— В этом изображении порядок Злых Щелей

восьмого круга ада изменен!

Убедившись, что прибор зарядился, Лэнгдон направил луч на стенку кабинки, и на ней высветилось яркое изображение «Карты ада».

Боттичелли на стене туалета, со стыдом подумал Лэнгдон. Более неподходящее место для демонстрации шедевра великого художника было невозможно себе представить. Лэнгдон вгляделся в десять рвов восьмого круга и возбужденно закивал.

— Точно! — воскликнул он. — Тут все неправильно! Последняя Злая Щель должна быть с лжесвидетелями, а не с закопанными вниз головой. Десятый ров уготован не для святокупцев, а для лжецов!

Сиенна явно заинтересовалась.

— Но… зачем кому-то понадобилось изменять порядок?

— Catrovacer, — прошептал Лэнгдон, разглядывая маленькие буквы, добавленные на изображение. — Думаю, что эти буквы говорят о другом.

Хотя полученное ранение и стерло воспоминания о последних двух днях, сейчас память работала очень четко. Закрыв глаза, Лэнгдон представил себе обе версии «Карты» и постарался найти между ними отличия. Изменений в вось-

мом круге оказалось меньше, чем он ожидал… и с его глаз словно спала пелена.

Все вдруг встало на свои места.

Ищите и обрящете!

— Что? — не выдержала Сиенна.

Во рту у Лэнгдона пересохло.

— Я знаю, зачем я оказался во Флоренции.

— Знаете?!

— Да, и знаю, куда должен идти.

Сиенна схватила его за руку.

— Куда?!

Лэнгдон чувствовал, что впервые с тех пор, как он очнулся в больнице, у него под ногами вновь оказалась твердая почва.

— Эти десять букв, — прошептал он, — указывают на конкретное место в Старом городе. Там все ответы.

— Но где именно в Старом городе? — спросила Сиенна. — Что вы поняли?

До них донесся смех проходившей мимо другой группы студентов. Они обменивались шутками, болтая на разных языках. Осторожно выглянув из-за кабинки, Лэнгдон проводил их взглядом и убедился, что полицейских поблизости нет.

— Надо идти. Я объясню по дороге.

— По дороге?! — переспросила Сиенна. — Но

нам ни за что не пройти через Римские ворота!

— Подождите здесь тридцать секунд, — велел ей Лэнгдон, — а потом догоняйте.

С этими словами он вылез из убежища и исчез, оставив свою спутницу недоумевать в одиночестве.

Глава 21

— Scusi![12] — крикнул Роберт Лэнгдон по-итальянски, догоняя студентов. — Scusate!

Они обернулись, и Лэнгдон стал озираться по сторонам, будто потерявшийся турист.

— Dov'è l'Istituto statale d'arte? — произнес он на ломаном итальянском. *Где Академия изящных искусств?*

Парень в татуировках выпустил облако дыма и презрительно бросил:

— Non parliamo italiano[13]. — Акцент у него был французский.

Одна из девушек укоризненно на него посмотрела и вежливо ответила, показывая на Римские ворота:

— Più avanti, sempre dritto.

Впереди, все время прямо, мысленно перевел Лэнгдон.

— Grazie.

В этот момент из-за туалетной кабинки неза-

---

[12] Примечания: 12
Простите! (*ит.*)

[13] Примечания: 13
Не говорим по-итальянски (*ит.*).

метно выскользнула Сиенна и подошла к ним. Лэнгдон приветственно положил руку ей на плечо, и студенты заинтересованно уставились на привлекательную стройную женщину.

— Это моя сестра, Сиенна. Она преподаватель живописи.

— Я бы не прочь у нее поучиться, — пробормотал парень с татуировкой, и его дружки засмеялись.

Лэнгдон пропустил это мимо ушей.

— Мы приехали во Флоренцию подыскать место для годичной стажировки. Можно мы пойдем с вами?

— Ma certo, — ответила итальянка с улыбкой. *Конечно.*

Когда они подошли к полицейским у входа в Римские ворота, Сиенна завязала оживленную беседу со студентами, а Лэнгдон, сгорбившись, держался в середине группы, стараясь не привлекать к себе внимания.

Ищите и обрящете, подумал Лэнгдон, чувствуя, как учащается пульс при мысли о десяти рвах восьмого круга ада.

Catrovacer. Лэнгдон вспомнил, что с этими десятью буквами была связана одна из самых интригующих тайн многовековой давности,

которую так и не удалось разгадать. В 1563 году эти буквы были нанесены на внутреннюю стену знаменитого флорентийского палаццо Веккьо на высоте около сорока футов, и разглядеть их без бинокля чрезвычайно трудно. Будучи на самом виду, эти буквы веками оставались незамеченными, пока в 1970-х годах их не обнаружил один искусствовед, теперь тоже очень известный. Несколько десятилетий он и другие исследователи пытались раскрыть их смысл, но, несмотря на многочисленные гипотезы, все их усилия оказались тщетными.

После бурных и опасных событий Лэнгдон радовался возможности снова оказаться в родной стихии. Как-никак, история искусств и древние тайны были ему куда ближе биологически опасных цилиндров и перестрелок.

Впереди к Римским воротам подъезжали новые патрульные машины с подкреплением.

— Обалдеть! — сказал парень с татуировками. — Похоже, тот, кого ищут, и вправду опасен.

Группа подошла к главным воротам Академии изящных искусств, где собралась толпа студентов, чтобы поглазеть на происходящее у Римских ворот. Охранник колледжа, нанятый за мизерное жалованье, рассеянно скользил взглядом по сту-

денческим пропускам — проводимая полицией операция интересовала его куда больше.

С площади донесся громкий визг тормозов, и к Римским воротам подлетел так хорошо знакомый беглецам черный фургон.

Пора уносить ноги.

Воспользовавшись удобным моментом, они с Сиенной смешались с группой своих новых знакомых и проскользнули мимо охранника на территорию Академии.

Аллея, ведущая ко входу в Академию изящных искусств, могла бы украсить любой дворец. По обеим ее сторонам росли могучие дубы, чьи густые кроны казались балдахином, накрывавшим стоявшее вдалеке огромное желтое здание с тройным портиком и просторной овальной лужайкой.

Лэнгдон знал, что это здание, как и многие другие в городе, было возведено по заказу знаменитой династии, правившей Флоренцией на протяжении пятнадцатого, шестнадцатого и семнадцатого веков.

Медичи.

Само это имя стало символом Флоренции. За три столетия своего правления королевский дом Медичи нажил сказочные богатства и приобрел

огромное влияние: он дал миру четырех пап, двух королев Франции и создал крупнейшую в Европе финансовую империю. Современные банки и поныне используют изобретенную Медичи систему бухгалтерского учета, основанную на дебете и кредите.

Однако величайшее наследие Медичи — не финансы или политика, а искусство. Будучи чуть ли не самыми щедрыми меценатами за всю историю человечества, Медичи не жалели денег на заказы, которым эпоха Возрождения обязана своим расцветом. Среди знаменитостей, пользовавшихся покровительством семьи, значатся и Леонардо да Винчи, и Галилей, и Боттичелли, а самая известная картина последнего — «Рождение Венеры» — была написана по заказу Лоренцо Медичи в качестве свадебного подарка кузену. Он хотел, чтобы над брачным ложем кузена висела картина, пробуждавшая желание.

Лоренцо Медичи, получивший за щедрость прозвище Великолепный, будучи и сам превосходным поэтом и художником, обладал прекрасным художественным чутьем. В 1489 году ему приглянулась работа молодого флорентийского скульптора, и он пригласил его пожить во дворце Медичи, где тот смог бы совершенствовать свое

мастерство под влиянием чудесных живописных полотен, украшавших стены дворца, утонченной поэзии и высокой культуры. Под покровительством Медичи талант юноши расцвел, и в конце концов он изваял две самые знаменитые в мире скульптуры — «Оплакивание Христа» и «Давида». Сегодня мы знаем его как Микеланджело — гениального творца, которого иногда называют величайшим подарком Медичи человечеству.

Учитывая, с каким пиететом Медичи относились к искусству, подумал Лэнгдон, им было бы приятно узнать, что здание, в котором первоначально размещались их конюшни, теперь служит домом Академии изящных искусств. Это тихое место, где сейчас черпают вдохновение молодые художники, было выбрано для конюшен из-за близости к самой живописной и удобной для верховой езды местности во всей Флоренции.

Сады Боболи.

Лэнгдон перевел взгляд влево, где за высокой стеной виднелись верхушки деревьев. Раскинувшиеся на обширной территории сады давно стали туристической достопримечательностью. Лэнгдон не сомневался, что, если им с Сиенной удастся туда попасть, они смогут пройти через них и оказаться в Старом городе, минуя Римские

ворота. В случае чего, там было где укрыться: обширный парк изобиловал деревьями, лабиринтами, гротами и нимфеями. Но самое главное, пройдя через сады Боболи, они окажутся у палаццо Питти — каменной цитадели, некогда служившей резиденцией Медичи. Сто сорок залов палаццо были одной из самых посещаемых туристических достопримечательностей Флоренции.

Если мы доберемся до палаццо Питти, подумал Лэнгдон, *то оттуда до моста в Старый город будет рукой подать.*

— А как нам попасть в сады? — с деланым безразличием поинтересовался Лэнгдон, кивая в сторону высокой стены, за которой раскинулся парк. — Я бы показал их сестре, пока мы не застряли в Академии.

Парень с татуировкой покачал головой.

— Отсюда нельзя попасть в сады. Вход в них со стороны палаццо Питти. Надо войти через Римские ворота и обогнуть парк.

— Не гоните! — вмешалась Сиенна.

Все, включая Лэнгдона, изумленно на нее уставились.

— Да ладно, — продолжила она с понимающей ухмылкой, накручивая на палец прядь волос. —

Хотите сказать, что никогда туда не пробирались покурить травку и подурачиться?

Студенты переглянулись и дружно расхохотались.

Парень с татуировкой был сражен наповал.

— Мэм, вы просто обязаны здесь преподавать. — Он подвел Сиенну к углу здания и показал на раскинувшуюся сзади парковку. — Видите там слева в углу сарайчик? За ним стоит платформа. Нужно затащить ее на крышу, залезть по ней на забор и спрыгнуть с другой стороны.

Сиенна уже шагала туда. Она оглянулась на Лэнгдона и бросила ему с насмешливой улыбкой:

— Пошли, братик Боб. Или ты слишком стар, чтобы лазить через заборы?

Глава 22

Женщина с серебристыми волосами прислонилась головой к пуленепробиваемому стеклу и закрыла глаза. Вокруг все плыло. От препаратов, которыми ее накачали, ей было нехорошо.

Мне нужен врач, подумала она.

Но у сидевшего рядом вооруженного охранника был строгий приказ: до успешного завершения операции никак не реагировать на ее состояние. Однако судя по доносившимся звукам, до этого было еще далеко.

Тошнота усилилась, и женщине стало трудно дышать. Подавив приступ, она задумалась, как могло получиться, что она оказалась в столь незавидном положении. Найти ответ в ее нынешнем состоянии не представлялось возможным, но она четко знала, с чего все началось.

Нью-Йорк.

Два года назад.

Она прилетела в Манхэттен из Женевы, где уже десять лет занимала исключительно важный и престижный пост руководителя Всемирной организации здравоохранения. Будучи видным

специалистом по инфекционным заболеваниям и эпидемиологии, она получила приглашение выступить в ООН с лекцией о предотвращении пандемий в странах третьего мира. В своем выступлении, проникнутом оптимизмом, она рассказала о системах раннего обнаружения заболеваний и новых методах лечения, разработанных ВОЗ и другими организациями. Ей аплодировали стоя.

Когда после лекции она разговаривала в фойе с несколькими известными учеными, к ней подошел сотрудник ООН — судя по надписи на его бейдже, весьма высокопоставленный, — и прервал их беседу.

— Доктор Сински, с нами только что связались из Совета по международным отношениям. С вами очень хочет поговорить один человек. Машина ждет.

Озадаченная и слегка встревоженная, доктор Элизабет Сински извинилась перед коллегами и забрала свою сумочку. Лимузин помчал ее по Первой авеню, и она почувствовала, что почему-то нервничает.

Совет по международным отношениям?

Как и все, Элизабет Сински о нем слышала.

СМО был основан в 1920-х годах как частный

аналитический центр, и с тех пор его членами были с полдюжины президентов, почти все государственные секретари, большинство руководителей ЦРУ, сенаторы, судьи и представители таких знаменитых династий, как Морганы, Ротшильды и Рокфеллеры. Благодаря уникальному сочетанию интеллектуального потенциала, политического влияния и капитала Совет по международным отношениям по праву считался «самым влиятельным частным клубом в мире».

Как главе Всемирной организации здравоохранения Элизабет часто приходилось иметь дело с сильными мира сего. Ее продолжительный опыт работы в ВОЗ вкупе с решительностью суждений был незадолго до этого высоко оценен одним авторитетным журналом, включившим доктора Сински в список двадцати самых влиятельных людей мира. Под ее фотографией в журнале поместили подпись «Лицо мирового здоровья», что она восприняла с известной иронией, поскольку в детстве была очень болезненным ребенком.

В шесть лет ее начали лечить от тяжелой формы астмы многообещающим новым препаратом. Это был первый из полученных глюкокортикостероидов — стероидных гормонов, производимых корой надпочечников, — который чудесным об-

разом прекратил приступы астмы. Однако годы спустя, когда наступил период полового созревания, проявились непредвиденные побочные эффекты. У Элизабет так и не наступили менструации. Она никогда не забудет того ужасного дня, когда врач сообщил ей, девятнадцатилетней, что у нее необратимое повреждение репродуктивной системы и она никогда не сможет иметь детей.

Время залечит боль, сказал тогда доктор, но горечь и ощущение пустоты так и не ушли. По жестокой иронии, лекарства, лишившие ее способности зачать ребенка, никак не сказались на заложенном природой материнском инстинкте, и она десятилетиями мучительно подавляла в себе несбыточное желание иметь ребенка. Даже сейчас, в шестьдесят один год, каждый раз при виде матери с малышом у нее по-прежнему щемило сердце.

— Мы почти приехали, доктор Сински, — сообщил водитель лимузина.

Элизабет провела расческой по длинным серебристым локонам и посмотрелась в зеркальце. Автомобиль остановился в фешенебельном квартале Манхэттена, и водитель помог ей выйти из машины.

— Я подожду здесь, — сказал он, — и отвезу вас

в аэропорт, когда вы освободитесь.

Нью-йоркская штаб-квартира Совета по международным отношениям располагалась в неброском здании в неоклассическом стиле на углу Парк-авеню и Шестьдесят восьмой улицы, в котором некогда обитал нефтяной магнат из «Стандард ойл». Оно безупречно вписывалось в элегантный окружающий ландшафт, ничем не выдавая своего нынешнего назначения.

— Доктор Сински, — приветствовала ее представительного вида дама в приемной. — Проходите, пожалуйста. Вас ожидают.

Да, но кто?

Элизабет последовала за женщиной по роскошному коридору, и они остановились у закрытой двери. Секретарша тихонько постучала, после чего открыла дверь и жестом пригласила ее войти.

Элизабет вошла, и дверь за ними закрылась.

В небольшой переговорной царил полумрак — свет излучал только большой включенный экран. Перед ним стоял высокий худощавый человек. Его лица она не видела, но в комнате ощущалась аура власти.

— Доктор Сински, — его резкий голос выдавал привычку повелевать, — спасибо, что откликнулись на мое приглашение.

Судя по характерному акценту, он был выходцем из родной для Элизабет Швейцарии или, возможно, Германии.

— Прошу вас, присядьте, — пригласил он, показывая на кресло, стоявшее рядом.

Что, он так и не представится? Элизабет села. При виде странной картины, выведенной на экран, ее беспокойство лишь возросло. *Да что тут происходит?*

— Я был на вашей презентации сегодня утром, — произнес мужчина. — Я проделал большой путь, чтобы вас послушать. Весьма впечатляюще.

— Благодарю вас, — ответила она.

— Я позволю себе добавить, что вы намного красивее, чем мне представлялось… несмотря на возраст и неадекватную оценку положения дел в мировом здравоохранении.

Элизабет опешила. Его замечание было в высшей степени оскорбительным.

— Прошу прощения, — сказала она, вглядываясь в темноту. — Да кто вы такой? И зачем меня сюда пригласили?

— Извините за неудачную попытку пошутить. А почему вы здесь, объясняет изображение на экране.

Сински перевела взгляд на экран — на нем была картина, изображавшая толпы страдальцев, в отчаянии заламывающих руки в плотном скоплении нагих тел.

— Великий художник Гюстав Доре, — провозгласил незнакомец. — Его изображение преисподней, описанной Данте Алигьери, отличается особой безжалостностью. Полагаю, вас это ничуть не смущает… ведь именно такое будущее уготовано человечеству. — Он помолчал и медленно направился к ней. — Позвольте мне объяснить почему.

Казалось, с каждым шагом его фигура становилась все выше и выше.

— Если я возьму лист бумаги и разорву его на две части… — Остановившись у стола, он взял лист и с треском его разорвал. — А потом сложу половинки вместе и опять разорву, — продолжал он, сопровождая свои слова действием, — то в результате получу стопку бумаги в четыре раз толще оригинала, верно? — Его глаза мрачно мерцали в полумраке.

Элизабет не нравились ни его снисходительный тон, ни наглость, и она промолчала.

— Рассуждая гипотетически, — продолжал он, подходя ближе, — если толщина первоначально-

го листа была всего одна десятая миллиметра, а я, к примеру, проделаю эту процедуру *пятьдесят* раз… вы представляете, какой толщины будет стопка из обрывков?

Элизабет разозлилась.

— Представляю, — заверила она с бóльшим раздражением, чем хотела показать. — Одна десятая миллиметра, умноженная на два в пятидесятой степени. Это называется геометрической прогрессией. Могу я поинтересоваться целью нашей встречи?

Незнакомец ухмыльнулся и одобрительно кивнул.

— Все правильно, а вы представляете, что это за величина? Одна десятая миллиметра, умноженная на два в пятидесятой степени? Какой высоты будет эта стопка бумаги? — Он помолчал и продолжил: — Всего после пятидесяти разрывов пополам наша стопка вырастет… до самого Солнца.

Элизабет это ничуть не удивило. С невероятной мощью геометрической прогрессии она постоянно сталкивалась в своей работе. *Распространение инфекций… удвоение зараженных клеток… статистика смертности…*

— Прошу прощения за бестолковость, — произ-

несла она, уже не скрывая раздражения, — но я не понимаю, к чему все это.

— К чему? — хмыкнул он. — А к тому, что рост человеческой популяции происходит еще быстрее. Население земли, подобно первым листам в стопке, было весьма скромным… но обладало огромным потенциалом. — Он снова принялся расхаживать по комнате. — Подумайте вот о чем. Человечеству потребовались тысячи лет — от появления первых людей на планете до начала девятнадцатого века, — чтобы его численность достигла *одного* миллиарда человек. А затем — поразительно, правда? — в одна тысяча девятьсот двадцатых годах, то есть всего за какую-то сотню лет, в мире стало проживать уже *два* миллиарда. Еще через пятьдесят лет эта цифра удвоилась, и в семидесятых годах на планете жили *четыре* миллиарда человек. Как вы знаете, сейчас мы подбираемся к цифре в восемь миллиардов. За один сегодняшний день человечество выросло на четверть миллиона человек. Четверть *миллиона*! И так каждый день, в любую погоду. За год человечество увеличивается на население целой Германии. — Высокий незнакомец остановился и склонился над Элизабет. — Сколько вам лет?

Еще один бестактный вопрос, но, будучи главой

ВОЗ, она научилась реагировать дипломатично на оскорбительные выпады.

— Шестьдесят один.

— А вы в курсе, что если проживете до восьмидесяти, то есть еще девятнадцать лет, то за вашу жизнь население утроится? *Одна* жизнь — а людей *втрое* больше. Подумайте о последствиях. Вы знаете, что Всемирная организация здравоохранения уточнила свои прогнозы и к середине нынешнего века ожидает рост населения планеты до девяти миллиардов человек. Животные разных видов вымирают на глазах. Спрос на иссякающие природные ресурсы становится запредельным. Нехватка питьевой воды ощущается все острее. По любым биологическим меркам, наш вид уже превысил жизнеспособную численность. А перед лицом этой настоящей катастрофы Всемирная организация здравоохранения — этот страж здоровья нашей планеты — продолжает инвестировать в разные проекты, вроде лечения диабета, создания банков крови и борьбы с раком. — Он замолчал и устремил на нее испытующий взгляд. — И я привез вас сюда, чтобы спросить: какого черта Всемирная организация здравоохранения закрывает глаза на надвигающуюся катастрофу и не пытается сделать хоть

что-то?

Внутри у Элизабет все кипело от возмущения.

— Кем бы вы ни были, вам должно быть отлично известно, что ВОЗ относится к проблеме перенаселения более чем серьезно. Недавно мы потратили миллионы долларов, чтобы отправить в Африку врачей, которые раздавали местным жителям бесплатные презервативы и учили их контролировать рождаемость.

— Ну да, конечно! — Долговязый не скрывал сарказма. — А по пятам ваших врачей отправилась целая армия католических миссионеров, которые доходчиво объяснили африканцам, что использование презервативов прямиком отправит их в ад. И теперь в Африке новая напасть — свалки забиты неиспользованными презервативами, отчего страдает окружающая среда.

Элизабет не нашлась, что возразить. Тут он был прав, хотя современные католики и начали выступать против вторжения Ватикана в сферу интимных отношений. Так, Мелинда Гейтс, самая рьяная католичка, отважилась пожертвовать пятьсот шестьдесят миллионов долларов на улучшение ситуации с контролем над рождаемостью, рискуя навлечь на себя гнев своей церкви. Эли-

забет Сински не раз публично заявляла, что Билл и Мелинда Гейтс заслуживают канонизации за вклад своего фонда в решение мировых проблем здравоохранения. Однако единственный институт, способный причислить их к лику святых, почему-то не видел в их деятельности ничего христианского.

— Доктор Сински, — продолжал мужчина, больше похожий на призрак, — ВОЗ не желает признавать, что в сфере мирового здравоохранения есть только одна проблема. — Он снова показал на экран с изображением жуткого скопления корчившихся людей. — Вот она! — Помолчав, он добавил: — Насколько я понимаю, вы — ученый, а не специалист по классической литературе или изящным искусствам, поэтому позвольте мне показать вам другое изображение, которое, возможно, будет понятнее.

На мгновение в переговорной стало темно, но экран тут же снова засветился. На нем был график, который Элизабет видела много раз… И он неизменно вызывал у нее гнетущее чувство безысходности.

В комнате повисла гнетущая тишина.

— Да, — наконец нарушил молчание долговязый незнакомец. — Немой ужас — более чем

адекватная реакция на этот график. Смотреть на него все равно что не сводить глаз с фары несущегося на вас поезда. — Он повернулся к Элизабет и снисходительно улыбнулся. — Есть вопросы, доктор Сински?

— Только один, — резко бросила она. — Зачем вы меня пригласили — прочесть лекцию или унизить?

— Ну что вы, ни в коем случае. — В его голосе вдруг зазвучали льстивые нотки, отчего по спине у нее пробежал холодок. — Я пригласил вас поговорить о сотрудничестве. У меня нет сомнений, что перенаселение вы считаете проблемой здравоохранения. Но боюсь, что вы не понимаете другого — оно калечит саму душу человека. В условиях перенаселенности те, кто никогда не помышлял о воровстве, начнет красть, чтобы прокормить свои семьи. Кто никогда не помышлял об убийстве, начнет убивать, чтобы вырастить свое потомство. Все описанные Данте смертные грехи — алчность, чревоугодие, вероломство, убийство и прочее — обретут благодатную почву и расцветут пышным цветом, набирая силу по мере исчезновения привычных благ. Нам предстоит сражение за саму человеческую душу.

— Я — биолог. Я спасаю жизни… а не души.

— Что ж, могу вас заверить, что спасать жизни в предстоящие годы станет намного сложнее. Перенаселение чревато не только духовным падением. У Макьявелли есть пассаж…

— Да, — перебила она, вспоминая знаменитую цитату — «Когда все области переполняются жителями так, что им негде жить и некуда уйти… возникает необходимость очищения мира»[14]. — Она посмотрела на незнакомца. — Во Всемирной организации здравоохранения эти слова знают все.

— Отлично, тогда вы, наверное, знаете, что дальше Макьявелли называет чуму естественным способом самоочищения мира.

— Да, и, как я и отмечала в выступлении, нам хорошо известно о прямой связи между плотностью населения и вероятностью опустошительных эпидемий, но мы постоянно разрабатываем новые методы обнаружения болезней на ранней стадии и их лечения. ВОЗ уверена, что нам удастся предотвратить пандемии.

— Очень жаль.

— Прошу прощения? — Элизабет не могла скрыть изумления.

---

[14] Примечания: 14

«Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Перевод М. Юсима.

— Доктор Сински, — произнес незнакомец со смешком, — вы говорите так, будто недопущение эпидемии является благом.

Не веря своим ушам, она ошарашенно не сводила с него глаз.

— В том-то и проблема, — произнес долговязый тоном адвоката, излагающего на суде позицию защиты. — Вот передо мной глава Всемирной организации здравоохранения — самый лучший из ее сотрудников. Но это же ужасно, если оценить непредвзято. Я показал вам картину грядущего страдания. — Он снова вернул на экран изображение корчившихся в агонии тел и кивнул в сторону маленькой стопки порванных бумаг. — Я напомнил о чудовищной опасности, которую несет с собой бесконтрольный рост населения. Я объяснил, что мы стоим на пороге духовного падения.

Он помолчал и повернулся к Элизабет, глядя ей прямо в глаза.

— И какой же была реакция? Бесплатные презервативы в Африке! — Мужчина язвительно рассмеялся. — Да это все равно что отмахиваться мухобойкой от падающего метеорита! Эта бомба замедленного действия больше не тикает. Она уже взорвалась, и без решительных мер гео-

метрическая прогрессия станет вашим новым богом… А этот бог очень мстителен. И устроит Дантов ад прямо здесь, на Парк-авеню… Толпы людей будут утопать в собственных нечистотах. Естественный отбор, устроенный самой Природой.

— В самом деле? — огрызнулась Элизабет. — Так скажите мне, сколько, по-вашему, людей должно жить на земле? Назовите то заветное число, при котором человечество сможет бесконечно поддерживать свое существование… в относительном комфорте?

Незнакомец улыбнулся: вопрос ему явно понравился.

— Любой эколог или статистик вам скажет, что наилучшие шансы на выживание имеет человечество общей численностью порядка четырех миллиардов.

– *Четыре* миллиарда?! — язвительно переспросила Элизабет. — Нас уже семь миллиардов, так что вы слегка опоздали со своими идеями.

Зеленые глаза незнакомца сверкнули:

— Вы в этом уверены?

Глава 23

Спрыгнув со стены, Роберт Лэнгдон грузно плюхнулся на рыхлую почву лесистой южной части садов Боболи. Сиенна приземлилась рядом и тут же выпрямилась, отряхиваясь и озираясь по сторонам.

Они стояли на поросшей мхом и папоротником полянке посреди небольшой рощицы. Отсюда палаццо Питти было совсем не видно, и Лэнгдон подумал, что они, наверное, находятся в самом удаленном от него месте парка. Зато в этот ранний час тут не было ни служителей, ни туристов.

Лэнгдон посмотрел на покрытую гравием дорожку, которая живописно спускалась под гору и ныряла в лес. Там, где она исчезала среди деревьев, стояла мраморная статуя — идеальное место, чтобы привлечь к ней взгляд. Лэнгдона это не удивляло. Планировкой садов Боболи занимались выдающиеся мастера Никколо Триболо, Джорджо Вазари и Бернардо Буонталенти, чей художественный вкус превратил это полотно площадью в сто одиннадцать акров в настоящий

шедевр.

— Дворец расположен на северо-востоке, так что дорожка должна привести к нему, — сказал Лэнгдон. — Там мы можем смешаться с толпой туристов и незаметно выйти. По-моему, парк открывается в девять. — Он машинально опустил взгляд, чтобы посмотреть, который час, но часов с Микки-Маусом не было на запястье.

Лэнгдон подумал, что они могли быть в больнице вместе с остальными вещами, но не знал, доведется ли ему когда-нибудь увидеть их снова.

Сиенна с решительным видом преградила ему дорогу.

— Роберт, прежде чем мы тронемся в путь, я хочу знать, куда вы собираетесь идти. Что вы поняли про восьмой круг ада? Вы сказали, что порядок рвов изменен?

Лэнгдон показал на росшие впереди деревья.

— Давайте сначала уйдем с открытого пространства.

Он повел ее по дорожке, которая вскоре привела на закрытую со всех сторон маленькую лужайку — «комнату» на языке ландшафтной архитектуры — со скамейками и небольшим фонтанчиком. В замкнутом пространстве под кронами деревьев было гораздо прохладнее.

Достав из кармана проектор, Лэнгдон принялся его энергично трясти.

— Сиенна, человек, создавший это цифровое изображение, не только добавил буквы на ногах грешников, но и изменил порядок Злопазух.

Он взобрался на скамью и, выпрямившись, направил луч проектора себе под ноги. На гладкой поверхности сиденья рядом с Сиенной показалось неяркое на свету изображение «Карты ада» Боттичелли.

Лэнгдон указал на участок с ярусами в нижней части воронки.

— Видите буквы в десяти Злых Щелях восьмого круга?

Сиенна прочла их сверху вниз:

— Catrovacer.

— Верно. И в этом нет никакого смысла.

— Но потом вы сообразили, что порядок Злых Щелей перетасовали?

— Даже проще. Если сравнить эти рвы с колодой из десяти карт, то ее не тасовали, а просто дали снять. После этого карты идут в том же порядке, но начинаются с другой. — Лэнгдон показал на десять Злых Щелей восьмого круга. — Согласно тексту Данте, в первом рву должны быть сводники и обольстители, которых бесы

хлещут кнутами. А на этом изображении мы видим бесов… аж в седьмой Злопазухе.

Сиенна вгляделась в начавшее тускнеть изображение и кивнула.

— Да, я вижу. Первая Злопазуха теперь стала седьмой.

Лэнгдон убрал проектор в карман и спрыгнул со скамейки на дорожку. Затем подобрал прутик и принялся чертить буквы на голой земле возле дорожки.

— Вот в каком порядке идут буквы в измененной версии ада.

C
A
T
R
O
V
A
C
E
R

— Catrovacer, — прочитала Сиенна.

— Да, а вот где нашу «колоду» сняли.

Лэнгдон провел линию под седьмой буквой и

показал Сиенне, что получилось.

C
A
T
R
O
V
A
–
C
E
R

— Ну да, — быстро отреагировала она. — Catrova. Cer.

— Верно, а чтобы восстановить прежний порядок карт в колоде, надо нижнюю часть вернуть наверх. Поменять половинки местами.

Сиенна вновь принялась разглядывать буквы.

— Cer. Catrova, — прочитала она и непонимающе пожала плечами. — Все равно какая-то бессмыслица…

— Cer catrova, — повторил Лэнгдон и после паузы объединил две части в одно слово: — Cercatrova. — Затем произнес две части слова по-другому: — Cerca… trova.

Сиенна, охнув, подняла на него взгляд.

— Да, — подтвердил Лэнгдон с улыбкой. — Cerca trova.

Два итальянских слова cerca и trova означали «искать» и «находить». А после объединения в cerca trova они превращались в библейское «ищите и обрящете».

— Ваши галлюцинации! — воскликнула Сиенна изумленно. — Женщина с вуалью! Она же все время повторяла: «Ищите и обрящете»! — Она вскочила на ноги. — Роберт, вы понимаете, что это означает? Эти слова *уже* находились в вашем подсознании! Неужели вы сами не видите? Вы наверняка *уже* расшифровали эту фразу перед тем, как попали в больницу! И точно видели это изображение… но забыли!

А ведь она права, подумал Лэнгдон. Он был целиком поглощен расшифровкой, и мысль о том, что он мог заниматься этим раньше, даже не пришла ему в голову.

— Роберт, вы говорили, что «Карта ада» указывает на конкретное место в Старом городе. Но я не понимаю, какое именно.

— Слова «cerca trova» ни о чем вам не говорят?

Сиенна пожала плечами.

Лэнгдон внутренне улыбнулся. *Наконец-то*

нашлось нечто, чего Сиенна Брукс не знает.

— Судя по всему, фраза однозначно указывает на знаменитую фреску в палаццо Веккьо, а именно на «Битву при Марчиано» Джорджо Вазари в Зале пятисот. В самом верху картины художник вывел крошечными, едва различимыми буквами cerca trova. Существует множество гипотез, зачем Вазари это сделал, но ни одна из них не получила убедительного доказательства.

Неожиданно сверху послышалось жужжание маленького летательного аппарата, который начал кружить над лужайкой. Лэнгдон с Сиенной замерли, надеясь, что кроны деревьев их скроют, и аппарат, пролетев прямо над ними, направился дальше.

— Игрушечный вертолет, — сообщил Лэнгдон, с облегчением переводя дух и провожая взглядом удалявшуюся радиоуправляемую модель длиной около трех футов, походившую на гигантского рассерженного комара.

— Не высовывайтесь! — велела Сиенна, явно встревожившись.

И действительно, маленький вертолет развернулся и полетел назад над самыми верхушками деревьев, прочесывая лужайку слева.

— Это не игрушка, — прошептала она, — а

разведывательный беспилотник. Думаю, что он оборудован камерой, которая посылает кому-то изображение в реальном времени.

Лэнгдон, сжав зубы, наблюдал, как вертолет удаляется туда, откуда появился, — к Римским воротам и Академии изящных искусств.

— Я не знаю, что вы сделали, — заметила Сиенна, — но очень влиятельные люди стремятся отыскать вас во что бы то ни стало.

Вертолет снова развернулся и пролетел над стеной в том месте, где они с нее срыгнули.

— Наверное, кто-то видел нас у Академии и рассказал об этом, — предположила Сиенна, направляясь дальше по дорожке. — Надо убираться отсюда. И поскорее!

Воспользовавшись тем, что беспилотник был занят прочесыванием участка у стены, Лэнгдон быстро стер ногой написанные на земле буквы и устремился вслед за Сиенной, продолжая лихорадочно размышлять о фразе «cerca trova», фреске Джорджо Вазари и предположении Сиенны, что он уже расшифровал послание, скрытое в изображении проектора. *Ищите и обрящете*.

Когда они добрались до второй полянки, Лэнгдона вдруг осенило. Он замер как вкопанный, на его лице заиграла улыбка.

Сиенна тоже остановилась.

— Роберт? В чем дело?

— Я невиновен! — объявил он.

— Вы о чем?

— За мной гонятся… и я подумал, что, наверное, совершил что-то ужасное.

— Да, и в больнице вы бредили и повторяли слово «визири».

— Знаю, но я думал, что говорю по-английски.

Сиенна озадаченно на него посмотрела.

— Но вы и говорили по-английски!

Голубые глаза Лэнгдона светились торжеством.

— Сиенна, когда я говорил «визири», я не имел в виду ничего такого. Я бредил о тайном послании на фреске в палаццо Веккьо. — В ушах у него и сейчас звучали слова, сказанные им в бреду и прослушанные в записи. *Визири… визири…*

Вид у Сиенны был озадаченный.

— Неужели вы еще не догадались? — с улыбкой поинтересовался Лэнгдон. — Я говорил не «визири». Я называл имя художника — *Вазари!*

Глава 24

Вайента резко затормозила. Ее мотоцикл с визгом вильнул и, прочертив на асфальте бульвара Поджо-Империале длинный след, замер перед неожиданным скоплением машин.

Этого еще не хватало!

Вытянув голову, Вайента смотрела вперед, пытаясь понять, в чем причина затора. Ей уже пришлось сделать большой крюк, чтобы избежать встречи с командой СНР и суеты у жилого дома, и теперь она спешила в Старый город, чтобы забрать вещи из гостиницы, где она жила последние несколько дней.

Меня отстранили, значит, надо смываться как можно скорее!

Однако полоса невезения, судя по всему, еще не кончилась. Дорога, которую Вайента выбрала для возвращения в Старый город, была заблокирована. Не в силах ждать, она завела мотоцикл и, лавируя по узкому проходу между машинами, ехала вперед, пока перекресток не стал виден целиком. У Римских ворот, ведущих в Старый город, сходились шесть разных дорог, и кольце-

вая развязка на площади была одной из самых загруженных во всей Флоренции.

Что, черт возьми, там происходит?

Теперь Вайенте было видно, что площадь кишела полицейскими — судя по всему, они проводили какую-то облаву. Но вдруг в самом центре столпотворения ее взгляд привлек знакомый черный фургон, увидеть который она никак не ожидала. Вокруг него несколько агентов в черном раздавали приказы полицейским. Вне всякого сомнения, это были люди из СНР, но Вайента не могла понять, что они тут делают.

Разве что…

Она с трудом сглотнула, не в силах представить, что такое возможно. Неужели Лэнгдон сумел ускользнуть и от Брюдера тоже? Но этого просто не может быть — у него же не было никаких шансов. С другой стороны, Лэнгдон действовал не в одиночку, а в изворотливости его светловолосой спутницы Вайента уже убедилась на собственном опыте.

Неподалеку появился полицейский, который переходил от машины к машине, показывая сидящим в них людям фотографию привлекательного мужчины с густыми каштановыми волосами. Вайента сразу узнала в нем Роберта Лэнгдона,

и от радости сердце у нее едва не выпрыгнуло из груди.

Брюдер упустил его…

Лэнгдон по-прежнему в игре!

Будучи опытным стратегом, Вайента тут же стала прикидывать, чем это может быть ей полезно.

Вариант номер один — бегство.

Вайента провалила очень важное для Ректора задание, за чем последовало ее отстранение. Если повезет, то все ограничится формальным расследованием, и не исключено, что никакого повышения по службе больше никогда не будет. Если же, однако, ей не повезет и она неадекватно оценивает степень недовольства Ректора, остаток жизни ей придется провести, постоянно оглядываясь и испытывая страх, что люди Консорциума вот-вот до нее доберутся.

Но теперь появился и другой вариант.

Успешно завершить порученную ей операцию.

Продолжать выполнение операции было прямым нарушением протокола дезавуирования, но если Лэнгдон оставался на свободе, у Вайенты появлялся шанс исполнить первоначальный приказ и довести дело до конца.

Если Брюдеру не удастся поймать Лэнгдона, подумала она, и ее пульс участился, *а я справлюсь…*

Вайента понимала, что шансов у нее практически нет, но если Лэнгдону удалось оторваться от Брюдера, а она сможет оказаться в нужном месте и закончить начатое, то в одиночку избавит Консорциум от неприятностей, и Ректор будет вынужден проявить к ней снисходительность.

Я сохраню работу, подумала она. *А может, даже получу повышение.*

Вайента сразу поняла, что теперь все ее будущее зависит от исхода этого дела. *Я должна разыскать Лэнгдона… раньше, чем его найдет Брюдер.*

Это будет непросто. В распоряжении Брюдера имелись неограниченные человеческие ресурсы и самые передовые технологии. Вайента же действовала в одиночку. Однако у нее была ниточка, о которой не знали ни Брюдер, ни Ректор, ни полиция.

Я знаю, куда Лэнгдон может направиться.

Поддав газу, она развернула мотоцикл на сто восемьдесят градусов и помчалась в обратном направлении.

Понте-алле-Грацие, подумала она о мосте через реку Арно в северной части Флоренции. В Старый город можно попасть не только через Римские ворота.

Глава 25

Значит, это было имя художника, вертелось в голове у Лэнгдона.

— Вазари, — запинаясь, произнесла Сиенна, невольно сделав шаг назад. — Художник, который так искусно спрятал на фреске слова «cerca trova».

Лэнгдон не мог сдержать довольной улыбки. *Вазари. Вазари*. Это не только проливало свет на его злоключения в последние сутки, но и освобождало от переживаний, что он совершил нечто ужасное, из-за чего за ним и устроили настоящую охоту.

— Роберт, вы совершенно точно видели измененную картину Боттичелли до того, как вас ранили, и знали, что в ней содержится код, указывающий на фреску Вазари. Поэтому в бреду вы и повторяли его имя!

Лэнгдон пытался понять, что все это значит. В своих лекциях и выступлениях он часто называл Джорджо Вазари — художника, архитектора и писателя шестнадцатого века — первым в мире искусствоведом. Несмотря на сотни созданных

им полотен и десятки спроектированных зданий, его главным наследием считается монументальный труд «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» — сборник биографий итальянских художников, который и по сей день остается обязательным для прочтения всеми изучающими историю искусств.

Примерно тридцать лет назад Джорджо Вазари снова оказался в центре внимания. Тогда на фреске его кисти в Зале пятисот палаццо Веккьо было случайно обнаружено его «тайное послание» — cerca trova.

Крошечные буквы на зеленом боевом знамени были практически незаметны на фоне бурной сцены сражения. Хотя до сих пор нет единого мнения, зачем Вазари написал на фреске это непонятное послание, большинство исследователей склоняется к тому, что это была подсказка будущим поколениям: так художник хотел сообщить, что в трехсантиметровом зазоре за стеной с его фреской находится считающаяся утраченной фреска Леонардо да Винчи.

Сиенна с тревогой поглядывала на кроны деревьев.

— Но мне все равно кое-что непонятно. Если вы ни в чем плохом не замешаны… почему эти люди

пытаются вас убить?

Этот вопрос не давал покоя и самому Лэнгдону.

Услышав приближающееся жужжание разведывательного беспилотника, Лэнгдон понял, что пора принимать решение. Он не знал, как «Битва при Марчиано» Вазари может быть связана с «Адом» Данте или с тем, что прошлой ночью в него стреляли, но теперь было ясно, в каком направлении следует искать ответы.

Cerca trova.

Ищите и обрящете.

И снова перед глазами Лэнгдона возникла женщина с серебристыми волосами, взывавшая к нему с другого берега реки. *Время на исходе!* Лэнгдон чувствовал, что ответы, если они есть, находятся в палаццо Веккьо.

Ему вдруг вспомнилось одно старое правило, которым с незапамятных времен руководствовались греческие ныряльщики, ловившие омаров в коралловых пещерах Эгейских островов. *Когда находящийся в темном подводном тоннеле пловец понимает, что воздуха вернуться назад уже не хватит, единственным решением становится плыть в неизвестность… и молиться о том, что впереди есть выход.*

Лэнгдон спрашивал себя, не наступил ли такой

момент и для них.

Он окинул взглядом дорожки, разбегавшиеся в разные стороны. Если им с Сиенной удастся добраться до палаццо Питти и выйти из парка, то от Старого города их будет отделять только Понте-Веккьо — самый знаменитый в мире пешеходный мост. Там всегда полно народу, и затеряться в толпе не составит труда. А оттуда до палаццо Веккьо рукой подать.

Жужжание беспилотника раздавалось все громче, и Лэнгдон вдруг почувствовал, как сильно от всего этого устал. Теперь, когда он знал, что не совершил ничего дурного, их отчаянные попытки не попасть в руки полиции казались ему лишенными всякого смысла.

— Сиенна, рано или поздно они все равно меня схватят, — сказал Лэнгдон. — Думаю, мне пора перестать бегать.

Сиенна взглянула на него с тревогой.

— Роберт, каждый раз, когда вы останавливаетесь, в вас начинают стрелять! Вы должны понять, в чем оказались замешаны. Надо добраться до фрески Вазари, будем надеяться, что это оживит вашу память. Может, вы вспомните, откуда у вас этот проектор и зачем вы носите его с собой.

Перед глазами Лэнгдона промелькнули женщина со склеенными в шипы волосами, картина хладнокровного убийства доктора Маркони… военные, открывшие по ним огонь… полицейское оцепление у Римских ворот… А теперь еще и разведывательный беспилотник кружит над ними в садах Боболи.

— Роберт! — окликнула его Сиенна, и ее голос выдавал волнение. — Есть еще кое-что… что раньше не казалось мне важным, а теперь кажется.

Почувствовав в ее тоне тревогу, Лэнгдон поднял взгляд.

— Я хотела сказать вам еще дома, но…

— Что?

Сиенна смутилась.

— Когда вы появились в больнице… вы уже были не в себе и бредили, пытаясь что-то сказать.

— Да, — согласился Лэнгдон, — я повторял «Вазари, Вазари».

— Верно, но до этого… когда мы еще не включили диктофон… вы произнесли фразу, которую я запомнила. Вы произнесли ее всего один раз, но я уверена, что все расслышала правильно.

— И что я сказал?

Сиенна посмотрела наверх, где кружил беспилотник, и перевела взгляд на Лэнгдона.

— Вы сказали: «У меня ключ к разгадке… если я не справлюсь, всех ждет гибель».

Лэнгдон молчал, не зная, что и думать.

Сиенна продолжала:

— Я тогда подумала, что вы имели в виду предмет в кармане пиджака, но теперь сомневаюсь.

Если я не справлюсь, всех ждет гибель? Лэнгдон был потрясен. Перед его глазами замелькали образы смерти… Дантов ад, знак биологической опасности, врачеватель чумы. И он снова увидел прекрасную женщину с серебристыми волосами, которая обращалась к нему с мольбой с другого берега кроваво-красной реки. *Ищите и обрящете! Время на исходе!*

Голос Сиенны вернул его к действительности.

— На что бы ни указывало изображение в проекторе… и что бы вы ни пытались отыскать… это наверняка что-то очень и очень опасное. И какие-то люди пытаются нас убить… — Ее голос слегка дрогнул, и она не сразу взяла себя в руки. — Подумайте сами. В вас стреляли среди бела дня… стреляли *в меня* — совершенно постороннего человека. Никто и не пытается ничего обсуждать. Даже правительство вашей страны поставило на вас крест… Вы обратились к нему за помощью, а в ответ оно послало убийц.

Лэнгдон опустил голову. Сообщило ли консульство адрес убийце или направило убийцу само, не имело значения. Результат все равно один. *Мое собственное правительство против меня.*

Заглянув в карие глаза Сиенны, Лэнгдон увидел в них решимость. *Во что я ее втянул?*

— Мне жаль, но я не знаю, что мы ищем. Это хоть как-то помогло бы сориентироваться.

Сиенна согласно кивнула.

— Нам обязательно надо это найти. Во всяком случае, это наш единственный шанс.

Она, конечно, была права. И все же Лэнгдона что-то смущало. *Если я не справлюсь, всех ждет гибель.* Все утро он то и дело сталкивался с пугающими символами биологической опасности, чумы и Дантова ада. Конечно, он понятия не имел, что именно искал, но глупо даже не допускать возможности какой-то глобальной биологической угрозы. Но если так, почему его хочет устранить даже правительство США?

Неужели все считают, что я причастен к готовящейся биологической атаке?

Но это же полный абсурд! Нет, тут что-то другое.

Лэнгдон снова подумал о женщине с серебристыми волосами.

— Та женщина из моих видений. Я чувствую, что должен ее разыскать.

— Тогда доверьтесь своим чувствам, — сказала Сиенна. — В вашем состоянии подсознание — самый надежный подсказчик. Это азы психологии: если чувствуете, что этой женщине можно верить, делайте так, как она говорит.

— Ищите и обрящете, — произнесли они в унисон.

Отбросив последние сомнения и приняв решение, Лэнгдон с облегчением выдохнул.

Теперь мне остается только плыть по подводной пещере вперед.

Чувствуя, как в нем крепнет решимость, Лэнгдон обвел взглядом окрестности, собираясь с мыслями. *В какой стороне находится выход из садов?*

Они стояли в тени деревьев у края большой лужайки, на которой сходились несколько дорожек. Чуть впереди слева Лэнгдон заметил небольшой пруд овальной формы с декоративным островком, украшенным лимонами в горшках и скульптурой Персея верхом на выбирающейся из воды лошади.

Остров Изолотто, узнал Лэнгдон.

— Палаццо Питти там, — сказал он, показывая

на восток от Изолотто в сторону главной аллеи парка Вьоттолоне.

Эта широкая, как двухполосное шоссе, аллея пересекала весь парковый ансамбль с запада на восток, а окаймлявшим ее стройным кипарисам было не меньше четырехсот лет.

— Но там мы будем на самом виду, — засомневалась Сиенна, показывая на круживший неподалеку беспилотник.

— Вы правы, — с усмешкой согласился Лэнгдон. — Поэтому мы воспользуемся проложенным рядом тоннелем. — Он снова показал рукой, но уже на густую изгородь вдоль Вьоттолоне.

Входом в тоннель служила арка, вырезанная в сплошной стене зелени, за которой параллельно аллее бежала ровная дорожка. Ее обрамляли смыкающиеся над ней ветки дубовых деревьев, которые с семнадцатого века специально подстригали так, чтобы они, переплетаясь сверху, образовывали сводчатое перекрытие. Своим названием «Черкьята» дорожка обязана тому, что эти изогнутые ветки напоминают по форме обручи для бочки, по-итальянски cerchi.

Сиенна поспешила к арке, заглянула в тенистый проход и тут же обернулась с довольной улыбкой:

— Годится. — После этого она скользнула внутрь и исчезла в зарослях.

Лэнгдон всегда считал тропу Черкьята одним из самых безмятежных мест во всей Флоренции. Но сейчас, глядя вслед исчезнувшей в полумраке зарослей Сиенне, он снова подумал о греках-ныряльщиках, которые заплывали в подводных пещерах так далеко, что им оставалось только молиться, чтобы впереди их ждал не тупик.

Произнося быструю молитву по их примеру, он поспешил за Сиенной.

В полумиле от них у Академии изящных искусств агент Брюдер пробирался сквозь толпу из полицейских и студентов, которые невольно расступались под его ледяным взглядом. Наконец он добрался до импровизированного центра управления, который его помощник устроил на капоте черного фургона.

— С нашего беспилотника, — доложил агент, протягивая Брюдеру портативный монитор. — Снимки сделаны десять минут назад.

Брюдер просмотрел снимки, и его взгляд остановился на нечетком от большого увеличения кадре с двумя лицами — темноволосого мужчины и блондинки с конским хвостом. Оба прятались в тени деревьев и вглядывались в небо сквозь

кроны.

Роберт Лэнгдон.

Сиенна Брукс.

Никаких сомнений.

Брюдер перевел взгляд на карту садов Боболи, разложенную на капоте. *Они совершили ошибку*, подумал он, изучая местность. Хотя там имелось множество мест для укрытия, но сам парковый ансамбль был целиком обнесен высокой стеной. За всю свою карьеру Брюдеру не приходилось встречать столь идеальной ловушки, как сады Боболи.

Им ни за что оттуда не выбраться.

— Местные власти блокируют все выходы, — доложил агент. — И начинают прочесывание.

— Держите меня в курсе, — распорядился Брюдер и перевел взгляд на толстое пуленепробиваемое стекло. За ним была видна сидевшая на заднем сиденье женщина с серебристыми волосами.

Препараты, которыми ее накачали, подействовали сильнее, чем рассчитывал Брюдер, и женщина была явно не в себе. Однако испуг в ее глазах говорил о том, что она прекрасно осознает происходящее.

Выглядит она неважно, подумал Брюдер. *Хотя,*

с другой стороны, разве могло быть иначе?

Глава 26

Струя воды била вверх почти на двадцать футов.

Проводив взглядом ее медленное падение, Лэнгдон порадовался, что цель уже недалеко. Пройдя по зеленому тоннелю Черкьяты, они бегом пересекли открытую лужайку и смогли перевести дух, только укрывшись под кронами пробковых деревьев, которые росли в небольшой рощице на противоположной стороне. Их взгляду открылся вид на самый знаменитый одноструйный фонтан садов Боболи — бронзового Нептуна с трезубцем в руках работы Стольдо Лоренци. Флорентинцы шутливо называют скульптуру, считающуюся центральным местом паркового ансамбля, «фонтаном с вилкой».

Сиенна посмотрела наверх сквозь кроны деревьев.

— Я не вижу беспилотника.

Лэнгдон прислушался — жужжания двигателя тоже не было слышно, хотя его мог заглушать шум падающей воды.

— Наверное, вернулся для заправки, — предпо-

ложила Сиенна. — Это наш шанс. Теперь куда?

Лэнгдон повел ее влево, и они стали спускаться по крутому склону. Когда беглецы миновали рощицу, невдалеке перед ними показалось палаццо Питти.

— Миленький домик, — прошептала Сиенна.

— Типичный обывательский взгляд на вклад Медичи в культуру, — усмехнулся Лэнгдон.

Хотя до дворца оставалось еще с четверть мили, его каменная громада, вытянувшаяся в обе стороны, заполняла собой всю округу. Облицовка из огромных блоков, покрывавшая фасад, придавала зданию атмосферу непререкаемой властности, а ряды закрытых ставнями окон и арочных проемов еще больше усиливали это впечатление. Как правило, официальные резиденции возводились на возвышенности, чтобы смотреть на них можно было только снизу вверх. Однако палаццо Питти было построено в низине возле реки Арно, так что из садов Боболи вид на него открывался сверху.

Но с такого ракурса производимый эффект был даже более впечатляющим. Как заметил один архитектор, палаццо казалось возведенным самой природой… будто массивные камни скатились по крутому склону во время оползня и сами собой

сложились внизу в напоминающее баррикаду величественное строение. Хотя в оборонительном плане здание в низине более уязвимо, массивное каменное палаццо казалось таким неприступным, что в свое время Наполеон даже устроил здесь свою флорентийскую резиденцию.

— Смотрите, — обратилась к Лэнгдону Сиенна, указывая на ближайшие к ним двери палаццо. — Нам везет.

Лэнгдон и сам уже обратил на это внимание. В это необычное утро его глаз радовал не сам дворец, а многочисленные туристы, которые выходили из него и разбредались по нижним террасам парка. Палаццо было открыто, а это значило, что они с Сиенной смогут беспрепятственно проникнуть внутрь и пройти через здание, чтобы выбраться из садов. Лэнгдон знал, что справа за зданием течет река Арно, а за ней вскоре будут видны башни Старого города.

Беглецы быстрым шагом спустились по крутому склону и пересекли амфитеатр, который подковой огибал подножие холма: именно здесь состоялся первый в мире оперный спектакль. Затем они миновали Египетский обелиск Рамзеса II и весьма сомнительный «предмет искусства» у его подножия. Путеводители называют его

«уникальным гранитным бассейном римской термы Каракаллы», но Лэнгдон всегда видел в нем только то, чем он, по сути, и являлся — самой большой в мире ванной. *Лучше бы подыскать ей другое место*.

Наконец они добрались до тыльной части дворца и, замедлив шаг, незаметно смешались с первой волной туристов. Двигаясь против течения, спустились по узкому тоннелю во внутренний дворик, где в маленьком летнем кафе посетители наслаждались утренним эспрессо. В воздухе висел густой аромат кофе из свежемолотых зерен, и Лэнгдону вдруг ужасно захотелось тоже посидеть за столиком и насладиться цивилизованным завтраком. *Не сегодня*, сказал он себе, пока они пробирались между столиками к широкой каменной арке, которая вела к главным воротам дворца.

Возле входа путь им преградила толпа из скопившихся под портиком туристов, внимание которых привлекло что-то, происходившее перед дворцом. Лэнгдон, вытянув шею, посмотрел туда, стараясь понять, в чем дело.

Главный вход в палаццо Питти всегда казался ему угрюмым и негостеприимным. На широком пространстве перед дворцом не было ни ухожен-

ной лужайки, ни каких бы то ни было изысков ландшафтного дизайна. Всю площадь занимала только голая мостовая, похожая на мощенный камнем горнолыжный спуск, ведущий к улице Гвиччардини.

У подножия холма Лэнгдон увидел причину любопытства столпившихся зевак.

К площади Питти с разных сторон подкатили с полдюжины полицейских автомобилей. Небольшая армия стражей порядка с оружием на изготовку спешила ко входу во дворец, рассредоточиваясь на ходу и оцепляя всю территорию перед палаццо.

Глава 27

Когда полицейские входили в палаццо Питти, Сиенна и Лэнгдон уже спешили назад, повторяя только что проделанный путь в обратном направлении и стараясь оказаться как можно дальше от полиции. Они быстро прошли через внутренний дворик с летним кафе, где туристы, заслышав шум, уже озирались по сторонам и вытягивали шеи, пытаясь понять, что случилось.

Сиенну поразило, как быстро властям удалось их разыскать. *Судя по всему, беспилотник больше не летал, потому что сумел нас обнаружить.*

Добравшись до узкого тоннеля, через который они спустились из парка, беглецы, не раздумывая, нырнули в него и стали подниматься по ступенькам. Наверху лестница уходила влево и шла вдоль высокой, подпирающей склон стены. Стена постепенно становилась все ниже, и они наконец смогли взглянуть через нее на раскинувшиеся внизу сады Боболи.

Лэнгдон тут же схватил Сиенну за руку и заставил пригнуться, чтобы ее не заметили. Но Сиенна и сама уже все поняла. По склону над амфитеат-

ром в трехстах футах от них спускалась цепочка полицейских, прочесывая заросли, опрашивая туристов и переговариваясь по рации.

Мы в ловушке!

Увидев Лэнгдона в первый раз, Сиенна даже представить себе не могла, чем для нее обернется эта встреча. *На это я точно не подписывалась*. Когда они с Лэнгдоном бежали из больницы, она думала, что они спасаются от женщины с шипами и пистолетом. А теперь за ними охотится целая команда военных и вдобавок полицейские! Сиенна понимала, что шансов на спасение у них практически нет.

— Здесь есть другой выход? — спросила она, немного отдышавшись.

— Вряд ли, — ответил Лэнгдон. — Этот парк похож на город-крепость, совсем как… — он вдруг запнулся и посмотрел на восток, — совсем как Ватикан. — В его глазах мелькнул луч надежды.

Сиенна понятия не имела, какое отношение имеет Ватикан к их плачевному положению, но Лэнгдон неожиданно закивал своим мыслям, не сводя взгляда с восточной части дворца.

— Шансов, конечно, мало, — сказал он, увлекая за собой Сиенну, — но другой выход вполне может существовать.

Неожиданно из-за угла стены показались двое мужчин, и беглецы едва не столкнулись с ними. Они были в черном, и в первую секунду Сиенна испугалась, решив, что они из группы военных, заявившихся к ней домой этим утром. Но незнакомцы оказались обычными туристами, причем итальянцами, судя по их стильным костюмам из черной кожи.

Поймав на себе взгляд одного из них, Сиенна улыбнулась как можно приветливее.

— Può dirci dov'è la Galleria del costume? — спросила она на беглом итальянском, имея в виду знаменитую Галерею костюма, располагавшийся в залах палаццо Питти. — Io e mio fratello siamo in ritardo per una visita privata. — *Мы с братом опаздываем на частную экскурсию.*

— Certo! — с готовностью отозвался мужчина в черном, действительно оказавшись итальянцем. — Proseguite dritto per il sentiero! — *Ступайте прямо по этой дорожке!* Он повернулся и показал на бежавшую вдоль стены на запад дорожку, то есть совсем в другую сторону от того места, куда смотрел Лэнгдон.

— Molte grazie! — благодарно прощебетала Сиенна, снова улыбнувшись, и итальянцы продолжили свой путь.

Лэнгдон одобрительно кивнул Сиенне, по достоинству оценив ее находчивость. Если полицейские спросят этих туристов, те направят их в Галерею костюма, которая располагалась, если верить висевшему на стене плану, в самом конце западного крыла здания… то есть в противоположном направлении от нужного им места.

— Нам сюда. — Лэнгдон показал на вымощенную гравием дорожку с другой стороны лужайки.

Дорожка спускалась вниз по другому холму вдали от дворца. На склоне ее обрамляла высокая живая изгородь — отличное укрытие от полицейских, которые прочесывали местность уже в сотне ярдов от них.

Сиенна понимала, что их шансы пересечь открытое пространство и добраться до живой изгороди незамеченными весьма невелики. Там уже собирались туристы, с любопытством наблюдая за маневрами полиции. Издалека снова послышалось жужжание беспилотника.

— Сейчас или никогда! — воскликнул Лэнгдон и, схватив Сиенну за руку, вытащил ее на открытое пространство. Пока они пробирались сквозь толпу туристов, Сиенна едва сдерживалась, чтобы не перейти на бег, но Лэнгдон крепко держал

ее за локоть, и они двигались хоть и быстро, но не привлекая к себе внимания.

Когда они наконец добрались до дорожки, Сиенна обернулась посмотреть, не засекли ли их. Но полицейские смотрели в другую сторону — туда, откуда слышался приближавшийся рокот беспилотника. Сиенна повернулась и поспешила за Лэнгдоном.

Впереди над кронами деревьев стали видны очертания старой Флоренции. Сиенна узнала крытый красной черепицей купол Дуомо и белую с зелеными и красными вкраплениями колокольню Джотто. Она даже успела заметить справа зубчатую башню палаццо Веккьо, но затем дорожка начала спускаться вниз, и вид Старого города заслонили высокие стены парка, снова напомнив беглецам о том, что они в западне.

Когда они наконец оказались у подножия холма, совсем выбившаяся из сил Сиенна начала сомневаться, знает ли Лэнгдон, куда идет. Впереди был садовый лабиринт, но Лэнгдон уверенно свернул налево — к широкому, покрытому гравием внутреннему дворику. Они обошли его стороной, стараясь держаться в тени нависающих крон деревьев. Во дворике никого не было, и он больше напоминал стоянку для машин персона-

ла, чем туристическую достопримечательность.

— Куда мы идем? — спросила запыхавшаяся Сиенна.

— Мы почти пришли.

Пришли куда? Дворик был обнесен стеной высотой в три этажа. Попасть в него можно было через проезд для автомобилей, но и его закрывала массивная решетка из кованого железа, по виду — ровесница дворца. Им было хорошо видно, что всю площадь Питти запрудили полицейские.

По-прежнему используя живую изгородь как укрытие, Лэнгдон шел прямо к стене. Сиенна окинула ее взглядом, надеясь заметить проход, но увидела только нишу, а в ней — на редкость омерзительную статую.

Боже милостивый! Как могли Медичи, которым по карману был абсолютно любой шедевр, выбрать это?

Статуя изображала жирного голого карлика верхом на огромной черепахе. Мошонка карлика распласталась на панцире, изо рта у черепахи сочилась вода, будто она была больна.

— Можете ничего не говорить, — бросил Лэнгдон, не сбавляя шага. — Это Браччо ди Бартоло — знаменитый придворный шут. По мне, так лучше бы сюда поставили ту дурацкую ванну.

Лэнгдон резко свернул вправо и стал спускаться по лестнице, которую Сиенна увидела только сейчас.

Неужели выход?!

Но этой надежде было не суждено оправдаться.

Направившись вслед за Лэнгдоном вниз по ступенькам, Сиенна вскоре увидела, что они зашли в тупик, где стены были в два раза выше, чем наверху.

Мало того, она вдруг поняла, что их долгое путешествие может закончиться в пасти зияющей пещеры — глубокого грота, вырезанного в задней стене. *Не может быть, чтобы он пошел сюда намеренно!*

Над пастью пещеры зловеще нависали острые кинжалы сталактитов. В глубине виднелись покрывавшие стены геологические наросты — их расползавшиеся, покрытые каплями воды формы невольно наводили на мысль о том, что камень способен таять… Сиенна с ужасом подумала, что эти причудливые переплетения выглядят так, будто из стен выдавливаются какие-то похожие на людей существа, которых поглотил камень, а вся картина невольно напоминает сцены из «Карты ада» Боттичелли.

Лэнгдон, однако, продолжал невозмутимо шагать прямо к пещере. Он успел упомянуть Ватикан, но Сиенна была абсолютно уверена, что в ограждающих столицу католичества стенах нет никаких пещер, при виде которых мурашки бегут по коже.

Когда она оказалась перед самым входом, ее внимание привлек антаблемент, представлявший собой зловещее нагромождение сталактитов и бесформенных каменных выступов, которые, казалось, вот-вот поглотят двух полулежащих женщин. Между ними был вырезан щит с шестью шарами — знаменитым гербом Медичи.

Неожиданно Лэнгдон резко свернул влево от входа в пещеру, и только сейчас Сиенна заметила там маленькую серую дверцу. Деревянная и обшарпанная, она не бросалась в глаза — обычно за такими находится подсобка или чулан для садового инвентаря.

Лэнгдон бросился к двери, явно надеясь, что ее удастся открыть, но у двери не было ручки — виднелась только латунная замочная скважина. Судя по всему, дверь открывалась только изнутри.

— Проклятье! — На его лице было написано отчаяние, от прежней надежды не осталось и следа. — А я-то думал…

Вдруг сверху послышался гулко разносившийся по каменному колодцу резкий звук двигателя беспилотника. Сиенна подняла голову и увидела, что аппарат взмыл над дворцом и направляется в их сторону.

Лэнгдон тоже заметил это и, схватив Сиенну за руку, потащил к пещере. В самый последний момент им удалось нырнуть незамеченными под сталактитовый навес над гротом.

Достойный финал, подумала Сиенна. *В адские врата сломя голову.*

Глава 28

В четверти мили к востоку Вайента припарковала свой мотоцикл. Она въехала в Старый город по мосту Понте-алле-Грацие и затем, сделав круг, добралась до Понте-Веккьо — знаменитого пешеходного моста, соединяющего Старый город с палаццо Питти. Пристегнув шлем к мотоциклу, она взошла на мост и смешалась с толпой туристов.

Порыв налетевшего с реки прохладного мартовского ветра взъерошил ее причудливую прическу и напомнил ей, что Лэнгдон знает, как она выглядит.

Остановившись у одного из многочисленных ларьков с сувенирами, Вайента купила бейсболку с надписью «AMOFIRENZE» — «Я люблю Флоренцию» — и водрузила ее на голову, надвинув козырек пониже.

Пригладив кожаную куртку, чтобы из-под нее не выпирал пистолет, она со скучающим видом облокотилась о перила примерно на середине моста и принялась наблюдать за палаццо Питти. С этой позиции ей были видны все прохожие,

пересекавшие реку, чтобы попасть в сердце Флоренции.

Лэнгдон передвигается пешком, говорила она себе. *Если он не сможет попасть в Старый город через Римские ворота, то оптимальным вариантом для него будет этот мост.*

С западной стороны — оттуда, где находилось палаццо Питти, — донесся вой полицейских сирен. *Интересно, для нее это добрый знак или дурной? Лэнгдона все еще ищут? Или уже поймали?* Вайента напрягла слух, стараясь понять, что там происходит, но тут ее внимание привлек другой звук — где-то в небе слышалось жужжание. Она подняла взгляд и сразу увидела его источник: маленький радиоуправляемый вертолетик взмыл над дворцом и полетел над кронами деревьев в северо-восточную часть садов Боболи.

Разведывательный беспилотник, подумала Вайента, ощущая прилив надежды. *Если он летает, значит, Брюдер еще не нашел Лэнгдона.*

Быстро приблизившись, беспилотник начал облетать северо-восточный участок парка, находившегося как раз рядом с Понте-Веккьо, где Вайента заняла позицию, что укрепило ее уверенность в правильности своих действий.

Если Лэнгдону удастся ускользнуть от Брюде-

ра, он наверняка появится здесь.

Вайента видела, как беспилотник неожиданно нырнул вниз и скрылся из виду за высокой каменной стеной. Она слышала, как он продолжал кружить где-то среди деревьев, явно обнаружив что-то интересное.

Глава 29

Ищите и обрящете, подумал Лэнгдон, укрывшись с Сиенной в темном гроте. *Искали выход… а попали в тупик.*

Бесформенный фонтан в центре был хорошим укрытием, но Лэнгдон, выглянув из-за него, чтобы посмотреть, что происходит снаружи, понял, что едва себя не выдал.

Беспилотник опустился в каменный дворик и замер в десяти футах от земли, направив камеру прямо на вход в пещеру. Он жужжал, будто злобное насекомое, почуявшее добычу.

Лэнгдон отпрянул назад и шепотом сообщил Сиенне неприятную новость:

— Похоже, они знают, что мы здесь.

В замкнутом пространстве пещеры шум двигателя, многократно усиленный отражением звука от каменных стен, был оглушающим. Лэнгдону казалось невероятным, что их держал в заложниках миниатюрный радиоуправляемый вертолетик, но он понимал, что скрыться от него нет никаких шансов. *И что теперь делать? Просто сидеть и ждать?* Его первоначальный

план укрыться за маленькой серой дверью был вполне разумным, правда, эта дверь, как теперь выяснилось, открывалась только изнутри.

Дождавшись, когда глаза привыкнут к полумраку пещеры, Лэнгдон обвел ее взглядом в поисках выхода, но ничего обнадеживающего так и не увидел. Пещеру украшали скульптуры животных и людей, которые, казалось, выступали из сочившихся влагой стен — кто больше, кто меньше. Лэнгдон в отчаянии поднял взгляд на потолок — с него зловеще свисали сталактиты.

Самое подходящее место, чтобы умереть.

Грот Буонталенти, названный в честь его создателя, архитектора Бернардо Буонталенти, был, пожалуй, одной из самых необычных достопримечательностей Флоренции. Задуманную для развлечения юных гостей палаццо Питти анфиладу из трех пещер украшало сочетание буйной фантазии природы и готической избыточности: пропитанные влагой отложения и наслоения пемзы, казалось, втягивали в себя и исторгали множество резных фигур. Во времена Медичи по этим стенам струилась вода, отчего в жаркое тосканское лето тут всегда было прохладно, и казалось, что находишься внутри пещеры, созданной самой природой.

Лэнгдон и Сиенна прятались в первом и самом большом помещении позади расположенного в центре фонтана. Их окружали живописные фигуры пастухов, крестьян, музыкантов, животных и даже копии четырех микеланджеловских рабов, изо всех сил пытавшихся вырваться из не отпускавшей их вязкой каменной стены. Утренний свет струился сквозь круглое отверстие в потолке — некогда там был установлен гигантский стеклянный шар с водой, в котором плавали ярко-красные карпы.

Интересно, подумал Лэнгдон, а как бы отреагировали посетители времен Возрождения, увидев у входа в грот зависший в воздухе настоящий вертолет — фантастический проект их современника и соотечественника Леонардо да Винчи?

Неожиданно противный звук двигателя смолк. Он не удалился, а как бы… вдруг оборвался.

Озадаченный, Лэнгдон выглянул из-за фонтана и увидел, что беспилотник приземлился. Он совершил посадку на покрытую гравием площадку и теперь выглядел вполне мирно, особенно учитывая, что его похожий на жало объектив смотрел не на них, а на маленькую серую дверцу.

Облегчение было недолгим. В сотне ярдов за

беспилотником, стоявшим рядом со статуей карлика на черепахе, по ступенькам, ведущим к гроту, с решительным видом спускались трое вооруженных до зубов военных. На них была уже знакомая Лэнгдону черная форма с зеленой нашивкой на рукаве. А холодный и безучастный взгляд их командира напомнил ему чумную маску из его видений.

Я — смерть.

Ни их черного фургона, ни таинственной женщины с серебристыми волосами поблизости не было.

Я — жизнь.

Спустившись на площадку, двое военных направились к гроту, а один остался у лестницы и повернулся к ней лицом, явно намереваясь никого не пропускать.

Лэнгдон и Сиенна прогнали оторопь и на четвереньках перебрались во вторую пещеру, которая оказалась у́же, длиннее и темнее первой. Центральное место в ней тоже занимала скульптура — на этот раз двух влюбленных, сжимающих друг друга в объятиях, — за которой беглецы и укрылись.

Осторожно выглянув из-за постамента, Лэнгдон наблюдал за приближением преследователей.

Один из них остановился у беспилотника, нагнулся и, подняв аппарат, принялся внимательно его осматривать.

Неужели эта штука нас засекла? — спрашивал себя Лэнгдон, боясь признать, что ответ очевиден.

Другой военный, тот, что был старшим группы, подошел ко входу в грот и остановился, продолжая сверлить его холодным взглядом. *Сейчас он войдет!* Лэнгдон уже приготовился вернуться назад и сказать Сиенне, что все кончено, но тут произошло нечто совершенно неожиданное.

Вместо того чтобы войти, командир внезапно повернулся налево и исчез.

Куда это он? Он не знает, что мы здесь?

Через несколько секунд послышались удары кулаком по двери.

Маленькая серая дверца, подумал Лэнгдон. *Он наверняка знает, куда она ведет.*

Эрнесто Руссо, работавший охранником в палаццо Питти, всегда мечтал стать футболистом, но к двадцати девяти годам изрядно располнел и постепенно начал привыкать к мысли, что его детской мечте так и не суждено сбыться. Последние три года он провел в одной и той же крошечной каморке, выполнял одни и те же

скучные обязанности.

Эрнесто уже привык к тому, что любопытные туристы нередко стучали в маленькую серую дверцу, которая вела к его комнатке, и обычно никак на это не реагировал, дожидаясь, пока тем не надоест ждать. Но сегодня в дверь барабанили слишком уж громко и настойчиво.

Недовольно поморщившись, Эрнесто перевел взгляд на экран телевизора, где повторяли трансляцию матча «Фиорентина» — «Ювентус». Стук усилился. Наконец, проклиная туристов, он вышел из каморки и прошел по узкому коридору в направлении источника шума. Примерно посередине коридора он остановился у массивной стальной решетки, которая всегда перекрывала проход, за исключением каких-то особых случаев.

Набрав на висячем замке нужную комбинацию цифр, Эрнесто открыл решетку, прошел за нее и, как предписывала инструкция, снова запер ее за собой, после чего направился к серой двери.

— È chiuso! — крикнул он через дверь, надеясь, что снаружи его услышат. — Non si può entrare! — *Закрыто! Вход воспрещен!*

Стук продолжался.

Эрнесто стиснул зубы. *Наверняка американцы*,

подумал он. *Они умеют добиваться своего*. И как бы выглядела их футбольная команда «Ред буллз» на мировой арене, не сумей они умыкнуть одного из лучших тренеров Европы?

Стук не умолкал, и Эрнесто, неохотно отперев дверь, чуть приоткрыл ее.

— È chiuso!

Стук наконец прекратился, и Эрнесто встретился взглядом с вооруженным незнакомцем. При виде его холодных непроницаемых глаз по коже у него побежали мурашки. Незнакомец протянул раскрытое удостоверение, но указанное в нем название организации Эрнесто ничего не говорило.

— Cosa succede?! — с тревогой спросил Эрнесто. *В чем дело?!*

Было видно, как за спиной незнакомца еще один вооруженный человек возился, присев на корточки, с каким-то игрушечным вертолетом. Третий охранял спуск с лестницы. Где-то неподалеку раздавался вой сирен.

— Ты говоришь по-английски? — Акцент был явно не американский. *Может, европейский?*

— Немного, — кивнул Эрнесто.

— Кто-нибудь проходил через эту дверь утром?

— No, signore. Nessuno.

— Отлично! Никому не открывай! И никого не пропускай! Это понятно?

Эрнесто пожал плечами. Для того он сюда и поставлен.

— Sì, я понял. Non deve entrare, né uscire nessuno. — *Никого не впускать и не выпускать.*

— А теперь скажи, эта дверь — единственный вход?

Эрнесто задумался. Вообще-то эта дверь считалась выходом, поэтому снаружи у нее и не было ручки, но он понял, о чем спрашивал незнакомец.

— Да, других нет.

Первоначальный вход в дворец уже много лет был закрыт и опечатан.

— А есть другие выходы из садов Боболи? Кроме обычных ворот?

— No, signore. Кругом высокие стены. Этот тайный ход единственный.

— Спасибо за помощь. — Незнакомец кивнул и жестом показал, что теперь можно запереть дверь.

По-прежнему ничего не понимая, Эрнесто подчинился. Потом прошел по коридору, отпер решетку, снова запер ее за собой и вернулся досматривать футбольный матч.

Глава 30

Лэнгдон и Сиенна воспользовались полученной передышкой.

Пока командир группы барабанил в дверь, они на четвереньках перебрались в глубь грота и теперь находились в последней пещере. Небольшое помещение было украшено грубо вырубленными в стенах сатирами и мозаикой. В центре стояла скульптура «Купающаяся Венера» в полный рост. Богиня нервно оглядывалась через плечо, что в сложившейся ситуации выглядело более чем уместно.

Лэнгдон и Сиенна кое-как укрылись за узким постаментом статуи и ждали, уставившись на одинокий шарообразный сталагмит у дальней стены грота.

— Все выходы перекрыты! — крикнул командир кому-то снаружи. Он говорил по-английски с легким акцентом, распознать который Лэнгдону не удалось. — Пусть беспилотник подстрахует. Я проверю эту пещеру.

Лэнгдон почувствовал, как напряглась Сиенна.

Через несколько секунд в гроте послышались

тяжелые шаги. Мужчина быстро прошел через первую пещеру, и теперь шаги все громче раздавались во второй: преследователь шел прямо к ним. Лэнгдон и Сиенна тесно прижались друг к другу.

— Эй! — раздался где-то вдалеке голос. — Они попались!

Шаги замерли. Лэнгдон слышал, как кто-то бежал по гравию к гроту.

— Их засекли! — сообщили запыхавшимся голосом. — Мы только что разговаривали с парой туристов. Несколько минут назад мужчина и женщина спрашивали, как пройти в Галерею костюма… а это в западном крыле дворца.

Лэнгдон покосился на Сиенну, и ему показалось, что ее губы чуть тронула улыбка.

Отдышавшись, подручный продолжал:

— Западные выходы были перекрыты в первую очередь… почти наверняка мы их заперли в парке.

— Выполняй полученный приказ, — скомандовал старший. — И сразу доложи, как выполнишь.

Послышались удаляющиеся шаги, звук взлетающего беспилотника и, наконец… благословенная тишина.

Лэнгдон уже собирался осторожно выглянуть из-за пьедестала, но Сиенна удержала его, схватив за руку. Приложив палец к губам, она показала на едва заметную тень на задней стене.

Старший группы по-прежнему стоял у входа в грот.

Чего он ждет?!

— Это Брюдер, — внезапно произнес он. — Мы загнали их в угол. Операция вот-вот завершится, и я сразу доложу об окончании.

Он разговаривал по телефону, и его голос звучал так близко, как будто они стояли рядом. Грот собирал все звуки у дальней стены, действуя как параболический микрофон.

— Это не все, — продолжал Брюдер. — Я только что получил данные от экспертов. Женщина снимала квартиру на чужое имя. Мебель там убогая. Пристанище явно временное. Мы нашли биокапсулу, но проектора не было. Полагаем, что он все еще у Лэнгдона.

Услышав, что незнакомец называет его имя, Лэнгдон похолодел. Шаги зазвучали громче, и он понял, что старший группы снова вошел в грот. Его поступь уже не была такой целеустремленной, как раньше, — судя по всему, он просто прогуливался, разговаривая по телефону, и огля-

дывал грот еще раз.

— Так точно, — сказал он. — Эксперты подтвердили, что до нашего прихода из квартиры был сделан всего один исходящий звонок.

В американское консульство, подумал Лэнгдон, вспомнив свой разговор по телефону, за которым последовало быстрое появление убийцы с причудливой прической. При появлении группы обученных бойцов та женщина сразу куда-то исчезла.

Нам не удастся вечно от них скрываться.

Шаги по каменному полу раздавались теперь всего в двадцати футах и продолжали приближаться. Мужчина зашел во вторую пещеру и, если пройдет ее до конца, наверняка заметит их за статуей Венеры.

— Сиенна Брукс, — вдруг неожиданно громко произнес преследователь.

Сиенна вздрогнула и испуганно посмотрела наверх, не сомневаясь, что он стоит над ней, однако никого не увидела.

— Сейчас проверяют ее ноутбук, — продолжали докладывать в десяти футах от них. — Мне пока еще не сообщили, но известно, что Лэнгдон проверял свою гарвардскую почту именно с него.

Услышав это, Сиенна изумленно повернулась

к Лэнгдону — на ее лице отразился шок, сменившийся болью.

Лэнгдон был ошеломлен не меньше ее. *Так вот как они нас нашли?!* Тогда ему и в голову не пришло, что это может их выдать. *Я же просто пытался понять!* Он хотел объяснить Сиенне, но та отвернулась с каменным выражением на лице.

— Так точно, — снова сказал незнакомец у порога третьей пещеры. Теперь их разделяли каких-то шесть футов. Еще пара шагов, и он наверняка их увидит. — Так точно, — повторил он еще раз и, сделав шаг, вдруг остановился. — Секунду.

Лэнгдон замер в ожидании неминуемой развязки.

— Подождите, вас плохо слышно, — объяснил военный, возвращаясь во вторую пещеру. — Тут слабый сигнал. Вот теперь слышу. Продолжайте… — Он немного помолчал, слушая, потом ответил: — Да, я согласен, но теперь нам хотя бы известно, с кем мы имеем дело. — С этими словами он вышел из грота, послышались его удаляющиеся шаги по гравию, и, наконец, наступила тишина.

Лэнгдон расслабился и повернулся к Сиенне, в глазах которой были злость и страх.

— Вы залезли в мой ноутбук? — возмущенно спросила она. — Чтобы проверить почту?

— Простите, Сиенна. Я думал, вы поймете. Я просто хотел узнать…

— Вот как они нас вычислили! А теперь знают и мое имя!

— Мне очень жаль, Сиенна. Я и предположить не мог… — Лэнгдон не знал, куда деваться от стыда.

Сиенна отвернулась, уставив невидящий взгляд в округлый сталагмит у задней стены пещеры. Почти минуту оба молчали. Лэнгдон задавался вопросом, помнит ли Сиенна о бумагах, лежавших на столе, — театральной программке «Сна в летнюю ночь» и газетных вырезках, рассказывающих об удивительном вундеркинде. *Она догадывается, что я их видел?* Но даже если она и догадывалась, то никаких вопросов не задавала, а после всех доставленных им ей неприятностей признаваться еще и в этом Лэнгдону совсем не хотелось.

— Они знают, кто я, — произнесла Сиенна так тихо, что Лэнгдон едва ее расслышал.

Потом она сделала несколько глубоких вдохов, будто пыталась свыкнуться с новой реальностью. Лэнгдон видел, как к ней на глазах возвращается

решимость.

Внезапно она вскочила на ноги.

— Пора идти! Они скоро поймут, что в Галерее костюма нас нет.

Лэнгдон тоже поднялся.

— Да… но куда?

— А как же Ватикан?

— В смысле?

— Я наконец сообразила, что вы тогда имели в виду… что у Ватикана много общего с садами Боболи. — Она махнула рукой в сторону маленькой серой дверцы. — Это же вход, верно?

Лэнгдон кивнул.

— Вообще-то это выход, но я думал, что попытка не пытка. К сожалению, воспользоваться им мы не сможем. — По долетевшим до них обрывкам разговора военного с охранником Лэнгдону было ясно, что по этому проходу им не пройти.

— Но если бы нам это удалось, — сказала Сиенна, и в ее голосе вновь зазвучали озорные нотки, — знаете, что бы это означало? — На ее губах заиграла улыбка. — Это бы означало, что в течение одного дня нам дважды помог один и тот же художник эпохи Возрождения.

Лэнгдон довольно хмыкнул, потому что тоже об этом подумал.

— *Вазари. Вазари.*

Сиенна улыбнулась еще шире, и Лэнгдон понял, что она его простила, во всяком случае, пока.

— Мне кажется, это знак свыше, — заявила она почти серьезно. — Нам надо пройти через ту дверь.

— Согласен… А мы что — просто пройдем мимо охранника?

Сиенна щелкнула пальцами и направилась к выходу из грота.

— Нет, я с ним поговорю. — Она снова взглянула на Лэнгдона, и в ее глазах горела решимость. — Поверьте, профессор, если надо, я умею быть очень убедительной.

В дверь снова постучали. Настойчиво и громко. Не в силах скрыть досаду, охранник Эрнесто Руссо даже выругался. Тот странный военный с холодными глазами опять зачем-то вернулся, но момент для этого выбрал самый неподходящий. Играли овертайм, у «Фиорентины» удалили игрока, и судьба матча висела на волоске.

Стук продолжался.

Эрнесто был неглуп. Он понимал, что утром в парке что-то стряслось, — иначе с чего бы здесь появились сирены и странные военные? — но он никогда не вмешивался ни во что, что не каса-

лось его лично.

Pazzo è colui che bada ai fatti altrui.

Не суй свой нос в чужие дела — здоровее будешь.

Но тот военный явно большой начальник, и спорить с ним себе дороже. Сейчас в Италии непросто найти работу, даже такую неинтересную. Бросив на экран телевизора последний взгляд, Эрнесто направился к двери, в которую продолжали стучать.

Он до сих пор не мог поверить, что ему платили за то, чтобы он целый день сидел в тесной каморке и смотрел телевизор. Изредка проход использовали для спецэкскурсий: особых гостей приводили сюда из галереи Уффици. Эрнесто приветствовал их, отпирал металлическую решетку и выпускал через маленькую серую дверь в сады Боболи, где экскурсия и заканчивалась.

Стук уже раздавался совсем рядом, и Эрнесто отпер стальную решетку, прошел за нее, после чего запер за собой.

— Sì? — крикнул он, спеша к двери.

Ответа не последовало. Стук продолжался.

Insomma! Сейчас! Он наконец-то отпер дверь и открыл ее, ожидая увидеть знакомого военного с безжизненным взглядом. Но лицо, показавшееся в дверном проеме, было куда привлекательнее.

— Ciao, — с милой улыбкой произнесла хорошенькая блондинка и протянула ему сложенный лист бумаги, который он машинально взял.

Эрнесто сразу понял, что это просто подобранный в земли клочок бумаги, но женщина успела схватить его за запястье и надавила ему большим пальцем на косточку у основания ладони.

Кисть Эрнесто пронзила острая, как от удара кинжалом, боль. А потом рука онемела. Женщина шагнула ближе и снова надавила на косточку. Руку снова свело от боли. Эрнесто отшатнулся, пытаясь вырвать руку, но ноги у него вдруг подкосились, и он упал на колени.

Остальное произошло в мгновение ока. В дверном проеме появился мужчина в темном костюме, проскользнул в серую дверь и тут же запер ее за собой. Эрнесто потянулся к рации, но мягкая рука надавила на шею сзади, и он сразу обмяк, жадно хватая ртом воздух. Женщина забрала рацию, а подошедший мужчина смотрел на нее с таким же беспокойством, как и сам Эрнесто.

— Дим-мак, — небрежно пояснила блондинка. — Китайское искусство поражения нервных центров. Одна из причин, почему они смогли продержаться три тысячи лет.

Мужчина смотрел на нее с изумлением.

— Non vogliamo farti del male, — прошептала женщина Эрнесто на ухо. *Мы не хотим причинять тебе вред.*

Почувствовав, что давление ослабло, Эрнесто попытался вырваться, но женщина тут же надавила сильнее, и его мышцы опять свело, а он сам чуть не задохнулся от боли.

— Dobbiamo passare, — произнесла она. *Нам нужно пройти.* Она показала на стальную решетку, которую Эрнесто благоразумно запер. — *Dov'è la chiave?*[15]

— Non ce l'ho, — с трудом выдавил он. *У меня нет ключа.*

Мужчина подошел к решетке и внимательно осмотрел запорный механизм.

— Здесь кодовый замок, — сообщил он женщине. Акцент выдавал в нем американца.

Женщина опустилась на колени рядом с Эрнесто — ее карие глаза были холодны как лед.

— Qual'è la combinazione?[16]

— Non posso! — ответил он. — Мне запрещено…

Он почувствовал ее пальцы в верхней части позвоночника, и все его тело сразу обмякло. Через

---

[15] Примечания: 15
Где ключ? (*ит.*)

[16] Примечания: 16
Какая комбинация? (*ит.*)

мгновение он потерял сознание.

* * *

Очнувшись, Эрнесто еще несколько минут не мог понять, что с ним. Его сознание то затуманивалось, то прояснялось. Всплывали обрывки разговора… приступы боли… его куда-то тащили. Все было как в тумане.

Когда застилавшая глаза пелена рассеялась, он увидел странную картину: рядом с ним на полу стояли его ботинки без шнурков. И только тогда он понял, что едва может пошевелиться. Он лежал на боку со связанными руками и ногами. Может, даже его же шнурками. Он хотел закричать, но не смог издать ни звука: в рот ему засунули его же носок. Но по-настоящему страшно ему стало, когда он увидел работающий телевизор, по которому показывали футбол. *Это же мое рабочее место… По другую сторону решетки?!*

Издалека доносились звуки удалявшихся шагов. Вскоре они стихли… *Non è possibile! Но этого не может быть!* Каким-то образом блондинке удалось заставить Эрнесто сделать то, что категорически запрещалось: назвать постороннему код, открывающий доступ в знаменитый Кори-

дор Вазари.

Глава 31

Приступы тошноты и головокружения накатывали на доктора Элизабет Сински все чаще. Она забилась в угол на заднем сиденье фургона, и сидевший рядом агент поглядывал на нее с нараставшей тревогой.

Его рация вдруг ожила, передав какое-то сообщение о Галерее костюма, и Элизабет очнулась от полузабытья, в котором заново переживала встречу с зеленоглазым чудовищем.

В полутемной комнате нью-йоркского офиса Совета по международным отношениям она слушала бредовые откровения таинственного незнакомца, пригласившего ее на встречу. Похожая на призрак долговязая фигура расхаживала перед экраном с повергающим в трепет изображением, навеянным Дантовым адом: бесконечные толпы людей умирали в жутких мучениях.

— Кто-то должен отправиться на эту войну и сражаться, — заканчивал свою мысль мужчина, — или нас ждет вот *такое* будущее. Математические расчеты это гарантируют. Сейчас человечество застряло в чистилище нереши-

тельности и своекорыстия… но круги ада — а они прямо под нами — ждут своего часа, чтобы поглотить всех нас.

Не в силах больше молча выслушивать чудовищные идеи, которые излагал незнакомец, Элизабет вскочила на ноги.

— То, что вы предлагаете…

— Единственный возможный выход, — закончил он за нее.

— Я хотела сказать «преступление»! — возразила Элизабет.

Незнакомец пожал плечами.

— Путь в рай лежит через ад. Этому нас учил Данте.

— Вы сумасшедший!

— Сумасшедший? — переспросил мужчина с обидой. — Я? Не думаю. Безумна Всемирная организация здравоохранения, которая видит пропасть и отказывается ее признавать. Безумен страус, который прячет голову в песок, когда его обступают гиены. — Не давая Элизабет возразить, незнакомец сменил изображение на экране и продолжил: — К слову о гиенах. Вот те гиены, что сейчас окружают человечество… и кольцо сужается с каждым днем.

Элизабет с удивлением увидела знакомый

график. В прошлом году его опубликовала ВОЗ, чтобы показать, какие аспекты окружающей среды, по ее мнению, оказывали ключевое влияние на здоровье человечества.

Среди прочего, список включал: потребность в питьевой воде, глобальное потепление, разрушение озонового слоя, истощение морских ресурсов, исчезновение видов животных и растений, рост концентрации углекислого газа в атмосфере, вырубка лесов и повышение уровня мирового океана.

Последние сто лет все эти негативные показатели росли, но сейчас темпы роста приобрели поистине устрашающий размах.

Каждый раз при виде этого графика Элизабет ощущала полную беспомощность. Она была ученым и верила в объективность статистических данных, а график показывал леденящую кровь картину не отдаленного, а самого ближайшего будущего.

Всю свою жизнь Элизабет переживала, что не сможет родить ребенка. Но, глядя на этот график, испытывала чуть ли не облегчение оттого, что не стала матерью.

И такое будущее я бы уготовила своему ребенку?

— За последние пятьдесят лет, — продолжал высокий незнакомец, — наши грехи перед матерью-природой росли по экспоненте. — Он помолчал. — Я боюсь за душу человечества. Когда ВОЗ опубликовала этот график, политики и защитники окружающей среды стали устраивать срочные совещания по всему миру с целью выявить самые острые из проблем и возможности их решения. В своем кругу они хватаются за голову от ужаса и беспомощности, хотя публично заверяют, что продолжают искать эффективное решение этих крайне сложных проблем.

— Но они действительно невероятно сложны!

— Чушь! — решительно возразил незнакомец. — Вам отлично известно, что кривые на графике описывают элементарную зависимость — функцию всего с одной переменной! Каждая кривая на графике взмывает вверх прямо пропорционально одной-единственной величине. Той самой, говорить о которой никто не решается, — населению Земли!

— Я не думаю, что это…

— Единственная причина? Но это же так просто! Чтобы иметь больше питьевой воды на душу населения планеты, надо просто его сократить. Чтобы уменьшить количество выбросов выхлоп-

ных газов, надо сократить количество водителей. А чтобы океан мог воспроизводить рыбные запасы, нужно, чтобы рыбу ели меньше людей! — Он устремил на нее горящий взгляд, и его голос зазвучал еще решительнее. — Посмотрите правде в глаза! Человечество на грани исчезновения, а наши мировые лидеры обсуждают на разных форумах, как содействовать использованию солнечной энергии, переработке отходов для повторного использования и созданию гибридных автомобилей. Неужели вы — такая умная женщина и видный ученый — этого не видите? Истощение озонового слоя, нехватка воды и загрязнение — это вовсе не болезнь, а симптомы болезни. А сама болезнь — перенаселение. И пока мы не займемся ее радикальным лечением, все наши усилия — не больше чем попытка остановить стремительно растущую раковую опухоль, налепив на нее пластырь.

— По-вашему, человечество — это раковая опухоль?

— Рак — это всего лишь здоровые клетки, которые начинают безудержно делиться. Я понимаю, что мои идеи кажутся отталкивающими, но смею вас заверить, что альтернатива понравится вам еще меньше. Если не предпринять решительных

действий…

— Решительных? — возмутилась Элизабет. — Скажите лучше, *безумных*!

— Доктор Сински, — зеленоглазый незнакомец заговорил со зловещим спокойствием, — я пригласил вас сюда в надежде, что вы, будучи мудрым и ответственным руководителем Всемирной организации здравоохранения, согласитесь на сотрудничество со мной в поиске адекватного решения.

Элизабет не верила своим ушам.

— Вы рассчитывали, что Всемирная организация здравоохранения будет с вами сотрудничать… *в этом*?

— Вообще-то да, — ответил он. — В вашей организации работают врачи, а если врачу надо спасти жизнь пациенту с гангреной ноги, он, не задумываясь, отрежет эту ногу. Иногда приходится выбирать меньшее из зол.

— Но это совсем другое!

— Нет, это то же самое. Разница только в масштабе.

Элизабет решила, что наслушалась достаточно, и решительно поднялась.

— Я боюсь опоздать на самолет.

Высокий мужчина угрожающе шагнул вперед,

загораживая ей проход.

— Скажу вам честно. Станете вы помогать мне или нет, но я доведу дело до конца.

— Я тоже скажу вам честно, — парировала она. — Я расцениваю это как террористическую угрозу и приму соответствующие меры. — Она достала телефон.

Мужчина засмеялся.

— Вы заявите на меня, обвинив в гипотетических рассуждениях? К сожалению, вам придется с этим подождать. Эта комната изолирована от окружающего мира, и ваш телефон просто не найдет сети.

Мне не нужна сеть, ненормальный. Элизабет подняла телефон, и прежде чем мужчина успел среагировать, сфотографировала его в упор. Вспышка отразилась в зеленых глазах, и на мгновение ей показалось, что его лицо ей знакомо.

— Кем бы вы ни были, — сказала она, — но вы совершили ошибку, устроив эту встречу. Еще до того как я окажусь в аэропорту, мне будет известно, кто вы, и ваше имя внесут в разыскной список ВОЗ и Центров по контролю и профилактике заболеваний в Америке и Европе как потенциального биотеррориста. За вами будут следить круглосуточно. Если вы попытаетесь купить ма-

териалы, мы об этом узнаем. Если вы построите лабораторию, нам это станет известно. Вам нигде не удастся от нас укрыться.

Мужчина замер и, казалось, размышлял, не броситься ли на нее, чтобы отнять телефон. Наконец он расслабился, и на его лице заиграла зловещая ухмылка.

— Что ж, посмотрим, кто кого.

Глава 32

Il Corridoio Vasariano — Коридор Вазари — был построен Джорджо Вазари в 1564 году по приказу великого герцога Козимо I Медичи для безопасного прохода из резиденции в палаццо Питти в палаццо Веккьо на другой стороне реки Арно, где он занимался государственными делами.

Подобно знаменитому Пассетто в Ватикане, Коридор Вазари был типичным тайным ходом. Длиной почти в километр, он тянулся от восточного угла садов Боболи до самого старого дворца через Понте-Веккьо и галерею Уффици.

В наши дни Коридор Вазари по-прежнему служит надежным убежищем, но уже не для родовитых представителей клана Медичи, а для произведений искусства. Его бесконечные стены украшают бесчисленные редкие полотна, которым не хватило места во всемирно известной галерее Уффици.

Несколько лет назад Лэнгдону довелось побывать в нем в качестве почетного гостя. В тот день он получил истинное наслаждение, любуясь великолепными полотнами, в том числе из самой

большой в мире коллекции автопортретов. Он несколько раз останавливался, чтобы заглянуть в редкие смотровые оконца, которые позволяли посетителю ориентироваться в этом длинном, уходящем вверх проходе.

Однако в это утро Лэнгдон и Сиенна передвигались по нему почти бегом, стараясь оторваться от преследователей как можно дальше. Лэнгдон не переставал задаваться вопросом, сколько времени пройдет, прежде чем связанного охранника наконец обнаружат. Каждый новый шаг приближал их к цели поисков.

Cerca trova… глаза смерти… и ответ на вопрос, кто за мной гонится.

Теперь жужжание беспилотника слышалось где-то позади. Чем дальше они продвигались по Коридору Вазари, тем больше Лэнгдон поражался амбициозности замысла архитектора при создании этого шедевра. Коридор Вазари был похож на огромную змею, скользящую над городом от палаццо Питти, через реку Арно и до самого сердца старой Флоренции, то огибая здания, то проползая сквозь них. Узкий проход с белеными стенами казался бесконечным и лишь изредка слегка изгибался то влево, то вправо, чтобы обогнуть препятствие, а затем снова устремиться

на восток.

Неожиданно впереди послышались голоса, и Сиенна остановилась. Лэнгдон последовал ее примеру и, положив руку ей на плечо, показал на ближайшее смотровое окошко.

Внизу какие-то туристы.

Осторожно выглянув в окно, они увидели, что находятся над Понте-Веккьо — средневековым каменным мостом, пройти по которому в Старый город можно только пешком.

Внизу первые туристы уже бродили среди прилавков рынка, существовавшего с начала пятнадцатого века. Сегодня здесь продавали свои изделия главным образом золотых дел мастера и ювелиры, но так было не всегда. Вначале тут находился самый большой во Флоренции мясной рынок, но в 1593 году мясникам запретили торговать, поскольку запах проникавшего в Коридор Вазари протухшего мяса оскорблял тонкое обоняние великого герцога.

Лэнгдон вспомнил, что на этом самом мосту было совершено одно из самых позорных преступлений в истории Флоренции. В 1216 году молодой дворянин по фамилии Буондельмонте отказался жениться на девушке, о браке с которой договорились их семьи, потому что любил

другую. Возмущенные родственники отвергнутой невесты подкараулили его на этом мосту и, избив, перерезали ему горло.

Его смерть долго считалась «самым кровавым убийством Флоренции», потому что положила начало многовековому противостоянию двух могущественных политических партий — гвельфов и гибеллинов. Этот раскол послужил причиной изгнания Данте из Флоренции, и поэт обессмертил ту трагедию, написав в «Божественной Комедии»:

Буондельмонте! Если бы пришлось
Одуматься тебе – тебя сбивали
Другие с толку, – ты бы поступил
Иначе и себя б не погубил.

По сей день возле места убийства висят три таблички с цитатами из Шестнадцатой песни «Рая». Одна из них у входа на Понте-Веккьо зловеще предрекает:

Как от влиянья вечного луны
Прилив всегда сменяется отливом,
Так жители Флоренции должны,
Переходя от горя к дням счастливым,
За счастием вновь горя ожидать.

Лэнгдон перевел взгляд с моста на мутные воды Арно. На востоке виднелась одинокая башня палаццо Веккьо.

Хотя Лэнгдон с Сиенной находились всего на середине моста через реку, у него не было сомнений, что точка невозврата осталась далеко позади.

А на брусчатке Понте-Веккьо в тридцати футах под ними Вайента с тревогой скользила взглядом по прибывающей толпе, даже не догадываясь, что ее единственный шанс на спасение находится прямо у нее над головой.

Глава 33

Сидя в одиночестве в своем отсеке стоявшего на якоре «Мендация», координатор Ноултон безуспешно пытался сосредоточиться на работе. Преисполненный тревоги, он еще несколько раз просмотрел девятиминутный ролик, содержащий то ли гениальный, то ли безумный монолог. Он запустил его снова, теперь в ускоренном режиме, проверяя, не ускользнула ли от него какая-нибудь важная деталь, способная пролить свет на происходящее. На экране быстро промелькнули спрятанная под водой табличка и пластиковый мешок, наполненный мутной желтовато-коричневой жидкостью. И вот наконец на фоне влажной стены пещеры, залитой мягким красноватым светом, появилась странного вида фигура в маске с длинным клювом.

Ноултон вернул воспроизведение в нормальный режим и внимательно слушал глуховатый голос, надеясь найти в витиеватом изложении хоть какую-то подсказку. Примерно посередине монолога камера вдруг наехала на фигуру, и голос зазвучал властно и проникновенно:

Дантов ад — это не выдумка, а пророчество!

Ужасные страдания, тяжкие муки –

Вот что нас ждет.

Бесконтрольный рост человечества подобен чуме, раку… С каждым новым поколением наша численность растет, и наступит день, когда иссякнут земные блага, некогда питавшие нашу добродетель и братские чувства, а зло, которое есть в каждом из нас, скинет оковы и вырвется наружу, сея повсюду смерть, чтобы мы смогли прокормить свое потомство.

И наступит царство девяти кругов Дантова ада.

Вот что нас ждет.

Поскольку будущее, предреченное строгими математическими расчетами Мальтуса, неумолимо приближается, мы уже вступили в первый круг ада… и находимся в шаге от падения в бездну, глубину и близость которой не способны осознать.

Ноултон остановил воспроизведение. *Математические расчеты Мальтуса?* Быстрый поиск в Интернете услужливо предоставил запрашиваемую информацию. Томас Роберт Мальтус, видный английский математик и демограф девятнадцатого века, прославился тем, что предсказал наступление глобальной катастрофы из-за

перенаселения.

В статье о Мальтусе приводился пассаж из его труда «Опыт закона о народонаселении», прочитав который Ноултон занервничал еще больше.

Рост населения настолько превосходит способность природы прокормить его, что это предопределяет необходимость преждевременной гибели части человеческой расы по той или иной причине. Действенными и надежными инструментами депопуляции являются человеческие пороки. Они — авангард великой армии разрушения и часто заканчивают свою ужасную работу самостоятельно. Но если для успеха в этой войне на истребление их усилий окажется недостаточно, то за дело берутся болезни, эпидемии, мор и чума, которые отнимают жизнь у тысяч и десятков тысяч людей. А если успех окажется неполным, то его достигает движущийся в арьергарде голод, который одним мощным ударом приводит численность населения в соответствие с мировыми пищевыми ресурсами.

Чувствуя, что сердце вот-вот выскочит из груди, Ноултон посмотрел на экран с застывшим изображением фигуры в маске.

Неконтролируемый рост населения подобен раку.

Неконтролируемый. Ноултону очень не понравилось это слово.

Немного поколебавшись, он нажал на клавишу воспроизведения.

Глуховатый голос продолжил:

Бездействие равносильно приглашению в Дантов ад… где не протолкнуться от погрязших в грехе душ, которых настигла беспощадная кара голодом, муками и страданиями.

Вот почему я решился на отчаянный шаг. Кого-то он повергнет в ужас, но спасение имеет свою цену.

Настанет день, когда мир по достоинству оценит мою жертву.

Ибо я — ваш Спаситель.

Я — Призрак.

Я — ваш поводырь в эру постгуманизма.

Глава 34

Палаццо Веккьо напоминает гигантскую шахматную ладью. Это массивное здание с прямоугольным фасадом, отороченным сверху зубчатой каймой, занимает очень удобную позицию на юго-восточном углу площади Синьории.

Его необычная одинокая башня, сдвинутая в сторону от центра квадратной цитадели, придает очертаниям города неповторимый вид, ставший визитной карточкой Флоренции.

Строение было призвано продемонстрировать огромную мощь властей страны, и гостей Флоренции встречает впечатляющее множество расположенных вокруг замка мужских скульптур.

Фонтан Нептуна работы Бартоломео Аммананти изображает обнаженного бога с рельефной мускулатурой на четверке морских коньков, что символизирует господство Флоренции на морских просторах. Вход в палаццо украшает копия микеланджеловского Давида — пожалуй, самой известной в мире скульптуры обнаженной мужской натуры. Рядом еще два обнаженных ги-

ганта — Геркулес и Какус, — и, с учетом сатиров Нептуна, общее количество обнаженных причинных мест, которые встречают посетителей палаццо, превышает дюжину.

Обычно все визиты Лэнгдона в палаццо Веккьо начинались здесь, на площади Синьории, которая, несмотря на обилие мужской обнаженной натуры, всегда была одной из его самых любимых в Европе. И ни одно из посещений не обходилось без чашечки эспрессо в кафе «Ривуар» с последующим заходом в Лоджию Ланци — галерею под открытым небом, — чтобы полюбоваться львами Медичи.

Однако сегодня Лэнгдон и его спутница намеревались попасть в палаццо Веккьо по Коридору Вазари, как в свое время это делали герцоги из рода Медичи, минуя по дороге знаменитую галерею Уффици и следуя по проходу над мостами и улицами города. Пока они не слышали никаких звуков погони, но Лэнгдону все же хотелось поскорее покинуть коридор.

Вот мы и добрались, с облегчением подумал он, останавливаясь перед тяжелой деревянной дверью, преграждавшей им путь. *Вход в старый дворец.*

Дверь была оборудована сложным запорным

механизмом, который снаружи открывался только специальной электронной карточкой. Но изнутри дверь отпиралась простым нажатием на рычаг, чтобы в экстренных случаях Коридор Вазари можно было покинуть без лишних помех.

Лэнгдон приложил ухо к двери и прислушался. Ничего не услышав, взялся за рычаг и тихонько надавил. В замке раздался щелчок.

Чуть приоткрыв дверь, Лэнгдон посмотрел в щель. Маленькая ниша. Никого. Все тихо.

Вздохнув с облегчением, он переступил порог и жестом пригласил Сиенну за собой.

Мы на месте.

Стоя в маленькой нише где-то в недрах палаццо Веккьо, Лэнгдон попытался сориентироваться. Ниша выходила в коридор, и откуда-то слева доносились беззаботные и веселые голоса. Палаццо Веккьо, как и здание Капитолия в Вашингтоне, являлось не только туристической достопримечательностью — в нем продолжали работать государственные служащие. В этот час голоса, которые они слышали, скорее всего принадлежали как раз сотрудникам, явившимся на работу пораньше.

Лэнгдон и Сиенна осторожно прошли до поворота и выглянули из-за угла. Так и есть: в конце

коридора виднелся маленький внутренний дворик, где с десяток служащих потягивали утренний эспрессо перед началом рабочего дня.

— Полотно Вазари, — прошептала Сиенна. — Вы сказали, оно в Зале пятисот?

Лэнгдон кивнул и показал на портик с другой стороны дворика, за которым открывался каменный проход.

— К сожалению, оно за тем двориком.

— Вы уверены?

Лэнгдон снова кивнул.

— Нам ни за что не пройти туда незамеченными.

— Это госслужащие. Им до нас нет никакого дела. Просто идите, как будто вы здесь работаете.

Сиенна аккуратно разгладила на Лэнгдоне пиджак и поправила воротник.

— Вы выглядите очень солидно, Роберт. — Подчеркнуто вежливо улыбнувшись ему, она одернула свой свитер и шагнула вперед.

Лэнгдон поспешил за ней, и оба уверенно зашагали к портику. Сиенна начала что-то рассказывать про субсидии фермерам на беглом итальянском, сопровождая свою речь бурной жестикуляцией. Они шли вдоль стены, стараясь держаться как можно дальше от группы

служащих. К удивлению Лэнгдона, никто из сотрудников на них даже не взглянул.

Миновав дворик, они быстро направились к каменному проходу. Лэнгдон вспомнил театральную программку. Озорной Пак.

— Вы настоящая актриса, — прошептал он.

— Жизнь заставила, — рассеянно ответила она, думая о чем-то своем.

И снова Лэнгдон почувствовал, что ей пришлось пережить куда больше, чем он себе представлял, и ему стало невероятно стыдно, что из-за него она оказалась втянутой в такую опасную историю. Он напомнил себе, что единственный выход для них обоих — довести дело до конца.

Плыть по тоннелю и надеяться, что впереди покажется свет.

Добравшись до портика, Лэнгдон с облегчением убедился, что память его не подвела. На маленькой табличке с указывающей за угол стрелкой было написано: «IL SALONE DEI CINQUECENTO». *Зал пятисот*, подумал Лэнгдон. Интересно, какие ответы их там ждут? *Истину можно узреть только глазами смерти. Что это означает?*

— Зал может быть еще закрыт, — предупредил Лэнгдон, когда они повернули за угол.

Обычно эта достопримечательность привлека-

ет много туристов, но в это утро туристов, судя по всему, во дворец еще не пускали.

— Слышите? — вдруг спросила Сиенна, резко останавливаясь.

За поворотом раздавалось громкое гудение. *Господи, неужели еще один беспилотник?!* Лэнгдон осторожно выглянул из-за угла. В тридцати ярдах от них на удивление простая деревянная дверь вела в Зал пятисот. Однако прямо перед ней толстый служитель лениво выписывал круги электрополотером.

Смотритель музея.

Взгляд Лэнгдона задержался на висевшей на двери пластиковой табличке с тремя знаками. Их значение было понятно любому посетителю: перечеркнутые крест-накрест видеокамера и чашка, а также символические фигурки мужчины и женщины.

Лэнгдон взял инициативу в свои руки и направился к смотрителю быстрым шагом, вскоре сменившимся бегом трусцой. Сиенна устремилась за ним.

Смотритель удивленно поднял взгляд и жестом загородил им проход.

— Signori?!

Лэнгдон сконфуженно улыбнулся — скорее,

даже сморщился — и показал на табличку.

— Toilette, — сдавленно произнес он. Это не было вопросом.

Смотритель чуть помедлил и уже собирался отказать, но, видя, как Лэнгдон нервно переступает с ноги на ногу, сжалился и махнул рукой, пропуская его.

Оказавшись у двери, Лэнгдон подмигнул Сиенне.

— Сочувствие творит чудеса.

Глава 35

В свое время Зал пятисот был самым большим помещением в мире. Его построили в 1494 году для заседаний Consiglio Maggiore — Большого народного совета, состоявшего из пятисот граждан, — отсюда и название зала. Во второй половине шестнадцатого века герцог Козимо I Медичи — самый могущественный человек Италии того времени — повелел существенно увеличить зал. Перестроить и оформить его он поручил великому архитектору Джорджо Вазари.

Проявив инженерный гений, Вазари заметно поднял потолок, а естественный свет, лившийся сверху сквозь ряды окон по всему периметру зала, превратил его в изумительное выставочное помещение для множества шедевров флорентийской архитектуры, скульптуры и живописи.

Для Лэнгдона первым, что обращало на себя внимание в Зале пятисот, был пол, одного взгляда на который было достаточно, чтобы понять, насколько уникально это помещение. Квадратные плиты из темно-красного камня, обрамленные черным, покрывают площадь в двенадцать тысяч

квадратных футов, придавая ощущение основательности, глубины и сбалансированности.

Лэнгдон медленно перевел взгляд на дальнюю стену с шеренгой из шести динамичных скульптур, изображавших подвиги Геракла. Он намеренно не смотрел на довольно скандальную скульптуру, изображавшую Геракла и Диомеда, чьи нагие тела сплелись в схватке. Чувствуя неминуемое поражение, Диомед в отчаянии хватает и сжимает в кулаке гениталии Геракла, при виде чего Лэнгдону всегда становилось не по себе.

Гораздо приятнее для глаза был потрясающий «Дух победы» Микеланджело, стоявший в центральной нише правой, южной стены. Эта скульптура высотой почти девять футов предназначалась для гробницы папы Юлия II — крайне консервативного понтифика, получившего прозвище «Грозный». Учитывая отношение Ватикана к гомосексуализму, у Лэнгдона такое решение невольно вызывало улыбку, поскольку моделью для статуи послужил Томмазо Кавальери, юноша, в которого Микеланджело был влюблен на протяжении многих лет и которому посвятил более трехсот сонетов.

— Не могу поверить, что никогда раньше здесь

не была, — прошептала притихшая Сиенна. — Это… потрясающе!

Лэнгдон кивнул, вспоминая, как сам оказался тут впервые, — тогда он приехал послушать классическую музыку в исполнении всемирно известной пианистки Мариэль Кеймель. Хотя первоначально зал предназначался для закрытых политических заседаний и аудиенций великого герцога, в наши дни в нем нередко устраиваются концерты известных исполнителей, лекции таких знаменитостей, как искусствовед Маурицио Серачини, и разные гала-приемы, например, по случаю открытия музея Гуччи, на котором присутствовали именитые гости со всего мира. Лэнгдон часто задавался вопросом, как бы отреагировал Козимо I, узнав, что его залом для аудиенций теперь пользуются богатые генеральные директора и звезды фешен-индустрии.

Лэнгдон поднял взгляд на огромные фрески, украшавшие стены. История их создания богата и познавательна. Именно здесь эксперимент Леонардо да Винчи с составами краски и способами грунтовки закончился неудачей, отчего его фреска начала разрушаться еще в процессе работы. Именно здесь состоялась художественная «дуэль», организованная Пьеро Содерини и

Макьявелли: они пригласили расписать противоположные стены одного зала двух титанов эпохи Возрождения — Микеланджело и Леонардо.

Но сегодня Лэнгдона больше занимал другой исторический казус.

Cerca trova.

— А какую из них написал Вазари? — поинтересовалась Сиенна, обводя взглядом фрески.

— Да почти все, — ответил Лэнгдон, зная, что во время реконструкции зала Вазари и его помощники почти полностью обновили всю живопись — от изначальных фресок и до тридцати девяти картин, украшавших знаменитый кессонный потолок. — Но мы пришли сюда посмотреть вот на эту — «Битву при Марчиано».

Полотно с батальной сценой было поистине грандиозным — пятидесяти пяти футов длиной и высотой с трехэтажный дом. Используя главным образом коричнево-зеленую гамму, Вазари изобразил на фоне идиллического холмистого пейзажа самый разгар битвы с множеством сражающихся верхом и в пешем строю солдат, торчащих копий и знамен.

— Вазари, Вазари, — прошептала Сиенна. — И где-то там скрыто тайное послание?

Лэнгдон кивнул и прищурился, пытаясь разгля-

деть на самом верху огромной фрески маленький зеленый флаг, на котором Вазари оставил свое загадочное послание — «CERCA TROVA».

— Отсюда его почти невозможно разглядеть без бинокля, — пояснил Лэнгдон, показывая рукой, — но наверху, ближе к середине, под двумя домиками на холме есть крошечный зеленый флаг и…

— Вижу! — воскликнула Сиенна, указывая точно в нужное место.

Лэнгдон позавидовал остроте ее зрения.

Они подошли ближе к гигантской фреске, и Лэнгдон — уже в который раз — не мог не восхититься ее великолепием. Итак, они добрались до места. Проблема заключалась в том, что Лэнгдон никак не мог сообразить, что именно он должен тут увидеть, и молча разглядывал детали шедевра Вазари.

Если я не справлюсь… то всех ждет гибель.

Дверь за ними скрипнула, и в зал заглянул смотритель с полотером. На его лице было написано сомнение, но Сиенна приветственно махнула ему рукой, и он, помедлив, закрыл за собой дверь.

— У нас мало времени, Роберт, — поторопила Сиенна. — Думайте скорее. Хоть что-нибудь приходит вам в голову? Что-то вспоминается?

Лэнгдон вглядывался в полотно.

Истину можно постичь, только узрев ее глазами смерти.

Может, на картине есть мертвец, чей невидящий взгляд устремлен на какую-нибудь другую подсказку на картине… или в зале? Но на фреске были десятки мертвых тел, ни одно из которых не выделялось ничем особенным, а взгляд убитых не смотрел в определенную точку.

Истину можно постичь, только узрев ее глазами смерти?

Он попробовал мысленно провести между мертвыми телами линии в надежде, что они образуют какую-нибудь фигуру, которая даст подсказку, но и это не помогло.

От напряжения в голове у Лэнгдона снова запульсировала боль и послышался шепот таинственной женщины: *Ищите и обрящете*.

«Что именно?» — хотелось ему крикнуть во весь голос.

Он заставил себя закрыть глаза и медленно выдохнуть. Затем сделал круговые движения плечами и попытался очистить разум от всех сознательных мыслей, чтобы не мешать интуиции.

Визири.

Вазари.

Cerca trova.

Истину можно постичь, только узрев ее глазами смерти.

Он не сомневался, что находится в нужном месте. И хотя пока так и не понял зачем, чувствовал, что разгадка близко и он вот-вот ее найдет.

* * *

Уставившись невидящими глазами на стенд с красными бархатными панталонами и туникой, агент Брюдер выругался про себя. Его люди обыскали всю Галерею костюма, но Лэнгдона и Сиенны Брукс нигде не было.

Служба наблюдения и реагирования, подумал он со злостью. *С каких это пор поймать простого университетского преподавателя стало ей не по зубам? Куда, черт возьми, они подевались?*

— Все выходы перекрыты, — заверил его один из подручных. — Они могут быть только в парке.

Хотя такое объяснение казалось самым логичным, внутренний голос подсказывал Брюдеру, что беглецам каким-то образом удалось выбраться.

— Поднять беспилотник, — скомандовал он. — И пусть полицейские расширят район поисков за

пределы парка. — *Будь они прокляты!*

Его люди бросились выполнять приказ, а Брюдер достал телефон и позвонил начальству.

— Это Брюдер. Боюсь, что у нас серьезная проблема. И не одна.

Глава 36

Истину можно постичь, только узрев ее глазами смерти.

Мысленно повторяя эту фразу, Сиенна внимательно разглядывала каждый дюйм жестокой батальной сцены в надежде, что сумеет найти зацепку.

На полотне Вазари глаза смерти были повсюду.

Какие же из них мы ищем?

А может, «глаза смерти» относились к гниющим трупам, разбросанным «черной смертью» по всей Европе? По крайней мере, это хоть как-то объясняло бы чумную маску…

Непонятно почему, ей вдруг вспомнился детский стишок: *Розочка в колечке. В кармашке цветы. Вокруг пыль и прах. А мы — на небесах.*

В детстве, во время учебы в Англии, она любила его декламировать, пока не узнала, что он сложен в связи с Великой чумой, поразившей Лондон в 1665 году. Считается, что розочка в колечке означала гнойничок на коже, вокруг которого образовывалось красное пятнышко, что являлось

первым симптомом болезни. Зараженные набивали карманы мелкими розами, чтобы перебить запах разложения своих тел и смрад, висевший в воздухе. В городе ежедневно умирали сотни жителей, чьи тела потом сжигались. *Вокруг пыль и прах. А мы — на небесах.*

— Ради любви к Господу! — вдруг воскликнул Лэнгдон и резко развернулся к стене напротив.

Сиенна удивленно на него посмотрела.

— Вы о чем?

— Так называлось произведение искусства, которое тут некогда выставлялось. «Ради любви к Господу».

Сиенна с недоумением наблюдала, как Лэнгдон почти бегом пересек зал и попробовал открыть маленькую стеклянную дверь в стене. Но та оказалась заперта. Тогда он прижался лицом к стеклу и, приложив к вискам ладони, чтобы не мешал свет, попытался что-то разглядеть внутри. Сиенна надеялась, что он увидит то, что искал, потому что смотритель снова заглянул в зал и нахмурился, заметив Лэнгдона у стеклянной двери.

Сиенна весело помахала ему рукой, и смотритель, смерив ее долгим осуждающим взглядом, снова исчез.

Lo Studiolo[17].

За стеклянной дверью, прямо напротив загадочной надписи «cerca trova», в Зале пятисот располагалась маленькая комнатка без окон. Задуманное Вазари как секретный кабинет Франческо I, это небольшое прямоугольное помещение венчал округлый сводчатый потолок, отчего внутри оно было похоже на огромный ларец для сокровищ.

Внутреннее убранство лишь усиливало это впечатление. Более тридцати редких полотен висели так близко друг к другу, что практически закрывали все стены. «Падение Икара», «Аллегория человеческой жизни», «Природа, вручающая Прометею кристалл кварца»…

Вглядываясь через стекло в эту роскошную комнату, Лэнгдон прошептал:

— Глаза смерти.

Он впервые побывал в этом кабинете несколько лет назад во время частной экскурсии по тайным ходам дворца. Тогда его поразило, какое обилие потайных дверей, лестниц и проходов пронизывало все сооружение, причем некоторые скрывались за полотнами, висевшими в Lo

---

[17] Примечания: 17
Кабинет (*ит.*).

Studiolo.

Однако сейчас его интересовали вовсе не тайные ходы. Он вспоминал довольно провокационный предмет современного искусства, который был там выставлен, а именно: «Ради любви к Господу» Дэмьена Хёрста. Сам факт его демонстрации в знаменитом Studiolo Вазари вызвал тогда бурю возмущения.

Творение Хёрста представляло собой отлитую из платины в натуральную величину копию человеческого черепа, инкрустированную восемью тысячами сверкающих бриллиантов, которыми была покрыта вся его поверхность, за исключением натуральных зубов. Эффект достигался поразительный. Пустые глазницы черепа светились, передавая внушающее тревогу соединение жизни и смерти… красоты и ужаса. Хотя этого черепа уже давно не было в кабинете, воспоминание о нем натолкнуло Лэнгдона на любопытную мысль.

Глаза смерти, подумал он. *Череп явно для этого подходит.*

В «Аде» Данте о черепах говорится много и часто. Особенно известным является описание жестокого наказания графа Уголино в последнем круге ада — его приговорили вечно глодать череп

погрязшего в грехе архиепископа.

Мы ищем череп?

Лэнгдон знал, что кабинет представлял собой своего рода кунсткамеру. Почти все картины висят на незаметных петлях и поворачиваются, открывая доступ к тайникам, в которых герцог некогда хранил дорогие ему предметы: образцы редких минералов, красивые перья, окаменелую раковину наутилуса и даже, если верить слухам, большую берцовую кость монаха, украшенную толченым серебром.

Лэнгдон не сомневался, что всех этих предметов там давно уже нет, и, насколько ему известно, никакой другой череп, кроме творения Хёрста, там не выставлялся.

Его мысли прервал громкий стук двери в конце зала. Вслед за ним послышались быстро приближавшиеся шаги.

— Signore! Il salone non è aperto![18] — раздался сердитый голос.

Лэнгдон повернулся и увидел, что к нему приближается администратор музея. Она была миниатюрной, с коротко стриженными каштановыми волосами, а выступающий живот говорил

---

[18] Примечания: 18
Господа! Зал закрыт! *(ит.)*

о беременности на довольно большом сроке. Женщина решительно двигалась прямо на него, постукивая пальцем по наручным часикам, — давала понять, что зал еще закрыт. Подойдя ближе, она посмотрела на Лэнгдона и вдруг замерла, прикрыв от удивления рот ладошкой.

— Профессор Лэнгдон! — воскликнула она растерянно. — Прошу меня извинить! Я и не знала, что вы здесь. Рада снова вас видеть.

Лэнгдон похолодел. Он был уверен, что никогда прежде не встречал эту женщину.

Глава 37

— Вас и не узнать, профессор, — подходя ближе, восторженно продолжала женщина уже на английском, но с сильным акцентом. — А все из-за одежды. — Она одобрительно кивнула, глядя на пиджак от Бриони. — Шикарно выглядите. И стали похожи на итальянца.

Во рту у Лэнгдона пересохло, но ему удалось изобразить вежливую улыбку.

— Доброе… утро, — пробормотал он. — Как вы?

Женщина засмеялась, поглаживая живот.

— Устала. Маленькая Каталина всю ночь брыкалась, не давая спать. — Она озадаченно огляделась. — А Дуомино не говорил, что вы сегодня придете. Он тоже тут с вами?

Дуомино? Лэнгдон понятия не имел, о ком она говорит.

Видимо, заметив его замешательство, женщина успокаивающе улыбнулась.

— Все в порядке, во Флоренции его все так зовут. Он не обижается. — Она снова огляделась. — Это он вас впустил?

— Он самый, — подтвердила, подходя, Сиен-

на, — но у него утром какая-то встреча. Он сказал, что вы не будете против, если мы тут немного побродим. — Она приветливо протянула руку. — Я — Сиенна. Сестра Роберта.

Женщина подчеркнуто официально ее пожала.

— А я Марта Альварес. Вам очень повезло — иметь в экскурсоводах самого профессора Лэнгдона!

— Не то слово, — согласилась Сиенна и, не удержавшись, закатила глаза. — Он столько всего знает!

Наступила неловкая пауза, во время которой женщина разглядывала Сиенну.

— Просто удивительно, — заметила она, — как мало в вас внешнего сходства. Разве что рост.

Лэнгдон понял, что надвигается катастрофа. *Была не была!*

— Марта, — обратился он к женщине, надеясь, что запомнил ее имя правильно. — Мне бы не хотелось вас беспокоить, но… вы, наверное, догадываетесь, зачем я здесь.

— Вообще-то нет, — ответила она, прищурившись. — Я понятия не имею, что вы тут делаете.

Снова повисла неловкая пауза, и сердце у Лэнгдона гулко забилось. Попытка прояснить хоть что-то не удалась. Неожиданно Марта расплы-

лась в широкой улыбке и громко рассмеялась.

— Профессор, я шучу! Конечно, я догадываюсь, зачем вы вернулись. Если честно, я не понимаю, чем она так интересна, что вы с Дуомино провели там вечером почти час. А сейчас, наверное, хотите показать ее сестре?

— Верно… — выдавил он. — Все правильно. Я хотел бы показать Сиенне… если, конечно, это не слишком вас затруднит.

Марта взглянула на балкон второго этажа и пожала плечами.

— Ничуть. Я как раз иду наверх.

Чувствуя, как снова заколотилось сердце, Лэнгдон посмотрел на балкон в конце зала. *Я был там вчера вечером?* Он совершенно этого не помнил, но знал, что балкон, располагавшийся на одном уровне с надписью «cerca trova», служил входом в дворцовый музей, который он непременно посещал, когда оказывался здесь.

Марта уже собралась вести их через зал, но вдруг на ее лице появилось сомнение.

— Профессор, а вы уверены, что не хотите показать вашей очаровательной сестре что-нибудь менее мрачное?

Лэнгдон не нашелся что ответить.

— А мы увидим нечто мрачное? — пришла на

выручку Сиенна. — И что это? Он мне ничего не говорил.

Марта лукаво улыбнулась и посмотрела на Лэнгдона.

— Профессор, вы хотите, чтобы я просветила вашу сестру, или сделаете это сами?

Лэнгдон не мог поверить своему счастью.

— Ну конечно, Марта. Расскажите лучше вы.

Марта повернулась к Сиенне и заговорила очень медленно:

— Не знаю, что вам обещал брат, но мы сейчас поднимемся наверх, и вы увидите очень необычную маску.

Глаза у Сиенны округлились.

— Какую маску? Одну из тех жутких чумных масок, что носят на карнавале?

— Хорошая попытка, но нет, не чумную маску. Эта маска совсем другая. Она называется посмертной.

Лэнгдон выдохнул так громко, что Марта посмотрела на него укоризненно, наверняка думая, что он нарочно хочет нагнать страха на сестру.

— Не обращайте внимания на своего брата, — успокоила она. — В Средние века снимать посмертную маску было в Италии обычным делом. По сути, это гипсовый слепок с лица только

что умершего человека.

Маска смерти. Впервые после больницы туман, окутывавший сознание Лэнгдона, стал рассеиваться. *Дантов ад… cerca trova… узреть глазами смерти. Посмертная маска!*

— И с чьего лица была снята эта посмертная маска? — поинтересовалась Сиенна.

Лэнгдон положил руку ей на плечо и ответил как можно спокойнее:

— Знаменитого итальянского поэта. Его звали Данте Алигьери.

Глава 38

Средиземноморское солнце заливало ярким светом палубу «Мендация», тихо покачивавшегося на волнах Адриатики. Чувствуя усталость, Ректор осушил второй бокал виски и безучастно посмотрел в окно каюты.

Новости из Флоренции были плохими.

Возможно, все дело в алкоголе, к которому он не прикасался уже много лет, но его вдруг охватило странное чувство потерянности и бессилия… как будто у его корабля отказали двигатели и он беспомощно следовал туда, куда его влекло течение.

Это чувство было Ректору внове. В его мире существовал надежный компас — *протокол*, — который никогда не позволял сбиться с курса. Протокол предоставлял Ректору возможность принимать трудные решения, не испытывая колебаний и сомнений.

Протокол требовал отказаться от услуг Вайенты, и Ректор поступил так, как был должен. *Я разберусь с ней, когда кризис разрешится.*

Именно протокол требовал, чтобы Ректор знал

о своих клиентах как можно меньше. Он давно решил, что соображения этического плана не должны оказывать ни малейшего влияния на выбор клиентов Консорциума.

Сделай то, о чем тебя просят.

Доверяй клиенту.

Не задавай вопросов.

Подобно руководителям большинства компаний, Ректор исходил из того, что предоставляемый им пакет услуг не будет использован в незаконных целях. В конце концов, «Вольво» не несет ответственности за мамаш, которые гоняют на машинах концерна по территории школы, а «Делл» — за то, что с их компьютеров хакеры взламывают банковские счета.

Теперь, когда все вышло из-под контроля, Ректор проклинал человека, рекомендовавшего Консорциуму этого клиента.

— Хлопот с ним будет мало, а вознаграждение солидное, — заверил тот. — В своей области он настоящий гений и к тому же неприлично богат. Ему надо просто исчезнуть из поля зрения на год-другой. Он хочет без помех закончить один важный проект, над которым работает.

Ректор согласился без особых раздумий. Прятать людей на долгий срок всегда было прибыль-

ным делом, к тому же Ректор доверял чутью своего доверенного лица.

Как он и рассчитывал, они без особых трудов заработали кучу денег, и все шло нормально. До прошлой недели.

А теперь из-за созданных этим клиентом проблем Ректор нервно кружил вокруг бутылки с виски и считал дни до того момента, когда все его обязательства перед ним будут выполнены.

На столе зазвонил телефон. Ректор увидел, что это был звонок по внутренней связи от Ноултона, одного из его главных помощников.

— Слушаю, — сказал он.

— Сэр, — начал Ноултон, явно нервничая. — Я бы не стал вас беспокоить, но, как вы знаете, завтра утром мы должны разослать видеоролик.

— Знаю, — подтвердил Ректор. — Он готов?

— Да, но я подумал, что вы, возможно, захотите его сначала посмотреть.

Ректор помолчал, удивленный предложением помощника.

— В этом ролике есть что-то о нас или он как-то нас компрометирует?

— Нет, сэр, но его содержание вызывает беспокойство. На экране появляется клиент и говорит…

— Довольно! — резко бросил Ректор, ошеломленный тем, что старший координатор позволяет себе столь вопиющее нарушение протокола. — Содержание ролика нас не волнует. О чем бы в нем ни говорилось, он все равно был бы разослан, с нашей помощью или без. Клиент мог сам загрузить это видео в Сеть автоматически, но он предпочел нанять нас. И заплатил нам за это. И доверился нам.

— Да, сэр.

— А вам платят не за работу кинокритика, — продолжал выговаривать Ректор. — Вам платят за выполнение обязательств. Так что займитесь своим делом.

Вайента продолжала ждать на Понте-Веккьо, внимательно вглядываясь в лица туристов. Их прошло уже несколько сотен. Она ни на секунду не теряла бдительности и не сомневалась, что Лэнгдон еще не появлялся, но и жужжания беспилотника больше не было слышно — судя по всему, потребность в облете территории отпала.

Похоже, что Брюдер все-таки его схватил.

Вайента невольно задумалась о безрадостных перспективах предстоящего расследования Консорциума. *А то и не просто расследования.*

Ей снова вспомнились два отстраненных аген-

та… о которых больше никто никогда не слышал. *Они просто сменили работу,* успокаивала она себя. Но может, ей все же стоит уехать, затеряться в холмах Тосканы и начать новую жизнь? Навыки для этого у нее имелись.

Но долго ли мне удастся от них скрываться?

Она знала по собственному опыту, что если Консорциум проявлял к кому-то интерес, то любые усилия этого лица что-то скрыть были обречены на провал. Вопрос времени — не более того.

Неужели моя карьера на этом закончится? Вайента не переставала задаваться этим вопросом, не в силах смириться с тем, что после двенадцати лет службы Консорциум поставит на ней крест из-за цепочки неудачно сложившихся обстоятельств. Она целый год прилежно обеспечивала зеленоглазого клиента всем, что ему требовалось. *В том, что он спрыгнул с башни и разбился насмерть, нет моей вины… а он, похоже, тянет за собой и меня.*

Единственным выходом было опередить Брюдера… но она с самого начала знала, что шансов на это совсем мало.

Вчера я могла все исправить, но снова провалилась.

Вздохнув, Вайента повернулась к мотоциклу,

но тут издалека донесся знакомый звук…

Она удивленно подняла взгляд и увидела, как вертолетик снова взмыл в воздух, на этот раз у дальнего конца палаццо Питти, и начал кружить над дворцом.

Это означало только одно.

Лэнгдону снова удалось ускользнуть!

Но где же он, черт возьми?

Противный звук над головой вновь заставил доктора Элизабет Сински очнуться. *Беспилотник снова запустили? Но я думала…*

Рядом на заднем сиденье по-прежнему сидел тот же молодой агент. Она чуть подвинулась и снова закрыла глаза, стараясь унять боль и справиться с приступом тошноты. Но главной ее заботой было подавить страх.

Время на исходе.

Хотя ее враг покончил с собой, спрыгнув с башни, он продолжал преследовать ее в сновидениях и поучать в полумраке переговорной Совета по международным отношениям.

Кто-то должен пойти на решительные меры, заявил он тогда, сверкая зелеными глазами. *Если не мы, то кто? Если не сейчас, то когда?*

Элизабет понимала, что ей следовало остановить его тогда же, когда у нее еще была такая

возможность. Она никогда не забудет, как выскочила из переговорной вне себя от возмущения и не могла успокоиться всю дорогу до Международного аэропорта имени Кеннеди. Ей не терпелось узнать, кем, черт возьми, был этот маньяк, и она достала сотовый, чтобы посмотреть на его лицо, освещенное вспышкой.

Увидев снимок, доктор Элизабет Сински ахнула. Она отлично знала, кто этот человек. Хорошая новость заключалась в том, что найти его очень просто. А плохая — что в своей области он настоящий гений, а потому будет представлять чрезвычайную опасность, в случае если решит обратить свой талант во зло.

Нет ничего плодотворнее… и разрушительнее… блестящего ума, одержимого целью.

За полчаса пути в аэропорт она связалась со своими сотрудниками и внесла этого человека в списки потенциальных биотеррористов всех занимающихся подобными субъектами учреждений — ЦРУ, Центров по контролю и профилактике заболеваний в Америке и Европе, а также родственных им организаций по всему миру.

Это все, что я могу сделать, пока не доберусь до Женевы, подумала она.

Чувствуя себя совершенно разбитой, Элизабет подошла к стойке регистрации и протянула стоящей за ней девушке свой билет и паспорт.

— О, доктор Сински, — сказала та с улыбкой. — Один очень приятный мужчина оставил для вас сообщение.

— Прошу прощения? — удивилась Элизабет. О номере своего рейса она не сообщала никому.

— Такой высокий, — подсказала девушка. — С зелеными глазами.

От неожиданности Элизабет даже выронила сумку. Он здесь? Но как?! Она обернулась, ища его в толпе.

— Он уже ушел, — сообщила сотрудница аэропорта, — но просил передать вам это. — И она вручила ей сложенный лист бумаги.

Дрожащими руками Элизабет развернула листок и прочла знаменитое высказывание Данте Алигьери, написанное от руки.

Самое жаркое место в аду уготовано тем, кто в пору нравственного испытания предпочитает оставаться в стороне.

Глава 39

Марта Альварес устало посмотрела на крутую лестницу, которая вела из Зала пятисот в музей на втором этаже.

Posso farcela, сказала она себе. *Я смогу.*

Как администратору музея по вопросам искусства и культуры, Марте приходилось подниматься по этой лестнице бесчисленное множество раз, но на девятом месяце беременности это превратилось в настоящее испытание.

— Марта, вы уверены, что не хотите подняться на лифте? — обеспокоенно спросил Лэнгдон, указывая на маленький лифт, установленный для посетителей с ограниченными возможностями.

Марта благодарно улыбнулась и покачала головой.

— Я уже говорила вчера, что врач считает физическую нагрузку полезной для ребенка. И к тому же я помню о вашей клаустрофобии, профессор.

Лэнгдон, казалось, смутился.

— Ах да, верно. Я и забыл, что сказал вам об этом.

Забыл, что говорил? — теперь удивилась Мар-

та. *Да прошло меньше двенадцати часов с тех пор, как он рассказал о случае из детства, после которого у него развилась боязнь замкнутого пространства.*

Накануне вечером невозможно тучный Дуомино поехал на лифте, а они с Лэнгдоном отправились на второй этаж пешком. И по дороге профессор сообщил ей, как в детстве упал в заброшенный колодец и с тех пор испытывает жуткий страх, если оказывается в тесном пространстве.

Младшая сестра Лэнгдона пошла вперед и стала быстро подниматься, а они с профессором, глядя на болтающийся из стороны в сторону белокурый хвост, двигались медленно и несколько раз останавливались, чтобы Марта могла перевести дух.

— Меня удивляет, что вы хотите еще раз посмотреть маску, — сказала она. — Во Флоренции есть много чего поинтереснее маски.

Лэнгдон уклончиво пожал плечами.

— Мне просто хотелось показать ее Сиенне. И большое спасибо, что снова нас пускаете.

— Не за что.

Учитывая авторитет Лэнгдона в научных кругах, Марта наверняка бы и так пустила его в галерею прошлым вечером, но с ним был Дуомино, а это уже не оставляло ей выбора.

Игнацио Бузони по прозвищу Дуомино был очень известной личностью в культурных кругах Флоренции. Будучи на протяжении многих лет директором музея произведений собора Санта-Мария-дель-Фьоре, или Дуомо, Игнацио курировал все вопросы, связанные с этой главной исторической достопримечательностью города. Огромный собор с красным куполом занимал центральное место в истории Флоренции и доминировал в городском ландшафте, подавляя своим величием все остальные строения. Горячая любовь Игнацио к этому сооружению вкупе с весом почти в четыреста фунтов и вечно багровым лицом и послужили причиной его дружеского прозвища Дуомино, то есть «маленький купол».

Марта понятия не имела, как Лэнгдон познакомился с Дуомино, но последний позвонил ей накануне вечером и предупредил, что хочет в частном порядке показать своему другу посмертную маску Данте. Этим загадочным другом оказался знаменитый американский символог и искусствовед Роберт Лэнгдон, и Марте не верилось, что она удостоилась чести сопроводить двух столь видных авторитетов в мире искусства на дворцовую галерею.

Добравшись до верхней площадки лестницы,

Марта уперла руки в бока и сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Сиенна уже стояла у перил и разглядывала Зал пятисот сверху.

— Моя любимая точка обзора, — призналась Марта, все еще немного задыхаясь. — Отсюда фрески выглядят совершенно иначе. Наверное, брат рассказал вам о таинственной надписи вон на той? — Она показала рукой.

Сиенна с готовностью кивнула:

— Cerca trova.

Пока Лэнгдон осматривал зал, Марта украдкой за ним наблюдала. При дневном свете, лившемся из окон мезонина, было видно, что он выглядел не так импозантно, как вчера вечером. Его новый костюм ей понравился, но самому Лэнгдону не мешало бы побриться, да и сам он казался бледным и усталым. К тому же волосы, вчера такие густые и пышные, сегодня были не расчесаны, как будто он не успел принять душ.

Марта повернулась к фреске, чтобы профессор не заметил ее изучающий взгляд.

— Мы находимся точно на той высоте, на которой сделана надпись «cerca trova», — объяснила она. — Отсюда эти слова можно разобрать даже невооруженным глазом.

Однако сестру Лэнгдона эта фреска, похоже,

интересовала мало.

— А расскажите, пожалуйста, про посмертную маску Данте. Как она оказалась в палаццо Веккьо?

Что братец, что сестричка, осуждающе подумала Марта, не в силах понять, что такого интересного они в ней находят. С другой стороны, вокруг этой посмертной маски Данте и впрямь что-то происходит, особенно в последнее время, и Лэнгдон не единственный, кто проявляет к ней повышенный интерес.

— А что вы вообще знаете о Данте?

Симпатичная блондинка пожала плечами.

— Ну, только то, чему учат в школе. Данте был итальянским поэтом, написавшим знаменитую «Божественную Комедию», в которой описывается воображаемое путешествие по аду.

— Вы правы, но только отчасти, — откликнулась Марта. — В своей поэме Данте проходит через ад, потом чистилище и, наконец, добирается до рая — по-итальянски «Inferno», «Purgatorio» и «Paradiso». Если когда-нибудь прочтете «Божественную Комедию», то увидите, что все путешествие разделено как раз на эти три части. — Марта жестом пригласила их следовать за собой ко входу в музей. — Однако причина,

по которой маска находится в палаццо Веккьо, никак не связана с «Божественной Комедией». Тут дело в реальных исторических событиях. Данте жил во Флоренции и очень любил этот город. Он пользовался здесь большим влиянием и уважением, но в ходе политического противостояния занял сторону проигравшей партии и был навечно изгнан.

По дороге ко входу в музей Марта опять остановилась, чтобы перевести дух, и, снова уперев руки в бока, продолжила:

— Кое-кто считает, что причина, по которой у посмертной маски Данте такое печальное выражение, является его изгнание, но я считаю, что дело в другом. Я по натуре романтична и думаю, что причина печали связана с женщиной по имени Беатриче. Дело в том, что Данте всю свою жизнь страстно любил девушку, которую звали Беатриче Портинари. Но она, увы, вышла замуж за другого, и Данте потерял не только родную Флоренцию, но и любовь всей своей жизни. Его чувство к Беатриче стало центральной темой «Божественной Комедии».

— Интересно, — вежливо заметила Сиенна, но было видно, что она не очень-то и слушала. — Только я все равно не понимаю, почему маска

хранится в этом дворце.

Марта сочла настойчивость Сиенны как минимум странной и граничащей с неуважением.

— Видите ли, — продолжила она, двинувшись дальше, — когда Данте умер, запрет на его возвращение во Флоренцию продолжал действовать, и его похоронили в Равенне. Но поскольку любовь всей его жизни Беатриче похоронена во Флоренции и сам Данте очень любил этот город, решение поместить здесь его посмертную маску — это своего рода дань памяти великому человеку.

— Понятно, — кивнула Сиенна. — А почему для маски выбрали именно это здание?

— Палаццо Веккьо — старейший символ Флоренции, а во времена Данте было сердцем города. В соборе есть знаменитое полотно, на котором изгнанный Данте изображен под стенами города, а на заднем плане видна столь дорогая его сердцу башня палаццо. Как бы то ни было, то, что маска находится здесь, — для нас своего рода символ возвращения Данте на родину.

— Потрясающе! — Судя по всему, на этот раз Сиенну ответ полностью удовлетворил. — Спасибо!

Марта подошла к двери и постучала три раза.

— Sono io, Marta! Buongiorno![19]

Послышался звон ключей, и дверь открылась. Пожилой охранник устало улыбнулся Марте и посмотрел на часы.

— È un po' presto, — заметил он. *Немного рановато.*

Вместо объяснения Марта показала на Лэнгдона, и охранник сразу просиял:

— Signore! Bentornato! — *С возвращением! Рад снова вас видеть!*

— Grazie, — поблагодарил Лэнгдон как можно приветливее, пока охранник пропускал их внутрь.

Они прошли через маленький вестибюль, где пожилой охранник сначала отключил сигнализацию, а потом открыл вторую, более солидную дверь.

— Ecco il museo! — *Пожалуйста, проходите в музей!*

Марта благодарно улыбнулась и повела гостей внутрь.

Эта часть дворцового комплекса раньше предназначалась для государственных учреждений, поэтому экспонаты здесь располагались не в

---

[19] Примечания: 19
Это я, Марта! Добрый день! (*ит.*)

широких и просторных галереях, а в среднего размера залах, которые вместе с коридорами образовывали настоящий лабиринт, занимавший половину здания.

— Посмертная маска Данте за углом, — пояснила Марта Сиенне. — Она находится в помещении, которое называется l'andito, по сути, узком коридорчике, соединяющем две комнаты. Маска выставлена в старинном шкафчике у боковой стены и видна, только если с ним поравняться. Поэтому многие посетители проходят мимо, даже не замечая ее!

Лэнгдон зашагал быстрее, глядя прямо перед собой, как будто маска притягивала его. Тихонько дотронувшись до Сиенны локтем, Марта прошептала ей на ухо:

— Похоже, вашего брата интересует только маска, но раз уж вы здесь, то обязательно должны увидеть хотя бы бюст Макьявелли или глобус в нашем Зале карт.

Сиенна вежливо кивнула в ответ, но не стала сбавлять шага и тоже смотрела только вперед. Марта едва за ними поспевала. В третьей комнате она все-таки отстала и остановилась перевести дух.

— Профессор! — крикнула она, тяжело дыша. —

Может… вы покажете сестре… что тут есть еще… а потом уже маску?

Лэнгдон рассеянно обернулся, будто его оторвали от каких-то важных размышлений.

— Прошу прощения?

Задыхаясь, Марта показала на ближайший стенд:

— Вот, например… одно из первых… печатных изданий «Божественной Комедии»…

Лэнгдон увидел, что Марта вытирает со лба выступившую испарину и никак не может отдышаться, и ему стало ужасно стыдно.

— Марта, ради бога простите! Ну конечно, мы с удовольствием посмотрим.

Лэнгдон вернулся, и Марта подвела их к старинной витрине. За стеклом лежала книга в потертом кожаном переплете, раскрытая на титульной странице, где витиеватым шрифтом было выведено: «*La Divina Commedia: Dante Alighieri*».

— Невероятно, — удивленно пробормотал Лэнгдон. — Я узнаю фронтиспис. А я и не знал, что у вас есть оригинальное издание Нумейстера.

Но это неправда, растерянно подумала Марта. *Я же сама показывала его профессору вчера вечером!*

— В середине пятнадцатого века, — торопливо

стал объяснять Сиенне Лэнгдон, — Иоганн Нумейстер напечатал первое издание этой книги. Тираж был несколько сотен экземпляров, но сохранилось всего около дюжины. Это очень редкое издание.

Марта решила, что Лэнгдон просто разыграл неведение, чтобы произвести впечатление на сестру. Для профессора, известного в научных кругах своей скромностью, такое поведение было, по меньшей мере, странным.

— Этот экземпляр нам временно предоставила библиотека Лауренциана, — пояснила Марта. — Если вы с Робертом там еще не были, то обязательно сходите. Ее уникальная по форме лестница возведена по проекту Микеланджело и ведет в первый в мире общественный читальный зал. Вначале книги приковывали к сиденьям цепями, чтобы их нельзя было вынести. Оно и понятно — многие издания существовали в единственном экземпляре во всем мире.

— Поразительно! — откликнулась Сиенна, вглядываясь в глубь музея. — А маска в той стороне?

Что за спешка? Марта пока так и не успела отдышаться.

— Да, но тут есть еще кое-что интересное. — Она показала на маленькую лестницу за нишей,

уходящую к потолку. — По ней можно подняться на смотровую площадку под крышей, а оттуда — увидеть сверху знаменитый подвесной потолок Вазари. Если желаете, я с удовольствием подожду вас здесь…

— Пожалуйста, Марта, — перебила ее Сиенна. — Я очень хочу взглянуть на маску. А времени у нас совсем мало.

Марта растерянно посмотрела на симпатичную блондинку. Ей очень не нравилась эта современная манера обращаться к малознакомым людям по имени. *Меня зовут синьора Альварес*, мысленно возмутилась она. *И я делаю вам одолжение.*

— Хорошо, Сиенна, пойдемте, — сухо произнесла она.

Марта повела их по анфиладе музейных помещений и больше не предлагала Лэнгдону с сестрой о чем-нибудь рассказать. Накануне вечером Лэнгдон с Дуомино провели в узком andito почти полчаса, разглядывая маску. Марта, заинтригованная таким удивительным интересом к этому экспонату, спросила, не связан ли он с необычными событиями, происходившими вокруг маски в последний год. Лэнгдон с Дуомино уклонились от ответа и не предоставили никакого внятного объяснения.

По дороге Лэнгдон начал рассказывать сестре о несложной технологии снятия посмертных масок. Марта с удовольствием отметила, что сейчас его объяснение было точным и полностью соответствовало действительности, не то что вранье насчет неведения относительно редкой копии «Божественной Комедии».

— Вскоре после смерти, — говорил Лэнгдон, — лицо покойного смазывали оливковым маслом, после чего от линии волос до шеи на него наносили слой раствора гипса, доведенного до густоты сметаны. Когда раствор застывал, маска легко снималась с лица и становилась формой, которую заполняли свежим гипсовым раствором. Этот раствор затвердевал, превращаясь в абсолютно точную копию лица покойного. Особенно широко эту практику применяли, чтобы сохранить для потомков облик гениев и выдающихся людей, таких как Данте, Шекспир, Вольтер, Тассо, Китс.

— Вот наконец мы и пришли, — объявила Марта на пороге andito и отступила в сторону, жестом предлагая сестре Лэнгдона пройти первой. — Маска находится в витрине у левой стены. Пожалуйста, не заходите за ограждение.

— Спасибо.

Сиенна прошла в узкий коридор, подошла к

витрине и заглянула в нее. Глаза ее расширились, и она обернулась к брату — на ее лице был написан ужас.

Марта наблюдала такую реакцию сотни раз. Многие посетители невольно отшатывались: изрезанное морщинами лицо с крючковатым носом и закрытыми глазами и впрямь производило жутковатое впечатление.

Лэнгдон присоединился к Сиенне и, заглянув в шкафчик, тоже вдруг удивленно отступил.

Марта поморщилась. *Che esagerato*[20]. Она прошла в коридорчик, приблизилась к шкафчику и тоже охнула. *Oh mio Dio!*[21]

Марта Альварес ожидала увидеть знакомые черты посмертной маски, но на ее месте была только внутренняя обивка из красного атласа и крючок, на котором маска раньше висела.

Зажав рот ладонью, Марта в ужасе уставилась на пустую витрину. Ей стало трудно дышать, и она неловко ухватилась за стойку ограждения. Наконец ей удалось оторвать взгляд от пустого шкафчика, и она, повернувшись к главному входу, где дежурила ночная охрана, истошно

---

[20] Примечания: 20
Это уж слишком *(ит.).*

[21] Примечания: 21
Боже правый! *(ит.)*

закричала:

— La maschera di Dante! La maschera di Dante è sparita![22]

[22] Примечания: 22
Маска Данте! Маска Данте исчезла! *(ит.)*

Глава 40

Марту Альварес била крупная дрожь. Ей оставалось только надеяться, что появившаяся внизу живота тяжесть была не началом родовых схваток, а спазмом, вызванным паникой.

Посмертная маска Данте исчезла!

При виде пустой витрины оба ночных охранника, примчавшихся в andito на крик Марты, тут же развернули бурную деятельность. Один бросился в аппаратную проверить записи с камер видеонаблюдения, а другой стал звонить в полицию, чтобы сообщить о краже.

— La polizia arriverà tra venti minuti![23] — сообщил он Марте, закончив разговор.

— Venti minuti?! — возмутилась она. *Двадцать минут?!* — Да у нас украли ценнейший экспонат!

Охранник объяснил, что сейчас все полицейские силы брошены на проведение какой-то чрезвычайной операции, но там постараются найти сотрудника, который приедет и снимет показания.

---

[23] Примечания: 23
Полиция будет через двадцать минут! *(ит.)*

— Che cosa potrebbe esserci di più grave?! — поразилась она. *А что может быть важнее нашей кражи?*

Заметив, что Лэнгдон и Сиенна обменялись тревожными взглядами, Марта решила, что для них это тоже стало настоящим стрессом. *А чему тут удивляться?* Они заглянули сюда на минутку посмотреть на маску и оказались в самой гуще неразберихи, вызванной кражей важнейшего экспоната. Вчера ночью кто-то проник в музей и украл посмертную маску Данте.

Зная, что в музее имеется немало предметов, намного превосходивших по ценности посмертную маску, Марта подумала, что ущерб от кражи мог бы оказаться несравненно большим, так что им еще повезло. И все же это была первая кража в истории музея. *А я даже не знаю, что в таких случаях делать!*

Она вдруг почувствовала слабость и снова оперлась на стойку ограждения.

Рассказывая Марте о своем ночном дежурстве, оба охранника сами терялись в догадках, как такое могло случиться. Около десяти часов Марта пришла с Дуомино и Лэнгдоном. Через некоторое время все трое вместе покинули музей. Охранники снова заперли двери, включили

сигнализацию, и, насколько им известно, с тех пор никого в этой галерее не было.

— Но это невозможно! — выговаривала им Марта по-итальянски. — Когда мы уходили, маска была на месте! Так что кто-то побывал в галерее после нас!

Охранники лишь беспомощно разводили руками, настаивая, что никого больше не видели.

Зная, что полиция скоро приедет, Марта направилась в аппаратную со всей скоростью, какую позволяла ее беременность. Взволнованные Лэнгдон и Сиенна последовали за ней.

Записи с камер наблюдения, подумала Марта. *Уж на них-то точно видно, кто здесь был прошлой ночью.*

В трех кварталах от музея, на Понте-Веккьо, появились двое полицейских. Они стали пробираться сквозь толпу, показывая туристам фотографию Лэнгдона. Заметив служителей закона, Вайента отступила в тень.

Когда полицейские проходили мимо нее, у одного включилась рация — из диспетчерской передавали «сигнал всем постам». Сообщение было коротким и сделано на итальянском, но смысл Вайента уловила: свободный полицейский в районе палаццо Веккьо должен немедленно

отправиться во дворец, чтобы снять показания.

Стражи порядка на мосту никак не отреагировали, но Вайента насторожилась.

Музей палаццо Веккьо?

Вчерашний провал, из-за которого на всей ее карьере может быть поставлен крест, случился как раз в переулке рядом с палаццо Веккьо.

Рация снова включилась, но из-за помех и быстрой итальянской речи Вайента практически ничего не разобрала, если не считать двух слов: Данте Алигьери.

Она мгновенно напряглась. *Данте Алигьери?* Это никак не могло быть простым совпадением. Она бросила взгляд в сторону палаццо Веккьо и увидела его башню, возвышавшуюся над соседними зданиями.

Что же произошло в музее? И когда?!

У Вайенты имелся достаточный опыт аналитической работы, чтобы знать, что совпадения случаются гораздо реже, чем принято считать. *Музей палаццо Веккьо… И Данте?* Это наверняка связано с Лэнгдоном.

Вайента с самого начала подозревала, что Лэнгдон обязательно вернется в Старый город. Это было логично — ведь именно там он находился вчера вечером, когда все закрутилось.

А теперь при свете дня он мог запросто вернуться в район палаццо Веккьо, чтобы найти то, что искал. Она была уверена, что по Понте-Веккьо он не проходил. Было немало и других мостов, но они находились слишком далеко от садов Боболи, чтобы добраться до них пешком.

Внизу под мостом проплыла байдарка-четверка. На борту красовалась надпись: «SOCIETÀ CANOTTIERI FIRENZE» — «Гребной клуб Флоренции». Красно-белые весла взмывали вверх и опускались в воду с удивительной синхронностью.

А может, Лэнгдон воспользовался лодкой? Это казалось маловероятным, но что-то подсказывало ей, что сообщение полиции о палаццо Веккьо и было столь долгожданной зацепкой.

— А теперь достаем фотоаппараты, *per favore*[24]! — послышался женский голос с сильным акцентом.

Вайента обернулась и увидела экскурсовода, которая размахивала палкой, увенчанной ярким оранжевым помпоном, чтобы не растерять на мосту свою группу туристов, напоминавшую стайку утят.

---

[24] Примечания: 24
Пожалуйста (*ит.*).

— Над вами — самый большой шедевр Вазари! — воскликнула женщина с профессиональным энтузиазмом, поднимая палку с помпоном вверх и указывая, куда смотреть.

Вайента никогда раньше не замечала, что на уровне второго этажа над крышами магазинов проложен проход, похожий на крытую галерею.

— Коридор Вазари, — торжественно произнесла экскурсовод. — Его длина составляет почти километр, и по нему члены семейства Медичи могли безопасно перемещаться из палаццо Питти в палаццо Веккьо и обратно.

Вайента с изумлением разглядывала похожее на тоннель сооружение наверху. Она слышала о существовании коридора, но деталей не знала.

Он ведет в палаццо Веккьо?

— Для особо важных гостей, — продолжала гид, — экскурсии по коридору устраиваются и сегодня. В нем располагается прекрасная художественная галерея, которая начинается в палаццо Веккьо и заканчивается в северо-западной части садов Боболи.

О чем экскурсовод рассказывала дальше, Вайента уже не слышала. Она опрометью помчалась к своему мотоциклу.

Глава 41

Протиснувшись с Мартой и двумя охранниками в тесную аппаратную, Лэнгдон почувствовал, как швы на голове снова заныли. Раньше тут располагалась гардеробная, а теперь повсюду стояли компьютеры и мониторы. В каморке было душно, в воздухе висел запах сигаретного дыма. Лэнгдон тут же ощутил приступ клаустрофобии — стены вокруг будто начали сходиться.

Марта села перед монитором, на котором уже воспроизводилась черно-белая зернистая запись с камеры, висевшей в andito над дверью. Цифры в углу кадра показывали время съемки — ровно сутки назад, судя по всему, непосредственно перед открытием музея и задолго до появления вечером Лэнгдона и Дуомино.

Охранник включил ускоренный режим воспроизведения, и на экране быстро замелькали туристы, двигавшиеся частыми рывками. Саму маску камера не захватывала, но она явно была на месте, поскольку туристы останавливались перед ней и даже делали снимки, а потом двигались дальше.

Пожалуйста, побыстрее, молил про себя Лэнгдон, зная, что полиция вот-вот появится. *А может, им с Сиенной стоит прямо сейчас извиниться и исчезнуть?* Но им обязательно нужно увидеть, что там на записи, — это могло бы прояснить многое из того, что с ними происходит.

На экране уже начали сгущаться вечерние тени, поток туристов стал постепенно редеть, пока не исчез окончательно. Цифры на экране показывали 17.00, свет в andito погас.

Пять часов. Время закрытия музея.

— Aumenti la velocità, — распорядилась Марта, подавшись вперед и не сводя глаз с экрана. *Увеличьте скорость.*

Охранник подчинился, и цифры в углу замелькали еще быстрее.

Около десяти вечера свет в andito снова зажегся. Охранник тут же переключил воспроизведение в нормальный режим. Через мгновение на экране появилась Марта Альварес, за которой следовал Лэнгдон. Он был в своем привычном наряде — твидовый пиджак, защитного цвета брюки, туфли из тонкой кожи. Он даже разглядел у себя на руке часы с Микки-Маусом, блеснувшие из-под рукава при ходьбе.

А вот и я… перед тем, как в меня стреляли.

Лэнгдону очень не нравилось наблюдать, как он совершает действия, о которых не имеет ни малейшего представления. *Выходит, я был здесь вчера вечером… и осматривал маску?* Получалось, что за прошедшее с того момента время он умудрился потерять свою одежду, часы с Микки-Маусом и два дня жизни.

Лэнгдон с Сиенной придвинулись ближе к охранникам и Марте, чтобы лучше видеть экран. Немой фильм продолжался: вот они с Мартой подошли к витрине и замерли, разглядывая маску. В это время в проходе появилась бесформенная фигура, и в дверь с трудом протиснулся чудовищно толстый мужчина, одетый в костюм и с портфелем в руке. По сравнению с ним даже беременная Марта казалась стройной.

Лэнгдон сразу его узнал. *Игнацио?!*

— Это Игнацио Бузони, — прошептал он Сиенне на ухо. — Директор музея Опера-дель-Дуомо. Мы знакомы уже несколько лет. Но я никогда не слышал, чтобы его называли Дуомино.

— Подходящее прозвище, — так же тихо отозвалась Сиенна.

За годы знакомства Лэнгдон не раз консультировал Игнацио по вопросам артефактов и истории вверенного тому в управление собора

Санта-Мария-дель-Фьоре, но в палаццо Веккьо он никак не мог оказаться по служебной надобности. Правда, Игнацио Бузони не только пользовался огромным влиянием в мире искусства Флоренции, но и был горячим поклонником Данте и исследователем его творчества.

Вполне логично, что именно он был источником информации по посмертной маске Данте.

Лэнгдон снова сосредоточил внимание на экране монитора.

Марта терпеливо ждала у задней стены andito, а Лэнгдон с Игнацио, перегнувшись через веревочное ограждение, пристально разглядывали маску. Шли минуты, мужчины продолжали что-то разглядывать и обсуждать, а у них за спиной Марта украдкой поглядывала на часы.

Лэнгдон пожалел, что камера слежения не записывала звук. *Что мы с Игнацио обсуждаем? Что ищем?*

На записи Лэнгдон вдруг перешагнул через ограждение и, присев, почти прильнул лицом к стеклу шкафчика. Марта немедленно вмешалась и, судя по всему, сделала ему замечание, после чего Лэнгдон с виноватым видом вернулся на место.

— Прошу прощения за строгость, — сказала

Марта, обернувшись к Лэнгдону через плечо. — Но я вам уже говорила, что сам шкафчик очень старинный и хрупкий. Владелец маски настаивает, чтобы посетители не переходили за ограждение. А открывать шкафчик мы можем только в его присутствии.

Лэнгдон даже не сразу осознал смысл ее слов. *Владелец маски?* Он всегда считал, что она принадлежит музею.

Сиенна тоже удивилась и сразу включилась в разговор:

— А разве не музей ею владеет?

Марта покачала головой и вновь перевела взгляд на экран.

— Один богатый меценат предложил выкупить посмертную маску Данте из коллекции музея, но при этом оставить ее в постоянной экспозиции. За это он был готов заплатить целое состояние, и музей с удовольствием согласился.

— Погодите, — засомневалась Сиенна, — он что — заплатил за маску… и оставил ее вам?

— Это обычная практика, — пояснил Лэнгдон. — Благотворительное приобретение, так меценаты могут делать музеям значительные пожертвования, не регистрируя их в качестве подарка, облагаемого налогами.

— Тот меценат был необычным человеком, — продолжала Марта. — Настоящий знаток Данте, но при этом… как будет по-английски… fanatico?

— Да кто он? — спросила Сиенна, явно встревожившись.

— Кто? — нахмурилась Марта. Она смотрела на экран и, видимо, потеряла нить разговора. — А-а… думаю, вы слышали о нем недавно в новостях. Это швейцарский миллиардер Бертран Зобрист.

Если Лэнгдону это имя показалось просто знакомым, то Сиенна изменилась в лице, будто увидела призрак, и, схватив Роберта за руку, крепко сжала.

— Ну да, конечно… — запинаясь, пробормотала она, смертельно побледнев. — Бертран Зобрист. Знаменитый биохимик. Заработал огромное состояние еще в молодости, продав патенты на свои разработки в области биологии.

Помолчав, она с трудом сглотнула и, наклонившись к Лэнгдону, прошептала ему на ухо:

— Зобрист фактически открыл манипулирование с зародышевой линией.

Лэнгдон понятия не имел, что такое манипулирование с зародышевой линией, но это звучало зловеще, особенно в свете его недавних видений, связанных с чумой и смертью. И откуда

Сиенна так много знает о Зобристе? Потому что интересуется медициной… или Зобрист тоже был вундеркиндом, как и она? *Может, таким уникальным людям свойственно следить за достижениями друг друга?*

— Я впервые услышала о Зобристе несколько лет назад, — продолжала Сиенна, — когда он публично выступил с крайне провокационными идеями относительно роста населения. — На ее лице не было ни кровинки. — Зобрист — сторонник уравнения демографического апокалипсиса.

— Прошу прощения?

— По сути, это облеченная в математическую форму констатация того, что население Земли растет, люди живут дольше, а ресурсы истощаются. Согласно этому уравнению, если нынешние тенденции сохранятся, апокалипсический коллапс неизбежен. Зобрист публично предсказал… что если не случится глобальной катастрофы с массовой гибелью людей, то человеческая раса не просуществует и ста лет. — Сиенна тяжело вздохнула и посмотрела Лэнгдону в глаза. — А однажды Зобрист даже заявил, что «самым лучшим подарком Европе была “черная смерть”».

Лэнгдон в ужасе не сводил с нее взгляда. Он вспомнил чумную маску с клювом, и по коже у

него побежали мурашки. Все утро он гнал от себя мысль, что его нынешние злоключения как-то связаны со смертельной заразой… и вот теперь новое подтверждение верности его догадки.

Конечно, со стороны Зобриста назвать «черную смерть» лучшим подарком Европе было возмутительно, но Лэнгдон знал, что многие историки отмечали позитивные для Европы социоэкономические последствия массового вымирания людей в четырнадцатом веке. До эпидемии чумы средневековая Европа страдала от перенаселения, голода и экономических трудностей. Но появление «черной смерти» при всех ее ужасах «сократило человеческое стадо» и, создав изобилие еды и возможностей, стало, по мнению многих историков, главным катализатором наступления эпохи Возрождения.

Вспомнив знак биологической опасности на футляре с измененной картой Дантова ада, он вдруг, похолодев от ужаса, сообразил: ведь кто-то же изготовил тот жуткий проектор… и Бертран Зобрист — биохимик и фанатичный поклонник Данте — казался самым логичным претендентом на эту роль.

Отец генетического манипулирования с зародышевой линией. Лэнгдон чувствовал, как

разрозненные обрывки информации начинают складываться в единую картину. Однако картина эта становилась все более пугающей.

— Промотайте этот кусок, — велела Марта охраннику, устав наблюдать, как Лэнгдон с Бузони бесконечно разглядывают маску, и желая как можно скорее добраться до момента ее похищения и узнать, кто это сделал.

Охранник нажал кнопку ускоренной перемотки, и цифры на мониторе быстро замелькали.

Три минуты… шесть минут… восемь минут.

На экране стоявшая позади мужчин Марта нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, все чаще поглядывая на часики на руке.

— Прошу прощения, что мы вас так задержали, — сказал Лэнгдон. — Видно, что вы очень устали.

— Я сама виновата, — ответила Марта. — Вы оба настаивали, чтобы я пошла домой, а вас выпустили бы охранники, но я посчитала это невежливым.

Неожиданно Марта исчезла с экрана. Охранник перевел воспроизведение в нормальный режим.

— Все в порядке, — сказала Марта. — Я помню, что отлучалась в туалет.

Охранник кивнул и хотел опять включить

ускоренную перемотку, но Марта схватила его за рукав.

— Aspetti![25] — Она наклонила голову и с изумлением смотрела на экран.

Лэнгдон тоже растерялся. *Что за бред?*

На экране он вытащил из кармана пиджака пару хирургических перчаток и надел их. Дуомино занял место у дверного прохода и смотрел в ту сторону, куда только что ушла Марта. Через мгновение он кивнул Лэнгдону, явно подавая сигнал, что можно приступать.

Какого черта мы делаем?!

Лэнгдон видел, как на экране он протягивает руку к шкафчику и очень осторожно открывает его, стараясь не повредить древние петли. Дверца медленно повернулась… открывая доступ к посмертной маске Данте.

Марта Альварес испуганно охнула, закрыв лицо руками.

Испытывая не меньший ужас, чем Марта, Лэнгдон смотрел на экран, не в силах поверить, что это он тянется к маске, осторожно берет ее обеими руками и вынимает из шкафчика.

---

[25] Примечания: 25
Подождите! (*ит.*)

— Dio mi salvi! Cos'ha fatto? Perché?[26] — взорвалась Марта, вскакивая на ноги и поворачиваясь к Лэнгдону.

Он не успел ответить, как один из охранников выхватил черную «беретту» и навел на него.

Господи Боже!

Роберт Лэнгдон смотрел на пистолет и чувствовал, как стены крошечной комнаты начинают сходиться, словно концы тисков. Марта Альварес — уже на ногах — уставилась на него с выражением смертельной обиды. На экране позади нее Лэнгдон поднес маску к свету и внимательно что-то разглядывал.

— Я вынул ее только на минутку, — оправдывался Лэнгдон, надеясь, что так и было. — Игнацио заверил меня, что вы не будете возражать.

Марта не ответила. Она казалась сбитой с толку и действительно никак не могла понять, зачем Лэнгдону понадобилось ей лгать… и зачем он стоял и смотрел запись вместе с ней, зная, что там будет.

Я понятия не имел, что открывал шкафчик!

— Роберт, — шепнула Сиенна. — Видите?! Вы что-то обнаружили!

---

[26] Примечания: 26
Боже милостивый! Что вы сделали? Зачем? (*ит.*)

Несмотря на их отчаянное положение, она продолжала следить за записью.

Теперь на экране Лэнгдон держал маску, повернув ее к свету тыльной стороной, и во что-то пристально вглядывался.

Камера висела под таким углом, что на мгновение маска в руках Лэнгдона полностью закрыла ему лицо, а мертвые глаза Данте оказались вровень с его. Он вспомнил зловещую фразу — *истину можно узреть только глазами смерти* — и почувствовал озноб.

Лэнгдон понятия не имел, что именно увидел на обратной стороне маски, но, судя по записи, показал это Игнацио. Толстяк сначала отпрянул от неожиданности, потом полез за очками и стал что-то рассматривать… После чего энергично замотал головой и принялся в волнении расхаживать по andito.

Затем оба одновременно повернули головы, что-то услышав в зале, — наверное, это возвращалась Марта. Лэнгдон быстро достал из кармана большой полиэтиленовый пакет с замком, положил в него маску и, закрыв, передал Игнацио, который неохотно убрал его в портфель. Лэнгдон затворил дверцу пустого шкафа, и оба поспешили навстречу Марте, пока она не обнаружила

пропажу.

Теперь на Лэнгдона смотрели дула уже двух пистолетов.

Марта покачнулась и оперлась о стол.

— Я не понимаю! — вырвалось у нее. — Вы с Игнацио Бузони украли посмертную маску Данте?!

— Нет! — возразил Лэнгдон, решив блефовать до последнего. — У нас имелось разрешение владельца вынести маску из здания на одну ночь.

— Разрешение владельца? — переспросила она. — Бертрана Зобриста?

— Мистер Зобрист позволил нам изучить пометки на обратной стороне. Мы встречались с ним вчера после обеда.

Глаза Марты сверкнули от ярости.

— Профессор, я уверена, что вы не встречались с Бертраном Зобристом вчера после обеда.

— Но я вам говорю, что так и было…

Сиенна остановила его, взяв за локоть.

— Роберт, — сказала она с тяжелым вздохом, — шесть дней назад Бертран Зобрист разбился насмерть, бросившись вниз с башни Бадия в нескольких кварталах отсюда.

Глава 42

Оставив мотоцикл чуть севернее палаццо Веккьо, Вайента направилась пешком вокруг площади Синьории. Проходя через Лоджию Ланци с выставленными в ней на всеобщее обозрение скульптурами, она не могла не заметить, что все они являлись вариациями на одну тему: господства мужчин над женщинами.

«Похищение сабинянок».

«Похищение Поликсены».

«Персей с головой Медузы».

Замечательно, подумала Вайента и, надвинув козырек бейсболки на глаза, стала пробираться сквозь утреннюю толпу ко входу во дворец, открывший двери для первых посетителей. Судя по всему, в палаццо Веккьо все было как обычно.

Никакой полиции, подумала Вайента. *Во всяком случае, пока.*

Застегнув молнию на куртке до самого верха и убедившись, что пистолет нигде не выпирает, она направилась ко входу. Следуя указателям музея, прошла через два богато украшенных внутренних дворика и по массивной лестнице

поднялась на второй этаж.

В голове у нее крутились подслушанные по полицейской рации слова.

Музей палаццо Веккьо… Данте Алигьери.

Лэнгдон должен быть здесь.

Указатели привели Вайенту в просторный и роскошно убранный Зал пятисот, по которому бродили пока еще немногочисленные туристы, восхищаясь огромными фресками. Вайента не собиралась любоваться шедеврами изобразительного искусства и в дальнем правом углу зала заметила еще один указатель, направлявший желающих посетить музей на лестницу.

Проходя через зал, она обратила внимание на группу студентов, которые собрались возле одной скульптуры и со смехом ее фотографировали. На табличке было написано: «Геракл и Диомед».

Вайента скользнула взглядом по скульптуре и поморщилась. Перед ней были два обнаженных героя греческой мифологии, которые сошлись в борцовском поединке. Геракл держал Диомеда вниз головой, готовясь совершить окончательный бросок, а Диомед крепко ухватил Геракла за гениталии, как бы спрашивая: «Ты уверен, что тебе это надо?»

Вайента скривилась. *Вот что значит быть*

хозяином положения.

Оторвав взгляд от сомнительной статуи, она быстро поднялась по лестнице к музею и оказалась на высоком балконе, с которого открывался вид вниз. Возле входа в музей собралось около десятка туристов.

— Задерживают с открытием, — жизнерадостно сообщил один из них, оторвавшись от видеокамеры.

— А почему — не говорили? — поинтересовалась Вайента.

— Нет, но раз уж мы ждем — полюбуйтесь, какой потрясающий отсюда вид! — Турист обвел рукой лежащий внизу Зал пятисот.

Вайента подошла к перилам и, посмотрев на раскинувшийся под ними просторный зал, увидела в нем полицейского. Он был один и неторопливо направлялся к лестнице, стараясь не обращать на себя внимания.

Явился, чтобы снять показания, догадалась Вайента. Его неспешная поступь, в которой сквозила скука, говорила о том, что вызов был самым что ни на есть заурядным, не сравнить с лихорадочными поисками Лэнгдона у Римских ворот.

Но если Лэнгдон здесь, почему полицейские до сих пор не заполнили весь палаццо?

Либо предположение Вайенты о том, что Лэнгдон находится во дворце, было неверно, либо полиция и Брюдер еще не сообразили, что к чему.

Когда полицейский поднялся по лестнице и направился ко входу в музей, Вайента отвернулась к окну, сделав вид, что любуется пейзажем. Учитывая, что ее отстранили, и зная, какие у Ректора длинные руки, она не собиралась рисковать, обнаруживая свое присутствие.

— Aspetta![27] — вдруг раздалось совсем рядом.

Вайента напряглась, понимая, что полицейский остановился прямо у нее за спиной. А команда поступила по рации.

— Attendi i rinforzi! — повторил голос.

Ждать подкрепления? Похоже, обстановка изменилась.

И тут в небе Вайента заметила черную точку, которая начала приближаться, увеличиваясь в размерах. Она летела к палаццо Веккьо со стороны садов Боболи.

Беспилотник, догадалась Вайента. *Брюдер сообразил, где Лэнгдон. И направляется сюда.*

Координатор Консорциума Лоренс Ноултон

---

[27] Примечания: 27
Подождите! (*ит.*)

продолжал ругать себя за звонок Ректору. Он же знал, какой будет реакция на предложение посмотреть ролик перед завтрашней отправкой в СМИ.

Содержание не имело значения.

Протокол превыше всего!

Ноултон вспомнил истину, которую неустанно вдалбливали координаторам-новобранцам, вводя их в курс дела. *Не рассуждать, а исполнять!*

Положив маленькую красную флешку перед компьютером, чтобы утром отправить видеофайл на серверы СМИ, он попытался представить себе реакцию тех, кто его увидит. Да и станут ли вообще его смотреть?

Наверняка станут. Ведь он от Бертрана Зобриста.

Мало того что Зобрист был мировой знаменитостью в области биомедицины, на прошлой неделе он совершил самоубийство, о котором много писали. Эта девятиминутная запись будет воспринята как послание с того света, а ее зловещая тональность заставит досмотреть до конца.

Уже через несколько минут после отправки этот ролик наверняка станет хитом Интернета.

Глава 43

Вне себя от злости, Марта Альварес выскочила из тесной аппаратной, оставив Лэнгдона и его невоспитанную младшую сестру на прицеле у охранников. Она подошла к окну и, увидев на площади Синьории полицейский автомобиль, почувствовала облегчение.

Наконец-то!

И все же Марта продолжала теряться в догадках, как такой уважаемый специалист, как Роберт Лэнгдон, мог столь беззастенчиво ее обмануть, злоупотребить ее доверием и украсть бесценный экспонат.

И помогал ему в этом Игнацио Бузони?! Невероятно!

Не в силах больше сдерживаться, Марта достала мобильник и набрала номер его кабинета в музее Опера-дель-Дуомо всего в нескольких кварталах от палаццо Веккьо, чтобы все ему высказать.

Трубку сняли после первого же звонка.

— Ufficio di Ignazio Busoni[28], — послышался знакомый женский голос.

---

[28] Примечания: 28
Офис Игнацио Бузони (*ит.*).

Марта дружила с секретаршей Игнацио, но сейчас ей было не до светских разговоров.

— Eugenia, sono Marta. Devo parlare con Ignazio. — *Эуджения, это Марта. Мне надо поговорить с Игнацио.*

Наступила странная пауза, а потом секретарша вдруг разрыдалась.

— Cosa succede? — спросила Марта. *Что случилось?*

Глотая слезы, Эуджения рассказала, что только что пришла на работу и узнала, что прошлой ночью в переулке возле Дуомо с Игнацио случился сердечный приступ. Он сам вызвал «скорую» около полуночи, но, когда она приехала, Бузони уже умер.

У Марты подкосились ноги. Утром она слышала в новостях, что скончался какой-то городской чиновник, но даже представить себе не могла, что им окажется Игнацио.

— Eugenia, ascoltami[29], — торопливо заговорила Марта и, пытаясь сохранять спокойствие, рассказала, что только что просмотрела запись с камер видеонаблюдения, на которой видно, что Игнацио и Роберт Лэнгдон украли посмертную

---

[29] Примечания: 29
Эуджения, послушай (*ит.*).

маску Данте. А Лэнгдона сейчас стерегут два охранника.

Марта не знала, какой реакции она ждала от Эуджении, но та отреагировала совершенно неожиданно.

— Roberto Langdon?! Sei con Langdon ora?! — воскликнула та. *Он сейчас рядом с тобой?!*

Похоже, Эуджения ничего не поняла. *Да, но маска…*

— Devo parlare con lui! — отчаянно выкрикнула Эуджения. *Я должна с ним поговорить!*

Голова у Лэнгдона раскалывалась от боли, а охранники по-прежнему держали его под прицелом. Неожиданно дверь распахнулась, и на пороге появилась Марта Альварес.

Через открытую дверь до Лэнгдона донеслось жужжание беспилотника, которому вторил вой полицейских сирен. *Они поняли, где нас искать.*

— Прибыли полицейские, — сообщила Марта охранникам и отправила одного за ними. Второй остался на месте и держал Лэнгдона на мушке.

К удивлению Лэнгдона, Марта протянула ему телефон.

— С вами хотят поговорить, — сказала она, не понимая, что происходит. — Но тут связи нет — надо выйти в коридор.

Все покинули душную аппаратную и оказались в просторной галерее, залитой ярким солнечным светом. За большими окнами была видна живописная площадь Синьории. Выбравшись из замкнутого пространства, Лэнгдон сразу почувствовал огромное облегчение, хотя по-прежнему находился под дулом пистолета.

Марта подвела его к ближайшему окну и передала телефон.

Лэнгдон нерешительно взял его и поднес к уху.

— Алло? Это Роберт Лэнгдон.

— Синьор, — раздался в трубке женский голос, заговоривший на ломаном английском, запинаясь и с сильным акцентом. — Я — Эуджения Антонуччи, секретарь Игнацио Бузони. Мы вчера встречаться, когда вы приезжать наш офис.

Лэнгдон ничего об этом не помнил.

— Да?

— Мне жаль вам сказать, но Игнацио вчера ночью умер от сердечный приступ.

Лэнгдон с силой сжал трубку в руке. *Игнацио Бузони мертв?!*

Уже не сдерживая слез, женщина продолжила срывающимся голосом:

— Игнацио звонить мне перед смертью. Он оставить сообщение и велел обязательно дать

вам прослушать. Включаю.

В динамике что-то пощелкало, а потом послышался слабый, срывающийся голос Игнацио Бузони.

— Эуджения, — задыхаясь и явно превозмогая боль, произнес Игнацио, — прошу, обязательно дай Роберту Лэнгдону прослушать, что я скажу. Дела у меня плохи. Не думаю, что доберусь до офиса. — Послышался стон, за которым наступило долгое молчание. Потом Игнацио заговорил снова и совсем тихо: — Роберт, надеюсь, тебе удалось спастись. За мной по-прежнему гонятся… а я… мне нехорошо. Я вызвал врача, но… — Наступила новая пауза, как будто Дуомино собирал остатки сил, чтобы успеть сказать: — Роберт, слушай внимательно. То, что ты ищешь, надежно спрятано. Врата для тебя открыты, но надо спешить. «Рай», двадцать пять. — Он опять надолго замолчал, а потом прошептал: — С Богом.

На этом сообщение заканчивалось.

Чувствуя, как гулко бьется сердце, Лэнгдон думал о том, что только что услышал последние слова умирающего человека. То, что эти слова были обращены к нему, лишь еще больше усиливало его волнение. *«Рай», двадцать пять? Врата для меня открыты? О каких вратах он говорит?*

Единственным, что имело хоть какой-то смысл, были слова Игнацио о том, что маска надежно спрятана.

В трубке снова послышался голос Эуджении.

— Профессор, вы понять, о чем он говорил?

— Отчасти.

— Я могу помочь?

Прежде чем ответить, Лэнгдон хорошенько поразмыслил.

— Сделайте так, чтобы эту запись больше никто не услышал.

— Даже полиция? Скоро приедет детектив, чтобы снять показания.

Лэнгдон напрягся. Бросив взгляд на охранника, продолжавшего держать его на мушке, он отвернулся к окну и быстро зашептал:

— Эуджения… это может показаться вам странным, но ради Игнацио, пожалуйста, сотрите эту запись и не рассказывайте полиции, что говорили со мной. Вы меня поняли? Все очень серьезно и…

Почувствовав, как ему в бок уперлось дуло пистолета, Лэнгдон обернулся и увидел, что охранник подошел к нему вплотную и протягивает свободную руку, требуя отдать мобильник.

После долгой паузы Эуджения наконец про-

изнесла:

— Мистер Лэнгдон, мой начальник доверять вам… и я тоже. — Она повесила трубку.

Лэнгдон передал телефон охраннику.

— Игнацио Бузони мертв, — сообщил он Сиенне. — Умер от сердечного приступа, после того как ушел из музея. — Лэнгдон помолчал. — Маска в безопасности. Игнацио успел перед смертью ее спрятать. И, думаю, оставил мне ключ, где ее отыскать. — *Рай, двадцать пять.*

В глазах Сиенны вспыхнула надежда, но Марта смотрела на них с нескрываемой подозрительностью.

— Марта, — сказал Лэнгдон, — я могу вернуть вам маску, но для этого вы должны нас отпустить. И немедленно.

Марта громко рассмеялась.

— Ни за что! Это же вы украли маску! Сейчас придет полиция…

— Signora Alvarez, — решительно прервала ее Сиенна. — Mi dispiace, ma non le abbiamo detto la verità.

Лэнгдон растерялся. *Что она делает?* Он понял, что она сказала. *Миссис Альварес, мне очень жаль, но мы не были с вами честны.*

Марта была изумлена не меньше Лэнгдона,

но, главным образом, потому, что Сиенна вдруг заговорила на беглом итальянском, причем без всякого акцента.

— Innanzitutto, non sono la sorella di Robert Langdon, — произнесла Сиенна виноватым тоном. *Прежде всего я не сестра Роберта Лэнгдона.*

Глава 44

Марта Альварес неловко отступила назад и, сложив на груди руки, устремила взгляд на стоящую перед ней молодую блондинку.

— Mi dispiace, — продолжила Сиенна все на том же беглом итальянском. — Le abbiamo mentito su molte cose. — *Мне очень жаль. Мы солгали вам о многом.*

Охранник выглядел столь же ошарашенным, как и Марта, но пистолет не опустил.

Сиенна теперь говорила быстро, по-прежнему на итальянском, и рассказала Марте, что работала в больнице во Флоренции, куда прошлой ночью пришел Лэнгдон с огнестрельным ранением в голову. Как выяснилось, Лэнгдон ничего не помнил о событиях, в результате которых оказался в больнице, и был не менее Марты удивлен тем, что увидел на записи.

— Покажите ей рану, — велела она Лэнгдону.

Увидев швы под спутанными волосами Лэнгдона, Марта присела на подоконник и несколько секунд просидела, закрыв лицо руками.

За последние десять минут Марта узнала не

только о краже у нее из-под носа посмертной маски Данте, но и то, что ворами оказались почтенный американский профессор и ее флорентийский коллега, которому она бесконечно доверяла. К тому же этого коллеги уже не было в живых. Мало того, Сиенна Брукс, которую Марта принимала за довольно простодушную сестру Роберта Лэнгдона, оказалась врачом, призналась во лжи… да еще свободно говорила по-итальянски.

— Послушайте, Марта, — обратился к ней Лэнгдон проникновенным тоном. — Я знаю, в это трудно поверить, но я действительно вообще не помню, что произошло вчера ночью. Я понятия не имею, зачем мы с Игнацио забрали маску.

Марта видела по его глазам, что он говорит правду.

— Я верну вам маску, — заверил Лэнгдон. — Даю слово. Но я не смогу ее разыскать, если вы нас не отпустите. Положение очень серьезное. Вы должны нас отпустить, причем немедленно.

Несмотря на желание вернуть бесценную маску, Марта вовсе не собиралась никого отпускать. *Да где же полиция?* Она выглянула на площадь Синьории — там по-прежнему стояла всего одна полицейская машина. Странно, что стражи порядка до сих пор не появились. Непонятным

был еще и жужжащий звук вдалеке, как будто включили мотопилу. Звук постепенно становился громче.

Что это?

Лэнгдон заговорил умоляюще:

— Марта, вы же знаете Игнацио. Он никогда бы не стал забирать маску без очень серьезных на то причин. Все гораздо сложнее, чем кажется. Владелец маски Бертран Зобрист был человеком со странностями. Мы подозреваем, что он может быть замешан в чем-то ужасном. У меня нет времени все объяснять, но я умоляю вас нам поверить.

Марта продолжала молча смотреть на Лэнгдона. Она ничего не понимала.

— Миссис Альварес, — вмешалась Сиенна, уставив на нее каменный взгляд. — Если вам дорого ваше будущее или будущее вашего ребенка, вы должны отпустить нас, причем немедленно.

Марта инстинктивно закрыла живот руками: скрытая угроза еще не родившемуся ребенку ей совсем не понравилась.

Жужжащий звук раздавался уже совсем близко, но Марта, выглянув в окно, так и не увидела его источник, зато увидела нечто другое.

Охранник тоже это увидел, и его глаза расши-

рились от изумления.

Толпа на площади Синьории расступилась, пропуская длинную колонну полицейских машин, во главе которой ехали два черных фургона. Они затормозили у главного входа во дворец, из них выскочили с оружием на изготовку люди, одетые во все черное, и бегом устремились в палаццо.

Марта не на шутку испугалась. *Что, черт возьми, происходит?*

Охранник тоже встревожился.

Звук за окном стал пронзительным, и Марта невольно отшатнулась, увидев невесть откуда вынырнувший вертолетик. Зависнув в десяти ярдах от окна, он, казалось, разглядывал людей за стеклом. Летательный аппарат был небольшим, длиной не больше ярда, и впереди у него торчала черная трубка. Отверстие трубки смотрело прямо на них.

— Сейчас выстрелит! — закричала Сиенна. — Sta per sparare! Всем лечь! Tutti a terra!

Она упала на колени у подоконника, и Марта, похолодев от ужаса, машинально последовала ее примеру. Охранник тоже плюхнулся на пол, инстинктивно целясь в маленький летательный аппарат.

Неуклюже согнувшись под подоконником,

Марта видела, что Лэнгдон остался стоять и только удивленно смотрел на Сиенну, явно не видя никакой опасности. Сиенна же, едва коснувшись пола, тут же вскочила на ноги и, схватив Лэнгдона за руку, потащила его в сторону коридора. Через мгновение они уже вместе бежали к главному входу.

Охранник привстал на коленях и прицелился вслед убегавшей парочке.

— Non spari! — приказала Марта. — Non possono scappare. — *Не стрелять! Им все равно не уйти!*

Лэнгдон и Сиенна скрылись за углом, но Марта знала, что уже через несколько секунд они наткнутся на полицейских, которые бежали им навстречу.

— Быстрее! — подгоняла Сиенна Лэнгдона. Она надеялась, что они успеют добраться до главного входа раньше полиции, но теперь понимала, что шансов на это практически не было.

Лэнгдон, похоже, это тоже понял. На пересечении двух больших коридоров он вдруг встал как вкопанный.

— Здесь нам ни за что не пройти.

— Ну же! — Сиенна нетерпеливо махнула рукой. — Роберт, мы не можем просто так стоять и ждать!

Лэнгдон, казалось, о чем-то задумался, потом перевел взгляд влево, где за коротким коридором виднелся небольшой, плохо освещенный зал без дверей. Его стены были увешаны старинными картами, а посередине стоял огромный металлический глобус. Лэнгдон задержал взгляд на огромном шаре и удовлетворенно кивнул.

— Сюда! — скомандовал он, устремляясь в комнату.

Но тут же нет прохода! Сиенна, ничего не понимая, все же подчинилась. Через эту комнату они ни за что не попадут ко входу в музей!

— Роберт, — окликнула она, догнав Лэнгдона. — Куда вы меня ведете?!

— В Армению, — ответил он.

— Куда?!

— В Армению, — повторил он, глядя вперед. — Доверьтесь мне.

* * *

А этажом ниже, смешавшись с толпой перепуганных туристов на балконе Зала пятисот, Вайента, опустив голову, смотрела себе под ноги, пока мимо не промчалась и не исчезла в музее команда Брюдера. Внизу захлопали двери — это полицейские оцепили все помещение.

Если Лэнгдон действительно здесь, то он в ловушке.

Да и сама Вайента, к сожалению, тоже.

Глава 45

Зал географических карт с дубовой обшивкой теплых тонов и подвесным деревянным потолком резко контрастирует с другими помещениями палаццо Веккьо, отделанными в основном камнем и штукатуркой. Первоначально здесь располагалась гардеробная комната дворца, а в многочисленных шкафах и кладовках великий герцог некогда хранил разные мелкие ценные вещи. Сегодня стены зала украшают карты — пятьдесят три цветных рисунка на коже, расписанных вручную, изображают мир, каким его видели флорентийцы в середине шестнадцатого века.

В этом зале со столь впечатляющей коллекцией старинных карт центральное место занимает огромный глобус. Этот шар высотой в шесть футов, известный как Mappa Mundi, являлся самым большим глобусом в мире той эпохи, причем, как утверждали современники, заставить его вращаться можно было легким прикосновением пальца. Сегодня глобус служит скорее последней остановкой туристов, которые после длинной

анфилады музейных залов оказываются в тупиковой части помещения, обходят глобус и направляются на выход — туда, где начинали осмотр музея.

Запыхавшись, Лэнгдон и Сиенна вбежали в Зал географических карт. Посередине высился величественный глобус Mappa Mundi, но Лэнгдон, даже не взглянув в его сторону, направился к картам, развешанным на стенах.

— Нам нужна Армения, — сказал он. — Карта Армении!

Совершенно не понимая, зачем это нужно, Сиенна послушно направилась к правой стене и принялась искать карту Армении.

Лэнгдон занялся тем же на левой стене, постепенно двигаясь вдоль нее.

Аравия, Испания, Греция…

Каждая страна была выписана с мельчайшими подробностями, что не могло не удивлять, поскольку рисунки были сделаны свыше пяти столетий назад, когда большую часть мира еще только предстояло нанести на карту и исследовать.

Так где же Армения?

Обычно эйдетическая память Лэнгдона сохраняла живые и яркие воспоминания об увиденном,

но от экскурсии по тайным ходам палаццо Веккьо, состоявшейся несколько лет назад, воспоминания остались довольно туманные. В немалой степени причиной тому был второй бокал красного вина «Гайа неббиоло», в котором он не смог себе отказать за обедом перед экскурсией. Судя по всему, сорт винограда был назван «неббиоло», то есть «легкий туман», совсем не случайно. Тем не менее одну вещь во время той экскурсии Лэнгдон запомнил точно: карта Армении обладала уникальной особенностью.

Я же знаю, что она где-то здесь, успокаивал себя Лэнгдон, продолжая осматривать казавшуюся бесконечной череду карт.

— Армения! — воскликнула Сиенна из правого угла зала. — Здесь!

Лэнгдон бросился к ней, и она показала на карту Армении, всем своим видом говоря: «Ну, вот эта карта, и что с того?»

Понимая, что времени для объяснений нет, Лэнгдон ухватился за массивную раму и потянул на себя. Карта вместе с частью деревянной обшивки под ней повернулась, открывая потайной ход.

— Ничего себе! — восхищенно оценила Сиенна. — Вот так Армения!

Не раздумывая, она бесстрашно шагнула в по-

лутемный проход, а Лэнгдон поспешил за ней, быстро закрыв за собой потайную дверь.

Несмотря на расплывчатость воспоминаний об экскурсии по тайным ходам, этот проход Лэнгдон помнил хорошо. Они с Сиенной будто перешли незримую границу и оказались во дворце-невидимке — тайном мире палаццо Веккьо, доступ в который имели только правящие герцоги и их ближайшее окружение.

Лэнгдон чуть помедлил, чтобы осмотреться. Перед ним простирался каменный коридор, тускло освещенный слабым светом, который проникал сквозь замаскированные снаружи маленькие оконца. Коридор спускался вниз и примерно через пятьдесят ярдов упирался в деревянную дверь.

Посмотрев налево, Лэнгдон увидел узкую лесенку, ведущую наверх. Путь к ней перекрывала висевшая над ступеньками цепь, а табличка рядом предупреждала: «USCITA VIETATA».

Лэнгдон направился к лесенке.

— Вы куда?! — попыталась остановить его Сиенна. — Тут написано: «Прохода нет».

— Спасибо за предупреждение, — ответил Лэнгдон, усмехнувшись. — Но читать по-итальянски я умею.

Он снял заградительную цепь и, вернувшись к потайной двери, зафиксировал ее, привязав ручку цепью к торчавшему рядом куску арматуры. Теперь открыть дверь снаружи было невозможно.

— Вот как, понятно, — смущенно произнесла Сиенна. — Хорошая мысль.

— Надолго это их не задержит, но много времени нам и не потребуется, — сказал Лэнгдон. — Следуйте за мной.

* * *

Когда наконец дверь с картой Армении удалось взломать, команда Брюдера ворвалась в узкий потайной ход и устремилась к деревянной двери в его конце. А когда открыли и ее, агент Брюдер почувствовал, как в коридор ворвался поток прохладного утреннего воздуха, и на мгновение ослеп от яркого солнечного света.

Он оказался на смотровой дорожке, которая тянулась вдоль крыши палаццо и вела к другой двери во дворец примерно в пятидесяти ярдах от него.

Брюдер перевел взгляд влево, где горой вздымалась сводчатая крыша Зала пятисот. *Там пройти невозможно.* Затем он посмотрел направо — с

этой стороны дорожка упиралась в бездонную, как пропасть, световую шахту. *Мгновенная смерть.*

Приняв решение, он показал вперед.

— Туда!

Брюдер и его люди направились ко второй двери, а над ними, словно стервятник, кружил беспилотник.

Взломав уже третью дверь, они тут же ринулись в проем, но были вынуждены остановиться и, сгрудившись на пороге, недоуменно переглянулись. Перед ними оказалась крошечная комнатка с каменными стенами и единственной дверью, в которую они ворвались. Возле стены стоял деревянный стол. С фресок на потолке на них насмешливо смотрели какие-то непонятные фигуры. Это был тупик.

Один из агентов Брюдера прошел вперед и прочитал текст информационного плакатика, висевшего на стене.

— Подождите, — сказал он. — Тут написано, что здесь есть finestra. Это потайное окошко?

Брюдер огляделся, но никакого окошка не заметил. Тогда он подошел к плакатику и стал читать сам.

Судя по всему, это помещение некогда служило

личным кабинетом герцогини Бьянки Каппелло — второй жены Франческо I, великого герцога Тосканского. Там действительно имелось потайное окошко — una finestra segrata, — через которое Бьянка могла наблюдать, как ее муж произносит речи в Зале пятисот.

Брюдер снова обвел взглядом комнатку и на этот раз заметил ловко замаскированную на боковой стене створку, за которой было маленькое оконце с перегородкой. *Неужели они выбрались через него?*

Внимательно осмотрев окошко, он понял, что Лэнгдон со своим ростом никак не мог в него протиснуться. Чтобы окончательно убедиться в том, что этим путем спастись было невозможно, Брюдер посмотрел в фигурные прорези на перегородке — за оконцем до самого пола Зала пятисот шла отвесная стена высотой в несколько этажей.

Куда, черт возьми, они подевались?!

На агента Брюдера вдруг разом навалилась тяжесть всех сегодняшних неудач, и, не силах сдержать охватившее его отчаяние, он запрокинул голову и испустил яростный рев.

В крошечном помещении он прозвучал оглушительно.

А далеко внизу, в Зале пятисот, туристы и по-

лицейские, вздрогнув, посмотрели вверх. Судя по звуку, в тайном кабинете герцогини теперь держали какого-то жуткого дикого зверя.

Сиенна Брукс и Роберт Лэнгдон стояли в кромешной тьме.

Незадолго до этого Сиенна видела, как Лэнгдон предусмотрительно блокировал цепью потайную дверь с картой Армении, чтобы ее нельзя было открыть снаружи. Но затем, к ее удивлению, он не пошел по коридору, а стал подниматься по ступенькам лестницы с табличкой «USCITA VIETATA».

— Роберт! — озадаченно прошептала она. — Там же написано: «Прохода нет». И потом, я думала, что нам надо вниз!

— Так и есть, — подтвердил Роберт, оглядываясь через плечо. — Но иногда, чтобы спуститься вниз… надо подняться наверх. — Он ободряюще ей подмигнул. — Помните пуп Сатаны?

О чем это он? Стараясь не отставать, Сиенна терялась в догадках.

— А вы вообще читали «Ад»?

— Да… наверное, лет в семь.

Но через мгновение она сообразила, о чем речь.

— А-а… пуп Сатаны! Вспомнила!

Теперь Сиенна понимала, что Лэнгдон имел в виду заключительные песни «Ада» Данте. В них, чтобы выбраться из преисподней, Данте пришлось сначала спуститься вниз по волосатому животу Сатаны, а в районе пупка, являвшегося одновременно и центром Земли, земное притяжение вдруг меняло направление, и, чтобы попасть в чистилище, Данте уже вынужден был взбираться наверх.

В памяти Сиенны мало что сохранилось после прочтения «Ада», но она помнила, как ее расстроила абсурдность представлений Данте о силе тяжести в центре Земли. Очевидно, его гений не распространялся на знание законов физики.

Они добрались до конца лестницы, и Лэнгдон открыл единственную находившуюся там дверь, на которой висела табличка «Sala Dei Modelli Di Architettura». Пропустив Сиенну вперед, он запер дверь на засов.

В небольшом помещении стояли витрины с деревянными моделями архитектурных проектов Вазари, разработанных им для дворцовых интерьеров. Едва скользнув по ним взглядом, Сиенна сразу обратила внимание на отсутствие в помещении окон и дверей. Как и предупреждала табличка, прохода через этот зал не было.

— В середине четырнадцатого века, — шепотом заговорил Лэнгдон, — герцог Афинский захватил дворец и построил этот тайный ход на случай нападения. Он называется лестницей герцога Афинского и выходит на боковую улочку внизу, куда можно попасть через небольшой аварийный люк. Если мы до него доберемся, никто не узнает, что мы покинули дворец. — Он показал на одну из моделей. — Посмотрите. Видите ту, сбоку?

Он привел меня сюда, чтобы показать модели?

Сиенна бросила нервный взгляд на миниатюрную модель и увидела тайную лестницу, искусно спрятанную между внешней и внутренней стенами здания.

— Лестницу я вижу, Роберт, — неуверенно произнесла Сиенна, — но ведь она в другом крыле дворца. Нам туда ни за что не добраться!

— Немного терпения, — с хитрой улыбкой ответил он.

Внизу послышался грохот, означавший, что дверь с картой Армении удалось открыть. Замерев, они слушали, как топот ног удалялся по коридору. Никому из преследователей не пришло в голову, что беглецы полезут еще выше… тем более по маленькой лесенке, которая вела в помещение без выхода.

Когда шаги стихли, Лэнгдон уверенно направился мимо экспонатов к стенному шкафу в другом конце зала. Шкаф был квадратным и располагался приблизительно в трех футах от земли. Лэнгдон уверенно взялся за ручку дверцы и распахнул ее.

Сиенна изумленно охнула. За дверцей чернела пустота, будто шкаф был порталом, который вел в иной мир.

— Следуйте за мной, — скомандовал Лэнгдон.

Прихватив фонарь, висевший на стене рядом с дверцей, профессор с неожиданной сноровкой и легкостью вскарабкался в темный проем и исчез в нем.

Глава 46

La soffitta, подумал Лэнгдон. Самое впечатляющее чердачное помещение на свете.

Воздух внутри был затхлым и навевал мысли о древности, будто за столетия пыль штукатурки стала такой мелкой и невесомой, что не оседала, а просто висела в воздухе. Вокруг все скрипело и постанывало, и Лэнгдону казалось, будто он забрался в чрево какого-то огромного живого существа.

Убедившись, что широкая балка под ногами достаточно надежна, он направил луч фонаря в глубь потолочного перекрытия, погруженного во тьму. Перед ним возник казавшийся бесконечным тоннель, перегороженный многочисленными треугольными и прямоугольными пересечениями деревянных балок, брусьев, опор и прочих структурных элементов, которые составляли невидимый каркас Зала пятисот.

Это огромное чердачное пространство Лэнгдон уже видел несколько лет назад во время той самой экскурсии по тайным ходам, воспоминания о которой затуманил «Неббиоло». В зале с архитек-

турными моделями было вырезано специальное окошко, чтобы посетители после знакомства с моделью могли посветить в проем фонарем и увидеть, как она воплощена на практике.

Оказавшись внутри чердачного помещения, Лэнгдон был поражен, насколько оно походило на обычный амбар в Новой Англии, — такие же мощные стропила и стойки «связывали» подстропильные балки.

Сиенна тоже пролезла в проем и теперь стояла на балке рядом с ним, растерянно озираясь. Лэнгдон посветил фонарем в разные стороны, чтобы показать ей внутреннюю обстановку.

С места, где они стояли, чердачное пространство выглядело как длинный ряд равнобедренных треугольников, которые уменьшались по мере удаления, чтобы слиться в какой-то невидимой точке. Никакого пола на чердаке не было, а его роль выполняли поперечные балки, похожие на массивные железнодорожные шпалы.

Показав себе под ноги, Лэнгдон произнес приглушенным голосом:

— Прямо под нами Зал пятисот. Если мы переберемся на другой конец, то сможем попасть на Лестницу герцога Афинского.

Сиенна с сомнением окинула взглядом слож-

ное переплетение балок и опор, лежавших на их пути. Добраться до другого конца можно, только перепрыгивая с балки на балку. Так, играя, прыгают дети по шпалам. Балки были широкими и представляли собой связку из несколько брусьев, скрепленных в единое целое большими металлическими скобами. Сохранять на них равновесие было несложно. Проблема заключалась в том, что расстояние между балками было слишком большим.

— Я не перепрыгну, — прошептала Сиенна.

Лэнгдон тоже сомневался, что сможет это сделать, а падение означало верную смерть. Он посветил вниз между балками.

В восьми футах ниже виднелся какой-то подвешенный на металлических прутьях настил, покрытый слоем пыли. Он был похож на пол и казался прочным, к тому же тянулся насколько хватало глаз. Но Лэнгдон знал, что это всего лишь туго натянутая ткань — изнанка подвесного потолка Зала пятисот с тридцатью девятью полотнами Вазари в деревянных рамах. Горизонтальное расположение картин навевало ассоциации с лоскутным одеялом.

Сиенна показала на покрытую пылью поверхность под ними.

— А мы не можем спуститься и просто пройти туда?

Нет, если не хотим провалиться сквозь холст Вазари в Зал пятисот.

— Вообще-то есть идея получше, — заверил Лэнгдон как можно спокойнее, чтобы она не занервничала, и двинулся к центральной несущей балке чердачного помещения.

Во время той давней экскурсии Лэнгдон не только смотрел в прорубленное в зале архитектурных моделей окно, но и прогулялся по чердачному помещению пешком, правда, с другой стороны зала для выхода в помещение имелась специальная дверь. Если его не подводила ослабленная вином память, то вдоль центральной несущей балки был проложен специальный дощатый настил, по которому туристы могли попасть на смотровую площадку, оборудованную в центре помещения.

Однако, добравшись до несущей балки, он с удивлением увидел, что никакого настила, даже отчасти напоминавшего тот, который он запомнил, тут не было.

Сколько же вина я тогда выпил?

Вместо надежной, специально оборудованной для туристов дорожки между балками лежали кое-как брошенные доски, образуя примитивные

мостки. Чтобы пройти по ним, требовались навыки канатоходца.

Судя по всему, та оборудованная дорожка на другом конце доходила только до смотровой площадки, и туристы по ней же возвращались обратно. А эти брошенные поперек балок доски скорее всего использовались техническим персоналом для доступа в эту часть чердачного помещения.

— Похоже, нас ждет смертельный номер, — заметил Лэнгдон, с сомнением глядя на узкие доски.

— Не страшнее Венеции в сезон наводнений, — беззаботно отозвалась Сиенна, пожимая плечами.

В ее словах была доля истины. Во время его последнего визита в Венецию площадь Святого Марка была затоплена почти на полметра, и он добирался из отеля «Даниэли» до собора по доскам, положенным на шлакоблоки и перевернутые ведра. Конечно, одно дело промочить ноги и совсем другое — разбиться насмерть, провалившись сквозь шедевр эпохи Возрождения.

Стараясь не думать об этом, Лэнгдон наступил на узкую доску с показной уверенностью, надеясь, что своим видом рассеет любые сомнения,

которые могли возникнуть у Сиенны. Демонстрируя внешнее спокойствие, профессор чувствовал, как бешено колотилось его сердце, пока он шел по первой доске. Когда он добрался до середины, доска под его тяжестью сильно прогнулась и зловеще затрещала. Он ускорил движение и через несколько секунд уже стоял на другой балке в относительной безопасности.

Облегченно выдохнув, он обернулся, чтобы посветить Сиенне и, если понадобится, успокоить ее и приободрить. Однако никакой поддержки ей не потребовалось. Едва он направил луч света на доску, как она легко вспорхнула на нее и перебежала с необычайной ловкостью. Доска под ее стройным телом почти не прогнулась, и вскоре она уже стояла рядом с ним.

Немного приободрившись, Лэнгдон повернулся и шагнул на следующую доску. Дождавшись, когда он обернется и посветит ей уже с другой балки, Сиенна быстро перебралась к нему. В свете единственного фонаря они продвигались в устойчивом ритме — сначала по доске проходил он, затем она. Сквозь тонкий потолок доносилось потрескивание полицейских раций. Роберт мысленно улыбнулся. *Невесомые и невидимые, мы парим над Залом пятисот.*

— Послушайте, Роберт, — шепотом обратилась к нему Сиенна. — Вы говорили, Игнацио сказал, где найти маску?

— Да… но не прямо, а намеком. — Лэнгдон объяснил, что Игнацио наверняка побоялся доверить тайну местонахождения маски автоответчику и описал его иносказательно. — Он произнес слово «рай», и я думаю, что речь идет о последней части «Божественной Комедии». А его точные слова — «"Рай", двадцать пять».

— Наверное, он имел в виду Двадцать пятую песню, — предположила Сиенна.

— Я тоже так думаю, — согласился Лэнгдон. «Песня» была своего рода аналогом главе, и такое название объяснялось тем, что раньше, в царство устной традиции, эпические поэмы «пелись». В «Божественной Комедии» ровно сто песен, которые разделены на три части:

«Ад» 1–34;
«Чистилище» 1–33;
«Рай» 1–33.

Двадцать пятая песня «Рая», подумал Лэнгдон, жалея, что даже его отменная память не позволяет воспроизвести весь текст целиком. *Какое там! Нам нужен экземпляр книги.*

— Но это еще не все, — продолжал Лэнгдон. — Последними словами Игнацио, обращенными ко мне, были: «Врата для тебя открыты, но надо спешить». — Помолчав, Лэнгдон посмотрел на Сиенну. — Наверное, в Двадцать пятой песне есть указание на конкретное место во Флоренции. Судя по всему, с вратами.

Сиенна нахмурилась.

— Но в городе сотни ворот.

— Да, поэтому нам и нужно перечитать Двадцать пятую песню «Рая». — Лэнгдон просительно улыбнулся. — А вы, случайно, не знаете «Божественную Комедию» наизусть?

Сиенна посмотрела на него, как на сумасшедшего.

— Четырнадцать тысяч стихов на староитальянском, которые я читала в детстве? — Она покачала головой. — Это у вас отменная память, профессор, а я — самый обычный врач.

Они продолжили свой переход по доскам, и Лэнгдон с огорчением подумал, что даже после всего, что им пришлось пережить вместе, Сиенна предпочитает скрывать от него свои уникальные способности. *Самый обычный врач?* Лэнгдон усмехнулся. *Скорее, самый скромный на свете*, подумал он, вспомнив газетные вырезки о ее

достижениях. К сожалению, знание наизусть одной из самых длинных поэм в истории в них не входило.

Следующие несколько досок они преодолели в молчании. Наконец впереди показалась знакомая конструкция. *Смотровая площадка!* Ненадежные мостки, по которым они передвигались, вели к куда более основательному сооружению с перилами. Если они попадут на площадку, то к выходу из чердачного помещения пройдут уже по оборудованному для туристов дощатому настилу. А оттуда, как помнил Лэнгдон, рукой подать до Лестницы герцога Афинского.

Приближаясь к смотровой площадке, Лэнгдон бросил взгляд на подвешенный под ними потолок. До сих пор все люнетты были одинаковыми по размеру, но полотно впереди намного превосходило все остальные.

«Апофеоз Козимо I».

Эта огромная круглая люнетта занимала на потолке Зала пятисот центральное место и являлась для Вазари самой значимой. Лэнгдон часто показывал студентам слайды с ее изображением, подчеркивая ее сходство с фреской «Апофеоз Вашингтона», украшавшей купол Капитолия, — скромное напоминание о том, что зарождавшаяся

Америка позаимствовала у Италии не только идею республиканского устройства.

Однако сегодня он думал не о достоинствах полотна, а о том, как бы поскорее его миновать. Ускорив шаг, он чуть повернул голову, чтобы шепотом сообщить Сиенне, что они уже почти у цели.

И тут его правая нога соскользнула с середины доски, лодыжка подвернулась, и Лэнгдон, споткнувшись, засеменил вперед короткими шажками, отчаянно пытаясь восстановить равновесие.

Но было уже поздно.

Он сильно ударился коленями о доску и взмахнул руками, пытаясь ухватиться за поперечную балку. Фонарь полетел вниз и упал на полотно, поймавшее его, будто страховочная сетка. Лэнгдон отчаянно рванулся вперед и успел приземлиться на спасительную балку, но от прыжка доска сорвалась и, с грохотом пролетев восемь футов, упала на деревянную раму, в которую был заключен «Апофеоз Козимо I».

Звук от удара отозвался в чердачном помещении громким эхом. Лэнгдон в ужасе вскочил на ноги и обернулся, чтобы посмотреть на Сиенну.

В тусклом свете фонаря, еще продолжавшего

гореть на полотне внизу, он увидел, что Сиенна стоит, как в западне, на предыдущей балке, не имея возможности перебраться к нему. Ее взгляд подтвердил то, что он и так уже знал: звук сорвавшейся доски наверняка их выдал.

Вайента вскинула взгляд к украшенному живописью потолку.

— Там под крышей гуляют крысы? — нервно пошутил турист с камерой, когда шум наверху затих.

Большие крысы, подумала Вайента, глядя на полотно в центре потолка. В щелях между рамами показались облачка пыли, и Вайента могла поклясться, что на полотне появился бугорок… как будто кто-то надавил на него с обратной стороны.

— Наверное, это полицейский уронил пистолет со смотровой площадки, — высказал предположение турист, тоже обративший внимание на появление бугорка. — Как вы думаете, что они ищут? Развели такую деятельность — с ума сойти!

— Со смотровой площадки? — переспросила Вайента. — А туда разве пускают?

— Конечно. — Турист махнул рукой в сторону входа в музей. — Там есть отдельная дверь, ко-

торая ведет в чердачное помещение. Там можно увидеть всю пространственную конструкцию Вазари. Это нечто!

Внезапно под сводами Зала пятисот эхом прокатился вопль Брюдера:

— Куда, черт возьми, они подевались?!

Крик раздался из-за забранного узорчатой перегородкой оконца под самым потолком слева. Значит, Брюдер находится в комнате за этим окошком. То есть этажом ниже потолка.

Вайента вновь перевела взгляд на бугорок на картине.

Крысы на чердаке, подумала она. *Пытаются выбраться.*

Поблагодарив туриста с камерой, она быстро направилась ко входу в музей. Дверь была закрыта, но полицейские постоянно заходили внутрь и выходили на улицу, так что вряд ли она заперта.

Чутье ее не подвело.

Глава 47

На площади в тени Лоджии Ланци мужчина средних лет с интересом наблюдал за царившей вокруг суматохой и снующими туда-сюда полицейскими. На нем были дорогие очки «Плюм Пари», шейный платок с «огуречным» узором, а в одном ухе посверкивала крошечная сережка.

Он вдруг снова поймал себя на том, что непроизвольно почесал шею. Вчера вечером у него появилась сыпь, и за ночь прыщики высыпали не только на шее, но и на подбородке, щеках и даже веках.

Мужчина бросил взгляд на свои ногти, заметил на них кровь и вытер платком, а заодно и промокнул содранные болячки.

Приведя себя в порядок, он перевел взгляд на два черных фургона, припаркованных у входа в палаццо. В том, который стоял ближе к нему, на заднем сиденье он увидел двоих — вооруженного мужчину в черном и редкой красоты женщину. Она была уже в годах, с серебристыми волосами и голубым амулетом на шее.

Мужчина в форме готовился сделать ей укол.

* * *

Доктор Элизабет Сински безучастно смотрела из окна фургона на палаццо и пыталась понять, как могла ситуация так выйти из-под контроля.

— Мэм, — послышался низкий голос рядом.

Элизабет с трудом повернулась к своему спутнику. Он взял ее за руку и сказал:

— Сидите спокойно.

Она почувствовала болезненный укол, а агент произнес:

— Теперь можете снова поспать.

Элизабет закрыла глаза, но перед этим успела заметить в тени Лоджии Ланци наблюдавшего за ней человека. На нем были очки в модной оправе и дорогой шейный платок. Сначала ей показалось, что она его знает, но когда она снова открыла глаза, чтобы посмотреть еще раз, мужчина исчез.

Глава 48

Теперь Лэнгдона и Сиенну разделяло двадцать футов пустого темного пространства. Упавшая доска лежала под ними на деревянном каркасе с рамой, обрамлявшей «Апофеоз» Вазари. А на самом полотне продолжал гореть фонарь, образуя на нем — как камень на растянутой простыне — небольшое углубление.

— У вас за спиной доска, — прошептал Лэнгдон. — Вы можете перетащить ее и перекинуть сюда?

Сиенна обернулась и посмотрела.

— Я не удержу ее, и другой конец упадет на полотно.

Лэнгдон и сам это понимал. Не хватало еще прорвать тяжеленной доской полотно Вазари.

— Есть идея! — сказала Сиенна и двинулась по балке к боковой стене.

Лэнгдон пошел за ней по своей балке. С каждым новым шагом они удалялись от фонаря и все хуже видели, куда наступали. У стены их окружила почти полная темнота.

— Вон там, — прошептала Сиенна, показывая

куда-то вниз. — Край рамы. Он должен крепиться к стене. Думаю, меня он выдержит.

И, не дав Лэнгдону возразить, она начала спускаться с балки, используя боковые перекладины как ступеньки лестницы. Когда она наступила на край каркаса, тот хрустнул, но выдержал. Передвигаясь медленно и осторожно, как по карнизу высокого здания, Сиенна постепенно приближалась к Лэнгдону. Каркас снова хрустнул.

Как по тонкому льду, подумал Лэнгдон. *Надо держаться ближе к берегу.*

Когда Сиенна преодолела половину пути, у Лэнгдона забрезжила надежда, что им действительно удастся выбраться отсюда вовремя.

Вдруг где-то в темноте хлопнула дверь, и послышались шаги, приближавшиеся по деревянному настилу для туристов. Кто-то светил фонарем по сторонам и быстро шел к смотровой площадке. Этот человек отрезал им единственный путь к спасению.

— Сиенна, не останавливайтесь, — прошептал Лэнгдон. — В конце стены есть выход. А я отвлеку.

— Роберт, нет! — чуть не в голос воскликнула Сиенна. — Не уходите!

Но Лэнгдон уже возвращался по балке к центру

чердачного помещения, оставив Сиенну продолжать свой опасный путь в темноте.

Когда он добрался до центральной балки, безликая фигура с фонарем обошла смотровую площадку и, остановившись у низких перил, направила луч света прямо ему в лицо.

Моментально ослепнув, Лэнгдон поднял руки, показывая, что сдается. В его положении — на узкой балке на высоте потолка Зала пятисот, да еще ослепленного ярким лучом фонаря — ничего другого не оставалось.

Лэнгдон ждал выстрела или повелительного окрика, но вокруг по-прежнему стояла тишина. Через мгновение луч соскользнул с его лица и принялся шарить в темноте позади него, явно пытаясь обнаружить что-то… или кого-то. Когда фонарь перестал светить ему в глаза, Лэнгдон сумел разглядеть человека, отрезавшего ему путь к спасению. Это была женщина — поджарая, одетая во все черное. Он не сомневался, что под бейсболкой она скрывает прическу в виде шипов.

Вспомнив, как у него на глазах погиб доктор Маркони, Лэнгдон сжал челюсти.

Она нашла меня. И явилась завершить начатое.

Опять на ум ему пришли греческие ныряль-

щики, которые, миновав точку невозврата и продолжив свой путь под водой, вдруг упираются в глухую каменную стену.

Убийца вновь направила луч фонаря в лицо Лэнгдону.

— Мистер Лэнгдон, — прошептала она, — а где ваша спутница?

Лэнгдон похолодел. *Убийце нужны мы оба.*

Он обернулся, делая вид, что Сиенна где-то сзади — там, откуда они пришли.

— Она тут ни при чем. Вам нужен я.

Лэнгдон молился, чтобы Сиенне удалось благополучно преодолеть оставшийся путь. Если она сможет незаметно проскользнуть мимо смотровой площадки, то окажется на настиле позади женщины-убийцы и доберется до двери.

Убийца направила луч фонаря в темноту позади Лэнгдона. Вновь обретя способность видеть, он заметил за ней какую-то фигуру.

Господи, нет!

Сиенна действительно пробиралась по балке к настилу всего в десяти ярдах от убийцы.

Сиенна, нет! Ты слишком близко! Она услышит тебя!

Луч света снова ослепил его.

— Послушайте внимательно, профессор, —

прошептала убийца. — Если вы хотите жить, то должны мне довериться. Меня отстранили. И причин причинять вам вред у меня нет. Мы с вами теперь на одной стороне, и я знаю, как вам помочь.

Лэнгдон ее почти не слушал. Все его мысли были заняты Сиенной, чей силуэт теперь смутно виднелся сбоку. Она ловко взбиралась на дощатый настил позади смотровой площадки слишком близко к убийце.

Беги! — безмолвно умолял он ее. *Быстрее уноси ноги!*

К ужасу Лэнгдона, Сиенна, наоборот, опустилась на корточки и замерла, внимательно наблюдая за происходящим.

Вайента вглядывалась в темноту позади Лэнгдона. *Куда, черт возьми, она делась? Они что — разделились?*

Вайента пыталась найти способ не дать парочке попасть в руки Брюдера. *Это моя единственная надежда.*

— Сиенна?! — хриплым шепотом окликнула Вайента. — Если вы меня слышите, то слушайте внимательно. Вы же не хотите попасть в лапы тех, кто вас ищет внизу? Они не станут церемониться. Я знаю, как отсюда выбраться. Я вам

помогу. Доверьтесь мне.

— Довериться?! — вдруг переспросил Лэнгдон громко. — Вы — убийца!

Сиенна где-то рядом, сообразила Вайента. *Лэнгдон обращается к ней… хочет предупредить.*

Она предприняла новую попытку.

— Сиенна, положение очень серьезное, но я могу вас вытащить отсюда. Подумайте об альтернативе. Вы в ловушке. И у вас нет выбора.

— У нее есть выбор, — громко возразил Лэнгдон. — И хватит мозгов, чтобы убраться от вас как можно дальше.

— Теперь все изменилось, — настаивала на своем Вайента. — У меня нет причин вам вредить.

— Вы убили доктора Маркони! И я уверен, что это ваша пуля ранила меня в голову.

Вайента поняла: он никогда не поверит, что она не собиралась его убивать.

Время для разговоров вышло. Мне ни за что не удастся переубедить его.

Отбросив последние сомнения, она сунула руку под куртку и вытащила пистолет с глушителем.

Сиенна, замерев, продолжала сидеть на корточках в тени всего в десяти ярдах от женщины, которая только что безуспешно пыталась уговорить Лэнгдона. Даже в темноте ее невозможно

было не узнать. К ужасу Сиенны, она вытащила тот же пистолет, из которого застрелила доктора Маркони.

Сейчас она выстрелит! Ее движения не оставляли никаких сомнений.

И действительно, женщина сделала два угрожающих шага вперед и остановилась у низкой ограды площадки прямо над «Апофеозом» Вазари. И сейчас, подобравшись к Лэнгдону максимально близко, подняла пистолет и направила его в грудь профессору.

— Больно не будет, — заверила она, — но у меня нет выбора.

Реакция Сиенны была мгновенной.

Почувствовав, что доски под ногами вдруг спружинили, Вайента, нажимая на курок, инстинктивно чуть повернулась. Уже слыша хлопок выстрела, она поняла, что промахнулась.

Сзади кто-то был.

И быстро приближался.

Вайента резко развернулась, направляя пистолет на нападавшего, но в темноте мелькнула только прядь светлых волос. Послышался новый хлопок выстрела, но пуля прошла выше — нападавший несся, низко пригнувшись, и врезался в нее на полной скорости.

Вайенту отбросило назад, и она, потеряв равновесие, наткнулась на ограждение и перелетела через него. Она попыталась за что-нибудь зацепиться, чтобы не упасть вниз, но было слишком поздно. Падения избежать не удалось.

Она летела в темноту, сгруппировавшись, чтобы благополучно приземлиться на пол, который видела всего в восьми футах под площадкой. Как ни странно, приземление оказалось намного мягче, чем она ожидала… как будто ее тело поймала растянутая сетка.

Не понимая, как такое возможно, Вайента, оставшись лежать на спине, посмотрела на человека, который ее сюда отправил. С площадки на нее глядела Сиенна Брукс. Ошеломленная, Вайента открыла рот, чтобы что-нибудь сказать, но тут послышался треск разрываемой ткани.

Полотно, на котором она лежала, не выдержало тяжести ее тела. Вайента снова полетела вниз.

На этот раз полет длился долгих три или четыре секунды, и последним, что она видела в своей жизни, были чудесные картины, украшавшие потолок. Но на центральном полотне прямо над ней — огромной круглой картине, изображавшей Козимо I, восседавшего на облаке в окружении херувимов, — зияла черная дыра с рваными

краями.

Затем послышался страшный удар, и мир Вайенты погрузился в вечный мрак.

А высоко наверху Роберт Лэнгдон с ужасом смотрел в проделанную в картине дыру на бесконечно далекий каменный пол Зала пятисот. На нем неподвижно лежала женщина-убийца. Под ее головой растекалась лужа крови, а в руке она по-прежнему сжимала пистолет.

Лэнгдон перевел взгляд на Сиенну, которая тоже не сводила глаз с жуткого зрелища внизу. На ее лице застыло выражение полного шока.

— Я не хотела…

— Ты действовала инстинктивно, — прошептал Лэнгдон. — Она собиралась убить меня.

Снизу послышались испуганные крики.

Лэнгдон мягко отвел Сиенну подальше от перил.

— Нам надо идти.

Глава 49

Агент Брюдер все еще находился в тайном кабинете герцогини Бьянки Каппелло, когда услышал глухой стук в Зале пятисот и последовавший за ним тревожный гул голосов. Он тут же бросился к окошку узнать, что случилось. Чтобы осознать увиденное на роскошном каменном полу, ему потребовалось несколько секунд.

Беременная администратор музея тоже заглянула в окошко тайного кабинета и при виде распростертой на полу фигурки и охваченных паникой туристов в ужасе прикрыла рот рукой. Затем перевела взгляд на потолок Зала пятисот и горестно застонала. Проследив за ее взглядом, Брюдер увидел, что на центральном круглом полотне потолка зияет большая дыра с рваными краями.

— Как туда попасть? — спросил он, повернувшись к женщине.

На другом конце здания Лэнгдон и Сиенна, с трудом переводя дух, наконец-то выбрались из чердачного помещения, и Лэнгдон быстро отыскал маленькую нишу, искусно скрытую тем-

но-красной шторой. Он хорошо запомнил ее во время той давней экскурсии по тайным ходам.

Лестница герцога Афинского.

Казалось, топот ног и голоса теперь раздаются повсюду, и Лэнгдон понимал, что времени у них в обрез. Он отодвинул штору, и они с Сиенной проскользнули на маленькую лестничную площадку.

Не говоря ни слова, они начали спуск по каменной лестнице. Она была винтовой, с пугающе короткими ступеньками, и казалось, что чем ниже они спускались, тем теснее становился проход. Лэнгдон уже почти уверился, что стены вот-вот раздавят его, но тут, к счастью, лестница закончилась.

Первый этаж.

Они стояли в маленькой каменной каморке, и, хотя дверь в ней была, наверное, самой миниатюрной в мире, от одного ее вида настроение у них сразу поднялось. Она была не выше четырех футов, из толстых деревянных брусьев с железными заклепками и тяжелым засовом изнутри, чтобы не пускать посторонних.

— Я слышу голоса с той стороны, — прошептала Сиенна, все еще до конца не оправившись от пережитого потрясения. — Что там?

— Улица Нинна, — ответил Лэнгдон, мысленно представив себе оживленную улицу. — Но там может быть полиция.

— Нас не узнают. Они ищут блондинку и темноволосого мужчину.

Лэнгдон с недоумением посмотрел на нее.

— Но именно так мы и выглядим…

Сиенна покачала головой. На ее лице отразилась грустная решимость.

— Я не хотела, чтобы вы увидели меня такой, Роберт, но сейчас я выгляжу именно так. — Она подняла руку и резким движением стянула с головы парик.

От неожиданности Лэнгдон отпрянул, пораженный, во-первых, тем, что она носила парик, а во-вторых, тем, как сразу изменилась ее внешность. Сиенна Брукс оказалась абсолютно лысой, как онкологический пациент после химиотерапии. *Вдобавок ко всем своим несчастьям она еще и больна?*

— Я понимаю, — сказала она. — Это длинная история. А теперь нагнитесь. — Она держала парик так, будто собиралась надеть его Лэнгдону на голову.

Она что — шутит? Лэнгдон неохотно наклонил голову, и Сиенна водрузила на нее парик.

Парик был маловат, и она, расправив его, чуть отступила назад, чтобы оценить свою работу. Оставшись не вполне довольной, сняла с Лэнгдона галстук и обмотала им его голову, изобразив подобие банданы, чтобы парик случайно не слетел.

Потом она занялась собой — закатала брюки до колен и приспустила носки. Когда она выпрямилась, на губах ее играла ухмылка. Очаровательная Сиенна Брукс превратилась в бритую наголо фанатку панк-рока. Преображение бывшей исполнительницы шекспировской пьесы было невероятным.

— Запомните, — сказала она, — на девяносто процентов человека узнают по тому, как он двигается. Поэтому ведите себя как стареющий рокер.

Со «стареющим» проблем не будет, а вот с «рокером» не уверен, подумал Лэнгдон.

Не давая ему возразить, Сиенна отодвинула засов и распахнула дверь. Низко пригнувшись, она вынырнула на булыжную мостовую оживленной улицы. Лэнгдону пришлось выбираться на свет божий чуть ли не на четвереньках.

За исключением нескольких прохожих, удивившихся появлению из крошечной двери палаццо Веккьо столь экстравагантной пары,

никто не обратил на них никакого внимания. Лэнгдон и Сиенна смешались с толпой и направились на восток.

* * *

Мужчина в очках «Плюм Пари», продолжая расчесывать болячки, пробирался сквозь толпу, стараясь держаться от Роберта Лэнгдона и Сиенны Брукс на приличном расстоянии. Несмотря на умелую маскировку, он сразу узнал их в парочке, покинувшей палаццо Веккьо через маленькую дверь на улице Нинна.

Через несколько кварталов он почувствовал, что задыхается. Грудь пронзила острая боль, и он остановился, чтобы сделать несколько частых и коротких вдохов. Ощущение было такое, будто он получил мощный удар кулаком в солнечное сплетение.

Стиснув зубы, он вновь переключил внимание на Лэнгдона и Сиенну и продолжил следовать за ними по улицам Флоренции.

Глава 50

Утреннее солнце уже поднялось над горизонтом и отбрасывало длинные тени в узкие ущелья флорентийских улиц, разделявших здания. Хозяева магазинов и кафе поднимали на своих заведениях металлические решетки, воздух был напоен ароматом эспрессо и свежеиспеченных круассанов.

Несмотря на сильный голод, Лэнгдон не сбавлял шага. *Я должен найти маску… и узнать, что написано на обратной стороне.*

Лэнгдон вел Сиенну по узкой улице Леони, стараясь привыкнуть к ее изменившемуся виду. Столь разительная перемена напомнила ему, что они едва знакомы и он совершенно ее не знает. Они направлялись к Соборной площади — той самой, где после своего последнего звонка умер Игнацио Бузони.

«Роберт, — успел, задыхаясь, сказать Игнацио, — то, что ты ищешь, надежно спрятано. Врата для тебя открыты, но надо спешить. «Рай», двадцать пять. С Богом!»

«Рай», двадцать пять, повторил про себя Лэнг-

дон, не переставая удивляться, насколько хорошо Игнацио Бузони должен был знать текст, чтобы точно указать конкретную песню. Что-то в ней было для него особенно значимым. Но Лэнгдон не сомневался, что все поймет, как только книга окажется у него в руках, а мест, где она продавалась, по дороге было достаточно.

Голова под париком начала чесаться, и, хоть Лэнгдон и чувствовал себя неуютно в таком наряде, он не мог не отдать должное находчивости Сиенны: ее импровизированная маскировка оказалась на редкость удачной. Никто не обращал на них внимания, даже попадавшиеся по пути полицейские, отправленные на усиление в палаццо Веккьо.

Сиенна молча шагала рядом и на протяжении нескольких минут не произнесла ни слова. Лэнгдон бросил на нее взгляд, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Она была погружена в свои мысли, видимо не в силах примириться с тем, что только что лишила жизни их преследовательницу.

— И о чем это вы размечтались? — шутливо поинтересовался он, надеясь отвлечь ее от мыслей о разбившейся насмерть женщине на полу Зала пятисот.

Сиенна медленно подняла взгляд.

— Я думала о Зобристе, — не сразу ответила она. — Пыталась вспомнить, что о нем знаю.

— И?

Она пожала плечами.

— В основном только то, что было в его скандальной статье, опубликованной несколько лет назад. Она меня по-настоящему задела. А в медицинских кругах разлетелась со скоростью вируса. — Она поморщилась. — Извините за неудачное сравнение.

Лэнгдон мрачно усмехнулся.

— Продолжайте.

— В статье утверждалось, что человечество находится на грани исчезновения и если мир не постигнет глобальная катастрофа, которая резко сократит население Земли, то людям как виду осталось не больше столетия.

Лэнгдон изумленно посмотрел на нее.

— Всего столетие?

— Весьма категоричное заявление. Отведенное им время оказалось намного короче имевшихся прогнозов, но было подкреплено весьма убедительными научными данными. Он нажил огромное количество врагов, призвав врачей отказаться от лечения, потому что продление

жизни лишь усугубляет проблему перенаселения.

Теперь Лэнгдон понимал, почему статья вызвала такой ажиотаж в медицинском сообществе.

— Неудивительно, — продолжала Сиенна, — что на Зобриста набросились со всех сторон — и политики, и церковь, и Всемирная организация здравоохранения. Все они подняли его на смех как сошедшего с ума мизантропа, пытающегося посеять панику. Особое возмущение вызвало его утверждение, что если нынешняя молодежь решится обзавестись потомством, то оно станет свидетелем гибели человечества в буквальном смысле слова. Зобрист проиллюстрировал эту мысль «часами Судного дня». Если всю историю человечества на планете сжать до одного часа… то мы проживаем последние секунды.

— Я видел эти часы в Интернете, — признался Лэнгдон.

— Да, это его творение, и оно вызвало бурное негодование. Но настоящий шум поднялся после заявления Зобриста о том, что его научные изыскания в области генной инженерии окажут человечеству несравненно большую пользу, если послужат не лечению болезней, а созданию новых.

— Что?!

— Да, он утверждал, что его технологии следует использовать для ограничения роста населения путем создания гибридной линии болезни, перед которой современная медицина окажется бессильной.

При мысли об искусственном создании гибридных вирусов, которых, если они окажутся на свободе, уже нельзя будет остановить, у Лэнгдона мурашки побежали по коже.

— Всего за несколько лет, — продолжала Сиенна, — Зобрист из иконы медицинского мира превратился в абсолютного изгоя, отверженного. — Она помолчала, и на ее лице отразилось сочувствие. — Так что неудивительно, что он в конце концов не выдержал и покончил с собой. И особенно печально, что он, возможно, прав.

Лэнгдон не верил своим ушам.

— Извините, вы считаете, что он *прав*?!

Сиенна выразительно пожала плечами.

— Роберт, если рассуждать с чисто научной точки зрения, опираясь только на факты и отбросив все эмоции, я могу вас заверить, что, если не произойдет ничего кардинального, конец нашего вида не заставит себя долго ждать. И приближается он очень быстро. Это не будет ни «озером

огненным и серным»[30], ни апокалипсисом, ни ядерной войной… это будет полный коллапс из-за перенаселения планеты. С математикой не поспоришь.

Лэнгдон похолодел.

— Я серьезно изучала биологию, — продолжала Сиенна, — и могу заверить, что исчезновение вида из-за перенаселения случается в природе довольно часто. Представьте себе колонию ряски на поверхности крошечного пруда в лесу, в котором питательных веществ более чем достаточно. Если ряска начнет бесконтрольно размножаться, то затянет всю поверхность пруда и солнечные лучи не смогут проникать в толщу воды и давать жизнь питательным веществам в ней. Высосав все полезное из окружающей среды, водоросли быстро погибнут и исчезнут без следа. — Она тяжело вздохнула. — Подобная участь может ждать и человечество. Причем гораздо раньше и стремительнее, чем нам представляется.

Лэнгдону стало не по себе.

— Но это… невозможно.

— Возможно, Роберт, хоть и не укладывается в голове. Человеческий разум наделен примитив-

---

[30] Примечания: 30
Откровение Иоанна Богослова, 20:10.

ным защитным механизмом, который отрицает реальность, если она оказывается слишком большим стрессом для мозга. В психологии это называется «отрицанием», или «игнорированием опасности».

— Я слышал об этом, но отвергаю состоятельность этого тезиса, — попробовал перевести все в шутку Лэнгдон.

Сиенна закатила глаза.

— Остроумно, конечно, но поверьте мне, что это не шутки. Отрицание — важнейший элемент защитной реакции человека. Не будь его, мы бы просыпались каждое утро в ужасе, думая, какой смертью умрем. Но наш мозг блокирует экзистенциальные страхи и переключает внимание на проблемы, решить которые вполне в нашей власти, например, явиться на работу вовремя или заплатить налоги. А при появлении масштабных, экзистенциальных страхов мы быстро заменяем их простыми задачами и будничными хлопотами.

Лэнгдон вспомнил о недавнем интернет-исследовании, проведенном среди студентов восьми престижных университетов Лиги плюща. Результаты выявили инстинктивную склонность к отрицанию даже у тех пользователей Сети, которые

обладают высоким интеллектом. Исследование показало, что подавляющее большинство студентов, оказавшись на странице с какой-нибудь удручающей новостью, вроде таяния снегов или вымирания видов животных, стараются побыстрее ее покинуть и переключиться на что-нибудь банальное, чтобы очистить свой мозг от страха. Чаще всего для этого они смотрят спортивные новости, забавные видео про кошек и светские сплетни.

— В мифологии, — задумчиво заметил Лэнгдон, — игнорирование опасности считалось наивысшим проявлением спеси и гордыни, ибо кто подвержен им больше, чем человек, считающий себя неуязвимым перед лицом всех опасностей мира? Данте был с этим полностью согласен и считал гордыню худшим из семи смертных грехов… а гордецов поместил в самый нижний круг ада.

Сиенна на минуту задумалась, а потом продолжила:

— Зобрист обвинил многих мировых лидеров в том, что они игнорируют реальность… прячут голову в песок. Особенно резко он критиковал Всемирную организацию здравоохранения.

— Не сомневаюсь, что те в долгу не остались.

— Они сравнили его с религиозным фанатиком, который стоит на углу улицы с плакатом «Конец света близко».

— На Гарвардской площади всегда можно увидеть пару таких чудаков.

— Да, но мы не обращаем на них внимания, потому что не можем себе представить, что такое в принципе возможно. Но, поверьте, если люди считают какое-то событие невероятным… это не значит, что оно не может произойти.

— Вы рассуждаете как сторонница идей Зобриста.

— Я сторонница правды, — ответила она с нажимом, — даже если она горькая.

Лэнгдон замолчал, снова чувствуя, что они с Сиенной говорят на разных языках, и не понимая, как в ней могут одновременно уживаться чувствительность и отстраненность.

Сиенна взглянула на него, и выражение ее лица смягчилось.

— Роберт, послушайте, я не говорю, что Зобрист прав, предлагая чуму, которая убьет половину людей, в качестве решения проблемы перенаселения. И не говорю, что надо перестать лечить больных. Я просто считаю, что путь, по которому мы сейчас идем, ведет к саморазрушению. Рост

населения — это геометрическая прогрессия в системе замкнутого пространства и ограниченных ресурсов. Конец наступит неожиданно. Не думайте, что у нас потихоньку будет кончаться бензин… скорее, мы просто сорвемся в пропасть.

Лэнгдон задумался, пытаясь переварить услышанное.

— Раз уж об этом зашла речь, — добавила Сиенна, показывая куда-то вверх, — я уверена, что Зобрист разбился, спрыгнув оттуда.

Лэнгдон поднял взгляд и увидел, что они шагают вдоль сурового каменного фасада музея Барджелло. За ним устремилась к небу изящная готическая башня Бадия. Он посмотрел на заостренную верхушку башни, гадая, почему Зобрист бросился вниз именно с нее, и надеясь, что тот угодил в преисподнюю, потому что сотворил нечто ужасное и не смог с этим жить.

— Критики Зобриста, — заметила Сиенна, — любят подчеркивать, что разработанные именно им генетические методы лечения позволили резко повысить продолжительность жизни.

— Что только усугубляет проблему перенаселения.

— Совершенно точно. Зобрист как-то выразил сожаление, что не может загнать джинна обратно

в бутылку и уничтожить свой вклад в человеческое долголетие. Полагаю, что своя логика в этом есть. Чем дольше мы живем, тем больше ресурсов уходит на поддержание стариков и больных.

Лэнгдон согласно кивнул.

— Я читал, что в Штатах порядка шестидесяти процентов всех затрат на здравоохранение идет на помощь пациентам в последние полгода их жизни.

— Верно, и хотя разум говорит нам, что это безумие, мы слушаем свое сердце и хотим, чтобы бабушка прожила как можно дольше.

Лэнгдон снова кивнул.

— Конфликт между Аполлоном и Дионисом — знаменитая дилемма в мифологии. Извечная борьба между разумом и сердцем, которые редко хотят одного и того же.

Лэнгдон слышал, что теперь эту мифологическую метафору нередко используют на собраниях членов Общества анонимных алкоголиков, чтобы описать пьяницу, который смотрит на бокал со спиртным. Разумом он понимает пагубность спиртного, а сердцем жаждет утешения, которое оно принесет. Идея понятна: не думай, что ты один такой, — даже боги, и те никак не могли договориться.

— Кому нужна агатузия? — вдруг прошептала Сиенна.

— Прошу прощения?

Сиенна подняла на него взгляд.

— Я наконец-то вспомнила, как называлась та статья Зобриста — «Кому нужна агатузия?».

Этого термина Лэнгдон раньше не слышал, но решил, что он образован от двух греческих слов — «агатос» и «тузия».

— Агатузия это… «добродетельная жертва»?

— Почти. На самом деле так называют самопожертвование во имя общего блага. Или, по-другому, самоубийство во имя благой цели.

Лэнгдон вспомнил, что все-таки уже встречал это слово — один раз при описании самоубийства банкрота, покончившего с собой, чтобы его семья получила страховку, а второй — раскаявшегося серийного убийцы, который боялся, что иначе не остановится.

Однако самый жуткий пример агатузии, по мнению Лэнгдона, содержался в романе «Бегство Логана», опубликованном в 1967 году. В нем описывается общество будущего, все члены которого добровольно уходили из жизни в возрасте двадцати одного года, чтобы рост населения и долголетие не нарушали баланса между популя-

цией и ограниченными ресурсами планеты. Если Лэнгдон ничего не путал, то при экранизации романа «конечный возраст» был повышен до тридцати лет — без сомнения, чтобы не отпугнуть основную массу зрителей, а именно молодежь от восемнадцати до двадцати пяти лет.

— Та статья Зобриста… — начал Лэнгдон. — Я не уверен, что правильно понимаю название «Кому нужна агатузия?». Это что — сарказм? Типа, совершить самоубийство во имя благой цели… надо всем?

— Вообще-то нет. В названии есть игра слов.

Лэнгдон покачал головой, явно ее не улавливая.

— В английском языке слово «who» — это не только местоимение «кто», но и аббревиатура Всемирной организации здравоохранения, то есть ВОЗ. В статье Зобрист обрушился с резкой критикой на доктора Элизабет Сински, которая возглавляет ВОЗ на протяжении многих лет и, по мнению Зобриста, не воспринимает проблему перенаселения достаточно серьезно. В своей статье он прямо заявляет, что от самоубийства доктора Сински ВОЗ только выиграет.

— С гуманностью у него точно проблемы.

— Боюсь, что это издержки гениальности. По-

добных людей отличает особое устройство мозга, способного концентрироваться на решении какой-то задачи на порядок лучше других. Однако все имеет свою цену, и зачастую плату составляет нравственная незрелость.

Лэнгдон вспомнил газетные вырезки о юной Сиенне — девочке-вундеркинде с ай-кью, равным двумстам восьми, и невероятными умственными способностями. Может, рассуждая о Зобристе, она отчасти говорила и о себе? И сколько еще она будет держать свои способности от него в тайне?

Впереди показался ориентир, который и был нужен Лэнгдону. Они перешли улицу Леони и вскоре оказались на перекрестке с очень узкой улочкой, больше похожей на проход между домами. На указателе значилось: «УЛИЦА ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ».

— Судя по всему, вам многое известно о человеческом мозге, — заметил Лэнгдон. — Это была ваша специализация на медицинском факультете?

— Нет, но в детстве я много читала. А мозгом стала интересоваться… из-за кое-каких проблем.

Лэнгдон бросил на нее заинтересованный взгляд, надеясь, что она продолжит.

— Мой мозг… — тихо начала Сиенна, — разви-

вался не как у других детей, и от этого… были проблемы. Я потратила много времени и сил, пытаясь понять, что со мной не так, и хорошо изучила неврологию. — Поймав на себе взгляд Лэнгдона, она добавила: — И — да, отсутствие волос тоже связано с медицинскими показаниями.

Лэнгдон отвел взгляд, ругая себя за бестактность.

— Не смущайтесь, — сказала Сиенна, — я научилась с этим жить.

Пока они шли по узкой, погруженной в тень прохладной улочке, Лэнгдон пытался проанализировать все, что узнал о Зобристе и его пугающей жизненной позиции. Ему никак не давал покоя один вопрос.

— Те вооруженные люди, — начал Лэнгдон, — которые пытаются нас убить. Кто они такие? Я не понимаю. Если Зобрист запускает какую-то чуму, разве остальные не должны объединить усилия, чтобы помешать этому? То есть быть на одной стороне?

— Вовсе не обязательно. Может, Зобрист и стал изгоем в медицинском сообществе, но у него вполне может быть целый легион преданных сторонников, считающих, что уничтожение части населения — необходимое зло, на которое

надо пойти, чтобы спасти планету. Судя по всему, те солдаты как раз и стремятся обеспечить выполнение замыслов Зобриста.

Частная армия из сторонников Зобриста? — задумался Лэнгдон. Да, в истории хватало и отдельных фанатиков, и целых сект, которые совершали самоубийство из-за самых нелепых убеждений — веры, что их лидер мессия, или что на обратной стороне Луны их ждет космический корабль, или что грядет Судный день. В отличие от всего этого, проблема перенаселения имела научное обоснование, но что-то в преследовавших их вооруженных людях Лэнгдона смущало.

— Я не верю, что группа обученных солдат пойдет на массовое уничтожение невинных людей… тем более что они сами могут заразиться и погибнуть.

Сиенна бросила на него удивленный взгляд.

— Роберт, а чем, по-вашему, занимаются солдаты на войне? Они убивают невинных людей и рискуют собственной жизнью. Если люди верят в идею, то все возможно.

— В идею? Распространять чуму — это идея?!

Сиенна испытующе на него посмотрела.

— Роберт, идея заключается не в распространении чумы, а в спасении мира. — Она помолча-

ла. — В той статье Бертран Зобрист задает очень острый гипотетический вопрос, который активно обсуждался. Я хочу, чтобы вы на него ответили.

— И что за вопрос?

— Зобрист спрашивал: если бы вам предложили нажать кнопку и уничтожить половину населения Земли, не зная, кто будут эти люди, вы бы согласились на это?

— Конечно, нет.

— Хорошо. А если бы вам сказали, что если вы не нажмете кнопку, то через сто лет человечество исчезнет вообще? — Она снова помолчала. — Тогда нажали бы? Даже если бы это означало убийство друзей, родных и, не исключено, себя самого?

— Сиенна, как можно…

— Это гипотетический вопрос, — не отступала она. — Вы бы пошли на уничтожение половины населения планеты, чтобы сохранить наш вид от вымирания?

Лэнгдону очень не нравилось то, какой оборот принял их разговор, и он обрадовался, увидев знакомый красный транспарант на здании впереди.

— Смотрите! — воскликнул он. — Мы пришли.

Сиенна покачала головой.

— Что и требовалось доказать. Игнорирование

опасности.

Глава 51

Дом Данте — Casa di Dante — расположен на улице Санта-Маргерита, и его легко узнать по большому красному транспаранту на торце здания с надписью «MUSEO CASA DI DANTE».

Сиенна нерешительно на него посмотрела.

— Мы идем в дом Данте?

— Не совсем, — ответил Лэнгдон. — Данте жил за углом. А здесь скорее… музей Данте.

Лэнгдон однажды уже посещал его, заинтересовавшись выставленной в нем художественной коллекцией. Правда, на деле она оказалась собранием репродукций знаменитых работ, связанных с Данте, но все равно увидеть их все под одной крышей было познавательно.

Сиенна вдруг оживилась.

— Вы думаете, у них выставлено старинное издание «Божественной Комедии»?

Лэнгдон хмыкнул.

— Нет, но я знаю, что там есть сувенирная лавка, где продается огромный постер, на котором напечатана вся поэма целиком. Правда, шрифт там микроскопический.

Сиенна сделала испуганные глаза.

— Я все понимаю, но это лучше, чем ничего. Проблема в том, что зрение у меня уже не то, так что вся надежда на вас.

— È chiusa. È il giorno di riposo[31], — сказал им какой-то старик, увидев, что они направляются к входу.

Выходной? Лэнгдон растерянно посмотрел на Сиенну.

— А сегодня что… понедельник?

Она кивнула.

— Флорентийцы предпочитают отдыхать по понедельникам.

Лэнгдон застонал от досады, вспомнив необычный распорядок городской жизни. Поскольку основной поток туристов приходится на конец недели, чтобы не терять потенциальных покупателей, многие флорентийские торговцы перенесли христианский «день отдыха» с воскресенья на понедельник, минимизируя тем самым потерю доходов.

К несчастью, это исключало и другую возможность раздобыть текст поэмы, а именно — в любимом книжном магазине Лэнгдона во Фло-

---

[31] Примечания: 31

Закрыто. Сегодня выходной (*ит.*).

ренции, где наверняка нашлись бы экземпляры «Божественной Комедии».

— Есть другие идеи? — поинтересовалась Сиенна.

После продолжительного размышления Лэнгдон кивнул.

— Тут за углом есть одно местечко, где собираются ценители Данте. Наверняка у кого-то найдется с собой экземпляр книги.

— Но оно, наверное, тоже закрыто. Сегодня выходной почти у всех в городе.

— Им это и в голову не придет, — заверил Лэнгдон с улыбкой. — Это место — церковь.

А в пятидесяти ярдах от них мужчина с сыпью на коже и золотой сережкой в ухе оперся о стену, радуясь возможности перевести дух. Дышать ему легче не стало, а сыпь зудела все сильнее, особенно на нежной коже век. Он снял очки и осторожно провел рукавом по глазницам, стараясь не содрать болячки. Потом водрузил очки на место и увидел, что парочка, которую он выслеживал, пошла дальше. Он заставил себя тронуться с места и направился за ними, стараясь дышать как можно ровнее.

А в нескольких кварталах от Лэнгдона и Сиен-

ны агент Брюдер стоял возле распростертого на полу тела так хорошо знакомой ему женщины с прической в виде шипов. Нагнувшись, он поднял пистолет и, поставив его на предохранитель, передал одному из своих людей.

Беременная администратор музея Марта Альварес стояла рядом. Она только что рассказала Брюдеру удивительную историю о том, что приключилось с Лэнгдоном, начиная с прошлой ночи… в том числе один факт, который Брюдер пытался осмыслить.

Лэнгдон утверждал, что у него амнезия. Брюдер достал телефон и набрал номер. После третьего звонка трубку сняли, но голос шефа звучал тихо и как-то неровно.

— Да, агент Брюдер? Докладывайте.

Брюдер говорил медленно, стараясь, чтобы каждое произнесенное им слово было понято.

— Мы по-прежнему разыскиваем Лэнгдона и девушку, но произошло еще кое-что. — Брюдер сделал паузу. — Если это так… то ситуация полностью меняется.

Ректор расхаживал по кабинету, борясь с искушением выпить еще виски и заставляя себя полностью переключиться на разрешение кризиса.

Еще ни разу за всю свою жизнь он не подвел клиента и не нарушил своих обещаний и не собирался делать это сейчас. В то же время он отдавал себе отчет, что мог оказаться замешанным в игре, цель которой явилась для него полной неожиданностью.

Год назад на борт «Мендация» прибыл знаменитый генетик Бертран Зобрист и попросил обеспечить ему надежное место для работы. Тогда Ректор решил, что Зобрист работал над неким научным проектом, чтобы потом запатентовать разработки и еще больше увеличить свое и без того огромное состояние. За подобными услугами к Консорциуму и прежде обращались страдавшие паранойей ученые и инженеры, желавшие работать в полной изоляции, чтобы никто не мог украсть их гениальные идеи.

Исходя из этого Ректор согласился предоставить нужные клиенту услуги и ничуть не удивился, узнав, что Зобриста разыскивает Всемирная организация здравоохранения. Не насторожило его и то, что сама директор ВОЗ — доктор Элизабет Сински — взяла поиски клиента под личный контроль.

У Консорциума всегда были могущественные противники.

В соответствии с договоренностью, Консорциум выполнял все взятые на себя обязательства, не задавая никаких вопросов и сводя на нет все усилия Сински отыскать Зобриста на протяжении почти всего срока действия контракта с ученым.

Почти всего срока.

А меньше чем за неделю до окончания контракта Сински каким-то образом удалось обнаружить Зобриста во Флоренции, обложить его как зверя и довести до самоубийства. Впервые Ректору не удалось обеспечить клиенту обещанную безопасность, и это мучило его… как и странные обстоятельства гибели Зобриста.

Почему он предпочел совершить самоубийство… а не сдаться?

Что, черт возьми, он так хотел защитить?

После смерти Зобриста Сински конфисковала некий предмет из его банковской ячейки, и теперь Консорциум вступил с ней в отчаянную схватку во Флоренции в поисках…

В поисках чего?

Ректор невольно посмотрел на книжную полку, где стоял тяжелый фолиант, подаренный ему Зобристом две недели назад. Уже тогда ученый явно был на грани нервного срыва.

«Божественная Комедия».

Ректор взял с полки книгу и с тяжелым стуком положил на стол. Затем непослушными пальцами открыл ее на первой странице и прочитал посвящение.

Мой дорогой друг, спасибо, что помогли мне найти истинный путь.

Мир тоже благодарен вам.

Для начала, подумал Ректор, *друзьями мы никогда не были.*

Перечитав посвящение еще три раза, он перевел взгляд на календарь, на котором была обведена завтрашняя дата.

Мир тоже благодарен вам?

Ректор повернулся к окну и долго смотрел на горизонт.

Он вспомнил о видеоролике и тревоге в голосе позвонившего координатора Ноултона. *Я подумал, что вы, возможно, захотите сначала его посмотреть… его содержание вызывает беспокойство.*

Этот звонок продолжал его тревожить. Ноултон был одним из его лучших сотрудников, и решиться на подобный звонок мог только по крайне веской причине. Он отлично понимал, чем для него может обернуться нарушение протокола.

Поставив «Божественную Комедию» обратно на полку, Ректор подошел к бутылке и налил себе еще виски.

Ему предстояло принять невероятно трудное решение.

Глава 52

Церковь Данте, как часто называют церковь Святой Маргариты дей Черки, больше похожа на часовню. Этот небольшой молитвенный домик является местом паломничества ценителей Данте, поскольку он связан с двумя поворотными событиями в жизни великого поэта.

Согласно преданию, именно в этой церкви Данте девятилетним мальчиком впервые увидел Беатриче Портинари, которую полюбил с первого взгляда и на всю жизнь. Однако ничего, кроме страданий, эта любовь ему не принесла: Беатриче вышла замуж за другого и умерла очень молодой — ей было всего двадцать четыре года.

Спустя несколько лет именно в этой церкви Данте женился на Джемме из рода Донати — женщине, которая, по мнению великого писателя и поэта Джованни Боккаччо, совсем не подходила ему в качестве супруги. У них были дети, но никакой привязанности друг к другу они не испытывали, и после изгнания Данте ни один из них не изъявил желания воссоединиться.

Любовью всей жизни и музой Данте была рано

умершая Беатриче Портинари, и его чувство было столь сильным, что сама память о ней вдохновляла поэта на создание великих произведений.

В знаменитом сборнике произведений «Новая жизнь» содержится много стихов, в которых Данте воспевает «благороднейшую Беатриче». Еще красноречивее он выражает свое обожание в «Божественной Комедии», где Беатриче выступает его спасительницей и провожатой в раю. В обоих произведениях Данте изливает свою безутешную тоску по потерянной любимой.

В наши дни церковь Данте стала местом паломничества людей, чье сердце разбито неразделенной любовью. В ней похоронена Беатриче, и к ее скромному надгробию приходят поклониться и почитатели Данте, и несчастные влюбленные.

Лэнгдон и Сиенна продолжили свой путь по Старому городу и направились к церкви. Улочки становились все уже, и пешеходы двигались не только по тротуару, но и по мостовой, а если вдруг появлялась редкая машина, пробиравшаяся сквозь толпу, то пешеходам приходилось жаться к стенам домов, чтобы пропустить ее.

— Церковь прямо за углом, — сообщил Лэнгдон, надеясь на помощь кого-нибудь из туристов.

Он знал, что их шансы найти доброго самари-

тянина резко повысились, когда Сиенна забрала у него парик и вернула ему пиджак. Теперь они обрели свой привычный облик: он — университетского профессора, а она — привлекательной молодой женщины, перестав выглядеть старым рокером и наголо обритой фанаткой панк-рока.

Снова став самим собой, Лэнгдон почувствовал облегчение. Оказавшись на совсем узкой улочке Престо, он с особым вниманием разглядывал двери домов, мимо которых они проходили. Найти вход в церковь всегда было трудно, потому что ее маленькое невзрачное здание, зажатое соседними домами, ничем не выделялось. Как ни странно, чтобы не пропустить его, надежнее было полагаться не на глаза… а на уши.

В церкви Святой Маргариты дей Черки часто устраивались концерты, а в свободные от них дни включали записи выступлений, чтобы посетители всегда могли насладиться музыкой.

И действительно, продвигаясь по улице, Лэнгдон слышал, как доносившаяся сначала издалека музыка звучала все громче, и вскоре они с Сиенной остановились перед ничем не примечательной дверью. Единственным свидетельством того, что они попали по адресу, была маленькая табличка со скромным указанием, что это церковь

Данте и Беатриче, разительно отличавшаяся от яркого транспаранта на торце музея Данте.

Лэнгдон и Сиенна вступили в полумрак церкви, где оказалось гораздо прохладнее, да и музыка играла громче. Помещение было простым и строгим, причем существенно меньше, чем запомнилось Лэнгдону по предыдущему посещению. Немногочисленные туристы бродили по залу, что-то записывали в блокноты, тихо сидели на скамьях, слушая музыку, или разглядывали экспонаты.

За исключением украшавшего алтарь образа Мадонны кисти Нери ди Биччи, почти все предметы искусства, изначально составлявшие убранство часовни, были заменены на современные, связанные с Данте и Беатриче, ради которых большинство туристов сюда и заглядывает. На многих полотнах был изображен Данте, не сводящий глаз с Беатриче во время их первой встречи, когда любовь к ней, по его собственному признанию, безраздельно завладела его сердцем. Картины сильно различались по своему художественному достоинству, кое-какие, по мнению Лэнгдона, выглядели аляповато и были явно не к месту. На одном таком «произведении» знаменитый красный головной убор Данте был нарисован

так, будто поэт украл его у Санта-Клауса. И все же тоскующий взор поэта, почти на всех полотнах устремленный на его музу, создавал в церкви атмосферу несчастной любви — любви неудовлетворенной, неразделенной и безнадежной.

Лэнгдон машинально бросил взгляд налево, где находилась скромная могила Беатриче Портинари. Посмотреть на нее, вернее, на предмет подле надгробия, он и заходил в эту церковь раньше.

Плетеная корзина.

Нынешним утром эта простая плетеная корзина стояла на своем обычном месте возле могилы Беатриче. И, как обычно, была доверху наполнена написанными от руки посланиями, адресованными самой Беатриче.

Беатриче Портинари стала своего рода святой покровительницей всех, кому не повезло в любви. По давней традиции, они складывали свои рукописные мольбы в корзину, надеясь, что она вмешается в их горькую судьбу, и тогда кого-то полюбят сильнее, кто-то просто найдет свою любовь, а кому-то она придаст силы смириться с потерей ушедшего в мир иной любимого человека.

Много лет назад Лэнгдон заходил сюда, когда работал над одной книгой по истории искусства.

Работа шла со скрипом, и он оставил музе Данте записочку с просьбой не одарить его настоящей любовью, а дать хоть немного того вдохновения, которое позволило великому поэту создать свой шедевр.

Воспой во мне, о Муза, пусть глас твой моими устами звучит…

Первые строки гомеровской «Одиссеи», судя по всему, оказались действенной мольбой, и Лэнгдон втайне верил, что его обращение к Беатриче за божественным вдохновением и впрямь возымело действие, ибо по возвращении домой он написал книгу с необычайной легкостью.

— Scusate! Potete ascoltarmi tutti! — раздался вдруг громкий голос Сиенны. *Извините. Минутку внимания!*

Лэнгдон обернулся и увидел, что Сиенна обращается к находившимся в церкви туристам, которые с беспокойством переглядывались.

Одарив всех милой улыбкой, Сиенна спросила по-итальянски, нет ли у кого-нибудь с собой экземпляра «Божественной Комедии». Дождавшись лишь недоуменных взглядов и отрицательных покачиваний головой, она повторила свой вопрос на английском. Результат был тем же.

Пожилая женщина, подметавшая пол у алтаря,

шикнула на Сиенну и приложила палец к губам, призывая к тишине.

Сиенна с хмурым видом повернулась к Лэнгдону, будто спрашивая, что теперь делать.

Вообще-то в планы Лэнгдона не входило столь бесцеремонное обращение ко всем посетителям церкви, однако результат оказался совсем не таким, как он рассчитывал. Во время его прежних посещений здесь было много туристов, листавших в этом тесном помещении «Божественную Комедию», чтобы погрузиться в мир переживаний Данте.

Но не сегодня.

Внимание Лэнгдона привлекла пожилая пара, сидевшая на передней скамье. Мужчина, уткнувшись подбородком в грудь, явно дремал. А женщина возле него не спала, и из-под седых волос у нее свисали белые проводки наушников.

А вот и проблеск надежды, подумал Лэнгдон, пробираясь к ним между рядами. Как он и рассчитывал, наушники были подключены к смартфону, лежавшему у нее на коленях. Почувствовав на себе взгляд, женщина подняла глаза и вынула наушники.

Лэнгдон понятия не имел, на каком языке она говорила, но повсеместное распространение

смартфонов и планшетов породило слова, столь же понятные во всем мире, как значки, обозначавшие мужчин и женщин на дверях туалетов.

— Айфон? — поинтересовался он, постаравшись вложить в вопрос побольше восхищения.

Женщина, тут же просияв, гордо кивнула.

— Поразительно умная штука, — ответила она шепотом с британским акцентом. — Мне его подарил сын. Я слушаю свои электронные письма. Представляете — электронные письма?! Это маленькое сокровище их мне читает. С моим зрением это такая помощь!

— У меня тоже такой есть, — с улыбкой отозвался Лэнгдон, тихо, чтобы не разбудить ее мужа, присаживаясь рядом. — Вернее, был, а вчера я его где-то оставил.

— Какое несчастье! А вы не пробовали опцию «найди мой айфон»? Сын говорит…

— А я по своей глупости эту опцию так и не включил. — Лэнгдон застенчиво улыбнулся и, смущаясь, попросил: — Ради Бога, извините меня за бесцеремонность, но не могли бы вы одолжить мне свой буквально на минуту? Мне очень надо посмотреть кое-что в Сети. Вы бы очень сильно меня выручили.

— Ну конечно! — Она отсоединила наушники

и протянула ему айфон. — Пожалуйста! Я вам так сочувствую!

Поблагодарив, Лэнгдон взял его в руки. Под ее причитания о том, какой это ужас — потерять такую замечательную вещь, Лэнгдон нашел страницу поиска и активировал голосовые команды. Потом, дождавшись сигнала, внятно произнес то, что требовалось найти:

— Данте, «Божественная Комедия», «Рай», Двадцать пятая песня.

Пожилая дама с изумлением наблюдала за ним, видимо, даже не подозревая, что есть и такая функция. Когда на маленьком экране стали появляться результаты поиска, Лэнгдон украдкой бросил взгляд на Сиенну, которая лениво просматривала рекламные брошюрки возле корзины с записками.

Недалеко от нее какой-то мужчина в шейном платке, опустившись на одно колено и склонив голову, усердно молился. Лэнгдон не видел его лица, но почувствовал жалость к этому одинокому человеку, который, наверное, потерял любимую и пришел сюда за утешением.

Затем он снова переключился на айфон и быстро отыскал ссылку на текст «Божественной Комедии», который был в открытом доступе.

Когда на экране появились строчки из Двадцать пятой песни, он и сам невольно поразился, как далеко шагнули технологии. *Пора и мне избавляться от предубеждения против электронных книг*, подумал он. *У них точно есть свои плюсы.*

Пожилая дама начала проявлять беспокойство, намекая на высокую стоимость пользования Интернетом за рубежом. Лэнгдон понял, что времени у него мало, и переключил все внимание на экран.

Шрифт был мелкий, но в полумраке церкви разобрать текст оказалось нетрудно. Лэнгдон с удовольствием отметил, что случайно выбрал перевод покойного американского профессора Аллена Мандельбаума — современное толкование оригинального произведения. За блестящую работу, проделанную Мандельбаумом, президент Италии вручил ему высшую награду страны — орден Звезды итальянской солидарности. Хотя в художественном плане перевод и уступал свободной поэтической интерпретации Лонгфелло, но правдивое толкование оригинального текста делало его гораздо проще для понимания.

Сегодня точность для меня важнее красоты, подумал Лэнгдон, надеясь, что определение того места во Флоренции, где Игнацио спрятал маску

Данте, не займет много времени.

На маленьком экране айфона умещалось всего несколько строчек, но Лэнгдон, едва начав читать, вспомнил, о чем идет речь в этом отрывке. В начале Двадцать пятой песни Данте говорит о самой «Божественной Комедии», о том, каких сил от него потребовало ее написание, и выражает надежду, что поэма поможет ему вернуться в любимую Флоренцию, откуда он был изгнан с волчьей жестокостью.

Песня двадцать пятая

О, если хоть когда-нибудь случится,
Что эта повесть, мой священный труд,
В мою заслугу в жизни обратится,

Та повесть, для которой краски мне
Земля и небо много лет давали,
Которою я бредил и во сне

И наконец стал утомлен до срока,
Когда поэма эта победит
Суровость, осуждавшую жестоко
Меня из той овчарни, где я спал
Когда-то, как ягненок, враг исконный

Волков, ведущих вечную войну…

Хотя из этих строк было понятно, как сильно тосковал Данте по родному городу, когда писал «Божественную Комедию», но никакого указания на конкретное место в них не было.

— А что вы слышали о тарифах? — прервала его мысли женщина, нервничавшая все сильнее. — Я вспомнила, как сын предупреждал меня быть очень осторожной с Интернетом за границей.

Лэнгдон заверил ее, что ему нужна всего минутка, и предложил заплатить, но все равно понимал, что прочитать всю песню целиком она ему не даст.

Он вывел на экран еще несколько строк и продолжил чтение.

С овчарней, то тогда я возвращусь
Поэтом с новым голосом и с новым
Руном, в отчизне вновь преображусь

И смело у источника крещенья
Вторичного приму певца венок,
Той верой вдохновленный, от которой

Дух получает Неба благодать,
Что самого Петра руководила,

Когда мое чело он облетел.

Лэнгдон смутно помнил и этот отрывок — здесь был явный намек на политическую сделку, которую предлагали Данте его противники. Согласно историческим сведениям, «волки», изгнавшие Данте из Флоренции, сказали, что он сможет вернуться, если согласится на публичное унижение и предстанет в знак покаяния перед всей паствой у купели, где крестился, в одном рубище.

А в строках, которые Лэнгдон только что прочитал, Данте отвергает эту сделку и говорит, что если и вернется к своей крестильной купели, то только в лавровом венке поэта.

Лэнгдон хотел почитать дальше, но женщина запротестовала и решительно протянула руку за своим айфоном, явно сожалея о проявленном добросердечии.

Но Лэнгдон вдруг замер. Не успев сменить страницу, он машинально бросил взгляд на только что прочитанные строки:

И смело у источника крещенья
Вторичного приму певца венок…

Лэнгдон смотрел на строки, понимая, что в поисках названия конкретного места едва не пропустил очевидного указания на него в самом

начале песни.

у источника крещенья…

Во Флоренции сохранилась одна из самых знаменитых в мире крестильных купелей, в которой более семисот лет проводился обряд очищения и крещения юных флорентийцев. Среди них был и Данте Алигьери.

Перед глазами Лэнгдона тут же возникло здание, где находилась купель. Это было эффектное восьмиугольное строение, во многих отношениях даже превосходившее по великолепию сам Дуомо. Лэнгдон почти не сомневался, что прочитал все, что требовалось.

Неужели Игнацио действительно имел в виду это здание?

В подтверждение этой догадки будто золотой луч озарил в сознании Лэнгдона внушительные бронзовые ворота, ослепительно сияющие на ярком утреннем солнце.

Я знаю, что хотел сказать мне Игнацио!

Последние сомнения исчезли, когда он сообразил, что Игнацио Бузони был как раз тем человеком, у которого имелся ключ от этих дверей.

Роберт, врата для тебя открыты, но надо

спешить.

Лэнгдон вернул пожилой англичанке айфон и от души поблагодарил ее. Затем поспешил к Сиенне и шепотом взволнованно произнес:

— Я знаю, о каких вратах говорил Игнацио! Врата рая!

Сиенна удивилась.

— Врата рая? А разве они… не на небесах?

— Вообще-то да, — подтвердил Лэнгдон с лукавой улыбкой и направился к двери. — Если знать, где смотреть, то Флоренция и есть небеса!

Глава 53

И смело у источника крещенья… приму певца венок.

Лэнгдон вел Сиенну по узкой улочке Студио, и слова Данте продолжали крутиться у него в голове. Скоро они окажутся на месте, и с каждым шагом Лэнгдон ощущал все большую уверенность в правильности своей догадки и в том, что им удалось уйти от погони.

Врата для тебя открыты, но надо спешить.

В конце похожей на узкое ущелье улицы послышался глухой гул, который постепенно становился все громче. Вдруг стены, сжимавшие улочку, расступились, и их взору предстало огромное открытое пространство.

Соборная площадь.

Это место с впечатляющим комплексом строений издавна служило религиозным центром Флоренции. Но в наши дни площадь стала одной из главных достопримечательностей столицы Тосканы, и уже с утра вокруг знаменитого собора скопилось множество туристических автобусов и толпились приезжие.

Лэнгдон и Сиенна вышли на площадь с южной стороны и оказались перед боковой стеной собора, облицованной сверкающим зеленым, розовым и белым мрамором. От размеров собора и его потрясающего великолепия невольно захватывало дух — величиной он практически не уступал стелле мемориала Джорджа Вашингтона, если положить ее набок, и казался бесконечным.

Несмотря на отказ его создателей от традиционной монохромной каменной филиграни в пользу необычайно яркой смеси цветов, своей основательностью и внушительностью собор являл пример готической классики. При первом посещении Флоренции архитектура собора показалась Лэнгдону аляповатой, однако впоследствии он не раз ловил себя на том, что разглядывает строение часами, очарованный его необычной эстетикой, и, наконец, по достоинству оценил его потрясающую красоту.

Дуомо — или собор Санта-Мария-дель-Фьоре, — которому Игнацио Бузони был обязан своим прозвищем, на протяжении столетий являлся не только духовным центром Флоренции, но и местом, где разыгрывались настоящие драмы и плелись хитроумные интриги. В беспокойном прошлом собора были и гневное возмущение тех,

кому не понравилась фреска Вазари «Страшный суд» на куполе, и яростные споры при выборе архитектора, которому можно доверить возведение купола.

В конце концов выгодный контракт достался Филиппо Брунеллески, который и построил самый большой в то время в мире купол. А сегодня его скульптура сидит перед Палаццо-дей-Каноничи и одобрительно смотрит на созданный им шедевр.

Лэнгдон задрал голову вверх, чтобы взглянуть на покрытый красной черепицей купол, который явился невероятным достижением архитектуры той эпохи, и вспомнил, как по глупости решил подняться на него. Оказавшись на узкой, забитой туристами лестнице, он испытал один из самых жестоких приступов клаустрофобии в своей жизни. Но он все равно не жалел, что решил подняться, потому что это испытание сподвигло его прочитать увлекательный роман Росса Кинга «Купол Брунеллески».

— Роберт, мы идем? — спросила Сиенна.

Оторвав взгляд от купола, Лэнгдон сообразил, что невольно остановился, любуясь собором.

— Извините.

Они продолжили путь, обходя площадь так,

чтобы держаться поближе к домам. Теперь собор находился справа от них, и из боковых дверей уже выходили туристы, вычеркивая его из списка намеченных к осмотру достопримечательностей.

Впереди высилась колокольня — второе из трех зданий архитектурного ансамбля. Известное как колокольня Джотто, это строение не оставляло сомнений в том, что оно составляет единое целое с собором. Облицованная таким же сверкающим зеленым, розовым и белым мрамором квадратная башня устремлялась к небу на головокружительную высоту почти в триста футов. Лэнгдона всегда поражало, как это изящное строение могло благополучно простоять столько веков, выдержав и землетрясения, и непогоду, да еще с такой тяжеленной ношей наверху — ведь колокола весили больше двадцати тысяч фунтов.

Сиенна шагала рядом, нервно поглядывая на небо. Она явно боялась появления на нем беспилотника, но пока небо оставалось чистым. Несмотря на ранний час, народу на площади было много, и Лэнгдон старался держаться в самой гуще толпы.

Возле колокольни они миновали цепочку уличных художников, рисовавших для туристов дружеские шаржи — подростка на скейтбор-

де; девушку с лошадиными зубами, которая замахивается клюшкой для игры в лакросс; пару молодоженов, целующихся на единороге. Лэнгдону показалось забавным, что таким «художеством» разрешают заниматься на той же священной мостовой, где некогда ставил свой мольберт юный Микеланджело.

Быстро обогнув колокольню Джотто, Лэнгдон с Сиенной повернули направо и прошли по открытому участку площади непосредственно перед фасадом собора. Здесь туристов было больше всего — съехавшись со всего мира, они снимали на видеокамеры и мобильники живописный фасад здания. Бросив в их сторону мимолетный взгляд, Лэнгдон тут же переключился на относительно небольшое строение прямо напротив собора. Это было третье здание комплекса. Оно ему нравилось больше всего.

Баптистерий Сан-Джованни.

Облицованный таким же белым и зеленым мрамором, с такими же полосатыми пилястрами, как у собора, баптистерий отличался от главного здания ансамбля своей необычной формой — правильного восьмигранника. Многие отмечали сходство трех его четких ярусов, которые венчала пологая белая крыша, со слоеным тортом.

Но Лэнгдон знал, что своей восьмиугольной формой здание было обязано не эстетике, а символике. В христианстве число восемь символизирует возрождение и обновление. Восьмигранник был зрительным напоминанием о том, что «в шесть дней Господе создал небо и землю, море и все, что в них; а в день седьмой почил». На восьмой же день таинством крещения христианам дается жизнь второго рождения и прощение грехов. Вот почему восьмиугольник стал обычной формой крещален во всем мире.

Считая баптистерий одним из самых впечатляющих зданий Флоренции, Лэнгдон находил определенное ему место очень несправедливым. В любом другом городе мира этот баптистерий наверняка бы оказался в центре внимания. Однако здесь, на фоне двух огромных строений, он казался самым невзрачным — своими размерами они просто подавляли его.

Но это лишь внешне, напомнил себе Лэнгдон, представляя невероятную по великолепию мозаику интерьера. Она была настолько впечатляющей, что в древности восторженные поклонники считали, будто именно так выглядели небеса. *Если знать, где смотреть*, сказал Лэнгдон с лукавой улыбкой Сиенне, *то Флоренция и есть небеса!*

За столетия в этом восьмигранном святилище приняло крещение бесчисленное множество знаменитостей, в числе которых был и Данте.

Я возвращусь поэтом… И смело у источника крещенья… приму певца венок.

Данте был изгнан, и ему не позволили вернуться к крещальне, но в Лэнгдоне крепла надежда, что после всех злоключений прошлой ночи посмертная маска поэта все-таки нашла свой путь к этому священному месту и сейчас находится там.

Баптистерий, думал он. *Перед тем как умереть, Игнацио наверняка успел спрятать в нем маску.* Лэнгдон вспомнил его отчаянный телефонный звонок и, содрогаясь, представил, как этот тучный человек с трудом ковыляет через площадь к проулку и из последних сил сообщает, что спрятал маску в крещальне.

Врата для тебя открыты.

Пробираясь со своей спутницей сквозь толпу, Лэнгдон не сводил глаз с баптистерия. Сиенна двигалась теперь с такой стремительностью, что ему то и дело приходилось переходить на бег, чтобы не отстать. Уже издали было видно, как ярко сверкали на солнце массивные главные двери баптистерия.

Изготовленные из позолоченной бронзы, высотой более пятнадцати футов, эти двери потребовали от скульптора, ювелира и гравера Лоренцо Гиберти более двадцати лет работы. Он украсил их десятью золочеными рельефами с важнейшими сценами из Ветхого Завета, причем отливка и гравировка фигур были выполнены с таким мастерством, что Джорджо Вазари назвал двери «безусловно совершенными во всех отношениях и… истинным шедевром, когда-либо созданным человеком».

Однако своим названием, пережившим века и сохранившимся до наших дней, эти двери обязаны Микеланджело, который при виде их не смог сдержать восхищения и воскликнул: «Они так прекрасны, что могли бы служить вратами рая».

Глава 54

Библия, отлитая в бронзе, подумал Лэнгдон, любуясь великолепными дверями.

На сверкающих «Вратах рая» Гиберти разместил десять рельефов с важнейшими сценами из Ветхого Завета, расположив их в две колонки по пять в каждой. Они изображали и изгнание из рая Адама и Евы, и историю Моисея, и прием царем Соломоном царицы Савской.

На протяжении многих веков художники и историки искусства, начиная от Боттичелли и заканчивая нашими современниками, ведут споры о том, какой из этого потрясающего собрания рельефов самый красивый, и у каждого имеются свои доводы. Но чаще всего победителем называется центральный рельеф в левой колонке — «Благословение Иакова Исааком». Причиной принято называть удивительное разнообразие использованных мастером художественных приемов, однако Лэнгдон был склонен думать, что дело в другом: именно этот рельеф выбрал Гиберти для своей подписи.

Несколько лет назад Игнацио Бузони, с гордо-

стью показывая эти врата Лэнгдону, смущенно признался, что после пятивекового противостояния наводнениям, вандализму и грязному воздуху двери пришлось заменить на их точные копии, а оригиналы ждут реставрации в музее Опера-дель-Дуомо. Лэнгдон тактично умолчал, что знал об этом. Сейчас гости Флоренции любовались копией, а с другой такой копией «Врат рая» Лэнгдон случайно столкнулся, исследуя собор Милости Господней в Сан-Франциско, где они с середины двадцатого века украшали главный вход.

Разглядывая шедевр Гиберти, Лэнгдон заметил рядом небольшую информационную табличку, от одной фразы на которой у него мурашки пробежали по коже.

La peste nera. Черная смерть. *Господи*, подумал Лэнгдон, *где бы я ни оказался, мне везде о ней напоминают!* В тексте говорилось, что врата явились исполнением обета, данного Господу в благодарность за то, что Флоренции удалось пережить чуму.

Лэнгдон перевел взгляд на «Врата рая», и в голове у него вновь зазвучали слова Игнацио. *Врата для тебя открыты, но надо спешить.*

Вопреки обещанию Игнацио, «Врата рая» ока-

зались закрыты, как и во все дни, кроме редких религиозных праздников. Обычно туристы входили в баптистерий с другой стороны — через северные ворота.

Сиенна на цыпочках пыталась разглядеть вход поверх чужих голов.

— Здесь нет никакой ручки, — сказала она. — И никакой замочной скважины. Ничего.

Что верно, то верно, подумал Лэнгдон, зная, что Гиберти ни за что бы не стал портить свой шедевр такой тривиальностью, как ручка.

— Двери открываются вовнутрь. И запираются изнутри.

Сиенна на мгновение задумалась, выпятив губы.

— Выходит, снаружи… снаружи нельзя определить, заперты двери или нет.

— Полагаю, именно на это Игнацио и рассчитывал, — кивнул Лэнгдон.

Сделав несколько шагов вправо, он посмотрел на менее нарядную дверь с северной стороны — вход для туристов. Куривший возле него экскурсовод всем обращавшимся к нему показывал на табличку «APER-TURA 13.00–17.00». «Часы посещения с 13.00 до 17.00».

До открытия еще несколько часов, с удовле-

творением отметил про себя Лэнгдон. И внутрь пока никто не заходил. Он машинально бросил взгляд на запястье, чтобы узнать время, но часов с Микки-Маусом на руке, увы, не было. Тогда он повернулся к Сиенне, но ту обступила группа туристов, которые фотографировали «Врата рая» через простую металлическую ограду, установленную в нескольких футах от входа, чтобы зеваки не подходили к шедевру Гиберти слишком близко.

Эта ограда представляла собой черные прутья из кованого железа, увенчанные покрашенными золотой краской наконечниками, и ничем не отличалась от привычных оград, которыми обносят загородные дома. Информационная табличка с описанием «Врат рая» была прикреплена не к самим вратам, а к этой обыкновенной ограде, что нередко вводило туристов в заблуждение.

Лэнгдон и сам был свидетелем того, как одна приземистая полноватая женщина в спортивном велюровом костюме протолкалась сквозь толпу, бросила взгляд на информационную табличку, хмуро оглядела кованые прутья и фыркнула:

— И это «Врата рая»? Да у меня дома такой же забор! — С этими словами она удалилась столь стремительно, что никто не успел ей ничего

объяснить.

Вытянув руки, Сиенна взялась за ограду и внимательно посмотрела на висячий замок, запиравший калитку с другой стороны.

— Посмотри, — обратилась она к Лэнгдону взволнованным шепотом. — Замок на месте, но он не заперт.

Лэнгдон посмотрел сквозь прутья и увидел, что она права. Замок казался запертым, но при внимательном рассмотрении было видно, что дужка не защелкнута.

Врата для тебя открыты, но надо спешить.

Лэнгдон перевел взгляд на «Врата рая». Если Игнацио действительно оставил вход в баптистерий открытым, то двери надо просто толкнуть и они откроются. Но как это сделать, не привлекая внимания, на глазах у огромного скопления людей, в том числе полицейских и охранников Дуомо?

— Смотрите! — вдруг раздался отчаянный женский крик. — Он собирается прыгнуть! — В ее голосе звучал ужас. — Вон там, на колокольне!

Лэнгдон отпрянул от ограды и увидел, что кричала… Сиенна. Она стояла в нескольких шагах, показывала на колокольню Джотто и кричала:

— Вон там, наверху! Он собирается прыгнуть!

Все тут же устремили взгляды ввысь, ища верх колокольни. Вокруг слышались крики:

— Кто-то собирается прыгнуть?

— Где?!

— Я не вижу!

— Вон там, слева?!

За несколько секунд площадь охватило волнение, все вглядывались в верхнюю часть колокольни. По площади прокатилась стремительная, как степной пожар, волна страха, и все собравшиеся, задрав головы, что-то высматривали наверху и показывали друг другу.

Вирусная реклама, подумал Лэнгдон, понимая, что времени у них считаные секунды. Он приоткрыл одну из створок ограды и вместе с успевшей вернуться Сиенной оказался на маленькой площадке перед «Вратами рая». Закрыв за собой створку, они посмотрели на массивные ворота высотой в пятнадцать футов, и Лэнгдон с силой налег плечом на одну из дверей, надеясь, что понял Игнацио правильно.

Сначала ничего не произошло, но потом громоздкая дверь чуть подалась. *Врата открыты!* Дождавшись, когда щель станет чуть шире, Сиенна проскользнула в нее бочком. Лэнгдон последовал за ней и с трудом протиснулся в темноту

баптистерия. Оказавшись внутри, они вдвоем быстро закрыли тяжелую дверь, и та вернулась на место с глухим стуком. И сразу же гул толпы и неразберихи на площади стих, уступив место тишине.

Сиенна показала на пол — на нем лежал длинный деревянный брус, который закладывали в специальные скобы по бокам, чтобы заблокировать дверь изнутри.

— Наверное, это Игнацио снял его для вас, — сказала она.

Вдвоем они подняли брус и водрузили его на место в скобах, запирая тем самым «Врата рая» и… себя внутри.

Лэнгдон и Сиенна долго стояли молча, прислонившись к двери и переводя дух. По сравнению с шумом на улице в баптистерии и вправду было покойно, как на небесах.

А снаружи баптистерия Сан-Джованни мужчина в шейном платке и очках «Плюм Пари» бесцеремонно пробирался сквозь толпу, не обращая внимания на туристов, опасливо косившихся на расчесанную в кровь сыпь у него на лице.

Он как раз подобрался к бронзовой двери, за которой исчезли Лэнгдон и его белокурая спутница, когда услышал гулкий стук бруса, запиравшего

врата изнутри.

Этим путем внутрь не попасть.

Волнение на площади постепенно стихало. Туристы, с любопытством смотревшие вверх, потеряли к колокольне интерес. Никто не собирался с нее прыгать. Площадь снова пришла в движение.

Зуд от сыпи продолжал усиливаться. Теперь распухла и начала трескаться кожа на кончиках пальцев. Чтобы не чесаться, мужчина сунул руки в карман и направился вокруг восьмиугольного здания в поисках другого входа. В груди продолжало колоть.

Едва он завернул за угол, как почувствовал острую боль в кадыке и поймал себя на том, что снова чешется.

Глава 55

Существует поверье, что при входе в баптистерий Сан-Джованни физически невозможно не посмотреть наверх. Лэнгдон, бывавший в крещальне не один раз, вновь ощутил мистическую силу, заставлявшую поднять взгляд к потолку.

Высоко над головой раскинулся восьмиугольный свод более восьмидесяти футов в поперечнике. Он мерцал и поблескивал, напоминая россыпь тлеющих углей. Полированная поверхность более миллиона крошечных смальтовых кусочков янтарно-золотистого цвета, вырезанных вручную из стекловидной глазури, отражала падающий на них под разным углом свет. Мозаичные картины, размещенные в шести концентрических кольцах, изображали сцены из Библии.

Эффект свечения верхней части помещения усиливался проникновением света сквозь круглое отверстие в куполе — совсем как в римском Пантеоне — и маленькие узкие оконца, утопленные в толще камня. Они фокусировали свет, чьи лучи, казалось, можно было даже потрогать: в полутемном помещении те походили на пото-

лочные балки, положение которых, правда, все время менялось вслед за движением солнца.

Пройдя с Сиенной в глубь помещения, Лэнгдон поднял взгляд на легендарную потолочную мозаику — многоярусное изображение рая и ада, очень похожее на их описание в «Божественной Комедии».

Данте Алигьери видел это ребенком, подумал Лэнгдон. *Вдохновение, ниспосланное свыше.*

Он посмотрел на центральную фигуру мозаики высотой в двадцать семь футов, расположенную над главным алтарем. На ней был изображен Иисус Христос в момент Страшного суда над праведниками и грешниками. По его правую руку праведники получали вечное блаженство. А по левую руку грешники обрекались на вечные муки — их побивали камнями, поджаривали на крюках и пожирали разные твари.

За пытками надзирала огромная мозаичная фигура Сатаны, изображенного инфернальным чудовищем-людоедом. Каждый раз при взгляде на нее Лэнгдон невольно вздрагивал, а она еще семьсот с лишним лет назад взирала на маленького Данте Алигьери, приводя его в ужас и, в конечном итоге, вдохновив на красочное описание происходящего в последнем круге ада.

На пугающей мозаике был изображен рогатый дьявол, пожирающий человека с головы. Торчащие у него из пасти ноги несчастного напоминали о грешниках, наполовину зарытых вниз головой в восьмом круге Дантова ада.

Lo 'mperador del doloroso regno, подумал Лэнгдон, вспомнив строчки из творения Данте. *Вот Люцифер, познавший наказанье.*

Из ушей Сатаны выползали две огромные извивающиеся змеи, тоже пожиравшие грешников, отчего казалось, что у дьявола три головы, совсем как изобразил Данте в последней песне своего «Ада». Покопавшись в памяти, Лэнгдон вспомнил строчки Данте.

Одно лицо являлось впереди… а остальные два — по сторонам… Три пасти раскрывались, и каждым ртом он грешника терзал и зубы разом в трех теней вонзал.

Лэнгдон знал, что трехликость Сатаны не была случайной и имела символическое значение — она как бы уравновешивала единство и троичность Святой Троицы.

Глядя на мозаичное изображение дьявола, Лэнгдон пытался представить, какое впечатление оно оказывало на юного Данте, который год за годом посещал службы в этой церкви и молился

под страшным взглядом Сатаны. Но в это утро профессору казалось, что Люцифер не спускал глаз с него самого.

Он быстро перевел взгляд на балкон второго этажа баптистерия — женщинам разрешалось наблюдать за совершением таинства крещения только оттуда, — а затем на гробницу антипапы Иоанна XXIII. Бронзовая позолоченная фигура на покоящемся на консолях саркофаге, казалось, парила в воздухе, невольно вызывая ассоциации с монахом-отшельником или каким-то хитрым трюком фокусника, демонстрирующего левитацию.

Наконец Лэнгдон опустил взгляд на нарядную мозаику мраморного пола, на котором, как считалось, нашли отражение средневековые представления об астрономии. Скользнув взглядом по сложным черно-белым узорам, он остановил его в центре помещения.

Вот оно это место, подумал он, зная, что именно тут крестили Данте Алигьери во второй половине тринадцатого века.

— «И смело у источника крещенья вторичного приму певца венок», — продекламировал Лэнгдон, и его голос разнесся гулким эхом. — Мы на месте.

Сиенна удивленно смотрела туда, куда показывал Лэнгдон.

— Но… тут же ничего нет.

— Это сейчас, — ответил Лэнгдон.

В центре мозаичного пола располагался большой красновато-коричневый восьмиугольник. Он выглядел явно чужеродным и нарушал изящный узор мозаичного пола. Казалось, он служил просто крышкой, которой закрыли дыру в полу, что полностью соответствовало действительности. Лэнгдон быстро объяснил, что первоначальная крестильная купель представляла собой большой восьмиугольный бассейн в самом центре помещения. Если современные купели обычно стоят на возвышении, то раньше они находились в достаточно глубоких бассейнах, и в них крещаемый мог окунуться с головой. Лэнгдон представил, какой крик поднимали дети от страха в этом каменном зале, когда их окунали в большой бассейн с ледяной водой, некогда находившийся посреди зала.

— Таинство крещения было холодным и пугающим, — продолжил Лэнгдон. — Настоящий обряд посвящения. Даже опасный. Рассказывают, что Данте однажды даже прыгнул в купель, чтобы спасти тонущего ребенка. Как бы то ни было,

первоначальную купель заложили плитой в шестнадцатом веке.

Сиенна оглядывала помещение с заметным волнением.

— Но если купели Данте больше нет… где Игнацио спрятал маску?

Лэнгдон понимал, что ее тревожило. В этом огромном зале было много укромных мест — за колоннами, статуями, гробницей, в нишах, алтаре, не говоря уже о галерее наверху.

Излучая уверенность, профессор повернулся к двери, через которую они вошли.

— Мы начнем отсюда, — объявил он, показывая на участок справа от «Врат рая».

На приподнятой платформе за декоративной металлической оградой был установлен высокий шестиугольный постамент из резного мрамора, напоминавший небольшой алтарь или столик для службы. Своим утонченным изяществом резьба напоминала перламутровую камею. Мраморный постамент венчала плита из полированного дерева диаметром около трех футов.

Сиенна неуверенно последовала за Лэнгдоном, который поднялся по ступеням и прошел за металлическую ограду. Оказавшись рядом с постаментом, она внимательно посмотрела на

него еще раз и удивленно охнула, поняв, что это такое.

Лэнгдон улыбнулся. *Вот именно, это не алтарь и не столик.* Полированная деревянная вершина оказалась крышкой, закрывавшей полую чашу.

— Крещальная купель? — спросила она.

Лэнгдон кивнул.

— Если бы Данте крестили сегодня, то это было бы здесь. — Не теряя времени, он сделал глубокий вдох и, дрожа от нетерпения, взялся за деревянную крышку, приготовившись ее снять.

Ухватившись за крышку покрепче, Лэнгдон сдвинул ее и осторожно положил на пол возле купели. Затем заглянул в темноту неширокого колодца и невольно вздрогнул при виде представшей перед его глазами зловещей картины. Из темноты на него смотрело мертвое лицо Данте Алигьери.

Глава 56

Ищите и обрящете.

Лэнгдон стоял у края купели, не в силах отвести глаз от бледно-желтой посмертной маски, испещренной морщинами и безучастно взиравшей на него невидящим взглядом. Крючковатый нос и выступающий вперед подбородок исключали ошибку.

Данте Алигьери.

Хотя от самого созерцания маски уже становилось жутковато, в том, как она располагалась в купели, было что-то неестественное. Лэнгдон не мог поверить своим глазам.

Маска что… парит в воздухе?

Лэнгдон наклонился, пытаясь разглядеть получше. Купель глубиной в несколько футов была скорее колодцем, чем мелким бассейном. Ее стены спускались в вертикальную емкость, заполненную водой. Удивительным было то, что маска, как по волшебству, не падала в воду, а будто висела в воздухе.

Наконец Лэнгдон сообразил, в чем дело. Посередине купели находился вертикальный штырь,

который выступал из воды и заканчивался небольшим металлическим диском над ее поверхностью. Наверное, он служил украшением источника воды в купели, а может, местом, на которое сажали младенца при крещении. Сейчас же на нем лежала маска Алигьери на безопасном удалении от поверхности воды.

Лэнгдон и Сиенна стояли рядом и молча смотрели на изрезанное морщинами лицо Данте Алигьери. Маска была все в том же полиэтиленовом пакете, и казалось, будто поэта им задушили. На мгновение это лицо в окружении стен наполненного водой колодца всколыхнуло в памяти Лэнгдона воспоминания о собственном кошмаре, пережитом им в детстве, когда он точно так же в отчаянии смотрел вверх.

Прогнав эти воспоминания, он осторожно опустил руки вниз и взял маску за края, где должны были располагаться уши. Хотя по нынешним меркам лицо было небольшим, маска оказалась неожиданно тяжелой. Лэнгдон медленно вынул ее из купели и повернул так, чтобы им с Сиенной удобнее было ее рассмотреть.

Даже под пленкой лицо казалось удивительно живым. Сырой гипс снял точный отпечаток с каждой морщинки и неровности кожи на лице

поэта. Если не считать старой трещинки чуть пониже середины маски, она сохранилась в идеальном состоянии.

— Переверните ее, — шепотом попросила Сиенна. — Давайте посмотрим, что на обороте.

Лэнгдон уже переворачивал маску. На записи с камер наблюдения было хорошо видно, что они с Игнацио обнаружили на ее обратной стороне нечто интересное. Причем настолько интересное, что они даже решились захватить артефакт с собой.

Соблюдая крайнюю осторожность, чтобы не уронить хрупкую маску, Лэнгдон переложил ее в правую руку лицом вниз. В отличие от шероховатой поверхности лицевой стороны маски, запечатлевшей множество морщин, ее задняя сторона была ровной и гладкой. Поскольку маска не предназначалась для того, чтобы ее носить, изнутри ее залили гипсом с целью придать ей относительную прочность, отчего вогнутая поверхность задней стороны напоминала глубокую тарелку.

Лэнгдон не имел представления, что может оказаться на обратной стороне, но никак не ожидал, что там не будет ничего.

Абсолютно ничего.

Просто ровная поверхность.

Сиенна тоже ничего не понимала.

— Тут просто гипс, — прошептала она. — Если здесь ничего нет, то что увидели вы с Игнацио?

Понятия не имею, подумал Лэнгдон, плотнее натягивая полиэтиленовый пакет, чтобы разглядеть маску получше. *Здесь ничего нет!* Чувствуя охватывающее его отчаяние, Лэнгдон поднес маску к лучу света и напряг зрение. Когда он слегка ее наклонил, чтобы разглядеть получше, ему показалось, что вверху цвет немного другой — примерно там, где располагался лоб Данте, шла цепочка едва заметных пятнышек.

Естественный дефект? А может… и нечто другое. Оживившись, Лэнгдон показал на мраморную панель, подвешенную на петлях к стене возле купели.

— Посмотрите, — попросил он Сиенну. — Нет ли там полотенец.

Сиенна недоверчиво на него покосилась, но спорить не стала. За мраморной дверцей оказался искусно замаскированный шкафчик, а в нем — кран для пуска воды в купель, выключатель света над ней и… стопка льняных полотенец.

Сиенна удивленно посмотрела на Лэнгдона. Профессор же, которому довелось в своей жизни

посетить множество церквей по всему миру, прекрасно знал, что почти в каждой крещальне у священников под рукой имелся запас пеленок на случай, если младенец вдруг обмочится, что на крещении случалось довольно часто.

— Отлично! — сказал он, оглядывая полотенца. — Вы не подержите маску? — Он бережно передал ее Сиенне и принялся за работу.

Лэнгдон водрузил на место крышку от купели, которая вновь стала похожа на алтарный столик, затем взял несколько полотенец и расстелил их на крышке, как скатерть. После этого он включил свет над купелью, и загоревшаяся вверху лампа осветила все крещальное место и особенно ярко — полотенца на крышке купели.

Сиенна аккуратно положила маску на крышку, а Лэнгдон, взяв пару новых полотенец, использовал их как прихватки, чтобы вытащить маску из пакета, не касаясь голыми руками. Вскоре посмертная маска Данте лежала лицом вверх под ярким лучом света, напоминая пациента под наркозом на операционном столе.

На свету снятая с лица старика маска вселяла еще больший страх — бесцветность гипса лишь подчеркивала морщины и возрастные дефекты кожи. Не теряя времени, Лэнгдон, вновь исполь-

зуя импровизированные прихватки, перевернул маску и положил ее лицом вниз.

В отличие от лицевой стороны, обратная выглядела не такой старой — ее поверхность была чистой и белой, а не тусклой и желтоватой.

Наклонив голову, Сиенна озадаченно спросила:

— Вам не кажется, что эта часть более новая?

Действительно, разница в цвете была весьма заметной, но Лэнгдон практически не сомневался, что гипс на обеих сторонах был одного возраста.

— Неравномерное старение, — объяснил он. — Обратная сторона маски постоянно находилась в тени, отчего не подвергалась воздействию солнечных лучей. — И он подумал, что теперь будет покупать крем от загара с повышенной защитой.

— Постойте, — вдруг сказала Сиенна, наклоняясь ближе к маске. — Видите?! Вверху! Наверное, именно это вы с Игнацио и увидели.

Лэнгдон быстро перевел взгляд на участок, который немного выделялся цветом, на что он обратил внимание, еще когда маска была в пакете: тонкая линия из каких-то пятнышек располагалась на обратной стороне, напротив лба Данте. Однако при ярком свете стало видно, что эти пят-

нышки были не естественного происхождения… а рукотворные.

— Тут… какая-то надпись, — прошептала потрясенная Сиенна. — Но…

Лэнгдон напряг зрение. Это была цепочка из витиеватых бледно-желтых букв.

— И это все? — Сиенна не могла сдержать разочарования.

Но Лэнгдон ее не слушал. *Кто это написал? И когда? Во времена Данте?* Вряд ли. Будь это так, какой-нибудь историк давно бы обратил внимание на надпись в ходе обычной чистки или реставрации, и эта информация стала бы общедоступной. Однако Лэнгдон никогда об этом не слышал.

Гораздо более правдоподобным казалось другое объяснение.

Бертран Зобрист.

Зобрист был владельцем маски и потому имел к ней доступ в любое время. Он мог запросто написать эти буквы и вернуть маску на место, и никто бы об этом не узнал. Марта говорила, что владелец разрешал открывать витрину и доставать маску только в своем присутствии.

Лэнгдон поделился своим предположением с Сиенной. Она согласилась с его логикой, но это

объяснение мало что проясняло.

— В этом нет никакого смысла, — заявила она растерянно. — Даже если допустить, что Зобрист что-то тайно написал на задней стороне посмертной маски Данте и что это он сконструировал тот маленький проектор, чтобы указать на нее… то почему он не написал нечто более вразумительное? Я хочу сказать, что в надписи нет никакого смысла! Мы с вами целый день гоняемся за маской, и что получаем в результате?

Лэнгдон снова посмотрел на текст на задней стороне маски. Написанное от руки послание было очень коротким — всего семь букв — и казалось полной бессмыслицей.

Разочарование Сиенны имело под собой основания.

Однако Лэнгдон ощущал знакомое волнение, как всегда перед осенявшим его озарением. Он чувствовал, что эти семь букв наверняка подскажут, что делать дальше.

К тому же он заметил, что от маски исходит слабый запах. И этот знакомый запах объяснял, почему гипс на обратной стороне намного светлее, чем на лицевой. Старение от лучей солнечного света не имело к этому никакого отношения.

— Я не понимаю, — призналась Сиенна. — Здесь все буквы одинаковые.

Лэнгдон согласно кивнул, продолжая изучать надпись — семь одинаковых букв «P», выведенных каллиграфическим почерком на обратной стороне маски.

— Семь букв «P», — продолжала Сиенна. — И что нам с ними делать?

Лэнгдон спокойно улыбнулся и поднял на нее взгляд.

— Думаю, нам следует поступить так, как говорится в послании.

Сиенна изумленно на него посмотрела.

— Семь «P»… это послание?

— Именно, — подтвердил он, усмехаясь. — И для знатока Данте очень даже понятное.

А рядом с баптистерием Сан-Джованни мужчина в шейном платке вытер пальцы носовым платком и промокнул им гнойнички на шее. Направляясь ко входу для туристов, он старался не обращать внимания на жжение в глазах.

На пороге усталый экскурсовод в блейзере курил сигарету и отправлял восвояси туристов, не знакомых с расписанием.

APERTURA 13.00–17.00.

Мужчина с сыпью посмотрел на часы. Две ми-

нуты одиннадцатого. Баптистерий будет закрыт для посещения еще несколько часов. Какое-то время понаблюдав за экскурсоводом, мужчина принял решение. Вынув из уха золотую сережку, он сунул ее в карман. Затем достал бумажник и проверил его содержимое. Помимо нескольких кредитных карт и пачки евро, у него при себе было больше трех тысяч долларов наличными.

К счастью, алчность была интернациональным грехом.

Глава 57

Peccatum… Peccatum… Peccatum…

Семь букв «Р» на обратной стороне посмертной маски Данте вновь вернули Лэнгдона к тексту «Божественной Комедии». Перед глазами возникла сцена, где он выступает в Вене с лекцией «Божественный Данте: символы ада».

— И вот мы с вами спустились по девяти кругам ада к центру земли, — разносили по залу его голос динамики, — чтобы встретиться лицом к лицу с самим Сатаной. — Лэнгдон показал несколько слайдов с изображением Сатаны: в «Карте ада» Боттичелли, мозаике флорентийского баптистерия и в виде жуткого черного демона с шерстью, перепачканной алой кровью жертв, работы Андреа ди Чоне. — Вместе с вами, — продолжал Лэнгдон, — мы спускались все ниже по косматой груди Сатаны, пока земное притяжение не поменяло направление, и нам удалось выбраться из мрачной преисподней… чтобы снова увидеть вот эти звезды. — Лэнгдон вывел на экран слайд, который уже показывал раньше. На знаменитой картине Доменико ди Микелино, хранящейся

в Дуомо, был изображен стоявший за стенами Флоренции Данте в красной мантии. — И если посмотреть внимательно… то вы увидите эти звезды.

Лэнгдон показал на звездное небо над головой Данте.

— Как вы видите, путь на небеса представляет собой девять концентрических террас вокруг земли. Эта девятиярусная конструкция не случайна — она призвана уравновесить девять кругов ада. Наверное, вы обратили внимание, что число девять — повторяющийся мотив у Данте. — Помолчав, Лэнгдон отпил глоток воды, чтобы дать возможность аудитории перевести дух после посещения ада и выхода из преисподней. — Итак, после приобщения к ужасам ада вы, должно быть, с нетерпением ждете возможности наконец отправиться в рай. Но в мире Данте, к сожалению, ничто не бывает простым. — Он театрально вздохнул. — Чтобы попасть в рай, нужно в прямом и переносном смысле взобраться на гору. — Лэнгдон показал на картину Микелино.

За спиной Данте на заднем плане была изображена конусообразная гора, устремленная к небу. Вокруг нее спиралью закручивался путь наверх — всего девять витков, каждый из которых

был короче предыдущего и вел к вершине. По этому пути обнаженные фигуры с трудом тащились наверх, подвергаясь всевозможным наказаниям и преодолевая разные преграды.

— Это гора чистилища, — пояснил Лэнгдон. — И, к несчастью, этот мучительный подъем по девяти кругам — единственный путь из глубин преисподней к блаженству рая. На этом пути вы видите кающиеся души… каждая расплачивается за совершенный ею грех. Завистники должны идти с зашитыми веками, чтобы не взалкать; спесивцы смиренно сгибаются под тяжестью огромных камней, взваленных им на плечи; а сладострастники должны пройти очищение огнем, чтобы избавиться от зова плоти. — Он помолчал. — Но прежде чем вам будет дарована великая милость пройти по этой горе и очиститься от своих грехов, вам придется пообщаться вот с этим персонажем.

Лэнгдон вывел на экран увеличенное изображение фрагмента фрески Микелино, на которой крылатый ангел восседает на троне у подножия горы чистилища. У его ног очередь кающихся грешников ждет разрешения подняться на гору. Но вот что странно: в руках у ангела длинный меч, конец которого упирается в лицо первого

в очереди.

— Кто знает, — обратился Лэнгдон к аудитории, — что делает этот ангел?

— Хочет пронзить голову? — предположил кто-то.

— Нет.

— Выколоть глаз? — выкрикнул другой.

Лэнгдон снова покачал головой.

— Есть еще варианты?

— Пишет у него на лбу, — послышался чей-то уверенный голос сзади.

— Похоже, у нас тут есть знатоки Данте, — улыбнулся Лэнгдон и снова показал на картину. — Я понимаю, что со стороны это выглядит так, будто ангел тычет мечом в лоб бедняге, но это ошибочное восприятие. Согласно тексту Данте, ангел, охраняющий вход в чистилище, сначала пишет на лбу у кающихся грешников острием меча и только потом позволяет им пройти. Вы спросите: а что же он пишет? — Лэнгдон выдержал эффектную паузу. — Как ни странно, всего одну букву… но зато семь раз. Кто-нибудь знает, какую букву написал ангел на лбу Данте семь раз?

— «Р»! — выкрикнул кто-то.

Лэнгдон опять улыбнулся.

— Да. Букву «Р». Она обозначает слово *peccatum*,

то есть «грех» на латыни. А то, что она написана семь раз, символизирует Septem Peccata Mortalia, иначе говоря…

— Семь смертных грехов! — подсказали из зала.

— Именно! И искупить свои грехи можно только, если пройти по всем кругам чистилища. После прохождения кающимся круга ангел стирает у него со лба одну букву, и при достижении вершины на лбу грешника уже не остается букв «Р»… то есть его душа полностью очистилась от греха. Вот почему это место и называется чистилищем.

Оторвавшись от воспоминаний, Лэнгдон увидел, что Сиенна вопросительно смотрит на него из-за купели.

— Семь «Р»? — напомнила она, возвращая Лэнгдона к действительности и показывая на посмертную маску Данте. — Вы говорите, что это послание? И подсказка, что нам делать дальше?

Лэнгдон вкратце рассказал, как Данте представлял себе чистилище, что символизировали буквы «Р» и как они удалялись со лба.

— Нет сомнений, — подвел итог Лэнгдон, — что Бертран Зобрист как поклонник Данте знал о семи буквах «Р» и о том, что исчезновение их со лба означает приближение к раю.

На лице Сиенны отразилось сомнение.

— Вы считаете, что Бертран Зобрист нанес эти буквы на маску, чтобы мы… буквально стерли их? Вы думаете, мы это должны сделать?

— Я понимаю, что…

— Даже если мы сотрем буквы, чем нам это поможет? У нас в руках останется просто маска без букв.

— Может, да, — улыбнулся Лэнгдон, — а может, и нет. К тому же есть еще кое-что. — Он показал на маску. — Помните, я говорил, что сзади маска светлее из-за неравномерности старения?

— Да.

— Я мог ошибаться. Разница в цвете слишком большая, чтобы объясняться разным старением, да и поверхность на обороте имеет зернистость.

— Зернистость?

Лэнгдон продемонстрировал обратную сторону маски, поверхность которой была намного грубее, чем лицевой, и напоминала наждачную бумагу.

— В мире искусства такая неровная поверхность называется зернистой, и художники предпочитают писать на ней, потому что она лучше держит краску.

— Я не понимаю.

Лэнгдон улыбнулся.

— Вы знаете, что такое грунтовка?

— Конечно, художники наносят грунт на холст, чтобы… — Она не договорила, явно сообразив, что имел в виду Лэнгдон.

— Вот именно, — подтвердил тот. — Они наносят грунт, чтобы получить чистую белую шероховатую поверхность, а иногда и покрывают им уже написанные, но ненужные картины, если хотят использовать холст еще раз.

Сиенна оживилась.

— И вы считаете, что Зобрист покрыл грунтом обратную сторону посмертной маски?

— Это объясняет зернистость поверхности и светлый цвет. А также почему он хочет, чтобы мы смыли эти буквы «Р».

Смысл последнего Сиенна не поняла.

— Понюхайте, — предложил Лэнгдон, протягивая ей маску, будто священник, подносящий Святые Дары.

Сиенна поморщилась.

— Грунт пахнет псиной?

— Не всякий грунт. Обычный пахнет мелом. А запах псины у акрилового грунта.

— И что?..

— А то, что он растворяется в воде.

Сиенна наклонила голову. Было видно, что она напряженно думает. Потом она медленно подняла взгляд, посмотрела на маску и вдруг резко повернулась к Лэнгдону, округлив глаза.

— Вы думаете, под грунтом что-то есть?

— Во всяком случае, это бы многое объяснило.

Сиенна тут же сдвинула в сторону восьмиугольную крышку купели и, схватив одно их полотенец, окунула его в воду.

— Вы должны попробовать.

Лэнгдон положил маску на левую ладонь лицом вниз, а правой рукой взял мокрое полотенце. Слегка его отжав, он начал потихоньку водить влажной тканью по внутренней части маски, где были каллиграфически выписаны семь букв «Р». Несколько раз надавив указательным пальцем на полотенце в нужном месте, он снова окунул его в купель и продолжил процедуру. Чернила начали расплываться.

— Грунт смывается, — взволнованно констатировал Лэнгдон. — А вместе с ним и чернила.

Проделывая процедуру в третий раз, он заговорил торжественным и проникновенным голосом, который разносился по залу гулким эхом:

— Через крещение Господь Иисус Христос смывает свершенные тобой грехи и возрождает в

новую жизнь через воду и Святой Дух.

Сиенна посмотрела на него, как на сумасшедшего.

Лэнгдон пожал плечами.

— А что, по-моему, вполне уместно.

Осуждающе фыркнув, она вновь склонилась над маской. После проделанных Лэнгдоном процедур начал проступать желтоватый гипс, вполне соответствовавший возрасту столь древнего артефакта. Когда была смыта последняя буква, профессор вытер чистым полотенцем место, где были нанесены буквы, и показал Сиенне, что получилось.

Та изумленно охнула.

Как и рассчитывал Лэнгдон, под грунтовкой действительно оказалась надпись — тем же каллиграфическим почерком уже на старом желтом гипсе было выведено девять букв. На этот раз они составляли слово.

Глава 58

— «Умудрится»? — спросила Сиенна. — Не понимаю.

Я тоже, подумал Лэнгдон. Он внимательно разглядывал слово, проступившее на обратной стороне маски напротив лба Данте под смытыми буквами «Р».

…умудрится…

— Умудрится… что? Очиститься от греха? — не унималась Сиенна.

Возможно. Лэнгдон перевел взгляд на мозаику, где Сатана пожирал проклятые души, которым не суждено очиститься от греха. *Данте… и очиститься от греха?* В этом не было никакого смысла.

— Должно быть что-то еще! — заявила Сиенна, забирая маску из рук Лэнгдона и внимательно разглядывая ее обратную сторону. Через мгновение она довольно закивала.

— Посмотрите на конец и начало слова… перед ним и после него должно быть написано что-то еще!

На этот раз Лэнгдон разглядел, что под влаж-

ным грунтом после слова «умудрится» проступает другое.

Решительно схватив влажное полотенце, Сиенна принялась тереть, пока не появилась целая строчка, выведенная полукругом.

Лэнгдон от удивления даже присвистнул. *«Кто умудрится постичь умом — ужасный смысл какой таится в этих строчках?..»*

Сиенна непонимающе уставилась на него.

— Прошу прощения?

— Это знаменитая строфа из «Ада» Данте. — Лэнгдон не мог сдержать волнения. — В ней поэт призывает читателей искать скрытый смысл в его словах.

Лэнгдон часто цитировал эти строки, рассказывая о литературной символике. Этот пример служил отличной иллюстрацией того, как автор как бы взмахивает руками и кричит, обращаясь к читателю: «В эти слова заложен и второй смысл!»

Сиенна стала тереть полотенцем еще сильнее.

— Пожалуйста, осторожнее! — не удержался Лэнгдон.

— Вы правы! — объявила Сиенна, смывая грунт. — Продолжение строфы Данте точь-в-точь, как вы сказали. — Она окунула полотенце в ку-

пель и прополоскала.

Лэнгдон растерянно смотрел, как вода в крещальной купели помутнела от взвеси. *Прости нас, Сан-Джованни*, мысленно извинился он, переживая из-за того, что они превратили священную купель в корыто.

Сиенна наконец вытащила полотенце, с которого обильно стекала вода. Почти не отжав, она положила его в центр маски и начала делать круговые движения, будто мыла простую тарелку.

— Сиенна! — одернул ее Лэнгдон. — Это древняя…

— По всей обратной стороне идет текст! — объявила та, не прекращая тереть. — И написан он… — Она наклонила голову влево и стала поворачивать маску вправо, словно пытаясь прочесть сбоку.

— Как написан? — не выдержал Лэнгдон, которому ничего не было видно.

Сиенна домыла маску, вытерла ее сухим полотенцем и положила так, чтобы оба могли увидеть результат ее трудов.

Увидев внутреннюю поверхность маски, Лэнгдон не поверил своим глазам. Она была вся покрыта текстом из десятков слов, который начинался с «Кто умудрится постичь умом» и затем

закручивался по спирали к центру так, что прочитать его можно было, только поворачивая маску, поскольку слова в нижней части оказывались перевернутыми.

Манера написания текста невольно навевала ассоциации со спиралеобразным путем наверх по горе чистилища. Будучи специалистом по символогии, Лэнгдон сразу распознал в ней Архимедову спираль, закрученную по часовой стрелке. Причем количество ее витков от первого слова до последней точки в самом центре составляло хорошо знакомое число.

Девять.

Затаив дыхание, Лэнгдон медленно поворачивал маску в руках, читая закрученный к центру текст.

— Первая строфа из «Ада» Данте слово в слово, — сказал он. — «Кто умудрится постичь умом — ужасный смысл какой таится в этих строчках?..»

— А дальше? — нетерпеливо спросила Сиенна.

Лэнгдон покачал головой.

— А дальше — нет. Строфы написаны в той же манере, но у Данте я такого не встречал. Судя по всему, кто-то просто сымитировал его стиль.

— Зобрист, — прошептала Сиенна. — Больше

некому.

Лэнгдон кивнул. Предположение вполне обоснованное. Как-никак, перестановкой Злопазух в «Карте ада» Боттичелли Зобрист уже продемонстрировал свою склонность к внесению корректив в творения великих мастеров ради достижения нужных ему целей.

— Остальная часть текста очень странная, — продолжил Лэнгдон, снова поворачивая маску, чтобы читать дальше. — Тут говорится… об отрезании голов лошадям… и собирании костей слепых. — Скользнув взглядом по словам почти в самом центре круга, он вздрогнул. — И здесь упоминаются кровавые воды.

Сиенна приподняла брови.

— Как в ваших видениях?

Лэнгдон кивнул, размышляя над текстом. *Под водами кровавыми лагуны, которые вовек не отражают звезд?*

— Посмотрите, — прошептала Сиенна, заглядывая ему через плечо и показывая на слово во втором витке текста. — Конкретное место.

Лэнгдон нашел слово, которое почему-то пропустил при первом чтении. Это было название одного из самых удивительных и поистине уникальных городов на свете. Вспомнив, что именно

там Данте Алигьери заразился смертельной болезнью, которая его убила, профессор невольно вздрогнул.

Венеция.

Какое-то время Лэнгдон и Сиенна молча читали загадочные строфы. Они были зловещими, вселяли тревогу, и смысл их ускользал. Использование слов «дож» и «лагуна» подтверждало, что речь действительно шла о Венеции — уникальном итальянском городе на воде, испещренном сотнями лагун. На протяжении столетий управление этим городом-государством осуществлял дож.

Лэнгдон не мог определить с ходу, на какое конкретное место в Венеции указывали строфы, однако они, без сомнения, призывали читателя следовать изложенным в них инструкциям.

— Тут сказано, что искать надо под землей, — заметила Сиенна, читая текст вместе с Лэнгдоном.

Тот неохотно кивнул и прочитал следующую строфу.

> *Затем проследует в затопленный дворец,*
> *Где в темноте хтонический таится зверь.*

— Роберт, — в голосе Сиенны звучала трево-

га, — это что за зверь?

— Хтонический, — ответил тот. — То есть обитающий под землей.

Он не успел продолжить, потому что по баптистерию разнесся громкий звук отодвигаемого засова. Кто-то снаружи открывал вход для туристов.

— Grazie mille, — произнес мужчина с сыпью на лице. *Огромное спасибо*.

Экскурсовод баптистерия нервно кивнул, засовывая в карман пятьсот долларов, и настороженно огляделся, не видит ли кто.

— Cinque minuti, — напомнил он и немного приоткрыл дверь, пропуская мужчину в баптистерий.

Как только тот проскользнул внутрь, дверь за ним сразу же закрылась на засов. В крещальне вновь воцарилась тишина — дверь не пропускала уличный шум. *Пять минут.*

Сначала экскурсовод отказался сжалиться над человеком, который проделал сюда долгий путь из Америки, чтобы помолиться в баптистерии Сан-Джованни об избавлении от ужасной кожной болезни. Но постепенно его душа прониклась состраданием, чему, без сомнения, способствовали пятьсот долларов, предложенные за пять минут

в баптистерии, и перспектива еще несколько часов, до официального открытия, находиться рядом с человеком, чья болезнь могла запросто оказаться заразной.

Сделав несколько осторожных шагов, мужчина невольно взглянул на потолок. *Мать честная!* Ничего подобного ему в жизни не доводилось видеть. Заметив, что сверху на него взирает трехглавый демон, мужчина быстро опустил взгляд.

В помещении никого не было.

Куда, черт возьми, они подевались?

Он обвел крещальню взглядом и остановил его на алтаре. В нише, отгороженной от посетителей цепочками на столбиках, стоял массивный прямоугольный жертвенник из мрамора.

Алтарь был единственным местом во всем помещении, за которым можно было спрятаться. Более того, одна из цепочек ограждения слегка покачивалась… как будто ее только что потревожили.

Лэнгдон и Сиенна притаились за алтарем. Быстро собрав мокрые полотенца и вернув на место крышку купели, они схватили посмертную маску и нырнули за жертвенник, рассчитывая, что смогут незаметно выскользнуть оттуда и смешаться с толпой, когда в баптистерий впустят туристов.

Северный вход только что открывали — во всяком случае, ненадолго. Лэнгдон услышал шум толпы на площади, который сразу стих, как только дверь снова закрыли.

Теперь в тишине по каменному полу раздавались шаги одинокого посетителя.

Кто это — экскурсовод? Проверяет, все ли в порядке, прежде чем запустить туристов?

Лэнгдон не успел выключить свет над купелью и надеялся, что экскурсовод его не заметит. Похоже, что не заметил. Шаги быстро приближались к алтарю и остановились перед жертвенником, за которым прятались Лэнгдон и Сиенна.

Наступила долгая тишина.

— Роберт, это я, — сердито произнес мужчина. — Я знаю, что вы там. Вылезайте и объясните, черт возьми, что все это значит.

Глава 59

Скрываться дальше не имеет смысла.

Лэнгдон знаком велел Сиенне оставаться на месте и передал ей маску, которую успел убрать в полиэтиленовый пакет. Затем медленно поднялся.

Он стоял, будто священник, позади алтаря баптистерия и смотрел на паству, состоявшую из одного прихожанина. У незнакомца были светло-каштановые волосы, стильные очки и ужасная сыпь на лице и шее. Он раздраженно почесал шею, и в его взгляде под опухшими веками читались нескрываемая злость и раздражение.

— Может, объясните, Роберт, какого дьявола вы тут делаете? — поинтересовался он, переступая через цепочку ограждения и подходя к Лэнгдону. Он говорил с американским акцентом.

— Разумеется, — вежливо ответил Лэнгдон. — Но сначала хотелось бы узнать, кто вы такой.

Мужчина замер, не веря своим ушам.

— Что?!

Глаза мужчины, да и его голос тоже, показались Лэнгдону знакомыми. *Где-то я его видел…*

Лэнгдон невозмутимо повторил свой вопрос.

— Я прошу вас сказать, кто вы такой и откуда я могу вас знать.

Мужчина всплеснул руками.

— Джонатан Феррис! Всемирная организация здравоохранения! Тот, кто летал за вами в Гарвардский университет!

Лэнгдон пытался осмыслить услышанное.

— Почему вы не позвонили? — спросил мужчина, продолжая расчесывать покрасневшие и распухшие шею и щеки. — И кто, черт возьми, та женщина, с которой вы вошли сюда? Вы теперь работаете на нее?

Сиенна тоже выпрямилась и, встав рядом с Лэнгдоном, немедленно вмешалась в разговор.

— Доктор Феррис? Меня зовут Сиенна Брукс. Я тоже врач и работаю здесь, во Флоренции. Вчера ночью в профессора Лэнгдона стреляли, и он был ранен в голову. У него ретроградная амнезия, и он не помнит ни вас, ни что с ним случилось в последние два дня. Я здесь, потому что помогаю ему.

Пока слова Сиенны эхом разносились по баптистерию, мужчина, наклонив голову, с удивлением слушал ее, будто не совсем понимая, что она говорит. После недолгой паузы он отступил на-

зад и, качнувшись, оперся на один из столбиков ограждения.

— Бог мой… — прошептал он, — теперь все понятно.

Лэнгдон видел, как его лицо разгладилось, и от злости на нем не осталось и следа.

— Роберт, — прошептал мужчина, — мы думали, что вы… — Он покачал головой, собираясь с мыслями. — Мы думали, что вы переметнулись… что вам, возможно, заплатили… или угрожали. Мы же ничего не знали!

— Он беседовал только со мной, — снова заговорила Сиенна. — Ему известно только то, что прошлой ночью он очнулся в моей больнице и что его пытались убить. И его мучают ужасные видения — мертвецы, погибшие от чумы, какая-то женщина с серебристыми волосами и амулетом на шее в виде змеи…

— Элизабет! — воскликнул мужчина. — Это доктор Элизабет Сински. Роберт, это она обратилась к вам за помощью!

— Если это она, — сказала Сиенна, — то, надеюсь, вы в курсе, что она в беде. Мы видели ее на заднем сиденье фургона в окружении вооруженных людей, и вид у нее был такой, будто ее накачали наркотиками.

Мужчина медленно кивнул и закрыл глаза. Веки у него были распухшие и красные.

— А что у вас с лицом? — спросила Сиенна.

Он открыл глаза.

— Простите?

— Что у вас с кожей? Вы чем-то заразились? Заболели?

Мужчина опешил — бестактность вопроса Сиенны граничила с грубостью, но и Лэнгдон хотел спросить то же самое. Учитывая, как часто сегодня разговор заходил о чуме, вид покрасневшей и усеянной сыпью кожи не мог не вызывать тревоги.

— Со мной ничего страшного, — заверил мужчина. — Это все из-за проклятого мыла в гостинице. У меня жуткая аллергия на сою, а все эти ароматизированные итальянские мыла в основном на соевой основе. Я сам виноват, что не подумал об этом.

Сиенна с облегчением выдохнула, явно расслабившись.

— Хорошо, что вы не стали его пробовать на вкус. Анафилактический шок пострашнее контактного дерматита.

Все трое смущенно рассмеялись.

— Скажите, — обратилась к мужчине Сиен-

на, — вам о чем-нибудь говорит имя Бертран Зобрист?

Мужчина замер, будто вдруг увидел перед собой трехглавого дьявола.

— Мы думаем, что нашли его послание, — продолжала Сиенна. — Оно указывает на какое-то место в Венеции. Может такое быть?

Мужчина пришел в необычайное волнение.

— Господи, конечно! Еще как! И на что конкретно?

Сиенна уже собиралась рассказать о закрученном в спираль послании, которое они с Лэнгдоном обнаружили на маске, но Лэнгдон предостерегающе взял ее за локоть. Да, этот человек определенно выглядел союзником, но после сегодняшних событий чутье подсказывало ему никому не доверять. Кроме того, этот шейный платок он уже видел сегодня утром на человеке, молившемся в маленькой церквушке Данте. *Он что — выслеживал нас?*

— А как вы нас здесь нашли? — поинтересовался Лэнгдон.

Мужчина опять удивился, что Лэнгдон ничего не помнит.

— Роберт, вы позвонили мне вчера и сказали, что договорились о встрече с директором музея

по имени Игнацио Бузони. А потом исчезли. Больше вы не перезванивали. А узнав, что Игнацио Бузони нашли мертвым, я забеспокоился. Я искал вас все утро. Потом увидел, что у палаццо Веккьо полицейские проводят какую-то масштабную операцию, и хотел узнать, в чем дело, но тут случайно увидел, как из маленькой дверки на улицу вышли вы с…

Он обернулся на Сиенну, явно не запомнив ее имя.

— Сиенна, — подсказала она. — Сиенна Брукс.

— Извините… с доктором Брукс. Я пошел за вами, надеясь выяснить, что, черт возьми, происходит.

— Я видел вас в церкви Святой Маргариты дей Черки, верно?

— Да! Я пытался понять, что вы там делаете, но так и не смог. А затем вы направились оттуда с очень решительным видом, и я проследил за вами. А когда вы зашли в баптистерий, подумал, что пора объясниться. Я подкупил экскурсовода, чтобы он пустил меня на пару минут.

— Опрометчивый поступок, если вы считали, что я переметнулся, — заметил Лэнгдон.

Мужчина покачал головой.

— Мне что-то говорило, что вы на такое не спо-

собны. Профессор Роберт Лэнгдон? Я чувствовал, что должно быть другое объяснение. Но амнезия? Невероятно! Даже мысли такой не было. — Он снова нервно зачесался. — Послушайте, мне дали только пять минут. Надо отсюда выбираться, и немедленно. Если найти вас удалось мне, то и люди, которые пытаются вас убить, тоже смогут это сделать. Происходит много событий, о которых вы не знаете. Надо не откладывая ехать в Венецию. *Прямо сейчас.* Вопрос в том, как выбраться из Флоренции незаметно. У людей, захвативших доктора Синскиˆ и охотящихся за вами… глаза повсюду. — Он показал на дверь.

Лэнгдон не торопился, чувствуя, что сможет наконец хоть что-то выяснить.

— Кто эти люди в черной форме? Почему они пытаются меня убить?

— Это длинная история, — ответил мужчина. — Расскажу по дороге.

Лэнгдон нахмурился: ответ его явно не устроил. Сделав знак Сиенне, он отвел ее в сторону и тихо спросил:

— Вы ему доверяете? Что думаете?

Сиенна посмотрела на него как на сумасшедшего.

— Что думаю? Я думаю, что он работает на Все-

мирную организацию здравоохранения. Думаю, что это наш лучший шанс получить ответы.

— А сыпь?

Сиенна пожала плечами.

— Это именно то, что он говорит, — острый контактный дерматит.

— А если нет? — шепотом спросил Лэнгдон. — Если это… что-то другое?

— Что-то другое? — Она изумленно на него посмотрела. — Роберт, это не чума, если вы об этом. Господи, да он же сам врач! Если бы он знал, что болен смертельной болезнью и заразен, то не стал бы разгуливать по улицам, заражая других.

— А если он не осознает, что у него чума?

Сиенна на мгновение задумалась.

— Тогда, боюсь, нам обоим уже крышка… как и всем вокруг.

— Знаете, вам надо поработать над своим врачебным тактом.

— Зато честно. — Сиенна передала Лэнгдону пакет с посмертной маской. — Можете сами нести нашего маленького друга.

Они подошли к доктору Феррису, который приглушенным голосом заканчивал разговор по телефону.

— Я позвонил своему водителю, — объяснил

мужчина. — Он встретит нас у… — Доктор Феррис замер, увидев в руках Лэнгдона пакет с посмертной маской Данте Алигьери.

— Господи! — не удержался он и невольно отпрянул. — Это еще что такое?!

— Длинная история, — ответил Лэнгдон. — Расскажу по дороге.

Глава 60

Нью-йоркский издатель Джонас Фокман проснулся от телефонного звонка в кабинете. Повернувшись в кровати, он посмотрел на часы: 4.28 утра.

В мире книгоиздания срочные ночные звонки так же редки, как и внезапный успех. Чувствуя, что начинает нервничать, Фокман вылез из кровати и поспешил в кабинет.

— Алло?

В трубке послышался знакомый баритон.

— Джонас, слава богу, ты дома! Это Роберт. Надеюсь, я тебя не разбудил.

— Еще как разбудил! Сейчас четыре часа утра!

— Извини, я в Европе.

А что, в Гарварде не знают про разницу во времени?

— У меня неприятности, Джонас, и мне нужна помощь. — В голосе Лэнгдона звучало напряжение. — Речь о твоей корпоративной карте «НетДжетс».

— «НетДжетс»? — Фокман саркастически засмеялся. — Роберт, мы занимаемся книгоизданием,

у нас нет доступа к частным реактивным самолетам.

— Мы оба знаем, что это неправда, мой друг.

Фокман вздохнул.

— Ладно, выражусь по-другому. У нас нет доступа к частным реактивным самолетам для авторов кирпичей по истории религии. Если ты собираешься написать «Пятьдесят оттенков иконографии», то можем обсудить.

— Джонас, сколько бы ни стоил полет, я с тобой полностью рассчитаюсь. Даю слово. Я когда-нибудь нарушал данное слово?

Если не считать, что последняя рукопись была сдана на три года позже обещанного срока.

Но Фокман чувствовал, что Лэнгдон сильно нервничает.

— Скажи мне, что случилось. Я постараюсь помочь.

— У меня нет времени объяснять, но я очень прошу. Это вопрос жизни и смерти.

Фокмана связывали с Лэнгдоном очень давние деловые отношения, и он хорошо знал его своеобразное чувство юмора, но сейчас в голосе профессора не было и намека на шутку. *Он точно не шутит*. Глубоко вздохнув, Фокман принял решение. *Финансовый директор меня убьет*.

Следующие тридцать секунд ушли на то, чтобы записать нужный Лэнгдону маршрут.

— Все нормально? — спросил Лэнгдон, почувствовав в голосе своего издателя сомнение и удивление по поводу маршрута.

— Да, просто я думал, что ты в Штатах, — пояснил Фокман. — Меня удивляет, что ты оказался в Италии.

— Нас двое, — заверил Лэнгдон. — Еще раз спасибо, Джонас. Я еду в аэропорт.

Американский оперативный центр компании «НетДжетс» расположен в Колумбусе, штат Огайо, и его служба обеспечения полетов работает круглосуточно.

К сотруднице эксплуатационной службы Деб Кир поступил заказ от корпоративного долевого владельца в Нью-Йорке.

— Одну минуту, сэр, — сказала она, поправив наушники и застучав по клавиатуре. — Технически такие полеты осуществляет наше европейское отделение, но я могу все организовать.

Она быстро связалась с европейским оперативным центром в Пасу-де-Аркуш в Португалии и уточнила местонахождение их самолетов в самой Италии и рядом с ней.

— Хорошо, сэр, — сказала она, — у нас есть

легкий двухмоторный самолет бизнес-класса в Монако, который может прибыть во Флоренцию в течение часа. Это устроит мистера Лэнгдона?

— Будем надеяться, — устало и слегка раздраженно произнес книгоиздатель. — Я вам очень благодарен.

— Всегда к вашим услугам, — заверила Деб. — И мистер Лэнгдон хотел бы вылететь в Женеву?

— Насколько я знаю, да.

Деб продолжала печатать.

— Все в порядке, — наконец сообщила она. — Мистер Лэнгдон вылетит из аэропорта Тассиньяно города Лукки, расположенного примерно в пятидесяти милях к западу от Флоренции. Рейс запланирован на одиннадцать тридцать по местному времени. Мистеру Лэнгдону надо быть в аэропорту за десять минут до взлета. Наземный транспорт и питание на борту вы не заказываете. Паспортные данные вы мне сообщили, так что все готово. Еще какие-нибудь пожелания?

— Разве что найти мне новую работу? — со смехом отозвался Фокман. — Спасибо. Вы мне очень помогли.

— Не за что. Доброй ночи. — Деб повесила трубку и вернулась к компьютеру, чтобы закончить оформление. Она ввела паспортные данные Ро-

берта Лэнгдона и уже собиралась приступить к следующей операции, как на экране высветилось и замигало красное окно предупреждения. Деб прочитала текст, и от изумления у нее округлись глаза.

Это какая-то ошибка.

Она ввела паспортные данные Лэнгдона еще раз. И снова на экране замигало окно предупреждения. Подобный сигнал появился бы на компьютере любой авиакомпании мира, обратись в нее Лэнгдон за билетом.

Деб Кир долго смотрела на экран и не верила своим глазам. Она знала, что «НетДжетс» всячески оберегали конфиденциальность своих клиентов, но данное предупреждение перевешивало все корпоративные инструкции о сохранении конфиденциальности.

Деб Кир немедленно связалась с властями.

Агент Брюдер закрыл крышку мобильника и отдал своим людям команду срочно занять места в фургонах.

— Лэнгдон объявился, — сообщил он. — Через час он вылетает частным рейсом в Женеву из Лукки. Это пятьдесят миль отсюда на запад. Если поторопимся, можем успеть туда до вылета.

В это самое время арендованный «фиат» покинул Соборную площадь и помчался по улице Панзани на центральный вокзал Флоренции Санта-Мария-Новелла.

Рядом с водителем сидел доктор Феррис, а Лэнгдон с Сиенной полулежали на заднем сиденье, чтобы не бросаться в глаза. Заказать полет на самолете «НетДжетс» предложила Сиенна. При удачном стечении обстоятельств это давало им шанс благополучно покинуть Флоренцию на поезде, поскольку полиция уже не будет искать их на вокзале. К счастью, до Венеции было всего два часа езды, и для покупки билета паспорт не требовался.

Лэнгдон наблюдал за Сиенной, которая то и дело с беспокойством поглядывала на доктора Ферриса. Тому было явно нехорошо: он тяжело дышал, будто каждый вдох причинял ему боль.

Надеюсь, она не ошиблась с диагнозом, подумал Лэнгдон, глядя на его сыпь и представляя, сколько микробов сейчас летает в тесном салоне «фиата». У доктора Ферриса покраснели и распухли даже пальцы. Постаравшись выкинуть дурные мысли из головы, Лэнгдон выглянул в окно.

Они проезжали мимо гранд-отеля «Бальони», где часто проводились конференции по искус-

ству, на которые Лэнгдон приезжал каждый год. Он вдруг сообразил, что в этот раз впервые в жизни не сделал того, что было обязательным при каждом посещении Флоренции.

Я уезжаю, не навестив «Давида».

Мысленно принеся Микеланджело свои извинения, Лэнгдон перевел взгляд в сторону вокзала и задумался о Венеции.

Глава 61

Лэнгдон едет в Женеву?

Неловко раскачиваясь на заднем сиденье фургона, мчавшегося из Флоренции на запад в сторону частного аэродрома, доктор Элизабет Сински чувствовала, что ей становится все хуже.

В поездке туда нет никакого смысла, думала она.

Единственной связью с Женевой было то, что там располагалась штаб-квартира ВОЗ. *Лэнгдон ищет меня там?* Но это невозможно, поскольку ему было известно, что доктор Сински находилась во Флоренции.

Ей вдруг пришла в голову другая мысль.

Господи… неужели для нанесения удара Зобрист выбрал Женеву?

Зобрист имел слабость к символике и после годичного противостояния с Сински устроить эпицентр в городе, где располагалась штаб-квартира Всемирной организации здравоохранения, было бы весьма символично. С другой стороны, если Зобристу нужна была оптимальная площадка для распространения чумы, то Женева

для нее никак не подходила. В отличие от других крупных городов, она была относительно изолирована географически и к тому же в это время года там прохладно. Обычно эпидемии чумы зарождаются в теплых и перенаселенных местах. Располагаясь на высоте свыше тысячи футов над уровнем моря, Женева мало подходила для начала пандемии. *Как бы ни хотелось Зобристу унизить меня и доказать свое превосходство.*

Поэтому вопрос — зачем туда едет Лэнгдон? — оставался открытым. Непонятный маршрут американского профессора лишь дополнял список его поступков, которым, начиная с прошлой ночи, она, несмотря на все усилия, не могла найти рационального объяснения.

На чьей он стороне?

Она познакомилась с Лэнгдоном всего несколько дней назад, но, хорошо разбираясь в людях, не могла поверить, что человека, подобного Роберту Лэнгдону, можно купить за деньги. И все же прошлой ночью он не вышел на связь. А теперь пустился в бега, будто вышедший из подчинения оперативник. *Неужели им удалось убедить его в том, что в безумных действиях Зобриста имеется некий высший смысл?*

От этой мысли по коже у нее побежали му-

рашки.

Но этого просто не может быть, успокаивала она себя. *Я слишком хорошо знаю его репутацию, чтобы допустить, что он на такое способен.*

Сински познакомилась с Робертом Лэнгдоном четыре дня назад на борту транспортного самолета «С-130», переоборудованного в мобильный координационный центр Всемирной организации здравоохранения. В восьмом часу вечера этот самолет приземлился в аэропорту Ханском-Филд в пятнадцати милях от Кембриджа, штат Массачусетс. Сински не знала, чего ждать от беседы со знаменитым ученым, с которым она договорилась о встрече по телефону, и была приятно удивлена, увидев, как он уверенно поднялся по трапу и приветствовал ее открытой улыбкой.

— Полагаю, вы и есть доктор Сински? — произнес он, крепко пожимая ей руку.

— Профессор, для меня большая честь познакомиться с вами.

— Это для меня честь. И спасибо за все, что вы делаете.

Лэнгдон оказался высоким привлекательным мужчиной с хорошими манерами и низким голосом. Судя по всему, он явился в том, в чем читал лекцию в университете, — твидовом пиджаке,

брюках цвета хаки и туфлях из тонкой кожи. Оно и понятно: ведь его привезли из кампуса сразу, как только нашли. Он выглядел слишком моложавым и спортивным для своих лет, что напомнило ей о собственном возрасте. *Я почти гожусь ему в матери.*

Она устало улыбнулась.

— Спасибо, что согласились приехать, профессор.

Лэнгдон кивнул на хмурого помощника, которого Сински посылала за ним.

— Ваш приятель не оставил мне выбора.

— Вот и славно. За это я ему и плачу.

— Красивый амулет, — заметил Лэнгдон, глядя на ожерелье. — Лазурит?

Сински кивнула и опустила взгляд на украшение из синего камня в виде змеи, обвивающей жезл.

— Современный символ медицины. Вам наверняка известно его название «кадуцей».

Лэнгдон поднял взгляд, как будто собирался что-то сказать.

Она ждала. *Что?*

Однако он передумал и, вежливо улыбнувшись, сменил тему:

— Так зачем я вам понадобился?

Элизабет жестом пригласила его в импровизированный отсек для совещаний с металлическим столиком посередине.

— Присядьте, пожалуйста. Я хочу вам кое-что показать.

Лэнгдон прошел к столику, и Элизабет отметила про себя, что профессор, хоть и был явно заинтригован неожиданностью встречи, не проявлял ни малейшего беспокойства. *Он очень уверенный в себе и самодостаточный человек*. Интересно, сохранит ли он такое же самообладание, когда узнает, зачем его привезли?

Дождавшись, когда Лэнгдон устроится за столиком, Элизабет без всяких преамбул передала ему предмет, который они изъяли из ячейки флорентийского банка менее двенадцати часов назад.

Лэнгдон внимательно осмотрел маленький резной цилиндр, а затем коротко изложил ей то, что она и так уже знала. Цилиндр представлял собой старинную печать, которую можно было использовать для печатной графики. На нем было вырезано жуткое изображение трехглавого Сатаны и слово «saligia».

— Saligia, — продолжил Лэнгдон, — это латинское мнемоническое обозначение…

— Семи смертных грехов, — закончила фразу

Элизабет. — Да, это мы уже выяснили сами.

— Что ж… — Лэнгдон был явно озадачен. — И по какой же причине вы хотели мне это показать?

— Причина есть.

Забрав цилиндр, Сински принялась его энергично встряхивать, и внутри загремел шарик генератора.

Лэнгдон непонимающе следил за ее манипуляциями, но не успел он спросить, что она делает, как кончик цилиндра засветился, и Элизабет направила луч на гладкую стенку переоборудованного самолета.

Тихонько присвистнув, Лэнгдон придвинулся ближе к изображению на стене.

— «Карта ада» Боттичелли, — объявил он. — Иллюстрация Дантова ада. Хотя вы, наверное, и так уже это знаете.

Сински кивнула. Благодаря Интернету ей с помощниками удалось идентифицировать картину, но ее удивило, что автором был Боттичелли, которого она знала по его светлым, полным идеализма шедеврам «Рождение Венеры» и «Весна». Сински очень нравились эти картины, хотя они и символизировали плодородие и создание жизни, что являлось лишним напоминанием о ее трагическом бесплодии, о том единственном, чего

была лишена ее плодотворная во всех других отношениях жизнь.

— Я надеялась, — сказала Сински, — что вы расскажете мне о символике, скрытой в этой картине.

Впервые за время встречи Лэнгдон проявил неудовольствие.

— И вы позвали меня за этим? Мне показалось, что речь шла о чем-то очень срочном.

— Я вас очень прошу.

Лэнгдон тяжело вздохнул.

— Доктор Сински, вообще-то, если вы хотите узнать о конкретной картине, лучше обратиться в музей, где она хранится. В данном случае это Ватиканская апостольская библиотека. У Ватикана есть превосходные иконописцы, которые…

— Ватикан меня ненавидит.

Лэнгдон ошарашенно на нее посмотрел.

— И вас тоже? Я-то считал, что только меня.

Она грустно улыбнулась.

— ВОЗ считает, что широкая доступность противозачаточных средств является ключевым фактором как предотвращения болезней, передающихся половым путем, например СПИДа, так и контроля рождаемости, а следовательно, и здоровья человечества.

— А Ватикан думает иначе.

— Именно. Он приложил огромные усилия и потратил безумные деньги на то, чтобы в странах третьего мира контрацепцию считали злом.

— Да, верно. — Лэнгдон понимающе улыбнулся. — Кому, как не восьмидесятилетним старцам, давшим обет безбрачия, учить мир, как заниматься сексом?

Лэнгдон нравился ей все больше и больше.

Она снова потрясла цилиндр, чтобы зарядить аккумулятор, и опять направила луч на стену.

— Профессор, смотрите внимательнее.

Лэнгдон подошел к изображению и наклонился, чтобы разглядеть получше, и вдруг застыл на месте.

— Странно. В картину внесены изменения.

Быстро заметил.

— Да, и я прошу вас сказать, что эти изменения означают.

Лэнгдон замолчал и снова стал разглядывать изображение, задержавшись взглядом сначала на десяти буквах, составлявших слово «catrovacer», затем на чумной маске и, наконец, на странной цитате о «глазах смерти».

— Кто это сделал? — спросил Лэнгдон. — Откуда это у вас?

— Вообще-то, чем меньше вам сейчас известно, тем лучше. Но я очень рассчитываю, что вы сможете проанализировать эти изменения и рассказать нам, что они означают.

— Здесь? Прямо сейчас?

Элизабет кивнула.

— Я понимаю, что с нашей стороны это некрасиво и нескромно, но я не могу передать, как это важно для нас. — Она помолчала. — Это может быть вопросом жизни и смерти.

Во взгляде Лэнгдона отразилась тревога.

— Расшифровка может потребовать времени, но раз вы говорите, что для вас это так важно…

— Спасибо! — Сински не дала ему закончить, боясь, что он передумает. — Вам надо кому-нибудь позвонить, предупредить?

Лэнгдон покачал головой и сказал, что намеревался провести выходные в тишине и одиночестве.

Отлично. Она усадила его за столик и предоставила в его распоряжение проектор, принадлежности для письма и ноутбук с надежной спутниковой связью. Теряясь в догадках, что могло заинтересовать ВОЗ в картине Боттичелли, Лэнгдон послушно принялся за работу.

Полагая, что Лэнгдону может потребоваться не

один час, причем без гарантии успеха, Элизабет устроилась рядом и погрузилась в работу со своими документами. Время от времени она слышала, как профессор встряхивал цилиндр и что-то записывал в блокнот. Не прошло и десяти минут, как Лэнгдон отложил карандаш и объявил:

— Cerca trova.

Сински подняла взгляд.

— Что?

— Cerca trova, — повторил он. — Ищите и обрящете. Вот что значат эти буквы.

Сински тут же подсела к нему и зачарованно выслушала его рассказ о том, что порядок кругов ада был изменен, а если вернуть их в нужное положение, то получается фраза на итальянском *cerca trova*.

Ищите и обрящете? Это что — послание мне от того безумца? — спрашивала себя Сински. Звучало как прямой вызов. Она не могла забыть его угрожающей реплики в конце их встречи в Совете по международным отношениям: *Что ж, посмотрим, кто кого*.

— Вы даже в лице изменились, — заметил Лэнгдон, внимательно на нее смотревший. — Насколько я понимаю, вы не это надеялись услышать?

Взяв себя в руки, Сински поправила амулет на шее.

— В общем, нет. Скажите… вы полагаете, что этой картой ада мне предлагается начать что-то искать?

— Да. Cerca trova.

— А здесь говорится, где я должна вести эти поиски?

Лэнгдон задумчиво потер подбородок, видя, как вокруг стола стали собираться другие сотрудники ВОЗ, желая поскорее услышать ответ.

— Напрямую нет… хотя у меня есть довольно обоснованная идея, где следует начать.

— Так скажите! — потребовала Сински с неожиданным для Лэнгдона пылом.

— Как насчет Флоренции в Италии?

Сински стиснула зубы, изо всех сил стараясь не выдать волнения. Однако ее сотрудники не обладали такой выдержкой. Они переглянулись, после чего один схватил телефон и сразу стал кому-то звонить, а другой поспешно вышел в дверь, ведущую в носовую часть самолета.

Лэнгдон опешил.

— Я сказал что-то важное?

Еще какое важное, подумала Сински.

— А почему вы решили, что это должна быть

Флоренция?

— Cerca trova, — ответил он и быстро рассказал о тайне, связанной с фреской Вазари в палаццо Веккьо.

Значит, Флоренция, подумала Сински. Она услышала достаточно, чтобы понять, что самоубийство ее заклятого врага всего в трех кварталах от палаццо Веккьо во Флоренции не было случайным совпадением.

— Профессор, когда я показала вам свой амулет и сказала, что это кадуцей, вы хотели что-то сказать, но потом передумали. Так что это было?

Лэнгдон покачал головой.

— Ничего. Глупость. Просто иногда профессорский педантизм вылезает, когда его не просят.

Сински посмотрела ему в глаза.

— Я спрашиваю, потому что хочу быть уверенной, что могу вам доверять. Так что вы собирались сказать?

С трудом сглотнув, Лэнгдон откашлялся.

— Это не так важно, но вы сказали, что ваш амулет — древний символ медицины. Так и есть. Но вы назвали его кадуцеем, что является весьма распространенной ошибкой. В кадуцее жезл оплетают две змеи, и наверху у него два крыла. На вашем амулете одна змея и нет никаких кры-

льев. Этот символ называется…

— Посох Асклепия.

Лэнгдон удивленно вздернул подбородок.

— Точно. Именно так.

— Я знаю. Я проверяла вашу откровенность.

— Прошу прощения?

— Мне хотелось знать, сможете ли вы сказать мне правду, если она поставит меня в неловкое положение.

— Выходит, тест я не прошел.

— Никогда больше так не делайте. Мы сможем работать вместе только при условии, что не будем скрывать друг от друга абсолютно ничего.

— Работать вместе? А разве мы не закончили?

— Нет, профессор, не закончили. Мне нужно, чтобы вы отправились со мной во Флоренцию и помогли кое-что отыскать.

Лэнгдон в изумлении на нее уставился.

— Сегодня?

— Боюсь, что да. Мне еще надо рассказать вам, насколько серьезна ситуация, с которой мы имеем дело.

Профессор покачал головой.

— Что бы вы мне ни рассказали, это не имеет значения. Я не хочу лететь во Флоренцию.

— Я тоже, — мрачно заверила она. — Но время,

к несчастью, на исходе.

Глава 62

Гладкая крыша итальянского скоростного поезда «Фреччардженто», который мчался на север, описывая плавную дугу по сельским пейзажам Тосканы, сверкала в лучах полуденного солнца. Несмотря на скорость в сто семьдесят четыре мили в час, «серебряная стрела» летела почти бесшумно, а тихий перестук колес и мерное покачивание оказывали на пассажиров убаюкивающее действие.

Для Роберта Лэнгдона события последнего часа походили на одно размытое пятно. Сейчас он, Сиенна и доктор Феррис сидели в salottini — отдельном купе бизнес-класса с четырьмя кожаными креслами и откидным столиком. Феррис оплатил все купе кредитной картой и заказал минеральной воды и сандвичей, на которые Лэнгдон с Сиенной жадно накинулись, когда привели себя в порядок в туалете.

Едва они устроились в купе для двухчасовой поездки, как доктор Феррис посмотрел на посмертную маску Данте, лежавшую в пакете на столике, и сказал:

— Нам надо понять, куда в Венеции нас приведет эта маска.

— Причем быстро, — добавила Сиенна, не скрывая беспокойства. — Не исключено, что это наша единственная надежда остановить чуму Зобриста.

— Погодите, — возразил Лэнгдон, накрывая маску рукой. — Вы обещали, что как только мы благополучно окажемся в поезде, вы проясните ряд моментов о последних нескольких днях. Сейчас мне известно только то, что ВОЗ привлекала меня в Кембридже для расшифровки послания Зобриста в «Карте ада». Больше вы не рассказали ничего.

Доктор Феррис беспокойно заерзал и поскреб сыпь на лице и шее.

— Я понимаю ваше состояние, — произнес он. — Не сомневаюсь, что не помнить произошедших событий крайне неприятно, но с медицинской точки зрения… — Он взглянул на Сиенну, ища в ней поддержку, потом продолжил: — Я настоятельно рекомендую не тратить вашу энергию, стараясь вспомнить какие-то детали. При амнезии гораздо лучше оставить забытым то, что забыто.

— Лучше?! — переспросил Лэнгдон, чувствуя,

как им овладевает ярость. — Да ни черта подобного! Мне нужны ответы! Ваша организация привезла меня в Италию, где в меня стреляли и где я потерял несколько дней жизни! Я хочу знать, как это случилось!

— Роберт, — вмешалась Сиенна. Она говорила тихим голосом, явно пытаясь его успокоить. — Доктор Феррис прав. Если на вас сразу обрушится поток новой информации, то это совершенно точно не пойдет вам на пользу. Подумайте об обрывках воспоминаний, которые сохранились в вашей памяти. Женщина с серебристыми волосами, «ищите и обрящете», извивающиеся тела в «Карте ада» — все эти картины смешались в вашей голове в неконтролируемые воспоминания, которые сделали вас почти недееспособным. Если доктор Феррис начнет рассказывать о событиях последних нескольких дней, он почти наверняка вызовет другие воспоминания, и галлюцинации могут снова вернуться. Ретроградная амнезия — серьезное заболевание. Вызов неуместных воспоминаний может быть чрезвычайно разрушительным для психики.

Об этом Лэнгдон не подумал.

— Вы наверняка ощущаете растерянность, — добавил Феррис, — но в настоящий момент,

чтобы двигаться дальше, нам нужна ваша здоровая психика. Нам очень важно понять, какое послание несет эта маска.

Сиенна кивнула.

Врачи, похоже, сошлись во мнении, отметил про себя Лэнгдон.

Он помолчал, стараясь обрести ясность мысли. Это очень странное чувство — встретить абсолютно чужого человека и потом узнать, что вы знаете друг друга уже несколько дней. И все же его не покидало ощущение чего-то смутно знакомого в глазах Ферриса.

— Профессор, — примирительно заговорил Феррис, — я вижу, вы не уверены, что можете мне доверять, и, учитывая, через что вам пришлось пройти, в этом нет ничего удивительного. Легкая паранойя и недоверие — весьма распространенный побочный эффект амнезии.

С этим трудно не согласиться, подумал Лэнгдон, *учитывая, что я не доверяю и собственному рассудку.*

— Раз уж речь зашла о паранойе, — шутливо произнесла Сиенна, намереваясь разрядить обстановку, — Роберт подумал, что ваша сыпь — это симптом черной чумы.

Феррис округлил глаза и громко расхохотался.

— Эта сыпь? Поверьте, профессор, будь у меня чума, я бы не стал ее лечить антигистаминным препаратом, который продается без рецепта.

Он вытащил из кармана полупустой маленький тюбик и бросил его Лэнгдону. Действительно, в нем была снимающая зуд противоаллергическая мазь.

— Прошу меня извинить, — сказал Лэнгдон, чувствуя неловкость. — Трудный день.

— Пустяки, — отозвался Феррис.

Лэнгдон отвернулся к окну и стал смотреть на проплывающий мимо сельский пейзаж — его приглушенные краски сливались в мирный и успокаивающий нервы коллаж. Теперь, когда равнины спускались к предгорьям Апеннин, виноградники и фермы встречались все реже. Вскоре поезд минует извилистый горный перевал, а затем снова помчится на восток к Адриатическому морю.

Я направляюсь в Венецию, подумал он. *Искать чуму*.

От этого странного дня у него было ощущение, будто он двигается по местности, имеющей лишь смутные очертания без каких-либо деталей. Как сон. Только после кошмара люди обычно просыпаются… а Лэнгдону казалось, что он, наоборот,

проваливается в него все глубже.

— Мыслями не поделитесь? — шепотом спросила Сиенна.

Лэнгдон отвел взгляд от окна и устало улыбнулся.

— Я все надеюсь проснуться дома и узнать, что это лишь дурной сон.

Сиенна склонила голову с притворной скромностью.

— А проснувшись, не огорчитесь, что меня нет на самом деле?

Лэнгдон невольно улыбнулся.

— Вообще-то немного огорчусь.

Она похлопала его по колену.

— Хватит грезить наяву, профессор, принимайтесь за работу.

Лэнгдон неохотно перевел взгляд на морщинистое лицо Данте Алигьери, которое смотрело на него со стола невидящим взглядом. Осторожно взяв маску в руки, он перевернул ее и остановил взгляд на первой строчке, написанной на обратной стороне:

Кто умудрится постичь умом…

Лэнгдон сомневался, что был сейчас способен что-то постичь умом.

Но заставил себя приняться за работу.

А за двести миль от мчавшегося поезда «Мендаций» стоял на якоре в Адриатическом море. Координатор Лоренс Ноултон услышал, как в его кабинку негромко постучали, и нажал кнопку, чтобы сделать стеклянные перегородки прозрачными. За ними показалась невысокая загорелая мужская фигура.

Ректор.

Он казался мрачным.

Не говоря ни слова, Ректор вошел, запер за собой дверь и нажал на кнопку, снова сделав стекло матовым. От него пахло спиртным.

— Видео, которое оставил нам Зобрист, — произнес он.

— Да, сэр?

— Я хочу его посмотреть. Прямо сейчас.

Глава 63

Роберт Лэнгдон переписал текст с посмертной маски на бумагу, чтобы было удобнее его анализировать. Сиенна и доктор Феррис склонились над столиком, желая помочь, и Лэнгдон старался не обращать внимания на постоянные почесывания Ферриса и его затрудненное дыхание.

С ним все в порядке, напоминал себе Лэнгдон, пытаясь сосредоточиться на тексте.

Кто умудрится постичь умом –
Ужасный смысл какой таится в этих строчках?

— Как я уже говорил, — начал Лэнгдон, — первые строки стихотворения Зобриста являются прямой цитатой из «Ада» Данте, это предупреждение читателю, что за словами скрывается более глубокий смысл.

Аллегорический труд Данте изобиловал таким количеством скрытых суждений о религии, политике и философии, что Лэнгдон часто советовал своим студентам изучать шедевр итальянского поэта подобно Библии и читать между строк, чтобы постичь его глубинный смысл.

— Исследователи средневековой аллегории, — продолжал Лэнгдон, — в своих работах выделяют две категории: «текст» и «образ»… Текст передает буквальное содержание произведения, а образ — символическое.

— Понятно, — с готовностью кивнул Феррис. — А то, что стихотворение начинается с этой строфы…

— Означает, — подхватила Сиенна, — что восприятия смысла высказывания на основе прямого значения использованных слов может оказаться недостаточно. И что подлинный смысл лежит не на поверхности.

— Да, примерно так, — согласился Лэнгдон и, вернувшись к тексту, продолжил чтение.

Пусть ищет дожа вероломного Венеции,
Что лошадей оставил без голов…
Да кости собирал незрячих.

— Насчет обезглавленных лошадей и костей слепых пока непонятно, но нам, похоже, надо найти конкретного дожа.

— Может… его могилу? — предположила Сиенна.

— А может, статую или портрет? — возразил Лэнгдон. — Дожей в Венеции нет уже несколько

столетий.

Дожи в Венеции играли ту же роль, что герцоги в других городах-государствах Италии, и за тысячу лет, начиная с 697 года, их сменилось больше сотни. Их правление завершилось завоеванием Венеции Наполеоном в конце восемнадцатого века, но слава и власть дожей по-прежнему вызывают восторженный интерес историков.

— Как вы знаете, — продолжил Лэнгдон, — две главные достопримечательности Венеции — Дворец дожей и собор Святого Марка — были построены дожами для себя. И многие из них похоронены именно там.

— А вам известно, — спросила Сиенна, разглядывая строчки, — кто из дожей считается самым опасным?

Лэнгдон посмотрел в текст. *Пусть ищет дожа вероломного Венеции.*

— Нет, но в строфе говорится не об «опасном», а о «вероломном» доже. Значение этих слов разное, особенно во времена Данте. Вероломство — один из семи смертных грехов. Предатели отравляются в последний и самый страшный девятый круг ада.

К ним Данте относил тех, кто предал любимых. Самым злодейским обманом доверия было пре-

дательство Иудой любимого им Иисуса, которое Данте считал настолько гнусным, что отправил Иуду в самое жуткое место ада — пояс Джудекка, — названное так по имени самого низкого его обитателя.

— Хорошо, — заметил Феррис, — значит, мы ищем дожа, совершившего предательство.

Сиенна согласно кивнула.

— Это сократит список возможных претендентов. — Она перевела взгляд на следующую строфу. — Но дальше… дож, «что лошадей оставил без голов»? — Она подняла взгляд на Лэнгдона. — А есть такой дож, что отрубал головы лошадям?

Этот вопрос напомнил Лэнгдону жуткую сцену из «Крестного отца».

— Мне на ум ничего не приходит. Но еще этот же дож «кости собирал незрячих». — Он взглянул на Ферриса. — У вас ведь телефон с Интернетом?

Феррис быстро достал смартфон и показал свои распухшие красные пальцы.

— Боюсь, мне будет трудно справиться.

— Давайте я, — сказала Сиенна, забирая у него телефон. — Ищем венецианского дожа с добавлением обезглавленных лошадей и костей слепых.

Она быстро начала набирать на миниатюрной клавиатуре.

Еще раз пробежав глазами по тексту, Лэнгдон продолжил чтение вслух.

И, преклонив затем колена в мусейоне,
В убранстве злата мудрости святой
Прильнет к земле, чтобы услышать
Журчанье капель в гулкой тишине.

— Впервые слышу слово «мусейон», — признался Феррис.

— Это древнее слово означает святилище Муз, — ответил Лэнгдон. — В Древней Греции мусейон был местом, где собирались просвещенные граждане, чтобы обменяться мнениями о литературе, музыке и искусстве. Первый мусейон был основан Птолемеем в Александрии за несколько веков до Рождества Христова, и при нем находилась Александрийская библиотека, а затем появились сотни мусейонов по всему миру.

— Доктор Брукс, — сказал Феррис, с надеждой глядя на Сиенну, — а вы не можете посмотреть, есть ли мусейон в Венеции?

— Вообще-то их там десятки, — с веселой улыбкой произнес Лэнгдон. — Только теперь они называются музеями.

— А-а… — разочарованно протянул Феррис. — Похоже, нам придется забросить сеть пошире.

Сиенна продолжала печатать запросы, терпеливо вводя все новые данные.

— Ладно, итак, мы ищем музей с дожем, который отрубил головы лошадям и собирал кости слепых. Роберт, а есть идеи, какой это может быть музей?

Лэнгдон уже перебирал в памяти самые известные музеи Венеции — Галерею Академии, Ка-Реццонико, палаццо Грасси, коллекцию Пегги Гуггенхайм, музей Коррер, — но ни один из них не подходил под это описание.

Он снова перевел взгляд на текст.

И, преклонив затем колена в мусейоне,
В убранстве злата мудрости святой…

Лэнгдон усмехнулся.

— Вообще-то в Венеции есть один музей, который точно подходит под описание «мусейон в убранстве злата мудрости святой».

Феррис и Сиенна выжидательно на него смотрели.

— Собор Святого Марка, — объявил он. — Самый большой действующий храм в Венеции.

На лице Ферриса отобразилось сомнение.

— Действующий храм — музей?

Лэнгдон кивнул:

— Да, как и комплекс Ватикана. Более того, внутреннее убранство собора знаменито тем, что украшено цельными золотыми пластинами.

— «Мусейон в убранстве злата», — взволнованно произнесла Сиенна.

Лэнгдон кивнул, не сомневаясь, что в строфе говорится именно о соборе Святого Марка. Веками венецианцы называли его La Chiesa d'Oro — Золотой церковью, — и Лэнгдон считал ее внутреннее убранство одним из самых эффектных церковных интерьеров в мире.

— В стихотворении говорится о преклонении колен, — добавил Феррис, — а церковь — вполне подходящее для этого место.

Сиенна уже вновь лихорадочно печатала.

— Я добавила в поиск собор Святого Марка. Искать дожа надо там.

Лэнгдон знал, что дожей в том соборе будет предостаточно — по сути, он являлся в прямом смысле базиликой дожей. Приободрившись, он снова вернулся к тексту.

И, преклонив затем колена в мусейоне,
В убранстве злата мудрости святой
Прильнет к земле, чтобы услышать
Журчанье капель в гулкой тишине.

Журчанье капель? А под собором Святого Марка есть вода? Глупый вопрос. Весь город стоит на воде. Все здания в Венеции потихоньку погружаются в воду. Мысленно представив базилику, Лэнгдон попытался понять, где в ней может быть слышно журчание воды. А если такое место найдется… то что дальше?

Он вернулся к тексту и прочитал заключительные строфы.

Затем проследует в затопленный дворец,

Где в темноте хтонический таится зверь

Под водами кровавыми лагуны,

Которые вовек не отражают звезд.

— Хорошо, — сказал Лэнгдон, на которого описание произвело тягостное впечатление, — судя по всему, надо идти на звук падающих капель… в какой-то затопленный дворец.

Феррис, тоже подавленный, почесал щеку и поинтересовался:

— А что такое «хтонический»?

— Подземный, — пояснила Сиенна. — «Хтонический» означает обитающий под землей.

— Есть еще кое-что, — уточнил Лэнгдон. — Это

слово к тому же имеет историческую составляющую, которая ассоциируется с мифами и чудовищами. Хтоническими также называют особую категорию мифических богов и монстров, к примеру, фурий, Гекату и горгону Медузу, которые обитают под землей, то есть инфернальных, дьявольских существ. — Лэнгдон помолчал. — Они являются исчадиями ада и выходят на поверхность наводить ужас в мире людей.

Наступило долгое молчание, и Лэнгдон знал, что все подумали об одном и том же. *«Хтоническим зверем» могла быть только чума Зобриста.*

…Где в темноте хтонический таится зверь

Под водами кровавыми лагуны,

Которые вовек не отражают звезд.

— Как бы то ни было, — нарушил молчание Лэнгдон, стараясь настроить всех на рабочий лад, — мы ищем некое место под землей, которое в стихотворении описывается как «лагуна, которая вовек не отражает звезд».

— Верно, — поддержала его Сиенна, отрывая взгляд от экрана телефона. — Если эта лагуна располагается под землей, то в ней не может

отражаться небо. Но разве в Венеции есть подземные лагуны?

— Насколько мне известно, нет, — ответил Лэнгдон. — Но если город построен на воде, то кто знает.

— А если эта «лагуна» просто в каком-то помещении? — вдруг спросила Сиенна, переводя взгляд с одного на другого. — В стихотворении говорится о «затопленном дворце». Но вы раньше упоминали, что Дворец дожей имеет сообщение с базиликой, верно? А это означает, что в этих двух местах есть практически все, о чем говорится в строфах — мусейон мудрости святой, дворец, ссылка на дожей, — и все это в Венеции, которая расположена в лагуне на уровне моря.

Лэнгдон задумался.

— Вы считаете, что «затопленный дворец» — это Дворец дожей?

— А почему нет? В стихотворении говорится, что надо преклонить колена в соборе Святого Марка и идти на звук падающих капель. Может, это как раз приведет во Дворец дожей. А его фундамент может быть затоплен или еще что.

Лэнгдон бывал во Дворце дожей много раз и знал, насколько колоссальным по размерам был этот комплекс, включавший и огромный музей,

и настоящий лабиринт помещений для разных ведомств, и жилые покои, и дворики, и тюрьму — настолько большую, что она занимала несколько строений.

— Может, вы и правы, — заключил Лэнгдон, — но поиски во дворце вслепую займут несколько дней. Предлагаю поступить так, как говорится в стихотворении. Направиться сначала в собор Святого Марка, отыскать там гробницу или статую коварного дожа, а затем преклонить колена.

— А потом? — спросила Сиенна.

— А потом, — со вздохом ответил Лэнгдон, — молиться всем святым, что мы услышим звук падающих капель… и они нас куда-нибудь приведут.

В наступившей тишине Лэнгдон представил себе взволнованное лицо Элизабет Сински, которая являлась ему в галлюцинациях и взывала с другого берега реки. *Время на исходе. Ищите и обрящете!* Интересно, где она сейчас… и все ли с ней в порядке. Люди в черной форме уже наверняка выяснили, что Лэнгдон и Сиенна снова ускользнули. *Сколько им потребуется времени, чтобы выйти на наш след?*

Опустив взгляд на текст, Лэнгдон почувствовал, как на него накатилась волна усталости.

Он прочитал последние строфы, и вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль. Он даже не был уверен, стоит ли ею делиться. *Лагуна, которая вовек не отражает звезд*. Может, она и не имела отношения к их поискам, но он решил ее озвучить.

— Есть еще один момент, о котором я хотел бы сказать.

Сиенна оторвала взгляд от экрана телефона.

— Три части «Божественной Комедии» Данте Алигьери — «Ад», «Чистилище» и «Рай». Все они заканчиваются одним и тем же словом.

На лице Сиенны отобразилось удивление.

— И каким же? — спросил Феррис.

— Тем же, что и это стихотворение — «звезды». — Лэнгдон поднял маску и показал на самый центр спирали с текстом.

Воды лагуны, которые вовек не отражают звезд.

— Мало того, — продолжал он, — в заключительной части «Ада» Данте слышит звук струящейся воды, идет на него и по расселине выбирается из ада.

Феррис даже побледнел.

— Господи Иисусе!

В это мгновение в купе с шумом ворвался по-

рыв воздуха — это «Фреччардженто» влетел в горный тоннель.

В темноте Лэнгдон закрыл глаза и постарался расслабиться. *Может, Зобрист и был безумцем,* подумал он, *но Данте он знал превосходно.*

Глава 64

У Лоренса Ноултона словно камень с души свалился.

Ректор передумал и решил посмотреть ролик Зобриста.

Он метнулся за красной флешкой и вставил ее в компьютер, чтобы прокрутить видео еще раз. Это странное девятиминутное послание Зобриста лишило координатора покоя, и он был рад, что его увидит еще одна пара глаз.

Теперь ответственность уже не будет лежать на мне.

Ноултон включил воспроизведение, от волнения стараясь не дышать.

Экран монитора потемнел, и кабинет наполнили звуки капающей воды. Камера начала перемещаться сквозь красноватую дымку подземной пещеры, и, хотя Ректор не шевелился, Ноултон почувствовал, как тот напрягся и занервничал.

Камера сначала остановилась, а потом стала опускаться к поверхности лагуны и, погрузившись под воду на несколько футов, замерла перед

блестящей титановой табличкой, прикрепленной ко дну.

СЕГОДНЯ В ЭТОМ МЕСТЕ
МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА

Ректор чуть заметно подался вперед.

— Завтра, — прошептал он, не сводя глаз с даты. — А нам известно, где находится «это место»?

Ноултон покачал головой.

Камера переместилась влево, и теперь на экране появился погруженный под воду пластиковый мешок со студенистой желтовато-коричневой жидкостью.

— Что за черт?! — Ректор придвинул кресло и не сводил взгляда с раздувающегося пузыря, похожего на воздушный шар, привязанный ко дну.

В кабинете повисла напряженная тишина, а фильм продолжался своим чередом. Вскоре экран снова погас, затем на нем возникла зловещая фигура с длинным птичьим клювом вместо носа, и послышался таинственный голос.

Я — Призрак…

Загнанный под землю, я вынужден обращаться к миру из ее глубин, из мрачной пещеры с кроваво-красными водами, которые вовек не

отражают звезд.

Но здесь мой рай… идеальное чрево для моего хрупкого плода.

Инферно.

Ректор поднял взгляд:

— Инферно?

Ноултон пожал плечами.

— Как я и говорил, внушает беспокойство.

Ректор снова перевел взгляд на экран.

Несколько минут фигура с птичьим клювом говорила о бедствиях, необходимости сократить население, своей славной роли в будущем, о битве с невежественными душами, которые пытались его остановить, и немногих адептах, осознавших, что спасти планету можно только радикальными действиями.

Ноултон все утро задавался вопросом, на чьей стороне в этой битве выступал Консорциум.

А голос тем временем продолжал:

Я создал шедевр спасения, но наградой за мои усилия стали не литавры и лавровый венок… а угрозы смерти.

Смерть меня не страшит… ибо смерть превращает провидцев в мучеников… а благородную идею в мощное движение.

Иисус. Сократ. Мартин Лютер Кинг.

Когда-нибудь я окажусь в их рядах.

Шедевр, который я создал, является творением самого Господа… даром Того, кто наделил меня интеллектом, вооружил знаниями и придал мужества для его разработки.

День торжества близок.

Подо мной дремлет Инферно, готовясь вырваться из водного чрева… под бдительным оком хтонического чудовища и всех его фурий.

Несмотря на всю добродетельность своих деяний, я, как и вы, подвержен греху.

Самому черному из семи смертных грехов — искушению, смыть грех которого в чистилище суждено лишь единицам.

Гордыня.

Записывая это обращение, я поддался искушению Гордыни… сделал так, чтобы мир узнал о моих деяниях.

А почему нет?

Мир должен знать, кому обязан своим спасением… имя человека, который навечно запечатал разверзнутые врата в ад!

С каждым часом развязка становится все неотвратимее. Математику — неумолимую, как закон земного притяжения, — нельзя обмануть. Та же геометрическая прогрессия, что едва не убила че-

ловечество, станет его спасителем. Сила живого организма — и неважно, благой он или губительный, — заключается в подчинении закону, который предписал Господь.

Плодитесь и размножайтесь.

И я выбиваю клин клином.

— Довольно, — произнес Ректор так тихо, что Ноултон едва его расслышал.

— Сэр?

— Остановите запись.

Ноултон нажал на клавишу паузы.

— Сэр, особенно пугает то, что говорится в самом конце.

— Я видел достаточно. — На Ректоре не было лица. Он несколько секунд расхаживал по кабинету, а потом резко повернулся к координатору. — Необходимо связаться с ФС-2080.

Ноултон задумался.

ФС-2080 было кодовым именем одного из самых доверенных деловых партнеров — того самого, по чьей рекомендации Консорциум согласился сделать Зобриста своим клиентом. Ректор, без сомнения, сейчас жалел, что доверился мнению ФС-2080. Рекомендация этого партнера взять Зобриста в клиенты обернулась нарушением функционирования всего отлаженного механиз-

ма Консорциума.

И причиной кризиса являлся ФС-2080.

Судя по всему, набиравшая обороты череда неудач, связанных с Зобристом, представляла угрозу теперь не только Консорциуму, но, не исключено… и всему миру.

— Нам необходимо узнать истинные намерения Зобриста, — сказал Ректор. — Я хочу точно знать, что именно он создал и насколько реальна эта угроза.

Ноултон понимал, что единственным человеком, который мог ответить на эти вопросы, был ФС-2080. Никто не знал Зобриста лучше его. Для Консорциума настало время нарушить протокол и понять, какого рода безумие он по неведению поддерживал на протяжении последнего года.

Ноултон попытался оценить возможные последствия прямого столкновения с ФС-2080. Сам факт выхода на связь был чреват определенным риском.

— Полагаю, сэр, — заметил он, — что при общении с ФС-2080 следует проявить особую осторожность.

Ректор достал телефон, его глаза горели гневом.

— Сейчас не до сантиментов.

Сидя с двумя компаньонами в отдельном купе «Фреччардженто», мужчина в шейном платке и очках «Плюм Пари» изо всех сил старался не чесаться, хотя сыпь зудела все больше. Боль в груди, казалось, тоже усилилась.

Когда поезд наконец вынырнул из тоннеля, мужчина посмотрел на Лэнгдона — тот медленно открыл глаза, судя по всему, отрываясь от глубокого раздумья. Сидевшая возле него Сиенна посматривала на телефон, который положила на стол, поскольку в тоннеле не было связи. Она хотела продолжить поиск в Интернете, но, прежде чем успела взять аппарат, он вдруг завибрировал, издавая серию отрывистых сигналов.

Узнав звонок, мужчина с сыпью быстро схватил телефон и посмотрел на экран, стараясь скрыть изумление.

— Прошу меня извинить, — сказал он, вставая. — Это мама. Она сейчас болеет. Я должен ответить.

Сиенна с Лэнгдоном понимающе кивнули, и мужчина вышел из купе и быстро направился по вагону к ближайшему туалету.

Заперев за собой дверь, он произнес:

— Алло?

— Это Ректор, — послышался в трубке мрачный

голос.

Глава 65

В туалетной кабинке на скоростном «Фреччардженто», столь же крохотной, как и на борту пассажирского самолета, было не повернуться. Закончив разговор с Ректором, мужчина с сыпью убрал телефон в карман.

Все изменилось, подумал он. Поскольку все перевернулось с ног на голову, он постарался осмыслить свое новое положение.

Мои друзья стали моими врагами.

Ослабив шейный платок, он посмотрелся в зеркало. Покрытое сыпью лицо выглядело даже хуже, чем он предполагал. Но больше всего его беспокоило не лицо, а боль в груди.

Нерешительно расстегнув несколько пуговиц, он распахнул рубашку и посмотрел на грудь.

О Господи!

Темное пятно посередине груди увеличилось. Оно появилось вчера и было размером с мяч для гольфа, а теперь стало иссиня-черного цвета и величиной с апельсин. Мужчина осторожно потрогал его и поморщился от боли. Торопливо застегивая пуговицы, подумал, что обязатель-

но должен найти в себе силы довести дело до конца.

Следующий час будет решающим. Надо только все сделать правильно.

Закрыв глаза, он сосредоточился и мысленно прокрутил в голове предстоящие события. *Мои друзья стали моими врагами,* снова подумал он и сделал несколько глубоких, болезненных вдохов, чтобы успокоить нервы. Он понимал, что для осуществления своего замысла ему надо выглядеть невозмутимым и не вызывать подозрений.

Для убедительной игры решающее значение имеет душевное равновесие.

Ему и раньше приходилось обманывать, но все же сердце бешено колотилось и никак не хотело успокоиться. Он сделал глубокий, хоть и прерывистый вдох. *Ты же обманывал людей годами*, напомнил он себе. *Ты это умеешь*.

Собравшись с силами, мужчина приготовился вернуться к Лэнгдону и Сиенне. *Мое прощальное выступление*, подумал он и, перед тем как покинуть кабинку туалета, вынул из телефона аккумулятор, чтобы мобильником нельзя было больше воспользоваться.

* * *

Он выглядит совсем плохо, подумала Сиенна, глядя, с каким трудом вернувшийся Феррис опускается в кресло напротив.

— Все в порядке? — спросила она участливо.

Он кивнул:

— Да, спасибо. Все нормально.

Видя, что он не собирается больше ничего говорить, Сиенна перешла к делу.

— Мне нужен ваш телефон, — сказала она. — Если вы не против, я хочу поискать еще информацию о доже. Может, нам удастся получить кое-какие ответы еще до посещения собора Святого Марка.

— Конечно, — сказал он и, вынув телефон из кармана, посмотрел на дисплей. — Вот черт! Во время разговора был сигнал, что батарея садится. Похоже, телефон совсем разрядился. — Он взглянул на часы. — Мы уже скоро будем в Венеции. Придется немного подождать.

Координатор Ноултон молча наблюдал за Ректором, нервно расхаживавшим по его кабинету на борту «Мендация», стоявшего на якоре в пяти милях от итальянского берега. После телефонного

разговора Ректор что-то лихорадочно обдумывал, и Ноултон знал, что в такой момент мешать ему было себе дороже.

Наконец Ректор заговорил, причем таким напряженным голосом, какого Ноултону еще не доводилось слышать.

— У нас нет выбора. Нужно показать это видео доктору Элизабет Сински.

Ноултон сидел не шевелясь, изо всех сил стараясь не показать изумления. *Седовласой дьяволице? От которой мы скрывали Зобриста целый год?*

— Слушаюсь, сэр. Послать ей ролик по электронной почте?

— Ни в коем случае! А если он попадет в СМИ? Это приведет к повальной истерии. Я хочу, чтобы доктора Сински доставили на борт «Мендация» как можно быстрее.

Ноултон не верил своим ушам. Он хочет привезти главу ВОЗ на борт «Мендация»?

— Сэр, такое нарушение протокола секретности неизбежно повлечет…

— Выполняйте, Ноултон! НЕМЕДЛЕННО!

Глава 66

Взгляд ФС-2080 был направлен в окно стремительно мчавшегося «Фреччардженто». В стекле виднелось отражение Роберта Лэнгдона, по-прежнему отчаянно пытавшегося разгадать головоломку, сочиненную Бертраном Зобристом.

Бертран, нахлынули воспоминания на ФС-2080. *Боже, как же мне его не хватает.*

Боль утраты еще не утихла. Вечер, когда они встретились, до сих пор казался волшебной сказкой.

Чикаго. На улице метель.

Январь. Это было шесть лет назад… а кажется, что только вчера. Я пробираюсь, подняв воротник от пронизывающего ветра и слепящего снега, по заваленной сугробами центральной улице Чикаго. Несмотря на холод, я повторяю себе, что мне обязательно нужно добраться до зала, где сегодня будет выступать сам великий Бертран Зобрист.

Я читаю все, что он пишет, а теперь мне посчастливилось оказаться в числе пятисот человек, которые сумели достать билет на его

выступление.

Так и не отогревшись после пронизывающего ветра, я вхожу в зал и с ужасом вижу, что он почти пуст. Неужели его выступление отменили? Город практически парализован метелью… Она помешала Зобристу приехать?

Но он здесь.

На сцене появляется высокая элегантная фигура.

Он высокий… очень высокий… а за пронзительным взглядом зеленых глаз угадывается знание самых сокровенных тайн мира. Он окидывает взглядом пустой зал — в нем всего с десяток стойких поклонников, — и мне стыдно, что здесь так мало людей. Это же Бертран Зобрист!

В наступившей гнетущей тишине он смотрит на нас, и лицо его сурово. Но вдруг он разражается смехом, и глаза его весело сверкают.

— К черту этот пустой зал! — заявляет он. — Мой отель рядом. Приглашаю всех в бар!

Собравшиеся радостно откликаются, и наша маленькая группа перебирается в бар отеля, где мы устраиваемся в отдельной кабинке и заказываем выпивку. Зобрист рассказывает о своих исследованиях, пути к славе и делится мыслями о будущем генной инженерии. Спиртное течет

рекой, и вскоре разговор переходит на тему трансгуманизма, философией которого Зобрист увлекся.

— Я считаю, что трансгуманизм — это единственная надежда человечества на выживание в будущем, — проповедует Зобрист, расстегивая рубашку и показывая всем татуировку «Ч+» на своем плече. — Как видите, я ревностный поборник этой идеи.

У меня такое чувство, будто я на личной встрече с рок-звездой. Невозможно представить, чтобы прославленный «гений генетики» оказался таким харизматичным и обаятельным при общении. Каждый раз, когда Зобрист останавливает на мне взгляд своих зеленых глаз, мною овладевает какое-то неведомое доселе чувство… сильнейшего сексуального влечения.

Постепенно собравшиеся начинают расходиться, и к полуночи мы с Бертраном Зобристом остаемся одни.

— Спасибо вам за сегодняшний вечер, — говорю я, чувствуя, что от выпитого слегка кружится голова. — Вы — настоящий гуру.

— Это лесть? — улыбается Зобрист и наклоняется ближе. Наши колени соприкасаются. — Она может далеко завести.

Заигрывание явно неуместно, но за окном пустого отеля метет метель, и кажется, что время остановилось и весь мир замер.

— Что скажешь? — спрашивает Зобрист. — По стаканчику у меня в номере?

Я не шевелюсь, понимая, что выгляжу точь-в-точь как олень, парализованный светом фар.

Глаза Зобриста тепло поблескивают.

— Позволь, я угадаю, — шепчет он. — У тебя это первый раз со знаменитостью.

Я чувствую, что краснею, и стараюсь скрыть нахлынувшие чувства — смущение, возбуждение, страх.

— Если честно, — признаюсь я, — у меня еще никогда не было мужчины.

Зобрист улыбается и придвигается ближе.

— Не понимаю, в чем причина столь долгого ожидания, но позволь мне быть твоим первым.

В этот момент все сексуальные страхи и переживания детства улетучиваются… в снежную ночь. Впервые в жизни я чувствую влечение, которое не подавляет стыд. Я хочу его.

Десять минут спустя мы уже в номере Зобриста, оба раздеты и обнимаемся. Зобрист не спешит и умело ласкает меня, вызывая в моем неопытном теле неведомые доселе ощущения.

Это мой выбор. Он меня не принуждал.

В объятиях Зобриста я чувствую, будто все в мире устроено так, как надо. Я лежу на кровати, смотрю на метель за окном и знаю, что последую за этим человеком куда угодно.

«Фреччарденто» вдруг начал тормозить, отрывая ФС-2080 от блаженных воспоминаний и возвращая в безрадостное настоящее.

Бертран… тебя больше нет.

Их первая проведенная вместе ночь явилась первым шагом долгого путешествия.

Мы не просто любовники. Мы стали единомышленниками, и я безраздельно верю в правоту его идей.

— Мост Свободы, — произнес Лэнгдон. — Мы почти приехали.

Печальный взгляд ФС-2080 был устремлен на воды Венецианской лагуны, где они с Бертраном ходили под парусом… мирная картина, которую теперь сменило ужасное воспоминание о случившемся неделю назад.

Мы были вместе, когда он прыгнул с башни Бадия.

Последним, что он видел, были мои глаза.

Глава 67

Легкий двухмоторный самолет бизнес-класса «Сессна» компании «НетДжетс» вылетел из аэропорта Тассиньяно и, преодолевая зону турбулентности, взял курс на Венецию. Находившаяся на его борту доктор Элизабет Сински не замечала воздушных ям и рассеянно крутила в руках амулет, уставив в иллюминатор невидящий взгляд.

Ей перестали колоть успокоительное, и теперь она вновь обрела способность ясно мыслить. В соседнем кресле расположился агент Брюдер. Он молчал, видимо, пытаясь осмыслить столь неожиданный поворот событий.

Все перевернулось с ног на голову, подумала Сински, все еще не до конца веря в произошедшее.

Полчаса назад они влетели в аэропорт, чтобы перехватить Лэнгдона, когда он будет садиться на частный самолет. Однако профессора там не оказалось, а возле трапа пустого самолета нетерпеливо прогуливались, поглядывая на часы, два пилота.

Роберт Лэнгдон так и не появился.

А потом раздался телефонный звонок.

В это время Сински по-прежнему находилась на заднем сиденье черного фургона. Агент Брюдер влез в фургон и, не скрывая, что абсолютно сбит с толку, протянул ей телефон.

— С вами хотят срочно поговорить, мэм.

— Кто? — спросила она.

— Меня просили передать, что для вас есть срочная информация о Бертране Зобристе.

Она схватила телефон.

— Это доктор Элизабет Сински.

— Доктор Сински, мы с вами никогда не встречались, но моя организация помогала Бертрану Зобристу скрываться от вас на протяжении последнего года.

Сински резко выпрямилась.

— Кем бы вы, черт возьми, ни были, но вы помогали преступнику!

— Мы не сделали ничего противозаконного, но не в этом…

— Еще как сделали!

Мужчина на другом конце глубоко вдохнул и заговорил подчеркнуто тихо и спокойно:

— У нас с вами еще будет возможность обсудить этичность моих действий. Вам обо мне ничего не известно, но я о вас знаю очень много. Мистер Зобрист щедро оплачивал мои услуги, чтобы

ни вы, ни ваши люди не нашли его на протяжении последнего года. Сейчас своим звонком я нарушаю строжайшее правило, мною же установленное. И все же я считаю, что у нас нет другого выхода, кроме как объединить усилия. Боюсь, что Бертран Зобрист мог сделать нечто ужасное.

Сински терялась в догадках, кем был этот человек.

— И вы это поняли только сейчас?!

— Да, именно так. Только сейчас. — Казалось, он говорил искренне.

Сински попыталась прояснить ситуацию:

— Кто вы?

— Человек, который хочет помочь, пока еще это возможно. У меня есть видеоролик, записанный Бертраном Зобристом. Он просил меня обнародовать его… завтра. Я думаю, что вы должны его посмотреть немедленно.

— И о чем в нем говорится?

— Не по телефону. Нам надо встретиться.

— Откуда мне знать, что я могу доверять вам?

— Я скажу вам, где сейчас находится Роберт Лэнгдон… и почему он так странно себя ведет.

Вздрогнув при упоминании Лэнгдона, Сински с изумлением выслушала невероятный рассказ. Ее теперешний собеседник целый год действовал

заодно с ее врагом, но, слушая подробности, она чувствовала, что его словам можно верить.

У меня нет выбора, кроме как согласиться.

Совместными усилиями они быстро «реквизировали» самолет, так и оставшийся невостребованным. Сински и люди в черном направились на нем в Венецию, куда, по данным звонившего, Лэнгдон и его спутники должны были прибыть с минуты на минуту на поезде. Чтобы связаться с местными властями, было уже слишком поздно, но звонивший утверждал, что знает, куда направляется Лэнгдон.

Площадь Святого Марка? При мысли о том, какие толпы людей находятся на этой вечно заполненной народом площади, ей стало не по себе.

— Откуда вам это известно?

— Не по телефону, — снова сказал мужчина. — Но вы должны знать: Лэнгдон не подозревает, что путешествует в обществе очень опасного человека.

— Какого?! — не удержалась от вопроса Элизабет.

— Этот человек — доверенное лицо Зобриста. — Ее собеседник тяжело вздохнул. — Я тоже ему доверял. Как выяснилось, напрасно. И я думаю,

что сейчас он представляет весьма реальную угрозу.

Пока их самолет летел в венецианский аэропорт Марко Поло, Сински размышляла о Роберте Лэнгдоне. *У него амнезия? И он ничего не помнит?* От этой неожиданной новости, хоть и многое объяснявшей, она вновь почувствовала вину за то, что втянула видного ученого во всю эту историю.

Я не оставила ему выбора.

Почти два дня назад, когда Сински привлекла Лэнгдона к работе, она даже не дала ему возможности забрать из дома паспорт. Она договорилась, что его беспрепятственно пропустят в аэропорту Флоренции как специального представителя Всемирной организации здравоохранения.

Когда «С-130» ВОЗ набрал высоту и взял курс на восток над Атлантикой, Элизабет обратила внимание, что сидевший рядом профессор плохо выглядит. Он не отводил взгляда от абсолютно глухой стены фюзеляжа.

— Профессор, в этом самолете нет иллюминаторов. Раньше это был военный транспортный самолет.

Лэнгдон повернулся к ней, и на лице у него не было ни кровинки.

— Да, я обратил на это внимание, как только поднялся на борт. Мне нехорошо в замкнутом пространстве.

— И вы стараетесь представить, что смотрите в воображаемое окно?

Он смущенно улыбнулся.

— Что-то вроде этого.

— Посмотрите-ка лучше сюда. — Она вытащила фотографию своего долговязого противника с зелеными глазами и положила перед ним. — Это Бертран Зобрист.

Она уже успела рассказать ему о своем столкновении с Зобристом в Совете по международным отношениям, его одержимости уравнением демографического апокалипсиса, пространных рассуждениях о благотворности черной чумы и, что хуже всего, исчезновении год назад.

— Но как может столь известный человек скрыться из вида так надолго?

— Ему помогали. Причем профессионально. Не исключено, что на правительственном уровне какого-нибудь государства.

— Но какое правительство станет попустительствовать созданию вируса чумы?

— Одно из тех, что стремятся раздобыть ядерное оружие на черном рынке. Не забывайте, что

эффективный вирус чумы является идеальным биологическим оружием и стоит огромных денег. Зобрист мог запросто ввести своих партнеров в заблуждение и заверить, что его детище имеет ограниченный радиус действия. Только он сам представлял истинные масштабы поражающего эффекта своего детища.

Лэнгдон задумался.

— К тому же, — продолжала Сински, — Зобристу могли помогать не из-за власти или денег, а его единомышленники. У него было немало сторонников, готовых ради него на все. Он был настоящей знаменитостью. Кстати, не так давно он выступал даже в вашем университете.

— В Гарварде?

Сински вынула ручку и написала сбоку фотографии букву «Ч» со знаком плюс.

— Вы хорошо разбираетесь в символах, — сказала она. — Узнаете этот?

Ч+

— «Ч плюс», — пробормотал Лэнгдон, неуверенно кивая. — Да, несколько лет назад плакаты с ним были развешаны по всему нашему университетскому городку.

Сински хмыкнула.

— Это были афиши саммита «Человечество плюс» две тысячи десятого года — крупнейшей в истории встречи сторонников трансгуманизма. «Ч плюс» является символом движения трансгуманистов.

Лэнгдон наклонил голову, стараясь припомнить, где мог встречать такой знак.

— Трансгуманизм, — пояснила Сински, — это движение интеллектуалов, своего рода философия, которая весьма быстро приобретает популярность в научном сообществе. Ее суть сводится к тому, что люди должны использовать новые технологии для преодоления слабостей, присущих физической природе человека. Другими словами, следующим шагом человеческой эволюции должно стать совершенствование нас самих с помощью биологической инженерии.

— Звучит пугающе, — заметил Лэнгдон.

— Как и при любых изменениях, это всего лишь вопрос меры. Технически мы занимаемся этим уже много лет — делаем вакцины, которые вырабатывают у детей иммунитет к определенным заболеваниям… полиомиелиту, оспе, брюшному тифу. Разница в том, что научные открытия Зобриста в сфере генной инженерии зародышевой линии позволяют нам создать наследуемый

иммунный механизм, который сделает все последующие поколения невосприимчивыми к конкретному заболеванию.

Лэнгдон был поражен.

— И тогда эволюция людской особи приведет к тому, что человек станет невосприимчив, скажем, к тифу?

— Такую эволюцию правильнее называть «искусственной», точнее, «смоделированной», — поправила его Сински. — Обычно эволюционный процесс — будь то появление конечностей у двоякодышащей рыбы, или развитие противостоящего большого пальца у обезьяны, — занимает тысячелетия. Теперь же мы можем осуществить кардинальные генетические изменения за одно поколение. Сторонники данной технологии считают это высшим проявлением дарвиновского «выживания наиболее приспособленных»: люди становятся видом, который умеет управлять своим собственным эволюционным процессом.

— Да это все равно что взять на себя роль Бога, — заметил Лэнгдон.

— Полностью с вами согласна, — кивнула Сински. — Зобрист, однако, как и многие трансгуманисты, настаивал на том, что использование всех имеющихся возможностей для улучшения

своего вида, в частности, генетической мутации зародышевой линии, является эволюционным долгом человечества. Проблема в том, что генетическое конструирование похоже на карточный домик: каждый ген связан с другими множеством связей, и зачастую мы даже не представляем всего их разнообразия. Изменение одной конкретной черты может повлечь за собой одновременно изменение сотен других, причем не исключено, что с самыми катастрофическими последствиями.

Лэнгдон кивнул.

— Поэтому эволюция и является постепенным процессом.

— Именно! — воскликнула Сински, с каждой минутой проникаясь к профессору все большим уважением. — Мы вмешиваемся в процесс, который занимает миллионы лет. Мы живем в опасное время. Уже сейчас у нас есть возможность задействовать определенные последовательности генов, чтобы наделить потомков повышенной ловкостью, выносливостью, силой и даже интеллектом — по существу, создать расу сверхлюдей. Этих гипотетических, «продвинутых» индивидуумов трансгуманисты считают постлюдьми, которые, по мнению некоторых, и станут будущим нашего вида.

— Звучит зловеще, как евгеника, — заметил Лэнгдон.

От этого сравнения по коже Элизабет пробежали мурашки.

В 1940-х годах нацистские ученые работали над технологией, получившей название «евгеника», которая позволила бы с помощью генной инженерии увеличить рождаемость обладателей определенных «желательных» генетических признаков при одновременном снижении рождаемости обладателей «менее желательных» этнических черт.

Этническая «чистка» на генетическом уровне.

— Определенное сходство есть, — согласилась Сински, — и хотя сейчас трудно представить, как можно создать новую человеческую расу, однако немало отнюдь не глупых людей полагают, что для выживания необходимо заняться этим уже сейчас. Один из спонсоров журнала трансгуманистов «Ч плюс» назвал генный инжиниринг зародышевой линии «первым шагом в этом направлении» и утверждал, что он «олицетворяет собой истинный потенциал нашего вида». — Она помолчала. — Справедливости ради отмечу, что тот же журнал перепечатал статью «Самая опасная идея на свете», опубликованную в журнале

«Дискавери».

— Думаю, что разделяю мнение, изложенное в этой последней статье, — заявил Лэнгдон. — Во всяком случае, с социокультурной точки зрения.

— Это как?

— Полагаю, что генетические улучшения, подобно пластической хирургии, будут стоить дорого, верно?

— Разумеется. Далеко не всем по карману усовершенствовать себя или свое потомство.

— А это означает, что узаконенное генетическое усовершенствование немедленно расколет мир на тех, кто может себе это позволить, и остальных. Уже сейчас имущих и неимущих разделяет огромная пропасть, а генная инженерия создаст расу сверхлюдей… Вы думаете, обычному человеку нравится, что миром правит один процент сверхбогатых? А теперь представьте, что этот один процент еще и высшая раса в прямом смысле — они умнее, сильнее и здоровее. И тогда мы имеем все условия для рабства или этнической чистки.

Сински наградила улыбкой симпатичного профессора.

— Вы с ходу уловили главную, по моему мнению, опасность генной инженерии.

— Возможно, но в отношении Зобриста у меня так и нет ясности. Все эти чаяния трансгуманистов направлены на усовершенствование человечества, улучшение его здоровья, излечение от смертельных болезней, продление жизни. А взгляды Зобриста на перенаселение подразумевают уничтожение людей. Разве его идеи трансгуманизма и борьбы с перенаселением не вступают в противоречие друг с другом?

Сински тяжело вздохнула. Вопрос в самую точку, но ответ на него, увы, не сулил ничего хорошего.

— Зобрист искренне верил в идеи трансгуманизма, в улучшение природы человека посредством технологий, но был также убежден, что наш вид вымрет до того, как успеет это сделать. По сути, если не предпринять никаких мер, то из-за перенаселения наш вид исчезнет раньше, чем мы успеем воспользоваться плодами генной инженерии.

Глаза у Лэнгдона округлились.

— И Зобрист решил «проредить стадо»… чтобы выиграть время?

Сински кивнула.

— Он как-то сравнил себя с человеком на тонущем судне, на борту которого количество

пассажиров каждый час удваивается. Он изо всех сил старается успеть построить спасательную шлюпку, пока судно не пошло ко дну под тяжестью собственного веса. — Она выдержала паузу. — Он предлагал выбросить половину пассажиров за борт.

Лэнгдон поморщился.

— Подумать страшно.

— Кто бы спорил. Но не сомневайтесь, Зобрист искренне верил, что резкое сокращение населения планеты когда-нибудь войдет в историю как величайший подвиг… как момент истины в вопросе выживания человеческой расы.

— Страшная идея.

— Тем более что у него были единомышленники. Когда он умер, многие стали считать его мучеником. Я не знаю, с кем нам придется столкнуться, когда мы прилетим во Флоренцию, но нам надо соблюдать крайнюю осторожность. Мы будем не единственными, кто постарается найти вирус чумы, и для вашей же собственной безопасности ни один человек не должен знать, что вы в Италии и тоже его ищете.

Лэнгдон рассказал ей о своем друге Игнацио Бузони, специалисте по Данте, который мог бы провести его в палаццо Веккьо после закрытия

музея для туристов, чтобы внимательно изучить фреску с надписью «cerca trova».

Сински убрала назад длинные пряди серебристых волос и внимательно посмотрела на Лэнгдона.

— Ищите и обрящете, профессор. Время на исходе.

Потом она прошла в грузовой отсек и принесла оттуда самый надежный контейнер ВОЗ с биометрическим запорным механизмом.

— Дайте мне ваш большой палец, профессор, — попросила она.

Лэнгдон удивился, но протянул руку.

Запрограммировав контейнер так, что открыть его мог только Лэнгдон, Сински вложила в него маленький проектор.

— Считайте, что это портативный сейф, — сказала она с улыбкой.

— А как же знак биологической опасности? — с сомнением поинтересовался он.

— Других у нас нет. К тому же он отобьет охоту у посторонних в нем покопаться.

Извинившись, Лэнгдон поднялся, чтобы размять ноги и наведаться в туалет. Пока его не было, Элизабет попыталась убрать контейнер в карман его пиджака, но тот туда не помещался.

Он не может расхаживать с контейнером у всех на виду. На секунду задумавшись, она снова сходила в грузовой отсек и принесла оттуда скальпель и нитки с иголкой. Ловко разрезав подкладку пиджака, аккуратно сшила потайной карман точно по размерам биоконтейнера.

Когда Лэнгдон вернулся, Сински как раз делала последние стежки.

Профессор замер на месте с таким выражением лица, будто она на его глазах уничтожала «Мону Лизу».

— Вы испортили подкладку моего твидового пиджака?!

— Не волнуйтесь, профессор, — успокоила она. — Я — опытный хирург. И стежки сделаны профессионально.

Глава 68

Венецианский железнодорожный вокзал Санта-Лючия представляет собой невысокое изящное здание из серого камня и бетона. Оно спроектировано в современном минималистском стиле, и единственным украшением фасада служат две крылатые буквы «FS» — логотип Государственных железных дорог Ferrovie dello Stato.

Вокзал расположен в западной оконечности Большого канала, и пассажиры, прибывающие в Венецию на поезде, уже с первых шагов погружаются в неповторимую атмосферу ее красот, шума и запахов.

Первым, что всегда производило впечатление на Лэнгдона в этом городе, был соленый воздух — чистый океанский бриз, приправленный ароматом пиццы без томатного соуса, которую предлагают уличные торговцы прямо у вокзала. На этот раз ветер дул с востока, и в воздухе витал запах дизельного топлива водных такси, которые выстроились в длинную очередь на неспокойных водах Большого канала. Десятки шкиперов махали руками и кричали туристам, надеясь

заманить их на борт своих такси, гондол, скоростных катеров и речных трамваев вапоретто.

Сумасшедший дом, подумал Лэнгдон, глядя на скопившиеся в заторе суда. Где-нибудь в Бостоне такая пробка сводила бы с ума, но в Венеции казалась милой и забавной.

На другой стороне канала в полуденное небо устремлялся знаменитый зеленый купол церкви Сан-Симеоне-Пикколо, считавшейся одним из самых эклектичных храмовых сооружений во всей Европе. Этот купол в форме овальной чаши, вытянутой в высоту, и круглая алтарная часть — византийские по стилю, а роскошный портал с богато декорированным портиком и четырьмя мраморными колоннами напоминают классический греческий вход в римский Пантеон. Главный вход венчает эффектный фронтон с замысловатым мраморным рельефом, изображающим святых мучеников.

Венеция — это настоящий музей под открытым небом, подумал Лэнгдон, глядя на церковные ступени, вокруг которых плескалась вода. *Музей, который медленно погружается в воду*. Но это казалось сущим пустяком по сравнению с угрозой, которая таилась где-то в водах, на которых стоял город.

И никто даже не догадывается…

В голове Лэнгдона продолжало звучать стихотворение, написанное на обратной стороне посмертной маски Данте, и он все пытался понять, куда оно должно их привести. Листок с переписанным стихотворением лежал у него в кармане, но саму гипсовую маску — по предложению Сиенны — Лэнгдон завернул в газету и оставил в автоматической камере хранения на вокзале. Конечно, для такого ценного артефакта это место было не совсем подходящим, но держать маску там было все же намного безопаснее, чем носить с собой по городу на воде.

— Роберт! — Сиенна с Феррисом уже прошли вперед, и она показывала на водное такси. — У нас мало времени.

Лэнгдон поспешил к ним, хотя, будучи ценителем архитектуры, считал кощунством быструю езду по каналу. Вряд ли что-то в Венеции может сравниться с удовольствием оказаться на борту главного речного трамвая города, чтобы, сидя впереди под открытым небом, любоваться проплывающими мимо подсвеченными соборами и дворцами.

Но сегодня никаких вапоретто, подумал Лэнгдон. Речные трамваи передвигались крайне

медленно, водное такси было намного быстрее, но и за ними, к сожалению, выстроилась казавшаяся бесконечной очередь.

Однако Феррис не был расположен ждать и быстро взял инициативу в свои руки. Размахивая пачкой купюр, он подозвал водный «лимузин» — роскошный катер из отполированного до блеска южноафриканского красного дерева. Хотя столь изысканное средство передвижения было явным перебором, оно гарантировало быструю и приватную поездку — до площади Святого Марка они доберутся всего через пятнадцать минут езды по Большому каналу.

Водителем оказался на редкость красивый мужчина в костюме от Армани, сшитом на заказ. Он был больше похож на кинозвезду, чем на шкипера, но это же Венеция — средоточие итальянской элегантности.

— Маурицио Пимпони, — представился шкипер, проводя их на борт и подмигивая Сиенне. — Prosecco?[32] Limoncello?[33] Шампанского?

— No, grazie, — ответила Сиенна и на беглом итальянском велела как можно быстрее доста-

---

[32] Примечания: 32
Просекко — итальянское сухое игристое вино.

[33] Примечания: 33
Лимончелло — популярный итальянский лимонный ликер.

вить их на площадь Святого Марка.

— Ma certo![34] — снова подмигнул Маурицио. — Мой катер самый быстрый в Венеции…

Пока Лэнгдон со спутниками устраивался в шикарных креслах на корме, Маурицио завел мощный двигатель и задним ходом ловко выбрался из толчеи лодок, после чего повернул штурвал вправо и резко прибавил газу. Катер понесся вдоль длинной вереницы гондол. Те заплясали на поднятых катером волнах, и вслед ему понеслись проклятия одетых в полосатые футболки гондольеров, которые со злостью размахивали кулаками.

— Scusate![35] — крикнул в ответ Маурицио извиняющимся тоном. — ВИП-клиенты!

Через несколько секунд он миновал затор из лодок возле вокзала Санта-Лючия и помчался по Большому каналу на восток. Когда они проплывали под изящной аркой моста Скальци, Лэнгдон уловил знакомый аромат местного деликатеса seppie al nero — каракатиц в собственном соку, — который долетал из ресторанов под навесами, располагавшихся вдоль берега. За излучиной по-

---

[34] Примечания: 34
Ну конечно! (*ит.*)

[35] Примечания: 35
Извините! (*ит.*)

казалось внушительное строение церкви Святого Иеремии, увенчанное куполом.

— Святая Луция, — прошептал Лэнгдон, прочитав имя святой на стене церкви. — Кости незрячих.

— Что вы сказали? — спросила Сиенна, надеясь, что ему удалось разгадать что-то еще из непонятного стихотворения.

— Да так, ерунда, — ответил Лэнгдон. — Просто неожиданная мысль. Видите надпись? — Он показал на церковь. — Там похоронена святая Луция. Я иногда читаю лекции по алиографическому искусству, которое описывает христианских святых, и вдруг вспомнил, что святая Луция является покровительницей слепых.

— Sì, santa Lucia! — вмешался Маурицио, желая оказаться полезным. — Покровительница слепых! Знаете ее историю? Нет? — Шкипер говорил громко, стараясь перекричать рев двигателя. — Луция была такой красивой, что ее желали все мужчины. И она, чтобы сохранить для Господа чистоту и целомудрие, вырвала себе глаза.

Сиенну даже передернуло.

— Ничего себе благочестие!

— А в награду за ее жертву, — добавил Маурицио, — Господь дал Луции глаза еще прекраснее.

Сиенна посмотрела на Лэнгдона.

— Он же понимает, что в этом нет никакого смысла, верно?

— Пути Господни неисповедимы, — заметил Лэнгдон, припоминая картины старых мастеров, на которых святая Луция была изображена с подносом, на котором лежали ее глаза. Таких картин он знал не меньше двух десятков.

Хотя версий легенды о святой Луции было несколько, но во всех она вырезала себе глаза, которые вызывали в мужчинах вожделение, клала их на поднос и протягивала объятому страстью преследователю со словами: «Вот то, чего ты возжелал так сильно… а теперь, молю, оставь меня в покое!» Особенно пугало то, что на такую жертву Луцию подвигло наставление Христа, о котором говорится в Священном Писании: «И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя».

Лэнгдон снова вспомнил о стихотворении. *Пусть ищет дожа вероломного Венеции, что… кости собирал незрячих.*

Удивившись совпадению, Лэнгдон задумался, не может ли святая Луция быть той самой незрячей, о которой говорилось в стихотворении.

— Маурицио, — крикнул Лэнгдон и показал на церковь Святого Иеремии. — А там есть мощи

святой Луции?

— Какие-то есть, — подтвердил тот, ловко управляя катером одной рукой и не обращая внимания на встречные лодки. — Но немного. Святую Луцию так почитают, что ее мощи разошлись по церквям всего мира. Но больше всего ее любят, конечно, в Венеции, поэтому мы празднуем…

— Маурицио! — снова крикнул Лэнгдон. — Святая Луция была слепой, но ты-то нет! Смотри вперед!

Шкипер добродушно расхохотался и в последний момент успел отвести катер в сторону и избежать столкновения со встречной лодкой.

Сиенна внимательно смотрела на Лэнгдона.

— Вы о чем подумали? О вероломном доже, что собирает кости незрячих?

Лэнгдон задумчиво закусил губу.

— Я не уверен.

Он быстро рассказал Сиенне и Феррису историю останков святой Луции — ее мощей, — которая была одной из самых удивительных в жизнеописании святых. По легенде, когда прекрасная Луция отвергла ухаживания влиятельного ухажера, тот подверг ее преследованию и добился приговора о сожжении на костре, однако ее тело оказалось неподвластно огню. После этого

люди стали считать, что ее мощи обладают чудодейственной силой, а их обладатели проживут необычно долгую жизнь.

— Чудодейственные мощи? — переспросила Сиенна.

— Да, в это верили, и поэтому ее мощи разошлись по всему миру. На протяжении двух тысячелетий могущественные правители пытались заполучить мощи святой Луции, чтобы отсрочить свою старость и смерть. Ее скелет неоднократно похищали, помещали в разные места и разделяли на части гораздо чаще, чем любого другого святого. Ее мощами владели больше десятка самых могущественных правителей в истории человечества.

— Включая вероломного дожа? — напомнила Сиенна.

Пусть ищет дожа вероломного Венеции, что лошадей оставил без голов… да кости собирал незрячих.

— Возможно, — согласился Лэнгдон, вспоминая, что в «Аде» Данте святой Луции отводится особая роль. Она является одной из трех благословенных женщин — «tre donne benedette», — которые поручают Вергилию вывести Данте из преисподней. Поскольку двумя другими были Богородица и

возлюбленная Данте Беатриче, то поэт помещает Луцию в самую почетную компанию.

— Если вы правы насчет этого, — Сиенна не могла скрыть волнения, — то вероломный дож, который оставил лошадей без голов…

— …украл и мощи святой Луции, — закончил за нее фразу Лэнгдон.

Сиенна кивнула.

— Это существенно сократит наш список. — Она перевела взгляд на Ферриса. — Вы уверены, что телефон не работает? Мы могли бы посмотреть в Интернете…

— Разрядился полностью, — ответил Феррис. — Я только что проверял. Мне жаль.

— Мы уже скоро будем на месте, — сказал Лэнгдон. — Уверен, что в соборе Святого Марка какие-то ответы мы найдем.

Собор Святого Марка, или Сан-Марко, был единственным местом, в причастности которого к головоломке Лэнгдон не сомневался. *Мусейон в убранстве злата мудрости святой.* Профессор рассчитывал, что базилика поможет определить имя загадочного дожа… А там, если повезет, и место, выбранное Зобристом для распространения чумы. *Где в темноте хтонический таится зверь*.

Лэнгдон тщетно старался выбросить из головы

мысли о чуме. Он часто пытался представить себе, как выглядел этот город во времена расцвета… когда Венеция являлась гордым властелином всей европейской торговли… еще до того, как ее, ослабленную чумой, покорили сначала турки, а затем Наполеон. В мире не было города, способного бросить вызов Венеции красотой, а ее жителям — богатством и культурой.

По иронии судьбы, именно тяга венецианцев к заморским предметам роскоши и стала причиной ее упадка — чуму в город занесли крысы в трюмах торговых судов. Та же чума, что уничтожила две трети неисчислимого населения Китая, добралась до Европы и унесла жизнь каждого третьего ее жителя — молодого и старого, бедного и богатого без разбора.

Лэнгдон читал описание жизни в Венеции во время эпидемии чумы. Из-за нехватки или отсутствия земли хоронить умерших было негде, распухшие тела плавали в каналах, в некоторых местах сбиваясь в такую плотную массу, что их приходилось растаскивать баграми, словно бревна, и отправлять в море. Казалось, никакие молитвы не могли умилостивить чуму. Власти слишком поздно поняли, что разносчиком заразы были крысы, но все же в Венеции приняли закон,

по которому каждое прибывшее судно должно было простоять на рейде сорок суток, прежде чем ему разрешат разгрузиться. И по сей день число «сорок» — quaranta — служит мрачным напоминанием о происхождении слова «карантин».

Катер снова свернул в излучину, и возникший перед их глазами праздничный красный транспарант, чуть трепыхавшийся на ветру, отвлек Лэнгдона от печальных мыслей и заставил бросить взгляд на изящное трехъярусное здание слева по курсу.

КАЗИНО ВЕНЕЦИИ:
ЭМОЦИИ БЕЗ ГРАНИЦ

Лэнгдон никогда толком не понимал, как первая часть надписи связана со второй, но само здание было чудесным образцом дворцовой архитектуры эпохи Возрождения, украшавшим венецианский ландшафт с шестнадцатого века. В этом некогда жилом особняке теперь размещалось роскошное казино, известное тем, что в 1883 году в нем скончался от сердечного приступа композитор Рихард Вагнер вскоре после постановки его оперы-мистерии «Парсифаль».

Справа от казино на рустованном фасаде здания в стиле барокко висел еще один транспарант,

даже больший, чем первый, только уже темно-синего цвета, на котором было выведено на итальянском:

> CA' PESARO: GALLERIA INTERNAZIONALE D'ARTE MODERNA[36].

Несколько лет назад Лэнгдон посетил ее и увидел там привезенный из Вены для временной экспозиции шедевр Густава Климта «Поцелуй». Погруженные друг в друга влюбленные, изображенные Климтом на краю цветочной поляны в золотой ауре, для чего он использовал настоящее листовое сусальное золото, навсегда сделали его поклонником творчества этого художника. Лэнгдон справедливо считал, что своим неподдельным интересом к современному искусству он обязан венецианскому Ка-Пезаро.

Канал стал шире, и Маурицио прибавил скорость. Впереди показался знаменитый мост Риальто, находившийся примерно на середине пути к площади Святого Марка. Когда они приблизились к нему почти вплотную, Лэнгдон поднял взгляд и увидел на нем неподвижно стоявшую одинокую фигуру, мрачно взиравшую вниз.

---

[36] Примечания: 36
Ка-Пезаро: Международная галерея современного искусства (*ит.*).

Лицо казалось знакомым… и страшным. Лэнгдон невольно отпрянул. У серого вытянутого лица были мертвые глаза и длинный клюв вместо носа.

Катер уже нырял под мост, когда Лэнгдон сообразил, что это просто турист примерял новую покупку: на расположенном рядом рынке Риальто такие маски-сувениры каждый день покупали сотни туристов.

Но сейчас такой карнавальный наряд настроения Лэнгдону отнюдь не поднял.

Глава 69

Площадь Святого Марка лежит на южной оконечности Большого канала Венеции, там, где защищенная водная артерия выходит в открытое море. Этот опасный участок охраняет суровая треугольная крепость Догана-да-Мар — морская таможня. Здесь когда-то возвышалась дозорная башня для защиты от вражеских вторжений. Сейчас вершину Догана-да-Мар венчает массивный золотой земной шар, на котором балансирует богиня удачи Фортуна с флюгером в виде корабельного руля. Он не только показывает направление ветра, но и служит напоминанием морякам о переменчивости судьбы.

Маурицио направил их элегантный катер к устью канала, и перед взором пассажиров открылись зловещие просторы неспокойного моря. Роберт Лэнгдон проделывал этот путь по воде много раз, но всегда на борту вапоретто, чьи размеры намного превосходили «лимузин», на котором они плыли сейчас. И теперь при виде суровых волн он невольно ощущал беспокойство.

Чтобы подойти к причалам площади Святого

Марка, их катеру предстояло пересечь открытую лагуну с сотнями судов, начиная от роскошных яхт и парусников и заканчивая танкерами и большими круизными лайнерами. Казалось, что они выезжали с проселочной дороги на восьмиполосную скоростную магистраль.

Сиенне было тоже явно не по себе при виде десятиэтажной махины круизного лайнера, пересекавшего лагуну всего в трехстах ярдах прямо у них по курсу. На палубах лайнера, оставлявшего пенный след, толпились пассажиры, торопясь снять площадь Святого Марка с воды, а за ним выстроились еще три других в ожидании своей очереди проплыть мимо самой знаменитой достопримечательности Венеции. Лэнгдон слышал, что в последние годы количество судов выросло настолько, что их движение не замирало даже ночью.

Сидя у штурвала, Маурицио окинул взглядом выстроившиеся в линию лайнеры, а потом перевел его на причал под навесом, располагавшийся неподалеку с левой стороны.

— Ничего, если я причалю у бара «Гарри»? — Он показал на ресторан, знаменитый изобретением коктейля «Беллини». — Оттуда до площади Святого Марка всего несколько минут ходьбы.

— Нет, доставь нас прямо до места, — распорядился Феррис, показывая на причалы на другой стороне лагуны.

Маурицио добродушно пожал плечами.

— Как скажете. Держитесь!

Двигатели взревели, катер рванулся навстречу волнам и вскоре вырулил на одну из трасс, проложенных буями. В кильватере морских лайнеров, похожих на плавучие многоэтажные дома, лодки прыгали будто обычные пробки от бутылок.

Лэнгдона удивило, что десятки гондол пересекали лагуну тем же путем. Их узкие корпуса — при длине почти в сорок футов и весе в полторы сотни фунтов — отличались удивительной устойчивостью на волнах. Каждой управлял гондольер в традиционной футболке в черную с белым поперечную полоску. Он уверенно стоял на возвышении в левой части кормы и греб одним веслом, закрепленным в уключине на правом борту. Даже при сильном волнении было видно, что каждая гондола непостижимым образом кренится на левый борт. В свое время Лэнгдон специально интересовался причиной и узнал, что эта особенность связана с асимметричным строением корпуса. На каждой гондоле он слегка загнут вправо — то есть в противоположную от

гондольера сторону, — чтобы не позволять ей забирать влево из-за правосторонней гребли.

Маурицио с гордостью показал на одну из гондол, мимо которых они проплывали.

— Видите спереди металлический гребень? — спросил он, обернувшись и показывая на изящное украшение на носу лодки. — Это единственная металлическая деталь на гондоле. Она называется ferro di prua — железо на носу. Это — олицетворение Венеции!

Маурицио объяснил, что украшение на носу каждой венецианской гондолы имеет символический смысл. Изогнутая форма гребня символизирует Большой канал, шесть зубцов спереди — это шесть sestieri, или районов, Венеции, а продолговатое «лезвие» — стилизованное изображение головного убора венецианского дожа.

Снова дож, подумал Лэнгдон, мысленно вернувшись к цели их приезда. *Пусть ищет дожа вероломного Венеции, что лошадей оставил без голов… да кости собирал незрячих.*

Лэнгдон перевел взгляд на берег, где к воде подступал небольшой парк. Над деревьями, чьи кроны были хорошо видны на фоне безоблачного неба, возвышалась красная кирпичная колокольня собора Святого Марка, которую венчал шпиль

с флюгером в виде золотого архангела Гавриила, взиравшего на город с головокружительной высоты в триста футов.

В городе, где из-за зыбкого грунта высотные здания не строились, эта высокая колокольня служила путеводной звездой всем, кто решался углубиться в лабиринт венецианских каналов и улочек. Потерявшемуся в городе туристу было достаточно просто поднять взгляд к небу, чтобы увидеть, в какой стороне находится площадь Святого Марка. Глядя на эту массивную башню, Лэнгдону и теперь с трудом верилось, что в 1902 году она рухнула, засыпав всю площадь кирпичом. Как ни удивительно, но единственной жертвой того обрушения стала только одна кошка.

Гости Венеции могут окунуться в неподражаемую атмосферу города в любом из потрясающих ее уголков, но любимым местом Лэнгдона всегда являлась Рива-дельи-Скьявони — широкая мощенная камнем набережная, которая была заложена в девятом веке на поднятых со дна илистых отложениях и тянулась от старого Арсенала к площади Святого Марка.

Набережная, заполненная уютными кафе, элегантными отелями и красивым домами, среди

которых есть даже домовая церковь Антонио Вивальди, начинается от Арсенала — старинной венецианской корабельной верфи, где некогда воздух был пропитан ароматом кипящей древесной смолы, которой корабелы заделывали щели в корпусах судов. Считается, что посещение этой верфи вдохновило Данте Алигьери включить реки с кипящей смолой в набор пыток, ожидавших грешников в аду.

Скользнув взглядом по Рива-дельи-Скьявони вправо, Лэнгдон остановил его там, где набережная кончалась у самой кромки воды. Здесь, на южной оконечности площади Святого Марка, широкая набережная упирается в воду. Во времена расцвета Венеции это место гордо именовали «рубежом цивилизации».

Сегодня, как и в другие дни, на этом участке шириной в триста ярдов было пришвартовано не меньше ста черных гондол. Их металлические гребни мерно покачивались на фоне строений из белого мрамора по всему периметру площади.

Лэнгдону и сейчас казалось непостижимым, как этот крошечный город, по площади всего в два раза больше Центрального парка Нью-Йорка, смог вырасти из моря и превратиться в величайшую и богатейшую империю Запада.

Маурицио подвел катер ближе к берегу, и теперь стало видно, что на главной площади не протолкнуться от людей. Наполеон как-то назвал площадь Святого Марка самой красивой гостиной Европы, но, судя по толпе, приглашенных оказалось неизмеримо больше, чем позволяли ее размеры. Казалось, что площадь вот-вот погрузится на дно, не выдержав тяжести собравшихся на ней поклонников.

— Боже милостивый! — прошептала Сиенна, пораженная столпотворением.

Лэнгдон не понял, говорила ли она так от испуга, что Зобрист выбрал это место, чтобы выпустить чуму на волю… или оттого, что тот, возможно, в чем-то был прав, предупреждая об опасности перенаселения.

Венеция ежегодно принимала невероятное количество туристов — целую треть процента от всего населения планеты, что в 2000 году составило порядка двадцати миллионов человек. Поскольку с тех пор население Земли увеличилось на миллиард человек, количество туристов выросло еще на три миллиона в год. Подобно нашей планете, размеры Венеции не так велики, и наступит момент, когда она уже не сможет принять всех желающих, накормить их, убрать

все отходы и предоставить всем ночлег.

Феррис стоял рядом, но смотрел не на берег, а в море и разглядывал все приближавшиеся суда.

— С вами все в порядке? — спросила Сиенна участливо.

Тот резко обернулся.

— Да… просто задумался. — Он перевел взгляд на Маурицио. — Пришвартуйся как можно ближе к собору.

— Нет проблем! — махнул рукой шкипер. — Пара минут!

Катер поравнялся с собором Святого Марка, и справа от него показался величественный Дворец дожей.

Являясь классическим примером венецианского готического стиля, дворец служил образцом сдержанной элегантности.

В нем нет никаких башенок и шпилей, характерных для французских или английских дворцов, и он был задуман как внушительное прямоугольное сооружение с максимальной полезной площадью для размещения многочисленного административного и вспомогательного персонала дожа.

Чтобы с моря массивное здание из белого известняка не выглядело тяжеловесным, оно было

искусно украшено открытой аркадной галереей, ажурным балконом и отверстиями в форме четырехлистника. Геометрический узор из розового известняка по всему экстерьеру невольно вызывал у Лэнгдона ассоциации со зданиями архитектурно-паркового ансамбля Альгамбра в испанской Гранаде.

Когда катер подходил к причалу, Ферриса, казалось, встревожило скопление людей у входа во дворец. На мосту собралась большая толпа, и все смотрели в одну сторону, показывая друг другу на что-то в узком канале, разделявшем Дворец дожей на две части.

— На что они смотрят? — поинтересовался он, не скрывая тревоги.

— На Il Ponte dei Sospiri, — ответила Сиенна. — Знаменитый венецианский мост.

Лэнгдон перевел взгляд на канал, и его взору открылся красивейший мост из белоснежного известняка, украшенный скульптурными композициями и ажурной резьбой, который соединял два здания. *Мост вздохов*, подумал он, вспомнив «Маленький роман», один из своих самых любимых в отрочестве фильмов. В нем обыгрывалась легенда, что если юные влюбленные поцелуются на мосту под звон колоколов собора Святого

Марка, то их чувство никогда не угаснет. Это романтическое восприятие Лэнгдон сохранил на всю жизнь, чему немало способствовал тот факт, что в фильме дебютировала четырнадцатилетняя Дайан Лэйн, в которую он по-юношески сразу влюбился без памяти… и с годами это чувство, может, и притупилось, но не угасло.

А спустя много лет Лэнгдон был шокирован, узнав, что своим названием Мост вздохов был обязан проявлению не любви, а печали. Как выяснилось, закрытый проход соединял Дворец дожей с тюрьмой, в которой томились и умирали заключенные, и их горестные крики через зарешеченные окна разносились по всему узкому каналу.

Лэнгдон однажды посетил эту тюрьму и с удивлением узнал, что самыми страшными камерами в ней были не те, что находились на нижнем этаже, который часто затапливался наводнениями, а те, что располагались напротив верхних этажей дворца. Их называли piombi, то есть «Свинцовой тюрьмой», из-за покрытой свинцовыми пластинами крыши, под которыми летом там было невыносимо жарко, а зимой жутко холодно. Великий любовник Казанова провел в Свинцовой тюрьме пятнадцать месяцев, куда его помести-

ла инквизиция по обвинению в распутстве и шпионаже. Правда, ему удалось бежать, обманув тюремщика.

— Sta' attento![37] — крикнул Маурицио отплывавшему гондольеру, направляя катер на только что освобожденное тем место. Причал находился возле отеля «Даниэли», всего в сотне ярдов от площади Святого Марка и Дворца дожей.

Маурицио набросил швартовочный конец на тумбу на пирсе и спрыгнул на причал так лихо, будто пробовался на роль в крутом боевике. Закрепив конец, он протянул руку и помог пассажирам сойти.

— Спасибо, — поблагодарил Лэнгдон, когда мускулистый итальянец буквально сдернул его с судна. За ним последовал Феррис, который выглядел задумчивым и то и дело поглядывал на море.

Последней на берег сошла Сиенна. Подхватив ее за талию, итальянский красавец осторожно поставил ее на землю и заглянул в глаза, будто предлагая оставить своих спутников и вернуться на борт, где она точно проведет время гораздо интереснее. Сиенна сделала вид, что ничего не заметила.

---

[37] Примечания: 37
Берегись! (*ит.*)

— Grazie, Маурицио, — небрежно бросила она и перевела взгляд на Дворец дожей.

После чего, не теряя времени, повела Лэнгдона и Ферриса сквозь толпу.

Глава 70

Удачно названный в честь самого знаменитого путешественника, международный аэропорт имени Марко Поло расположен в четырех милях от площади Святого Марка.

Благодаря преимуществам частного рейса Элизабет Сински, приземлившаяся всего десять минут назад, уже мчалась по лагуне на открытой моторной яхте «Дюбуа CP52 Блэкбёрд», присланной звонившим ей незнакомцем.

Ректором.

После проведенного без движения дня на заднем сиденье фургона свежий морской бриз оказывал на нее поистине целебное действие. Она подставила ему лицо и распустила серебристые волосы, которые тут же подхватил соленый ветер. После последнего укола прошло уже два часа, и Элизабет Сински наконец почувствовала, что впервые с прошлого вечера вновь ощущает себя собой.

Агент Брюдер и его люди молча сидели рядом. Если их и удивлял столь неожиданный поворот событий, то свои соображения они предпочитали

держать при себе. Решение принималось за них.

Яхта мчалась вперед, и вскоре справа показался большой остров, чей берег был испещрен крошечными домиками с дымовыми трубами. *Мурано,* узнала Элизабет остров, знаменитый своим производством художественного стекла.

Даже не верится, что я снова здесь, с грустью подумала она, чувствуя, как от печали щемит сердце. *Круг замкнулся.*

Много лет назад, еще студенткой, она приехала в Венецию со своим женихом, и они решили посмотреть Музей стекла. Увидев там чудесную фигурку из дутого стекла, жених простодушно заметил, что хотел бы украсить такой же детскую их будущего ребенка. Ей стало нестерпимо стыдно, что она так долго скрывала свое бесплодие, и Элизабет рассказала о своей астме в детстве, о злополучном глюкокортикоидном лечении и ужасном побочном эффекте, сделавшем ее бесплодной.

Элизабет так и не узнала, что явилось причиной их разрыва — ее ложь или сам факт ее бесплодия, — но из Венеции она уезжала без обручального кольца.

Единственной памятью о той разбившей ей сердце поездке был амулет из лазурита. Тогда он

и подарил ей посох Асклепия — символ врачевания, и, хотя лекарство оказалось горьким, амулет с тех пор она носила постоянно.

Мой драгоценный амулет, подумала она. *Прощальный подарок человека, который хотел иметь от меня детей.*

Сегодня острова вблизи Венеции уже не вызывали в ней никаких романтических мыслей, а изолированные друг от друга деревни напоминали не о любви, а о карантинных поселениях, которые здесь некогда устроили в попытке остановить «черную смерть».

Когда быстроходный катер промчался мимо острова Сан-Пьетро, Элизабет догадалась, что их целью является огромная серая яхта — судя по всему, она стояла на якоре в глубокой бухте, дожидаясь их прибытия.

Ее свинцово-серый корпус невольно навевал ассоциации с военными разработками судов-невидимок программы «Стелс». Выведенное черным название на борту ей также ни о чем не говорило.

«Мендаций»?

По мере приближения катера яхта становилась все больше, и вскоре на задней палубе Сински разглядела одинокую фигуру — на них смотрел в

бинокль невысокий загорелый мужчина. Когда катер подошел к широкой причальной платформе на корме, мужчина спустился, чтобы их встретить.

— Доктор Синski, добро пожаловать на борт. — Темный от загара мужчина вежливо пожал ей руку. Его ладони были мягкими и гладкими, не как у моряков. — Я благодарен вам за приезд. Пожалуйста, следуйте за мной.

Поднявшись по нескольким палубам, Синski обратила внимание, что в стеклянных кабинках, похожих на офисные помещения, вовсю трудились люди. На борту оказалось очень много людей, и все они были заняты делом.

Каким делом?

Пока они поднимались, Синski услышала, как заработали двигатели, и яхта стала набирать ход.

Куда мы направляемся? — с тревогой подумала она.

— Я хотел бы поговорить с доктором Синski без свидетелей, — сказал мужчина людям в черном и посмотрел на Синski. — Вы не возражаете?

Элизабет согласно кивнула.

— Сэр, — произнес Брюдер, и в его голосе звучала настойчивость. — Я бы настоятельно ре-

комендовал доктору Синski показаться судовому врачу. Ей…

— Со мной все в порядке, — вмешалась та. — Правда. Но спасибо за заботу.

Ректор долго смотрел на Брюдера, а затем показал на стол, который накрывали на палубе.

— Постарайтесь отдохнуть. Вам это не помешает. Очень скоро вы опять отправитесь на берег.

Не говоря больше ни слова, Ректор повернулся к агенту спиной и, пригласив Синski в элегантный салон, в котором находился его кабинет, закрыл за собой дверь.

— Хотите что-нибудь выпить? — предложил он, показывая на бар.

Она покачала головой, по-прежнему теряясь в догадках, что это за судно. *Кто этот человек? Чем он тут занимается?*

Хозяин каюты внимательно смотрел на нее, сцепив пальцы под подбородком.

— Вы знаете, что Бертран Зобрист называл вас «седовласой дьяволицей»?

— У меня есть пара-другая эпитетов и для него.

Мужчина никак не отреагировал и, подойдя к столу, показал на большую книгу.

— Взгляните, пожалуйста.

Синski подошла и посмотрела на книгу. *«Ад»*

Данте? Она вспомнила жуткие картины смерти, которые Зобрист показывал ей на встрече в Совете по международным отношениям.

— Зобрист дал мне эту книгу две недели назад. Там есть надпись.

Сински прочитала написанные на титульном листе от руки строчки. Внизу стояла подпись Зобриста.

Мой дорогой друг, спасибо, что помогли мне найти истинный путь.
Мир тоже благодарен вам.

У Сински мурашки пробежали по коже.

— И какой путь вы помогли ему найти?

— Я понятия не имею. А точнее, не имел еще несколько часов назад.

— А теперь?

— А теперь я нарушил свой собственный протокол… и связался с вами.

Сински провела очень много времени в дороге и была не в настроении разговаривать недомолвками.

— Сэр, я понятия не имею, кто вы такой и какого черта делаете на этом корабле, но я требую объяснений. Скажите, почему вы скрывали человека, которого усиленно разыскивала Всемирная

организация здравоохранения?

Несмотря на повышенный тон Сински, мужчина продолжал сохранять невозмутимость и ответил очень тихо и спокойно:

— Я понимаю, что раньше наши цели были диаметрально противоположными, но я хотел бы предложить оставить прошлое в прошлом. Полагаю, что наше внимание следует сосредоточить на будущем.

С этими словами мужчина достал маленькую красную флешку, вставил ее в компьютер и жестом предложил Сински сесть.

— Это видео подготовил Бертран Зобрист. Он рассчитывал, что я его сделаю достоянием общественности завтра.

Прежде чем Сински успела отреагировать, экран монитора почернел, и послышался мягкий плеск воды. Темнота начала рассеиваться, и на экране появилась пещера… с каким-то подземным озером. Вода в нем излучала непонятное красное свечение.

Под продолжающийся плеск камера начала опускаться и погрузилась в воду, после чего замерла у покрытого илом дна с блестящей табличкой, на которой была надпись, дата и имя.

СЕГОДНЯ В ЭТОМ МЕСТЕ
МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА

Дата была завтрашней. Имя — Бертран Зобрист.

Элизабет содрогнулась.

— Где это место?! — спросила она. — Где оно?!

Ректора впервые покинула невозмутимость, и он тяжело вздохнул, не скрывая разочарования и тревоги.

— Доктор Сински, — ответил он, — я надеялся получить ответ на этот вопрос от вас.

Морской пейзаж, если смотреть с набережной Рива-дельи-Скьявони, снова изменился. На востоке из-за выступа суши показался корпус огромной серой яхты, которая медленно направлялась в сторону площади Святого Марка.

«Мендаций». От испуга у ФС-2080 исказилось лицо.

Серый корпус яхты невозможно ни с чем перепутать.

Ректор уже совсем рядом… а время на исходе.

Глава 71

Пробираясь сквозь толпу на Рива-дельи-Скьявони, Лэнгдон, Сиенна и Феррис старались держаться поближе к воде и вышли на площадь Святого Марка с южной стороны, как раз там, где она упирается в одноименный канал.

Толпа здесь была настолько густой, что Лэнгдон даже ощутил приступ клаустрофобии, — сюда стекались туристы, желавшие сфотографировать две массивные гранитные колонны, за которыми начиналась площадь.

Официальные ворота города, подумал Лэнгдон с иронией, зная, что вплоть до восемнадцатого века тут проводились публичные казни.

На западной колонне была установлена довольно странная скульптура Святого Теодора, гордо стоявшего над поверженным им легендарным драконом, который, по мнению Лэнгдона, больше походил на крокодила. А восточную колонну украшала бронзовая статуя крылатого льва — этот символ Венеции встречался повсюду. На нем лев гордо упирался лапой в открытую книгу, на страницах которой можно прочесть латин-

скую надпись «Pax tibi Marce, evangelista meus» («Мир тебе, Марк, мой евангелист»). Согласно легенде, Марк услышал эти слова от ангела во время своего визита в Венецию. К тому же ангел объявил, что после смерти он обретет покой в этом городе. Венецианцы воспользовались столь сомнительным источником, как легенда, чтобы оправдать похищение мощей Марка, хранившихся в Александрии, перевезти их в свой город и перезахоронить в соборе Святого Марка. И по сей день крылатый лев считается символом Венеции, и его изображение можно встретить буквально на каждом углу.

Лэнгдон показал рукой направо, где за колоннами на другой стороне площади высилось здание собора.

— Если вдруг потеряемся, встречаемся у входа в собор Святого Марка.

Те согласно кивнули, и все тронулись в путь через площадь, стараясь обойти толпу вдоль восточной стены Дворца дожей. Несмотря на закон, запрещающий кормить знаменитых венецианских голубей, те ничуть не страдали и не только клевали крошки у туристов под ногами, но и ловко совершали налеты на корзины с хлебом в открытом кафе, чем приводили в отчаяние

официантов в смокингах.

Эта просторная площадь была не похожа на привычные европейские площади и имела форму буквы «Г». Короткая сторона — пьяцетто, или «маленькая площадь», — выходила на море, а за ней под углом в девяносто градусов располагалась большая площадь, которая тянулась от собора Святого Марка до музея Коррер. Сама эта площадь имела не привычную прямоугольную, а трапециевидную форму и заметно сужалась к концу. От этого, подобно отражению в кривых зеркалах «павильона смеха», она казалась больше, чем была на самом деле, а рисунок плит мостовой, соответствовавший расположению торговых рядов в пятнадцатом веке, лишь усиливал иллюзию огромного пространства.

Проталкиваясь сквозь толпу, Лэнгдон увидел впереди блестевший на солнце синий циферблат Часовой башни Святого Марка — тот самый, через который в фильме «Лунный гонщик» Джеймс Бонд выбрасывает на площадь злодея.

Оказавшись на огороженной зданиями площади, Лэнгдон в полной мере мог насладиться еще одной уникальной особенностью этого города.

Звуком.

В Венеции практически нет машин, здесь от-

сутствует привычный шум городского движения, метро и воющих сирен. Слышится только гул людских голосов, воркующих голубей и звуки музыки, которой скрипачи услаждают слух посетителей кафе под открытым небом. Ни у одного другого большого города нет голоса, похожего на голос Венеции.

Послеобеденное солнце уже начало клониться к закату, тени на выложенной плитами мостовой становились все длиннее, и Лэнгдон поднял взгляд на колокольню, чей шпиль вздымался высоко в небо, гордо царствуя над лежавшим внизу городом. На крытой галерее наверху толпились сотни людей, и, представив себя среди них, Лэнгдон невольно содрогнулся. Он быстро опустил взгляд и стал пробираться дальше.

Сиенна торопливо шла за Лэнгдоном, но, увидев, что Феррис начал отставать, решила не спешить, чтобы держать в поле зрения обоих спутников. Однако расстояние между ними продолжало увеличиваться, и она нетерпеливо оглянулась назад. Феррис показал на грудь и махнул ей рукой, чтобы она не ждала его.

Сиенна ускорила шаг и скоро потеряла Ферриса из виду. Однако, пробираясь сквозь толпу, она вдруг заподозрила неладное. Ей показалось, что

Феррис отстал нарочно… словно хотел остаться один.

Давно привыкнув доверять интуиции, Сиенна нырнула в нишу и задержалась, выискивая взглядом Ферриса в толпе.

Куда он делся?

Похоже, он больше и не пытался их догнать. Сиенна продолжала разглядывать толпу и наконец заметила его. К ее удивлению, он остановился, а потом, сгорбившись, принялся нажимать кнопки на мобильнике.

У которого, по его словам, села батарея.

Сиенну охватил страх, она понимала, что чувства ее не обманывают.

Он солгал мне в поезде.

Наблюдая за Феррисом, Сиенна старалась представить, что он делает. Пишет кому-то эсэмэску? Ищет что-то в Интернете у нее за спиной? Пытается разгадать тайну послания Зобриста раньше, чем это сделают они с Лэнгдоном?

Так или иначе, он ей нагло солгал.

Я не могу ему доверять.

Сначала Сиенна хотела устроить ему скандал, но передумала и снова смешалась с толпой, стараясь стать незаметной. Потом быстро направилась к собору, намереваясь разыскать Лэнгдона.

Я должна предупредить его, чтобы он ничего не рассказывал Феррису.

До базилики оставалось не больше пятидесяти ярдов, когда вдруг сильная рука потянула ее сзади за свитер.

Она резко обернулась и оказалась лицом к лицу с Феррисом.

Он тяжело дышал, явно потратив много сил, чтобы догнать ее в такой толчее. В нем появилась какая-то решимость, которой она раньше не замечала.

— Извините, — сказал он, с трудом переводя дыхание. — Я потерялся в толпе.

Сиенна посмотрела ему в глаза, и ее последние сомнения исчезли.

Он что-то скрывает.

Добравшись до входа в собор Святого Марка, Лэнгдон удивился, что оба его спутника отстали. Еще его удивило отсутствие очереди за входными билетами. Правда, день клонился к вечеру, и большинство туристов после плотного обеда со спагетти и вином предпочли просто погулять по площадям или выпить кофе, посчитав, что на сегодня приобщения к истории уже достаточно.

Лэнгдон перевел взгляд на фасад собора, решив, что Сиенна и Феррис должны вот-вот подойти.

Нередко критикуемый за «чрезмерную доступность», нижний уровень строения практически целиком состоял из пяти утопленных входов с распахнутыми бронзовыми дверями в обрамлении колонных групп и сводчатых арок, отчего невольно возникало ощущение гостеприимства.

Являясь одним из редчайших высокохудожественных примеров византийской архитектуры в Западной Европе, собор Святого Марка имеет доброжелательный и затейливый облик. В отличие от суровых серых башен Нотр-Дам-де-Пари или Шартрского собора, он, хоть и выглядит весьма внушительно, при этом кажется каким-то «домашним». В ширину собор больше, чем в высоту, а пять пухлых белых куполов придают ему легкость и нарядную праздничность, отчего в некоторых путеводителях его даже сравнивают со свадебным тортом, увенчанным воздушным безе.

Высоко над центральным входом в собор стройная статуя Святого Марка взирает на лежащую внизу площадь, которая также носит его имя. Он стоит на заостренной арке, выкрашенной в темно-синий цвет и усеянной золотыми звездами. А посередине арки помещен золотой крылатый лев Венеции — сияющий талисман города.

Но одно из самых знаменитых сокровищ собора — квадрига над центральным входом, четверка огромных коней из позолоченной бронзы, сверкающей в лучах полуденного солнца.

Квадрига святого Марка.

Готовые, казалось, вот-вот соскочить на площадь, эти четыре бесценных жеребца, как и многие другие сокровища, были вывезены из Константинополя в качестве трофея во время крестовых походов. Другим таким трофеем являлись «Четыре тетрарха» — скульптурная композиция из темно-красного порфира, вмонтированная в южный фасад собора. В 1204 году, во время Четвертого крестового похода, при разграблении Константинополя ступня одной из фигур откололась и была потеряна. Однако в 1960-х годах она каким-то чудом была найдена при раскопках в Стамбуле. Венеция обратилась к турецким властям с просьбой передать ей недостающий фрагмент, на что получила ответ: «Статую вы украли, а ступня останется у нас».

— Мистер, купите! — послышался рядом женский голос, и Лэнгдон оторвал взгляд от фасада.

Грузная цыганка держала высокий шест, на котором висели венецианские маски. Больше всего там было масок «вольто», повторяющих

форму человеческого лица, — обычно их носили женщины во время карнавала. Были и игривые маски «коломбина», закрывавшие половину лица, несколько масок «баута» треугольной формы и одна овальная маска «моретта» из черного бархата. Несмотря на обилие живописных масок, предлагаемых цыганкой, Лэнгдон не сводил глаз с одной-единственной на самом верху шеста — серо-черной маски, уставившей на него угрожающий взгляд мертвых глаз поверх длинного клюва на месте носа.

Врачеватель чумы. Лэнгдон отвел взгляд, вспомнив о цели своего приезда в Венецию.

— Купите! — повторила цыганка.

Лэнгдон слабо улыбнулся и покачал головой.

— Sono molto belle, ma no, grazie[38].

Женщина отошла, и Лэнгдон проводил взглядом зловещую чумную маску, качавшуюся над толпой. Потом, вздохнув, снова поднял взгляд на четверку бронзовых коней на балконе второго этажа.

И тут его осенило. Квадрига святого Марка, венецианские маски, разграбленные сокровища Константинополя — все вдруг сложилось в еди-

---

[38] Примечания: 38

Очень красивые, но нет, спасибо (*ит.*).

ную картину.

— Боже мой! — прошептал он. — Ну конечно!

Глава 72

Роберт Лэнгдон никак не мог прийти в себя.

Квадрига святого Марка!

Четверка великолепных коней с царственно изогнутыми шеями, украшенных декоративными хомутами, неожиданно пробудила в нем воспоминание, которое стало разгадкой самого непонятного места в таинственном послании, написанном на обороте посмертной маски Данте.

Лэнгдон когда-то присутствовал на свадебном торжестве знаменитостей, устроенном на исторической ферме Раннимид в штате Нью-Хэмпшир, где был выращен жеребец Дансерз Имидж, выигравший Кентуккское дерби. Частью обширной развлекательной программы было выступление известной конно-театральной труппы «Под маской», показавшей потрясающее представление, во время которого наездники выступали в великолепных венецианских костюмах и масках. Иссиня-черные лошади фризской породы были такими большими, каких Лэнгдону еще не доводилось видеть. Эти очень крупные и потрясающе красивые скакуны с топотом носились по полю,

демонстрируя рельефные мышцы. Густая шерсть покрывала мощные ноги, ниспадая на огромные черные копыта, а длинные гривы развевались над высоко поставленными грациозными шеями.

Красота этих животных произвела на Лэнгдона такое впечатление, что по возвращении домой он зашел в Интернет, чтобы побольше узнать об этой породе. Как выяснилось, это были любимые боевые кони средневековых королей, и порода была на грани исчезновения, но за последние годы эту проблему удалось решить. Фризская порода лошадей происходит от Equus robustus — европейской лесной лошади, — а своим современным названием обязана Фрисландии — одной из областей Голландии, где была выведена. В этой же области родился и знаменитый художник-график Мауриц Корнелис Эшер.

Как выяснилось, именно мощь предков фризских лошадей и передана ваятелем в квадриге, украшающей ныне собор Святого Марка. Если верить сайту в Интернете, квадрига святого Марка так прекрасна, что считается «произведением искусства, которое чаще других становилось предметом кражи».

Лэнгдон всегда считал, что эта сомнительная

честь принадлежит Гентскому алтарю, и даже зашел на сайт Ассоциации по исследованию преступлений против искусства, чтобы уточнить, прав ли он. Но там не приводилось таких статистических данных, зато кратко излагалась непростая судьба скульптур, становившихся жертвами грабителей и мародеров.

Четверку бронзовых коней отлил в четвертом веке до нашей эры неизвестный мастер с греческого острова Хиос, откуда император Феодосий II уже в четвертом веке нашей эры перевез ее в Константинополь и водрузил на ворота ипподрома, где она находилась несколько столетий. Во время Четвертого крестового похода, когда венецианские войска захватили Константинополь, правивший тогда дож приказал доставить бронзовых коней в Венецию морским путем — задача в те времена почти невыполнимая из-за веса и размера скульптур. В 1254 году квадригу доставили в Венецию и водрузили на фасаде собора Святого Марка.

По прошествии почти половины тысячелетия Венецию завоевал Наполеон и забрал квадригу во Францию. Ее перевезли в Париж и торжественно установили на Триумфальной арке. Наконец, в 1815 году, после поражения Наполеона в битве

при Ватерлоо и его ссылки, скульптуру сняли и отправили на барже в Венецию, где вновь водрузили на передний балкон собора Святого Марка.

Хотя Лэнгдон и знал историю злоключений квадриги в общих чертах, но один факт, приведенный на сайте Ассоциации, его поразил.

Чтобы облегчить перевозку по морю статуй из Константинополя в Венецию, венецианцы отпилили им головы, а в 1204 году закрыли следы отделения голов декоративными хомутами.

Дож приказал отпилить головы коням квадриги святого Марка? Лэнгдон тогда не мог в это поверить.

— Роберт! — послышался голос Сиенны.

Профессор очнулся от воспоминаний и, повернувшись, увидел, как к нему сквозь толпу пробираются Сиенна и Феррис.

— Кони из стихотворения! — крикнул он им, не в силах сдержать радость. — Я все понял!

Сиенна непонимающе на него посмотрела.

— Что?

— В стихотворении говорится не о живых лошадях. — Лэнгдон показал на балкон на фасаде собора, где в лучах яркого солнца сверкали четыре бронзовые статуи. — В нем говорится о них!

Глава 73

Посмотрев видео в каюте Ректора на борту «Мендация», доктор Элизабет Сински никак не могла унять дрожь в руках. За свою жизнь она повидала немало страшных вещей, но невероятный ролик, снятый Бертраном Зобристом перед самоубийством, внушил ей смертельный ужас.

На экране дрожала тень, отбрасываемая на влажную стену подземной пещеры зловещей фигурой с птичьим клювом вместо носа. Она продолжала вещать, с гордостью описывая свое изобретение для выбраковки населения планеты, названное им «Инферно».

Помилуй нас, Господи, подумала Сински.

— Мы должны… — начала она, и голос ее дрогнул. — Мы должны найти эту подземную пещеру. Может, еще не поздно.

— Смотрите дальше, — отозвался Ректор. — Там еще интереснее.

Тень на влажной стене вдруг начала увеличиваться, и фигура шагнула в кадр, заполнив собой весь экран.

Господи!

На Сински смотрел чумной доктор в полном облачении — на нем был черный плащ и зловещая маска с клювом. Он подошел вплотную в камере, и теперь весь экран занимала маска, при виде которой кровь стыла в жилах.

— Самое жаркое место в аду уготовано тем, — прошептал он, — кто в пору нравственного испытания предпочитает оставаться в стороне.

По коже Сински побежали мурашки. Эти же слова были написаны на листке бумаги, оставленном ей Зобристом в аэропорту после их встречи в Нью-Йорке год назад.

— Я знаю, — продолжал врачеватель чумы, — что в глазах некоторых выгляжу монстром. — Он помолчал, и Сински почувствовала, что эти слова обращены к ней. — Я знаю, что они считают меня бессердечным зверем, который скрывается за маской. — Снова замолчав, он сделал шаг вперед. — Но у меня есть лицо. И сердце. — С этими словами Зобрист снял маску и откинул капюшон плаща, открывая лицо.

Сински, замерев, смотрела в зеленые глаза, которые в последний раз видела в полумраке переговорной Совета по международным отношениям. В них горела та же решимость, что и раньше, но теперь к ней добавился и фанатизм

безумца.

— Меня зовут Бертран Зобрист, — сказал он, глядя прямо в камеру. — И вы видите мое лицо, которое я не скрываю от мира. А что до моей души… будь у меня возможность обнажить свое пылающее сердце, подобно тому, как это сделал Данте ради своей возлюбленной Беатриче, вы бы увидели, что оно преисполнено любви. Самой чистой и глубокой. Любви ко всем вам. И особенно к одному человеку.

Зобрист сделал еще шаг вперед и заговорил тихо и нежно, будто обращаясь к возлюбленной.

— Любовь моя, — прошептал он, — мое сокровище. Ты — мое блаженство, очищение от всех грехов, мой ангел-вдохновитель, мой спаситель. Твоя нагота согревала мою постель, и благодаря тебе я сумел преодолеть бездну и найти силы на свершения.

Сински слушала с отвращением.

— Любовь моя, — продолжал Зобрист печальным шепотом, который эхом разносился под сводами призрачной подземной пещеры. — Ты — мое вдохновение и провожатый, мои Вергилий и Беатриче в одном лице, и в создании шедевра твоей заслуги не меньше, чем моей. И если нам, как несчастным влюбленным, больше не

суждено воссоединиться, то я утешаюсь тем, что оставляю будущее в твоих нежных руках. Моя миссия в этом мире выполнена. И теперь пробил час устремиться ввысь… и узреть звезды.

Зобрист замолчал, и слово «звезды», подхваченное гулким эхом, пронеслось по пещере. Затем Зобрист протянул руку и выключил камеру. Экран погас.

— Эта пещера под землей, — сказал Ректор, выключая монитор. — Мы так и не смогли узнать это место. А вам оно не знакомо?

Сински покачала головой. *Ничего подобного я раньше не видела.* Она подумала о Роберте Лэнгдоне. Интересно, удалось ли ему продвинуться в разгадке ребусов, составленных Зобристом?

— Не знаю, поможет ли это, — продолжил Ректор, — но я думаю, что знаю, о любви к кому говорит Зобрист. — Он помолчал. — Личный опознавательный код ФС-2080.

Сински ошеломленно посмотрела на него.

— ФС-2080?!

— Вам это о чем-то говорит? — удивился Ректор.

Сински кивнула, по-прежнему не оправившись от шока.

— Еще бы!

Сердце у нее бешено колотилось. ФС-2080. Хотя она и не знала, кто именно скрывается под этим кодом, но зато была в курсе, что он означал. ВОЗ отслеживала эти кодовые имена годами.

— Движение трансгуманизма, — сказала она. — Вы что-нибудь о нем слышали?

Ректор покачал головой.

— Если коротко, — начала Сински, — то трансгуманизм — это философия, согласно которой человечество должно использовать весь свой научный потенциал для улучшения человеческого рода. Выживание наиболее приспособленных.

Ректор покачал головой — его это никак не впечатлило.

— В целом, — продолжала Элизабет, — движение трансгуманизма объединяет вменяемых людей — ученых, футурологов, мечтателей, для которых слово «этика» не является пустым звуком. Однако в нем есть маленькая, но очень решительно настроенная фракция, которая считает, что ход событий необходимо ускорить. Ее члены уверены, что апокалипсиса не избежать, если не предпринять кардинальных действий по спасению человечества.

— Полагаю, что Бертран Зобрист был одним из них? — заметил Ректор.

— Именно! — подтвердила Сински. — Он являлся их лидером. Обладал не только выдающимся интеллектом, но и огромной харизмой, а его апокалипсические статьи породили настоящий культ среди ярых приверженцев трансгуманизма. Сегодня многие его фанатичные последователи используют подобные кодовые имена, состоящие из двух букв и четырехзначного числа, например, ДГ-2064, БА-2105 или то, которое вы только что назвали.

— ФС-2080.

Сински кивнула.

— Это может быть только кодовым именем трансгуманиста.

— А эти буквы и цифры что-нибудь означают?

Сински показала на компьютер.

— Откройте браузер. Я вам покажу.

Ректор, поколебавшись, подошел к компьютеру и запустил поисковую систему.

— Наберите ФМ-2030, — попросила Сински, устраиваясь рядом с ним.

Ректор набрал «ФМ-2030», и компьютер выдал тысячи сайтов.

— Зайдите на любой из них, — сказала Сински.

Ректор кликнул на ссылку в начале списка, и на экране возникла страница из «Википедии»

с фотографией симпатичного мужчины по имени Ферейдун М. Эсфандиари, который в статье назывался писателем, философом, футурологом и предвестником движения трансгуманизма. Эсфандиари родился в 1930 году, и в статье говорилось, что он сделал идеи трансгуманизма достоянием самой широкой общественности, пророчески предвидел искусственное оплодотворение, генную инженерию и глобализацию.

Согласно «Википедии», он во всеуслышание заявлял, что новые технологии позволят ему прожить до ста лет, что для его поколения было исключительной редкостью. В подтверждение своей веры во всесилие новых технологий Ферейдун М. Эсфандиари изменил свое имя на ФМ-2030 — кодовое обозначение, в котором первые две буквы — инициалы, а число — год, когда ему исполнится сто лет. К сожалению, он скончался в семьдесят лет от рака поджелудочной железы, но в память о нем ярые сторонники идей трансгуманизма и по сей день присваивают себе имена по образцу ФМ-2030.

Закончив читать, Ректор поднялся, подошел к окну и с непроницаемым лицом долго смотрел на море.

— Выходит, — наконец шепотом произнес он,

словно думая вслух, — любимый человек Бертрана Зобриста ФС-2080 наверняка один из этих… трансгуманистов.

— В этом нет никакого сомнения, — согласилась Сински. — Я, к сожалению, не знаю, кто этот человек, но…

— Зато я знаю, — не дал ей договорить Ректор, продолжая смотреть на море. — Я точно знаю, кто этот человек.

Глава 74

Казалось, здесь сам воздух пропитан золотом.

Роберт Лэнгдон бывал во многих великолепных соборах, но атмосфера ни одного из них не могла сравниться с Chiesa d'Oro — «Золотой церковью», как еще называли собор Святого Марка. На протяжении веков люди верили, что, просто подышав его воздухом, они становились богаче. Причем не только в переносном, но и самом прямом смысле.

На роскошную внутреннюю отделку пошли миллионы крошечных старинных золотых пластинок, и существует мнение, что многие из висящих в воздухе пылинок на самом деле из чистого золота. Эта золотая пыль в сочетании с ярким солнечным светом, заливавшим храм сквозь большое окно в восточной стене, помогала верующим обрести душевное богатство, а если дышать глубоко, то считалось, что и сами легкие могли покрыться позолотой.

В этот час лучи уже клонившегося к горизонту солнца образовывали над головой Лэнгдона подобие раскрытого веера или сияющего шелкового

полога. От восторженного благоговения у него перехватило дыхание, и он видел, что Сиенна и Феррис испытывают то же чувство.

— Куда теперь? — шепотом спросила Сиенна.

Лэнгдон показал на ведущие вверх ступеньки. Музейная часть собора располагалась на втором этаже, где имелась обширная экспозиция, посвященная квадриге святого Марка. Лэнгдон рассчитывал, что там быстро узнает, какой именно дож распорядился отрезать скульптурным коням головы.

Поднимаясь по ступенькам, он заметил, что Феррис снова начал задыхаться, и Сиенне наконец удалось поймать его взгляд, что она безуспешно пыталась сделать после встречи у входа. Постаравшись придать своему лицу выражение настороженности, Сиенна кивком показала на Ферриса и пошевелила губами, что-то говоря, но что именно, Лэнгдон так и не разобрал. Он уже собирался переспросить, но в этот момент Феррис повернулся к ним, и Сиенна сразу отвела взгляд.

— С вами все в порядке, доктор? — невинно поинтересовалась она.

Феррис кивнул и стал подниматься быстрее. *Талантливая актриса,* подумал Лэнгдон, *но что она хотела мне сказать?*

Со второго этажа открывался чудесный вид на весь собор. Построенный в форме греческого креста, он скорее квадратный, а не вытянутый, как соборы Святого Петра или Нотр-Дам. Расстояние от нартекса до алтаря здесь меньше, что лишь усиливает впечатление грубоватой основательности и большей доступности.

Чтобы уменьшить это ощущение доступности, алтарную часть отделяет преграда с колоннами из темно-красного мрамора, украшенная внушительным распятием. В алтарной части установлен киворий со знаменитым алтарным образом Пала д'Оро, одним из самых ценных в мире. Это огромное полотно является «тканью» в том смысле, что представляет собой своего рода гобелен, который «соткан» из эмалевых пластинок, изготовленных разными византийскими мастерами, и вставлен в готическую раму из позолоченного серебра. На украшение Пала д'Оро пошли тринадцать сотен жемчужин, четыреста гранатов, триста сапфиров, а также изумруды, аметисты и рубины, отчего он, наряду с квадригой святого Марка, по праву считается одним из ценнейших сокровищ Венеции.

Храмы в Европе или вообще на Западе, возведенные в восточном, византийском стиле, обыч-

но именуются базиликами. Будучи построенным по образцу Юстиниановой базилики святых Апостолов в Константинополе, собор Святого Марка настолько похож на восточные храмы, что знакомство с ним путеводители нередко называют альтернативой посещения турецких мечетей, многие из которых были византийскими соборами, прежде чем превратиться в молельный дом для мусульман.

Хотя Лэнгдон ни за что бы не согласился с тем, что по собору Святого Марка можно составить представление о потрясающих турецких мечетях, он готов был признать, что любой ценитель византийского искусства вполне удовлетворит свою страсть к прекрасному посещением сокровищницы собора в южном трансепте. В ней хранились двести восемьдесят три предмета, включавшие иконы, драгоценности и потиры, вывезенные венецианцами в качестве добычи после разграбления Константинополя.

Лэнгдон порадовался, что в этот вечер в базилике было не так многолюдно, как обычно. Туристов, конечно, хватало, но передвигаться по своему усмотрению все-таки было можно. Просачиваясь сквозь группы посетителей, Лэнгдон подвел Сиенну и Ферриса к западному окну —

там находился выход на балкон, где можно было полюбоваться на квадригу вблизи. Лэнгдон не сомневался, что они выяснят, о каком доже говорилось в стихотворении, но терялся в догадках, что потом с этим делать. *Искать могилу дожа? Его скульптуру?* Им наверняка потребуется помощь, поскольку количество скульптур в самом соборе, сводчатом подземном помещении под ним и на саркофагах в северном трансепте исчислялось сотнями.

Заметив молодую женщину-экскурсовода, Лэнгдон вежливо обратился к ней:

— Извините, Этторе Вио сегодня здесь?

— Этторе Вио? — переспросила та и как-то странно на него посмотрела. — Sì, certo, ma… — *Да, конечно, но…* Ее глаза вдруг округлились. — Lei è Robert Langdon, vero?! — *Вы же Роберт Лэнгдон, верно?!*

Лэнгдон терпеливо улыбнулся.

— Sì, sono io[39]. Так я могу поговорить с Этторе?

— Sì, sì! — Попросив свою группу минутку подождать, женщина куда-то умчалась.

Лэнгдон и куратор музея Этторе Вио как-то сня-

---

[39] Примечания: 39
Да, это я (*ит.*).

лись вместе в коротком документальном фильме о базилике и с тех пор поддерживали связь.

— Этторе написал книгу о соборе Святого Марка, — пояснил Лэнгдон Сиенне. — Вернее, даже несколько книг.

Пока Лэнгдон вел их по второму этажу к балкону, откуда можно было полюбоваться на квадригу, Сиенна по-прежнему бросала обеспокоенные взгляды на Ферриса. В восточное окно мощные крупы скульптурных лошадей были хорошо видны на фоне ясного неба. На балконе толпились туристы, наслаждаясь близостью к знаменитой квадриге и потрясающим видом на площадь Святого Марка.

— Вон они! — воскликнула Сиенна и устремилась к двери на балкон.

— Не совсем, — поправил ее Лэнгдон. — Кони на балконе являются копиями. А настоящая квадрига святого Марка для безопасности и сохранности находится в музее.

Лэнгдон провел Сиенну и Ферриса по коридору к хорошо освещенной нише, где точно такие же кони, казалось, рысью мчались из каменных арок им навстречу.

— А вот здесь оригиналы! — показал на них Лэнгдон, не скрывая восхищения.

Каждый раз при взгляде на них он не мог не поражаться, с какой удивительной точностью передана рельефность их мускулатуры. Золотисто-зеленая патина, почти полностью покрывавшая бронзовые скульптуры, лишь подчеркивала красоту и выразительность конского бега, столь талантливо переданного мастером. Глядя на квадригу, которая после стольких злоключений наконец-то обрела надежное и безопасное убежище, Лэнгдон снова подумал о том, как важно сохранять великие произведения искусства.

— А эти хомуты… — Сиенна показала на лошадиные шеи. — Вы говорите, их добавили потом? Чтобы закрыть ими швы?

Лэнгдон успел поделиться с Сиенной и Феррисом информацией об «отделении голов» этой квадриге, которую он в свое время почерпнул на сайте Ассоциации по исследованию преступлений против искусства.

— Судя по всему, именно так, — подтвердил он и направился к висевшей рядом информационной табличке.

— Роберто! — послышался сзади радостный голос. — Я обиделся!

Лэнгдон обернулся и увидел жизнерадостного пожилого человека с седыми волосами в синем

костюме и очках на цепочке, пробиравшегося к ним сквозь толпу туристов. — Ты в Венеции и даже не удосужился мне позвонить?!

Лэнгдон улыбнулся и пожал ему руку.

— Я хотел сделать тебе сюрприз, Этторе. Выглядишь ты хорошо. А это мои друзья доктор Брукс и доктор Феррис.

Этторе поздоровался с ними и окинул Лэнгдона оценивающим взглядом.

— Путешествуешь с врачами? Проблемы со здоровьем? А одежда? Решил заделаться итальянцем?

— Ни то ни другое, — заверил Лэнгдон, хмыкнув. — Я приехал кое-что разузнать об этой квадриге.

Этторе был явно заинтригован.

— А разве есть что-то, чего знаменитый профессор еще не знает?

Лэнгдон рассмеялся.

— Мне надо подробнее узнать о том, как этим лошадям отделили головы, чтобы перевезти в Венецию после крестового похода.

Этторе посмотрел на Лэнгдона с таким видом, будто тот задал вопрос о геморрое, который мучил королеву.

— Боже, Роберт, — зашептал он, — мы это не

афишируем. Если хочешь посмотреть отрезанные головы, я могу показать тебе знаменитого обезглавленного Франческо Буссоне да Карманьолу или…

— Этторе, мне надо знать, кто из венецианских дожей приказал отпилить лошадям головы.

— Но этого не было! — не сдавался Этторе. — Конечно, я слышал такие легенды, но исторически убедительного подтверждения, что какой-либо дож…

— Этторе, ну а все-таки? Кому из дожей легенда приписывает такую «честь»?

Этторе надел очки и внимательно посмотрел на Лэнгдона.

— Что же, если верить легенде, то наших любимых лошадей велел привезти самый умный и коварный дож Венеции.

— Коварный?

— Да, тот самый, что обманом втянул всех в Четвертый крестовый поход. — Он выжидающе посмотрел на Лэнгдона. — Он взял деньги из казны, чтобы доставить крестоносцев в Египет… а потом убедил их идти на Константинополь, который и захватил.

Похоже на вероломство, подумал Лэнгдон.

— И как его звали?

Этторе нахмурился.

— Роберт, я думал, ты изучал мировую историю.

— Да, но мир большой, а история — штука длинная. Так что мне нужна помощь.

— Ладно, даю последнюю подсказку.

Лэнгдон собирался было запротестовать, но понял, что это бесполезно.

— Этот дож прожил почти сто лет, — сказал Этторе. — В те времена это было настоящим чудом. Суеверные люди приписывали его долголетие тому, что он решился вывезти мощи святой Луции из Константинополя в Венецию. Святая Луция потеряла глаза…

— Он собирал кости незрячей! — воскликнула Сиенна и выразительно посмотрела на Лэнгдона, который как раз собирался сказать то же самое.

Этторе взглянул на Сиенну с удивлением.

— Можно сказать и так.

Феррис вдруг изменился в лице и стал мертвенно-бледным, будто так и не смог прийти в себя после долгой прогулки по площади и подъема по лестнице.

— Должен добавить, что дож относился к святой Луции с особым благоговением, потому что сам был слепым. А в девяносто лет он стоял на

этой самой площади и благословлял людей на крестовый поход.

— Я знаю, кто это, — объявил Лэнгдон.

— Кто бы сомневался! — отозвался Этторе с улыбкой.

Поскольку Лэнгдон обладал отличной зрительной памятью, ему было легче запоминать образы, нежели вырванные из контекста факты, и ответ явился ему в виде произведения искусства — знаменитой гравюры Гюстава Доре, на которой высохший слепой старец, воздев руки, призывает собравшуюся толпу присоединиться к крестовому походу. Память подсказала и название гравюры — «Энрико Дандоло благословляет рыцарей Четвертого крестового похода».

— Энрико Дандоло! — назвал имя Лэнгдон. — Дож, который жил вечно.

— Finalmente![40] — обрадовался Этторе. — Боюсь, дружище, что годы уже начинают давать о себе знать.

— Как и в других отношениях тоже. А он похоронен здесь?

— Дандоло? — уточнил Этторе и покачал головой. — Нет, в другом месте.

---

[40] Примечания: 40
Ну, слава Богу! (*ит.*)

— А в каком? — поинтересовалась Сиенна. — Во Дворце дожей?

Этторе снял очки и задумался.

— Дайте-ка припомнить. Дожей было так много, что…

В это время к нему подскочила взволнованная экскурсовод и, отведя в сторону, стала что-то лихорадочно шептать ему на ухо. Этторе встревожился, быстрым шагом направился к перилам и заглянул вниз.

— Я сейчас вернусь, — обернувшись, крикнул он Лэнгдону и, не говоря больше ни слова, поспешил вниз.

Удивленный Лэнгдон подошел к перилам и тоже посмотрел вниз. *Что там случилось?*

Сначала он не увидел ничего необычного, но через мгновение заметил, что все туристы смотрят на главный вход, где появилась группа вооруженных людей в черном, которые сразу рассыпались по притвору, блокируя все выходы.

Люди в черном! Лэнгдон сжал поручень с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

— Роберт! — позвала его Сиенна откуда-то сзади.

Лэнгдон, не в силах оторвать взгляд, продолжал смотреть на вооруженных людей в черном.

— Роберт! — позвала Сиенна еще настойчивее. — У нас проблема! Помогите мне!

Лэнгдон обернулся, удивленный ее просьбой о помощи.

Да где же она?!

Через секунду он увидел и Сиенну, и Ферриса. Сиенна стояла на коленях на полу перед квадригой святого Марка, склонившись над лежавшим доктором Феррисом, который бился в конвульсиях, прижимая руки к груди.

Глава 75

— Мне кажется, у него сердечный приступ, — крикнула Сиенна.

Лэнгдон бросился к ним. Доктор Феррис лежал на полу, судорожно хватая ртом воздух.

Что с ним такое? Все вдруг навалилось разом — и появление внизу людей в черном, и приступ у Ферриса, — и Лэнгдон растерялся, не зная, что делать дальше.

Сиенна склонилась над бившимся в конвульсиях мужчиной, ослабила ему шейный платок и расстегнула пуговицы на рубашке, чтобы было легче дышать. Обнажив грудь Ферриса, она испуганно вскрикнула и невольно отпрянула.

Лэнгдон тоже все увидел. Кожа у доктора была какого-то неестественного цвета, а на грудине зловеще расплывалось фиолетовое пятно размером с грейпфрут. Как будто в грудь ему угодило пушечное ядро.

— Внутреннее кровоизлияние, — сказала Сиенна, испуганно глядя на Лэнгдона. — Неудивительно, что он весь день задыхался.

Феррис повернул голову, явно пытаясь что-то

сказать, но лишь беспомощно хрипел. Вокруг начали собираться туристы, и Лэнгдон почувствовал, что ситуация вот-вот выйдет из-под контроля.

— Внизу люди в черном, — предупредил он Сиенну. — Я не знаю, как они нас разыскали.

Выражение удивления на лице Сиенны быстро уступило место злости, и она повернулась к Феррису.

— Вы обманывали нас, так?

Тот снова попытался что-то сказать, но не смог произнести ничего членораздельного.

Сиенна быстро обыскала его карманы и, вытащив бумажник с телефоном, забрала себе, после чего поднялась на ноги, устремив на него обвиняющий взгляд.

В этот момент сквозь толпу к ним пробралась пожилая итальянка и гневно обратилась к Сиенне, стуча себя кулаком в грудь.

– *Нет!* — резко ответила Сиенна. — Закрытый массаж сердца его убьет! Посмотрите на его грудь! — Она повернулась к Лэнгдону. — Роберт, нам надо немедленно убираться отсюда. Прямо сейчас!

Лэнгдон посмотрел на Ферриса и встретился с его умоляющим взглядом — тот отчаянно пытал-

ся что-то сказать.

— Мы не можем бросить его здесь, — возмутился Лэнгдон.

— Поверьте мне и не спорьте, — сказала Сиенна. — Это не сердечный приступ. И мы уходим! Сейчас же!

Толпа обступала их все теснее, кто-то уже звал на помощь. Сиенна схватила Лэнгдона за руку и потащила на балкон подальше от всей этой неразберихи.

В первое мгновение яркий свет ослепил профессора. Садившееся солнце било прямо в глаза, освещая западную часть площади, заливая балкон золотом своих лучей. Сиенна вела Лэнгдона в левую часть балкона, пробираясь между туристами, которые поднялись на второй этаж базилики полюбоваться квадригой святого Марка и лежавшей внизу площадью.

Продвигаясь по балкону, они видели блестевшую впереди морскую гладь, на которой выделялась суперсовременная яхта. Она стояла на рейде и была похожа на военный корабль из будущего.

Но от мыслей о ней Лэнгдона отвлек очередной поворот налево, за которым была пристройка, соединявшая базилику с Дворцом дожей. На ней

в старинные времена дожи вывешивали для ознакомления свои указы.

Не сердечный приступ? Перед глазами Лэнгдона по-прежнему стояло темное пятно на груди Ферриса, и ему вдруг стало страшно спрашивать Сиенну об истинном диагнозе. Мало того, судя по всему, произошли некие события, отчего Сиенна перестала доверять Феррису. *Неужели своими странными взглядами она хотела предупредить меня об опасности?*

Сиенна вдруг остановилась и, перегнувшись через перила, посмотрела на безлюдный угол площади Святого Марка. Высота была изрядная.

— Проклятье! — расстроилась она. — Тут гораздо выше, чем я думала.

Лэнгдон изумленно повернулся к ней. *Неужели она собиралась прыгать вниз?!*

— Но мы не можем допустить, чтобы нас поймали, Роберт. — В ее голосе звучал страх.

Лэнгдон обернулся и посмотрел на тяжелую застекленную дверь из кованого железа. Туристы постоянно выходили через нее на балкон и возвращались обратно в базилику. Если он правильно представлял себе расположение собора, то, войдя в эту дверь, они окажутся в задней его части.

— Все выходы перекрыты, — напомнила Сиенна.

Прикинув возможные варианты спасения, Лэнгдон отверг все, кроме одного.

— Мне кажется, внутри я видел нечто, что может решить нашу проблему.

Не имея возможности продумать план побега в деталях, Лэнгдон провел Сиенну обратно в собор. Они прошли через музей, стараясь держаться в гуще людей и не привлекать к себе внимания. Многие туристы теперь смотрели через открытое пространство центрального нефа на суету вокруг Ферриса. Лэнгдон заметил, как сердитая пожилая итальянка, с которой поспорила Сиенна, указывала двум людям в черном на выход на балкон, куда они сначала направились, рассчитывая скрыться.

Нужно поторопиться, подумал Лэнгдон, оглядывая стены, и наконец нашел то, что искал, возле большой витрины с коврами.

На стене висело ярко-желтое устройство с красной наклейкой «ALLARME ANTINCENDIO».

— Пожарная тревога? — спросила Сиенна. — Такой у вас план?

— Мы можем выбраться вместе с толпой.

Лэнгдон потянулся и, решившись, резко опу-

стил вниз рычаг сигнализации. Внутри лопнул маленький стеклянный цилиндр, однако никакие сирены не взвыли, и никакой паники не началось. Вокруг царила прежняя тишина.

Он нажал на рычаг еще раз. Результат был тем же.

Сиенна смотрела на него как на сумасшедшего.

— Роберт, мы в каменном соборе, в котором полно туристов! Вы и правда думаете, что сигнализации открытого доступа включены и любой шутник может…

— А как же! Законы о противопожарной безопасности в Штатах…

— Но сейчас вы в Европе. И адвокатов здесь не так много. — Она показала ему за спину. — А времени у нас вообще нет.

Лэнгдон обернулся и увидел, как в стеклянную дверь с балкона, через которую они прошли, выходят двое агентов в черном и внимательно оглядывают толпу туристов. В одном из них он узнал того самого мускулистого бойца, который стрелял в них, когда они вылетели на мопеде из гаража дома Сиенны.

Лэнгдону и Сиенне ничего не оставалось, кроме как спрятаться за винтовой лестницей, ведущей

на первый этаж. Укрывшись в ее тени, они видели, что все выходы из собора перекрыли люди в черном, продолжавшие внимательно смотреть по сторонам.

— Стоит нам отсюда выйти, как нас обязательно заметят, — сказал Лэнгдон.

— Эта лестница ведет дальше вниз, — прошептала Сиенна и показала на табличку «ACCESSO VIETATO»[41], которая висела на веревке, перегораживавшей проход. За ней винтовая лестница, закручиваясь в еще более узкую спираль, уходила в темноту.

Плохая идея, подумал Лэнгдон. *Подземная крипта, откуда уже нет выхода.*

Но Сиенна уже перешагнула через веревку и через мгновение скрылась в темноте.

— Тут открыто, — послышался снизу ее шепот.

Лэнгдона это не удивило. Крипта собора Святого Марка отличалась от мест погребения мощей святых в других соборах тем, что часовня здесь была действующей и в ней регулярно проводились службы над мощами святого Марка.

— По-моему, я вижу дневной свет, — прошептала Сиенна.

---

[41] Примечания: 41
Вход воспрещен (*ит.*).

Но как такое возможно? Лэнгдон постарался припомнить свои предыдущие визиты в это священное место и решил, что Сиенна, наверное, видела lux eter-nal — «вечный свет», который благодаря электрическим лампочкам постоянно горел посередине крипты. Однако заслышав приближавшиеся шаги, он понял, что времени на размышления нет, и быстро переступил через заградительную веревку. Убедившись, что она не потревожена и не раскачивается, он приложил ладонь к грубой каменной стене и стал ощупью спускаться вниз.

Внизу его ждала Сиенна. Крипту за ее спиной было едва видно. Она представляла собой подземное помещение с давящим низким каменным потолком, который удерживали колонны, упиравшиеся в кирпичные своды. Сообразив, что на этих колоннах покоится тяжесть всей базилики, Лэнгдон ощутил приступ клаустрофобии.

— Я же говорила, — прошептала Сиенна. Ее миловидное лицо освещалось слабым дневным светом. Она показала на несколько маленьких веерообразных окошек под потолком.

Световые шахты, сообразил Лэнгдон, только сейчас вспомнив об их наличии. Эти шахты, предназначенные для освещения крипты и доступа

в нее свежего воздуха, выходили к глубоким колодцам, устроенным на площади Святого Марка. Стекла были защищены прочной решеткой из пятнадцати колец, и хотя Лэнгдон подозревал, что их можно открыть изнутри, они располагались на высоте его плеча и были такими узкими, что протиснуться в них было бы непросто. Но даже если им и удастся пробраться через окно в шахту, то вылезти из колодца они все равно не смогут — колодцы были глубиной в десять футов и закрывались сверху тяжелыми решетками.

В тусклом свете, который просачивался сквозь шахты, крипта собора Святого Марка походила на густой лес, освещенный луной: опорные столбы казались стволами деревьев и отбрасывали длинные густые тени. Лэнгдон перевел взгляд на центр крипты, где над каменным саркофагом с мощами святого Марка горел одинокий светильник. Для счастливчиков, которым выпадала честь помолиться во время богослужения в этом сердце венецианского христианства, возле гробницы было установлено несколько рядов скамеек.

Рядом вдруг вспыхнул маленький огонек, и Лэнгдон, повернувшись, увидел, что Сиенна держит в руке телефон Ферриса и экран на нем светится.

— Я думал, батарея у него села, — удивился он.

— Это была ложь, — ответила Сиенна, что-то набирая на клавиатуре. — Как и многое другое. — Посмотрев на экран, она нахмурилась. — Здесь нет связи. Я хотела посмотреть, где похоронен Энрико Дандоло. — Она подошла к окошку и подняла телефон высоко над головой, надеясь, что удастся поймать сигнал.

Энрико Дандоло, вспомнил Лэнгдон, у которого до этого не было возможности поразмыслить о доже, поскольку он думал только о том, как не попасть в руки преследователей. Несмотря на трудное положение, в котором они оказались, цель посещения собора Святого Марка была достигнута — они узнали имя «вероломного дожа, что лошадей оставил без голов… да кости собирал незрячих».

К сожалению, Лэнгдон не знал, где похоронен Энрико Дандоло, и Этторе Вио, судя по всему, тоже. *А ведь тому известен каждый дюйм не только базилики… но и Дворца дожей*. И если Этторе не смог сразу вспомнить, где находится гробница Дандоло, то скорее всего искать ее надо не в соборе Святого Марка и не во Дворце дожей.

Так где же она?

Лэнгдон посмотрел на Сиенну, которая успела

придвинуть к одной из световых шахт скамью и теперь стояла на ней. Ей удалось открыть окошко и просунуть в него руку с телефоном.

Теперь в крипте слышался шум с площади, и Лэнгдон снова переключился на поиск решения, как им выбраться наружу. За скамьями стояло несколько складных стульев, и профессор подумал, что один из них можно затащить в шахту. *А вдруг решетки на колодцах на площади тоже отпираются изнутри?*

В полумраке Лэнгдон поспешил к Сиенне, но не успел сделать и нескольких шагов, как сильный удар в лоб отбросил его назад. Рухнув на колени, он сначала решил, что на него напали, но быстро понял, что дело в другом. Проклиная себя за беспечность, он сообразил, что совершенно упустил из виду, казалось бы, очевидный факт: потолок тут был очень низкий, рассчитанный на средний рост людей, живших тысячу лет назад, но никак не на его шесть футов.

Дожидаясь, пока не перестанут сыпаться искры из глаз, он уперся взглядом в каменный пол и неожиданно заметил на нем надпись.

Sanctus Marcus.

Лэнгдон долго смотрел на нее, удивленный не тем, что имя святого высечено на полу, а языком,

на котором это было сделано.

Латынь.

После дня, проведенного в современной итальянской языковой среде, Лэнгдона удивило, что имя написано на латыни, но он тут же вспомнил, что во времена Марка этот ныне мертвый язык являлся lingua franca Римской империи, — языком, на котором общались все входящие в нее народы.

А потом его осенила другая мысль.

В тринадцатом веке — веке Энрико Дандоло и Четвертого крестового похода — латынь по-прежнему являлась общепринятым языком общения. Имя венецианского дожа Энрико Дандоло, прославившего Римскую империю завоеванием Константинополя, могло быть высечено на его могиле только на латыни.

Henricus Dandolo.

И тут перед глазами Лэнгдона возникла полустершаяся в памяти картина. Хотя озарение на него снизошло, когда он стоял на коленях в часовне, он знал, что оно не даровано ему свыше. Скорее всего неожиданным прозрением он был обязан зрительному образу, который и породил мысленную связь. Из глубин памяти Лэнгдона всплыло имя Дандоло, написанное на латыни…

на потертой мраморной плите, вмонтированной в декоративный мозаичный пол.

Henricus Dandolo.

При воспоминании о простом надгробии дожа у него буквально перехватило дыхание. *Я же был там!* И там все в точности так, как описывается в стихотворении: Энрико Дандоло был действительно похоронен в украшенном золотом музее — «мусейоне в убранстве злата мудрости святой», — но только не в соборе Святого Марка.

Лэнгдон медленно поднялся на ноги.

— Я не могу поймать сигнал, — пожаловалась Сиенна, спрыгивая по скамьи и направляясь к нему.

— А он нам и не нужен, — с трудом выдавил из себя Лэнгдон. — «Мусейон в убранстве злата мудрости святой»… — Он глубоко вдохнул. — Я… ошибся.

Сиенна побледнела.

— Только не говорите, что мы не в том музее.

— Сиенна, — еле слышно произнес Лэнгдон. — Мы вообще не в той стране.

Глава 76

На площади Святого Марка цыганка, торговавшая венецианскими масками, решила немного отдохнуть и заняла свое любимое место у боковой стены — маленькую нишу между двумя металлическими решетками в мостовой. Там можно было поставить тяжелый шест с товаром, опереться о стену и полюбоваться заходящим солнцем.

За долгие годы ей довелось немало чего здесь повидать, но странное событие, которое привлекло ее внимание, происходило не на площади… а под ней. Услышав громкий шум под ногами, цыганка заглянула в решетку, под которой был узкий колодец около десяти футов глубиной. Внизу виднелось открытое окно, сквозь которое кто-то просовывал складной стул.

К изумлению цыганки, вслед за стулом в окошке показалась миловидная женщина с собранными в конский хвост светлыми волосами — ее явно подталкивали сзади, помогая пролезть в колодец.

Поднявшись на ноги и выпрямившись, женщина взглянула наверх и невольно вздрогнула,

увидев, что сквозь решетку на площади на нее смотрит цыганка. Она поднесла палец к губам и натянуто улыбнулась. Затем разложила стул и, встав на него, попыталась дотянуться до решетки.

Росточком не вышла, подумала цыганка. *И что ты тут делаешь?*

Блондинка слезла со стула и заговорила с кем-то внутри подвала. Хотя в узком колодце и так было не повернуться, она, прижавшись к стенке, освободила место для высокого темноволосого мужчины в дорогом костюме, который пролез в окошко вслед за ней.

Мужчина тоже посмотрел на цыганку, продолжавшую наблюдать за ними через решетку. Затем, неловко изогнувшись, поменялся местами с блондинкой и взгромоздился на шаткий стул. Он был выше, и ему удалось дотянуться до задвижки под решеткой и открыть ее. Приподнявшись на носках, он уперся ладонями в решетку и попытался ее сдвинуть. Решетка чуть приподнялась, но сдвинуть ее ему не удалось, и он снова ее опустил.

— Può darci una mano? — крикнула снизу блондинка, обращаясь к цыганке.

Просишь тебе помочь? — подумала цыганка,

не имея ни малейшего желания вмешиваться. *А что ты вообще там делаешь?*

Блондинка достала мужское портмоне и, вытащив из него купюру в сто евро, помахала ею, предлагая в качестве вознаграждения. Это было больше, чем цыганка зарабатывала за три дня торговли масками. Однако она была не прочь поторговаться и, покачав головой, показала два пальца. Блондинка вынула еще одну купюру.

Не веря своему счастью, цыганка неохотно кивнула и, наклонившись к решетке, взялась за ее прутья. Потом перевела взгляд на мужчину, чтобы действовать с ним в унисон.

Мужчина снова надавил сверху, и цыганка, привыкшая таскать тяжелый шест с товаром, изо всех сил потянула решетку на себя. Та наполовину приподнялась. Они уже думали, что все получилось, как вдруг стул под мужчиной с грохотом развалился на части, и он вместе с обломками полетел вниз.

Железная решетка тут же налилась тяжестью, и цыганка уже собиралась ее отпустить, но мысль об обещанных двухстах евро придала ей сил, и она сумела сдвинуть решетку в сторону, которая со звоном упала на мостовую.

Выбившись из сил, цыганка заглянула в ко-

лодец, где пытались прийти в себя мужчина и женщина. Как только мужчина сумел встать на ноги, цыганка протянула руку за своей наградой.

Женщина благодарно кивнула и подняла над головой две купюры. Цыганка опустила руку в колодец, но дотянуться не смогла.

Передай деньги мужчине.

Вдруг из подвала донесся какой-то шум, и послышались сердитые голоса. Мужчина с женщиной в испуге отпрянули от окна.

Потом наступил настоящий хаос. Взяв на себя инициативу, мужчина присел на корточки, сцепил пальцы в замок и подставил руки под ступню женщины. Та послушно поставила ему на ладони ногу, и он поднял ее. Зажав банкноты в зубах, она цеплялась руками за стенки колодца, стараясь дотянуться до края. Наконец ей это удалось.

Неимоверным усилием она сумела подтянуться и вылезла на мостовую, как обычно выбираются из бассейна. Сунув цыганке деньги, тут же повернулась и, заглянув в колодец, протянула руку, чтобы мужчина мог за нее ухватиться. Но было слишком поздно. Из окна высунулись руки в черном, похожие на щупальца голодного монстра, и, ухватив Лэнгдона за ноги, стали тянуть на себя.

— Беги, Сиенна! — крикнул тот, отбиваясь. —

Спасайся!

Цыганка видела, как они успели встретиться взглядами, полными боли и сожаления… и все было кончено.

Блондинка еще продолжала смотреть, и в глазах у нее стояли слезы.

— Прости меня, Роберт, — прошептала она и, помолчав, добавила: — Прости за все.

Через мгновение она вскочила на ноги и, размахивая конским хвостом, бегом устремилась в узкий переулок Мерчериа-дель-Ороложо… чтобы скрыться с самом сердце Венеции.

Глава 77

Очнувшись, Роберт Лэнгдон услышал тихий плеск воды, почувствовал стерильный запах антисептика, смешанный с соленым ароматом морского воздуха, и мягкое покачивание.

Где я?

Казалось, он только что изо всех сил вырывался из крепких рук, тащивших его обратно в темный полумрак подземелья из наполненного светом колодца. Но сейчас почему-то лежал не на холодном каменном полу крипты собора Святого Марка, а… на мягком матраце.

Я на борту судна?

Последним, что он помнил, было то, как один из людей в черном прижал его к земле в крипте и зло прошипел на ухо:

— Хватит от нас бегать!

Лэнгдон отчаянно закричал, зовя на помощь, и один из солдат зажал ему рот ладонью.

— Надо вытаскивать его отсюда, — сказал он, и второй неуверенно кивнул.

— Работай.

Лэнгдон почувствовал, как сильные пальцы

профессионально нащупали на его шее сонную артерию и, найдя нужную точку, стали давить на нее все сильнее и сильнее. Через несколько секунд перед глазами у него все поплыло, и от нехватки кислорода мозг стал отключаться, увлекая его в небытие.

Они меня убивают, успел подумать Лэнгдон. *Прямо здесь, возле мощей святого Марка.*

Затем он провалился во тьму, но не полную, а с какими-то тенями и приглушенными звуками.

Лэнгдон не знал, сколько прошло времени, но теперь с каждой минутой мир обретал все больше красок. Насколько он мог судить, его привезли на какое-то судно и поместили в лазарет. От стерильной обстановки и запаха изопропилового спирта он испытал ощущение дежавю. Словно он прошел полный круг и снова, как и предыдущей ночью, очутился в непонятной больничной палате со скудными обрывками воспоминаний.

Профессор сразу подумал о Сиенне и ее безопасности. Он помнил взгляд ее карих глаз, полный раскаяния и страха. Лишь бы ей удалось спастись и благополучно выбраться из Венеции.

Мы вообще не в той стране, успел он сказать ей, сообразив, к своему ужасу, что Энрико Дандоло похоронен не в Италии. Таинственный

«мусейон в убранстве злата мудрости святой», о котором говорилось в стихотворении, находился не в Венеции… а за тысячу миль от нее. Как и предупреждал текст Данте, в этих строчках действительно таился «смысл, постичь который» оказалось совсем непросто.

Лэнгдон собирался все объяснить Сиенне, как только они выберутся из крипты, но этой возможности ему так и не представилось.

Ей известно только то, что я ошибся.

Лэнгдон ощутил спазм в желудке.

Чума по-прежнему там… за тысячу миль отсюда.

За дверью лазарета послышались громкие шаги, и в каюту вошел мужчина в черном. Это был качок, который скрутил его на полу крипты. Глаза его холодно блестели. Он подошел к Лэнгдону, и тот инстинктивно отпрянул, но бежать было некуда.

Я полностью в их власти — они могут сделать со мной все, что хотят.

— Где я? — с вызовом спросил Лэнгдон.

— На яхте. Она стоит на якоре возле Венеции.

Профессор посмотрел на зеленую нашивку на рукаве формы агента — земной шар с аббревиатурой ЕЦКПЗ над ним. Ни такой эмблемы, ни

аббревиатуры Лэнгдону встречать не приходилось.

— Нам нужна имеющаяся у вас информация, — произнес мужчина, — и времени у нас мало.

— А почему я должен вам что-то рассказывать? — поинтересовался Лэнгдон. — Вы меня чуть не убили.

— Неправда. Мы использовали шиме-ваза — удушающий захват в дзюдо. Мы не собирались причинять вам вред.

— А кто в меня стрелял утром?! — возмутился Лэнгдон, вспомнив, как пуля угодила в крыло мопеда Сиенны. — Еще немного, и попали бы в спину!

Глаза мужчины превратились в щелки.

— Если бы я хотел попасть вам в спину, то попал бы. Я сделал один-единственный выстрел и целился в колесо, чтобы не дать вам уехать. У меня был приказ войти с вами в контакт и выяснить, какого черта вы так странно себя ведете.

Не успел Лэнгдон переварить услышанное, как в каюту вошли еще двое мужчин в черной форме. Между ними шла женщина. Его странное видение.

Лэнгдон сразу узнал в ней таинственную незнакомку. Ту самую, которая в мольбе протягивала

к нему руки в его видениях. Она действительно была удивительно красивой, с серебристыми волосами и амулетом из лазурита на шее. Поскольку раньше Лэнгдон видел ее только в жутком окружении корчившихся тел, он не мог поверить, что теперь она стоит перед ним живая и во плоти.

— Профессор Лэнгдон, — сказала она, подходя к кровати и устало улыбаясь. — Я очень рада, что с вами все в порядке. — Она присела на край койки и взяла его руку, чтобы пощупать пульс. — Мне сказали, что у вас амнезия. Вы меня помните?

Лэнгдон ответил не сразу, продолжая ее разглядывать.

— Я видел вас… в своих галлюцинациях, но не помню, чтобы мы встречались.

Женщина понимающе кивнула.

— Меня зовут Элизабет Сински. Я руковожу Всемирной организацией здравоохранения и обратилась к вам за помощью, чтобы найти…

— Чуму, — закончил за нее Лэнгдон. — Вирус, которой создал Бертран Зобрист.

Сински довольно улыбнулась.

— Так вы все помните?

— Нет. Я проснулся в больничной палате с маленьким проектором, и в галлюцинации вы все время повторяли: «Ищите и обрящете». Я пытал-

ся, но эти люди хотели меня убить. — Он показал на агентов в черной форме.

Качок напрягся, явно желая возразить, но Элизабет Сински махнула ему рукой, призывая не вмешиваться.

— Профессор, — мягко сказала она, — я понимаю, что вы совершенно сбиты с толку. Как человек, который вовлек вас во все это, я просто в ужасе от случившегося и искренне рада, что с вами все в порядке.

— В порядке? — переспросил Лэнгдон. — Да меня тут держат насильно! — *Как, впрочем, и вас.*

Женщина с серебристыми волосами понимающе кивнула.

— Боюсь, из-за амнезии многие вещи, о которых я расскажу, покажутся вам непонятными. Но времени у нас очень мало, а в вашей помощи нуждается множество людей. — Сински помедлила, словно решая, с чего лучше начать. — Прежде всего я хочу, чтобы вы поняли, что агент Брюдер и его команда не собирались причинять вам никакого вреда. У них был прямой приказ во что бы то ни стало вновь установить с вами контакт.

— Вновь установить? Я не…

— Пожалуйста, профессор, выслушайте до конца. Вы все поймете. Обещаю.

Лэнгдон откинулся на подушку, пытаясь взять себя в руки и собраться с мыслями, а доктор Сински тем временем продолжила:

— Агент Брюдер и его люди — команда Службы наблюдения и реагирования, или сокращенно СНР. Они работают под эгидой Европейского центра по контролю и профилактике заболеваний.

Лэнгдон взглянул на эмблему ЕЦКПЗ на рукавах людей в черном. *Европейский центр по контролю и профилактике заболеваний?*

— Его группа, — продолжала Элизабет, — специализируется на обнаружении и нейтрализации угроз инфекционных заболеваний. По сути, это спецназ по борьбе с серьезными и масштабными угрозами здоровью человечества. Вы были моей главной надеждой в поиске источника заразы, созданной Зобристом, и когда вы исчезли, я поручила команде СНР вас отыскать… Я вызвала их во Флоренцию именно с этой целью.

Лэнгдон не верил своим ушам.

— Эти люди работают на вас?

Она кивнула.

— ЕЦКПЗ временно предоставил их в мое распоряжение. Когда прошлой ночью вы исчезли и перестали выходить на связь, мы решили, что с вами что-то случилось. И только утром, когда

наша техническая служба засекла, что вы зашли в свой почтовый ящик в Гарварде, мы узнали, что вы живы. И единственным объяснением вашего непонятного поведения было то, что вы переметнулись… не исключено, что согласились помочь найти эту заразу кому-то еще за большие деньги.

Лэнгдон покачал головой.

— Бред какой-то!

— Да, это выглядело невероятным, но другого логического объяснения просто не было, а учитывая, насколько высоки ставки, мы не могли рисковать. Понятно, что вариант с амнезией никому и в голову не пришел. Когда наша техническая служба засекла посещение почтового ящика в Гарварде, мы определили квартиру во Флоренции, откуда это было сделано, и направили туда команду. Но вы сбежали оттуда на трайке с какой-то женщиной, и это лишь усилило наши подозрения, что вы работаете на кого-то еще.

— Но мы проехали мимо вас! — не выдержал Лэнгдон. — И я видел вас на заднем сиденье фургона в окружении вооруженных людей! Я думал, что вас захватили! И вид у вас был такой, будто вас накачали какими-то препаратами.

— Вы нас видели? — удивилась Сински. — Как ни странно, вы правы… Мне действительно вко-

лоли лекарство. — Она помолчала. — Но сделали это по моему приказу.

Лэнгдон вообще перестал что-нибудь понимать. *Она велела им себя одурманить?*

— Вы, наверное, этого не помните, — объяснила Сински, — но, когда наш самолет садился во Флоренции, от перепада давления у меня случился приступ так называемого параксизмального позиционного головокружения, это связано с патологией внутреннего уха. Состояние это временное и неопасное, но от тошноты и головокружения трудно даже голову держать прямо. Обычно я пережидаю подобные приступы в постели, но ситуация с вирусом Зобриста настолько критическая, что я прописала себе ежечасные инъекции противорвотного метоклопрамида. У этого препарата есть серьезный побочный эффект в виде ощущения усталости и сонливости, но я по крайней мере могла руководить операцией по телефону из фургона. Команда СНР хотела отвезти меня в больницу, но я приказала им этого не делать, пока вы не окажетесь в наших руках. К счастью, во время перелета в Венецию приступ наконец прошел.

Лэнгдон обессиленно упал на подушки, чувствуя внутреннее опустошение. *Я целый день*

уносил ноги от Всемирной организации здравоохранения — тех самых людей, которые и обратились ко мне с просьбой о помощи.

— А теперь, пожалуйста, сосредоточьтесь, профессор, — сказала Сински, и ее голос выдавал волнение. — Чума Зобриста… вы знаете, где она? — Она смотрела на него с надеждой. — У нас очень мало времени.

Очень далеко отсюда, уже собрался ответить Лэнгдон, но что-то его остановило. Он взглянул на Брюдера, который утром в него стрелял, а вечером чуть не задушил насмерть. Все менялось так быстро, что Лэнгдон, не в силах обрести почву под ногами, уже не знал, кому верить.

Сински наклонилась к нему, и на ее лице читалось крайнее напряжение.

— Мы считаем, что источник заразы где-то здесь, в Венеции. Это так? Пожалуйста, скажите нам где, и я направлю туда свою команду.

Лэнгдон колебался.

— Сэр! — нетерпеливо вмешался Брюдер. — Вам явно что-то известно… так скажите нам! Неужели вы не понимаете, что поставлено на карту?

— Агент Брюдер! — резко одернула его Сински. — Прекратите! — Повернувшись к Лэнгдону, она тихо заговорила: — Учитывая, как много вам

пришлось пережить, понятно, что вы сбиты с толку и не знаете, кому доверять. — Она помолчала и посмотрела ему прямо в глаза. — Но время очень дорого, и я прошу вас довериться мне.

— Лэнгдон может подняться? — раздался незнакомый голос. В дверях стоял невысокий холеный мужчина с темным от загара лицом. Он изучающе разглядывал профессора, и в его цепком взгляде ощущалась опасность.

Сински сделала знак Лэнгдону подняться.

— Профессор, с этим человеком я бы предпочла никогда не сотрудничать, но ситуация настолько серьезная, что у нас просто нет выбора.

Не зная, что и думать, Лэнгдон спустил ноги с кровати и, чуть пошатнувшись, встал, обретая равновесие.

— Следуйте за мной, — сказал незнакомец, направляясь к двери каюты. — Вы должны кое-что увидеть.

Лэнгдон не тронулся с места.

— Кто вы такой?

Мужчина, помедлив, сцепил пальцы в замок.

— Имя не имеет значения. Можете называть меня Ректором. Я руковожу организацией, которая… к сожалению, совершила ошибку, оказав помощь Бертрану Зобристу в достижении его

целей. Теперь, пока не поздно, я стараюсь эту ошибку исправить.

— Что вы хотите мне показать? — спросил Лэнгдон.

Мужчина устремил на Лэнгдона твердый взгляд.

— Нечто, после чего у вас не останется сомнений, что мы на одной стороне.

Глава 78

Лэнгдон проследовал за загорелым мужчиной по лабиринту вызывающих клаустрофобию коридоров, а доктор Сински и агенты СНР двигались вплотную за ними. Когда они подошли к трапу, Лэнгдон приободрился, рассчитывая, что они поднимутся наверх, к дневному свету, но его надежды не оправдались: Ректор стал спускаться еще ниже.

Вскоре они оказались в глубоких недрах судна. Их проводник уверенно миновал похожее на огромный офис помещение, заполненное стеклянными кабинками с прозрачными и матовыми стенами.

В каждой звуконепроницаемой кабинке сотрудники были полностью поглощены работой: одни что-то набирали на компьютере, другие — разговаривали по телефону. На лицах тех, кто успевал их заметить, отражалась тревога при виде незнакомцев в этой части судна, но Ректор успокаивал их жестом и шел дальше.

Что это за место? — спрашивал себя Лэнгдон, минуя все новые и новые рабочие зоны.

Наконец хозяин привел их в просторный конференц-зал. Дождавшись, когда все рассядутся, нажал на кнопку, и стеклянные стены с шипением превратились вдруг из прозрачных в матовые. Лэнгдон видел такое впервые и был поражен.

— Где мы? — не выдержав, спросил он.

— Это мое судно — «Мендаций».

— «Мендаций»? — переспросил Лэнгдон. — Римское название греческого бога лжецов Псевдолога?

Эрудиция профессора явно произвела впечатление на Ректора.

— Не так много людей это знают.

Не очень-то лестное название, подумал Лэнгдон. Мендаций был языческим богом, который покровительствовал злым духам, отвечавшим за обман, неправду и ложные вымыслы.

Хозяин судна достал маленькую флешку и вставил ее в одно из электронных устройств в углу комнаты. Огромный жидкокристаллический экран ожил, а верхний свет стал тускнеть и постепенно погас.

В наступившей напряженной тишине послышался плеск воды. Сначала Лэнгдон решил, что это шум волн, бьющихся о борт яхты, но затем понял, что он раздается из колонок на мониторе.

Медленно появилась картинка — влажная стена пещеры, освещенная зловещим красноватым светом.

— Этот ролик снял Бертран Зобрист, — пояснил Ректор. — И просил меня завтра сделать его достоянием общественности.

Лэнгдон молча смотрел на экран с эксцентричным любительским фильмом… какая-то пещера с подернутым рябью озером… в его воды погружается камера… останавливается у мозаичного дна, кое-где покрытого илом… над ним табличка с надписью: «СЕГОДНЯ В ЭТОМ МЕСТЕ МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА».

На табличке подпись: БЕРТРАН ЗОБРИСТ.

Дата — *завтрашний день.*

Боже милостивый! В полумраке Лэнгдон повернулся к Сински, но та сидела, устремив взгляд в пол. Судя по всему, она уже видела этот ролик раньше, и не могла заставить себя смотреть на экран.

Камера сдвинулась влево, и ошарашенный Лэнгдон увидел на экране раздувающийся под водой пузырь из прозрачного пластика, наполненный студенистой желтовато-коричневой жидкостью. Пузырь был прикреплен ко дну и не мог всплыть на поверхность.

Что за черт?! Лэнгдон не сводил взгляда с парящей в толще воды пластиковой емкости. Тягучая жидкость, наполнявшая ее, казалось, медленно кружится… будто собирается с силами.

Сообразив, что находится внутри, Лэнгдон замер, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть. *Чума Зобриста!*

— Остановите воспроизведение! — раздался в темноте голос Сински.

Изображение застыло: привязанный пластиковый мешок в толще воды походил на парящее в воздухе герметичное облако.

— Думаю, вы догадались, что находится внутри, — продолжала она. — Вопрос в том, сколько это будет оставаться в пакете. — Она подошла к экрану и показала на маленькую маркировку на пластиковой емкости. — Это указывает на материал, из которого сделан мешок. Видите, что тут написано?

Чувствуя, что сердце вот-вот выскочит из груди, Лэнгдон прищурился и разобрал надпись, которая оказалась товарным знаком: Solublon®.

— Эта фирма — ведущий мировой производитель пластика, который растворяется в воде, — пояснила Сински.

У Лэнгдона перехватило дыхание.

— Вы хотите сказать, что пакет… растворяется?!

Сински мрачно кивнула.

— Мы связались с этой компанией, и нам сообщили, что они производят десятки вариаций пластика, со скоростью растворения от десяти минут до десяти недель, в зависимости от потребностей заказчика. Эта скорость зависит от состава воды и ее температуры, но у нас нет сомнений, что Зобрист все это учел. — Она помолчала. — Мы считаем, что этот мешок растворится…

— Завтра, — закончил за нее Ректор. — Зобрист обвел на моем календаре завтрашний день. И тот же день указан на табличке.

Лэнгдон молча сидел в темноте, не в силах вымолвить ни слова.

— Покажите ему остальное, — попросила Сински.

Изображение на экране вновь ожило, и теперь объектив камеры уже смотрел на светившуюся водную гладь и погруженную в сумрак пещеру. Лэнгдон не сомневался, что в стихотворении говорилось именно об этом месте. *Воды лагуны, которые вовек не отражают звезд.*

Эта картина невольно вызывала ассоциации с Дантовым адом… по пещерам преисподней

струились воды реки Коцит.

Где бы ни находилась эта лагуна, ее воды обступали покрытые мхом стены, которые — Лэнгдон почти не сомневался — имели искусственное происхождение. Не сомневался он и в том, что камера не случайно показывала лишь маленький участок обширного пространства, на что указывали неясные вертикальные тени на стене. Тени были широкие, ровные и одинаково отстоявшие друг от друга.

Да это же колонны! — догадался он. Потолок пещеры держался на колоннах. А это озеро не в пещере, а в просторном зале.

Затем проследует в затопленный дворец…

Но не успел Лэнгдон сказать и слова, как его внимание привлекала новая тень на стене… на этот раз человеческой фигуры с длинным клювом вместо носа.

Господи Боже!

Тень заговорила в зловещем стихотворном ритме — ее слова звучали глухо и разносились над водой.

Я — ваш Спаситель. Я — Призрак.

Следующие несколько минут Лэнгдон смотрел самый страшный фильм в своей жизни. Не

вызывало сомнения, что в бредовых рассуждениях безумного гения, которые Бертран Зобрист излагал от лица врачевателя чумы, имелись многочисленные ссылки на Дантов ад и содержалось четкое послание: безудержный рост населения планеты поставил под угрозу само выживание человечества.

С экрана звучало:

Бездействие равносильно приглашению в Дантов ад… где не протолкнуться от погрязших в грехе душ, которых настигла беспощадная кара голодом, муками и страданиями.

Вот почему я решился на отчаянный шаг. Кого-то он повергнет в ужас, но спасение имеет свою цену.

Настанет день, когда мир по достоинству оценит мою жертву.

Увидев, как Зобрист в наряде врачевателя чумы стал снимать с себя маску, обнажая лицо, Лэнгдон невольно отшатнулся. На него смотрело худое лицо безумца с пылающими зелеными глазами, заварившего всю эту кашу. Затем Зобрист обратился к человеку, которого назвал своим добрым гением.

Я оставляю будущее в твоих нежных руках. Моя

миссия в этом мире выполнена. И теперь пробил час устремиться ввысь… и узреть звезды.

Фильм закончился, и в последних словах Зобриста Лэнгдон узнал почти точное повторение концовки «Ада» Данте.

В тишине конференц-зала Лэнгдон осознал, что все его сегодняшние злоключения являлись следствием одной жуткой реальности, при мысли о которой в жилах стыла кровь.

Бертран Зобрист теперь обрел лицо… и голос.

В зале зажегся свет, и Лэнгдон увидел, что глаза всех присутствующих выжидательно устремлены на него.

Элизабет Сински поднялась, ее пальцы нервно теребили амулет. На лице у нее не было ни кровинки.

— Профессор, теперь вы и сами понимаете, как мало у нас времени. Единственной хорошей новостью является то, что пока к нам не поступало сообщений о появлении патогена или вспышки инфекции. Это позволяет надеяться, что пластиковый пакет в водоеме все еще цел. Но мы не знаем, где его искать. Наша цель — нейтрализовать угрозу, изолировав емкость с патогеном до того, как она растворится. Но сделать это мы сможем, только если будем точно знать, где она

находится.

Агент Брюдер поднялся и обратился к Лэнгдону, пристально на него глядя:

— Мы полагаем, что вы приехали в Венецию, поскольку узнали, что именно здесь Зобрист спрятал свою заразу.

Лэнгдон обвел собравшихся взглядом. Хотя на их лицах был написан страх, в глазах читалась надежда на чудо, но ничем хорошим порадовать их Лэнгдон, увы, не мог.

— Мы не в той стране, — объявил он. — То, что вы ищете, находится за тысячу миль отсюда.

От заработавших на полную мощность двигателей «Мендация» в животе у Лэнгдона завибрировало. Яхта, описав широкую дугу, помчалась в сторону венецианского аэропорта. В конференц-зале все пришло в движение. Ректор выскочил в коридор, на ходу раздавая приказы команде. Элизабет Сински схватила телефон и стала звонить пилотам «С-130», чтобы они немедленно готовили самолет к вылету из аэропорта Венеции. А агент Брюдер бросился к ноутбуку, чтобы к их прилету на месте уже была готова к действиям международная передовая группа.

На другом краю света.

Ректор вернулся в конференц-зал и деловито

обратился к Брюдеру:

— Есть новости от властей Венеции?

Тот покачал головой.

— Никаких следов. Они продолжают поиски, но Сиенна Брукс исчезла.

Лэнгдон не верил своим ушам. *Они ищут Сиенну?*

Сински закончила разговор и присоединилась к беседе.

— Ее так и не нашли?

Ректор покачал головой.

— С вашего позволения, я считаю, что ВОЗ должна санкционировать, если потребуется, применение силы для ее задержания.

Лэнгдон вскочил на ноги.

— Зачем?! Сиенна Брукс тут совершенно ни при чем.

Ректор устремил на Лэнгдона холодный взгляд темных глаз.

— Профессор, я должен вам кое-что рассказать о Сиенне Брукс.

Глава 79

Выбравшись из толпы туристов на мосту Риальто на набережную канала Фондамента-Вин-Кастелло, Сиенна Брукс вновь перешла на бег.

Они схватили Роберта.

Сиенна не могла забыть отчаянный взгляд профессора, которым он смотрел на нее, когда люди в черном затаскивали его обратно в крипту. Она не сомневалась, что захватившим его людям быстро удастся убедить его рассказать им все, что он сумел выяснить.

Мы вообще не в той стране.

Но хуже всего было то, что похитители наверняка откроют Лэнгдону глаза на то, как все обстоит на самом деле.

Прости меня, Роберт.

Прости за все.

Поверь, у меня просто не было выбора.

Как ни странно, Сиенна уже скучала по нему. Здесь, среди привычного для Венеции столпотворения, она снова ощутила одиночество.

В этом не было ничего необычного. Сиенна Брукс чувствовала себя одинокой с самого ранне-

го детства. Будучи наделенной исключительным интеллектом, она всегда ощущала себя чужестранкой, которую судьба забросила в чуждый ей мир, где ее уделом было одиночество. Она пробовала завести друзей, но у ровесников на уме были только глупости, которые ее совершенно не интересовали. Она пыталась испытывать уважение к старшим, но большинство из них так и остались взрослыми детьми, лишенными элементарного понимания окружающего их мира, и — что хуже всего — не только не хотели его познать, но даже не задумывались об этом.

Я чувствовала себя неприкаянной.

И Сиенна научилась быть призраком. Невидимкой. Научилась быть хамелеоном, одной из толпы. Ее детская страсть к игре на сцене, без сомнения, была порождена ее мечтой стать кем-то другим. *Нормальным.*

Ее выступление в шекспировском «Сне в летнюю ночь» помогло ей ощутить себя частью чего-то большого, и взрослые актеры обращались с ней как с равной. Однако радость была недолгой и исчезла, как только спектакль закончился. Она тут же оказалась в центре внимания пораженных ее игрой журналистов, которые окружили ее после спектакля, а другие актеры тихо ушли в

боковую дверь.

Теперь и они ненавидят меня.

К семи годам Сиенна прочла достаточно книг по медицине, чтобы поставить себе диагноз: глубокая депрессия. Когда она сообщила об этом родителям, те, как обычно, опешили, что случалось с ними каждый раз, когда «странности» дочери ставили их в тупик. Тем не менее они все-таки показали ее психиатру. Тот задал множество вопросов, которые Сиенна уже задавала себе, а потом прописал амитриптилин в комбинации с хлордиазепоксидом.

Сиенна со злостью соскочила с кушетки.

— Амитриптилин? — возмутилась она. — Я хочу стать счастливее, а не превратиться в зомби!

К чести психиатра, он не стал реагировать на ее вспышку и, сохранив спокойствие, предложил иное решение.

— Сиенна, если ты не хочешь принимать лекарство, давай попробуем другой подход. — Он помолчал. — Судя по всему, ты постоянно зацикливаешься на мыслях о себе и на том, что ты чужая в этом мире.

— Да, — подтвердила Сиенна. — Я стараюсь об этом не думать, но не могу.

Он понимающе улыбнулся.

— Конечно, не можешь. Мозг человека физически не способен ни о чем не думать. Душа жаждет эмоций и будет искать для них пищу, не важно, будут ли эти эмоции положительные или отрицательные. Твоя проблема в том, что ты даешь им неправильную пищу.

Сиенна никогда не слышала, чтобы о душе рассуждали техническими терминами, и это сразу пробудило в ней острый интерес.

— И как же снабжать душу другой пищей?

— Тебе надо изменить сферу приложения своего интеллекта, — предложил он. — Сейчас ты думаешь в основном о себе. Ты постоянно размышляешь о том, почему ты не такая, как все… что с тобой не так.

— Это правда, — снова согласилась Сиенна, — но я стараюсь решить проблему. Стараюсь приспособиться. Я не смогу решить проблему, если не буду ее обдумывать.

Доктор хмыкнул.

— Полагаю, что обдумывание проблемы… и есть твоя проблема.

Он предложил ей перенаправить фокус внимания с себя и своих проблем… на окружающий мир… и его проблемы.

И вот тогда все изменилось.

Она начала направлять свою энергию не на жалость к себе… а на сопереживание другим. Она увлеклась благотворительностью, разливала в приютах суп бездомным, читала вслух книги слепым. Как ни удивительно, но никто из тех, кому помогала Сиенна, не замечал, что она не похожа на других. Они были просто благодарны ей за заботу.

С каждым днем она отдавалась работе все больше и больше, лишая себя даже полноценного сна — ведь так много людей ждали от нее помощи.

— Сиенна, сбавь обороты! — уговаривали ее. — Ты не можешь изменить мир!

Как можно так говорить?!

Занимаясь благотворительностью, Сиенна познакомилась с членами местной организации гуманитарной помощи. И когда те предложили ей присоединиться к гуманитарной миссии на Филиппинах и поехать с ними туда на месяц, она с удовольствием согласилась.

Сиенна думала, что им предстоит помогать бедным рыбакам и крестьянам в стране — как она узнала из книг — с изумительно красивой природой, волнующим подводным миром и невероятно живописными равнинами. Но когда

группа поселилась в кишащей людьми Маниле — самом густонаселенном городе в мире, — она испытала настоящий шок. Никогда раньше ей не доводилось сталкиваться с такой ужасающей бедностью.

Что может сделать один человек?

На каждого, кого Сиенна помогала накормить, приходились сотни несчастных, смотревших на нее полными отчаяния глазами. Манила задыхалась от жутких пробок, грязного воздуха и проституции, которой занимались в основном подростки. Многих из них отдавали в лапы сутенеров родители, единственным утешением которым служила мысль, что их дети перестанут голодать.

И среди этого разгула детской проституции, нищеты, карманного воровства и прочих ужасов Сиенна вдруг почувствовала себя совершенно беспомощной. Повсюду вокруг нее человечность уступала место первобытному инстинкту выживания. *От отчаяния люди теряли человеческий облик… и превращались в животных.*

Сиенну вновь парализовала депрессия. Она вдруг остро осознала, в какой опасности находится человечество — оно оказалось на грани исчезновения.

Я заблуждалась, подумала она. *Я не смогу спасти мир.*

Охваченная приступом безумия, Сиенна вдруг бросилась бежать, не разбирая дороги. Она прокладывала себе путь сквозь толпу, отпихивая встречных и упрямо продвигаясь вперед.

Мне нечем дышать от окружающей меня человеческой плоти!

Сиенна снова ловила на себе изумленные взгляды. Она опять выбивалась из общей массы. Высокая блондинка со светлой кожей и забранными в конский хвост волосами. Мужчины похотливо пялились на нее, словно она была голой.

Выбившись наконец из сил, Сиенна вдруг поняла, что не представляет, как далеко и где именно оказалась. Стерев слезы с покрытого грязью лица, она увидела, что стоит посреди трущоб в окружении лачуг, слепленных кое-как из листов гофрированного металла и картона. Со всех сторон до нее доносился плач младенцев, а воздух был пропитан стойким запахом людских экскрементов.

Я прошла сквозь врата ада.

— Turista, — послышался сзади густой мужской голос. — Magkano? — *Сколько?*

Сиенна обернулась и увидела троих парней, похожих на волков, пускающих слюни. Сразу поняв, что оказалась в опасности, она метнулась прочь, но те уже окружили ее, как хищники, охотившиеся за добычей.

Сиенна закричала и стала звать на помощь, но на ее крики никто не отреагировал. Старуха, сидевшая на старой покрышке неподалеку, счищала гниль с луковицы ржавым ножом и даже не подняла головы на крик Сиенны.

Когда парни схватили ее и поволокли в крошечную хибару, Сиенна поняла, что ее ждет, и ее охватил ужас. Она отбивалась изо всех сил, но парни были сильнее и быстро повалили ее на старый грязный матрац.

Они разорвали на ней блузку, исцарапав нежную кожу. Когда она опять закричала, ей сунули в рот кляп из оторванного куска блузки, причем так глубоко, что она чуть не задохнулась. А потом перевернули на живот, прижав лицом к вонючему ложу.

Сиенна Брукс всегда испытывала жалость к малограмотным людям, которые продолжали верить в Бога, живя в этом полном страданий мире, но сейчас сама начала молиться… и молиться истово.

Господи, молю Тебя, убереги меня от всякого зла.

Даже во время молитвы она слышала, как парни гоготали и насмехались над ней, а потом стали грязными руками стаскивать с нее джинсы. Один из них, потный и тяжелый, взгромоздился ей на спину, и она чувствовала, как капли его пота падали ей на кожу.

Я девственница, подумала Сиенна. *Вот, значит, как это будет у меня в первый раз.*

Неожиданно мужчина повалился на бок, а его глумливый смех сменился криком ярости и боли. Падавшие на ее кожу капли горячего пота вдруг сменились целым потоком и стали стекать на матрац… расплываясь на нем красными пятнами.

Повернувшись, она увидела старуху с наполовину очищенной луковицей и ржавым ножом: теперь та стояла над насильником, из раны на спине которого хлестала кровь.

Старуха, угрожающе размахивая окровавленным ножом, посмотрела на остальных так, что те предпочли как можно скорее унести ноги.

— Salamat, — произнесла Сиенна сквозь слезы. — Спасибо.

Старуха жестом показала, что ничего не слы-

шит.

Сложив ладони, Сиенна закрыла глаза и склонила голову, выражая свою признательность. Когда она вновь их открыла, старуха уже исчезла.

Сиенна тут же покинула Филиппины, даже не попрощавшись с другими членами их группы. Она никогда и никому не рассказывала о том, что с ней произошло в Маниле. Она надеялась, что таким образом ей со временем удастся обо всем забыть, но она ошибалась. По прошествии нескольких месяцев ее по-прежнему мучили ночные кошмары, и она нигде не чувствовала себя в безопасности. Она записалась в секцию боевых искусств и быстро освоила смертоносные приемы китайской техники дим-мак, но продолжала чувствовать себя в опасности везде, где бы ни находилась.

Депрессия вернулась, причем многократно усилившись, и у Сиенны совершенно пропал сон. Она заметила, что у нее начали выпадать волосы: с каждым днем на расческе их оставалось все больше и больше. За несколько недель, к своему ужасу, она облысела почти наполовину и сама поставила себе диагноз: алопеция, вызванная стрессом, излечить которую можно только сня-

тием самого стресса. Однако при каждом взгляде на себя в зеркало она видела свою лысеющую голову, и сердце ее снова билось в тревоге.

Я выгляжу как старуха!

Сиенне ничего не осталось, кроме как побрить голову. Теперь она хотя бы не выглядела старой. Не желая походить на онкобольную после курса химиотерапии, она купила парик со светлыми волосами и носила его, стянув волосы в конский хвост. По крайней мере, она стала внешне похожей на саму себя.

Однако внутри Сиенна Брукс изменилась.

Я — паршивая овца.

В отчаянной попытке изменить свою жизнь, оставив прошлое в прошлом, она отправилась в Америку и начала изучать медицину. У нее всегда была тяга к врачеванию, и она надеялась, что, став доктором, сможет ощутить свою полезность… и хоть как-то облегчить страдания в этом полном боли мире.

График занятий был плотный, но учеба давалась ей легко, и, пока ее сокурсники штудировали учебники, Сиенна стала подрабатывать в театре. Постановки, конечно, были не шекспировскими, но благодаря ее способности к языкам и отличной памяти спектакли стали для нее своего рода

отдохновением, позволявшим хоть на время забыть, кем она была… и стать кем-то другим.

Не важно кем.

Сиенна старалась убежать от себя с тех пор, как научилась говорить. Еще в детстве она отказалась от своего первого имени Фелисити и предпочла ему второе — Сиенна. Фелисити означало «счастливая», что никак ей не подходило.

Не думай о своих проблемах, повторяла она себе. *Переключи внимание на проблемы мира.*

Приступ паники, который она пережила на запруженных людьми улицах Манилы, породил в ней глубокую обеспокоенность перенаселением планеты. Вот тогда она и заинтересовалась взглядами Бертрана Зобриста, занимавшегося генной инженерией и выдвигавшего весьма оригинальные решения проблем перенаселения.

Он настоящий гений, пришла она к выводу, читая его статьи. Никто еще не удостаивался от нее столь высокой оценки, и чем больше его трудов она читала, тем больше проникалась уверенностью, что он — поистине родственная душа.

Его статья «Ты не можешь спасти мир» напомнила Сиенне то, что ей говорили с детства… но сам Зобрист верил в прямо противоположное.

Ты МОЖЕШЬ спасти мир, писал Зобрист. *Если*

не ты, то кто? И если не сейчас, то когда?

Сиенна проштудировала математические выкладки Зобриста, убеждавшие в неизбежности катастрофы, предсказанной Мальтусом, и исчезновения человека как вида. Ее интеллекту был близок научный подход Зобриста при анализе проблемы перенаселения, но от нарисованной им картины будущего… математически обоснованного… такого очевидного и неизбежного… ее стресс только усиливался.

Неужели никто больше не понимает, что их ждет?

Хотя идеи Зобриста пугали Сиенну, он стал ее идолом: она следила за всеми его выступлениями, читала все его статьи. А узнав, что он собирается выступить с лекцией в Штатах, поняла, что обязательно должна на нее попасть. И в тот вечер мир для нее изменился.

На ее губах появилась улыбка при воспоминании о том волшебном счастливом дне… том самом, который возник в ее памяти всего несколько часов назад, когда она ехала в поезде с Лэнгдоном и Феррисом.

Чикаго. На улице метель.

Январь. Это было шесть лет назад… а кажется, что только вчера. Я пробираюсь, подняв ворот-

ник от пронизывающего ветра и слепящего снега, по заваленной сугробами центральной улице Чикаго. Несмотря на холод, я повторяю себе, что мне обязательно нужно добраться до зала, где сегодня будет выступать сам великий Бертран Зобрист.

Зал почти пуст, когда на сцене появляется высокая элегантная фигура.

Он высокий… очень высокий… а за пронзительным взглядом зеленых глаз угадывается знание самых сокровенных тайн мира.

— К черту этот пустой зал! — заявляет он. — Приглашаю всех в бар!

И вся наша маленькая группа перебирается в бар отеля и устраивается в отдельной кабинке, а Зобрист говорит о генетике, перенаселении и своей новой страсти… трансгуманизме.

Спиртное льется рекой, и у меня такое чувство, будто я на личной встрече с рок-звездой. Каждый раз, когда Зобрист останавливает на мне взгляд своих зеленых глаз, мною овладевает какое-то неведомое доселе чувство… сильнейшего сексуального влечения.

Никогда раньше я такого не испытывала.

А потом мы с ним остаемся одни.

— Спасибо вам за сегодняшний вечер, — говорю

я, чувствуя, что от выпитого слегка кружится голова. — Вы — настоящий гуру.

— Это лесть? — улыбается Зобрист и наклоняется ближе. Наши колени соприкасаются. — Она может далеко завести.

Заигрывание явно неуместно, но за окном пустого отеля метет метель, и кажется, что время остановилось и весь мир замер.

— Что скажешь? — спрашивает Зобрист. — По стаканчику у меня в номере?

Я не шевелюсь, понимая, что выгляжу точь-в-точь как олень, парализованный светом фар. Я даже не знаю, как это делается!

Глаза Зобриста тепло поблескивают.

— Позволь, я угадаю, — шепчет он. — У тебя это первый раз со знаменитостью.

Я чувствую, что краснею, и стараюсь скрыть нахлынувшие чувства — смущение, возбуждение, страх.

— Если честно, — признаюсь я, — у меня еще никогда не было мужчины.

Зобрист улыбается и придвигается ближе.

— Не понимаю, в чем причина столь долгого ожидания, но позволь мне быть твоим первым.

В этот момент все сексуальные страхи и переживания детства улетучиваются... в снежную

ночь.

А потом я лежу обнаженная в его объятиях.

— Расслабься, Сиенна, — шепчет он и умело ласкает меня, вызывая в моем неопытном теле неведомые доселе ощущения.

В объятиях Зобриста я чувствую, будто все в мире наконец-то встало на свои места и в моей жизни появилась цель.

Я встретила свою любовь.

И последую за ней куда угодно.

Глава 80

На верхней палубе «Мендация» Лэнгдон ухватился за поручень из полированного дерева, чтобы унять дрожь в ногах и отдышаться. Воздух стал прохладнее, а рев низко пролетавших пассажирских лайнеров указывал на близость аэропорта Венеции.

Я должен вам кое-что рассказать о Сиенне Брукс.

Ректор и доктор Сински молча стояли рядом, давая Лэнгдону возможность прийти в себя. То, что он узнал от них, настолько выбило его из колеи, что Сински посчитала необходимым вывести профессора на палубу.

Морской воздух бодрил, но ясности в голове Лэнгдона от этого не прибавлялось. Он тупо смотрел на пенящийся след от винтов яхты, стараясь найти хоть какую-то логику в том, о чем ему только что рассказали.

Если верить Ректору, Сиенна Брукс и Бертран Зобрист были любовниками. Они вместе участвовали в полуподпольном движении трансгуманизма. Ее полное имя было Фелисити Сиенна

Брукс, но она также пользовалась кодовым именем ФС-2080… составленным из ее инициалов и года, когда ей должно исполниться сто лет.

Все это было какой-то нелепицей!

— Я знал Сиенну Брукс, — сообщил Ректор Лэнгдону, — и доверял ей. Поэтому, когда год назад она попросила меня встретиться с богатым потенциальным клиентом, я согласился. Им оказался Бертран Зобрист. Он нанял меня, чтобы я обеспечил ему безопасное убежище, где он мог бы вдали от людских глаз завершить работу над своим «шедевром». Я полагал, что он разрабатывает новую технологию и боится, что ее украдут… А может, проводит какое-нибудь передовое генетическое исследование, которое нарушает этические нормы, установленные ВОЗ. Я не задавал вопросов, но поверьте, даже вообразить не мог, что он создает… вирус чумы.

Лэнгдон лишь рассеянно кивнул, не в силах переварить услышанное.

— Зобрист был фанатичным поклонником Данте, — продолжил Ректор, — и потому выбрал Флоренцию в качестве места, в котором хотел бы обосноваться. Моя организация обеспечила его всем, что требовалось, — тайной лабораторией с жилым помещением, документами на разные

имена и защищенными средствами связи, предоставила личного куратора, который решал все вопросы: от обеспечения безопасности до приобретения продуктов питания и материалов с оборудованием. Зобрист никогда не пользовался своими кредитными картами и не появлялся на публике, поэтому отследить его было невозможно. Для разъездов мы снабжали его фальшивыми документами на вымышленные имена и даже гримировали до неузнаваемости, чтобы никто не мог его опознать. — Он помолчал. — Видимо, во время одной из поездок он и заложил растворяющийся пластиковый пакет.

Сински резко выдохнула, даже не пытаясь скрыть досаду.

— ВОЗ целый год пыталась выйти на его след, но он просто исчез с лица земли.

— Он скрывался даже от Сиенны, — заметил Ректор.

— Прошу прощения? — не удержался Лэнгдон, кашляя, чтобы проглотить ком в горле. — Разве они не были любовниками, по вашим же словам?

— Были, но он резко обрубил все связи с внешним миром, как только ушел в подполье. Хотя к нам его направила именно Сиенна, но дого-

варивались обо всем мы с самим Зобристом, и о его местонахождении не должен был знать абсолютно никто, включая ее. Судя по всему, после исчезновения он направил ей прощальное письмо, в котором сообщил, что серьезно болен, что жить ему осталось около года и он не хочет, чтобы она видела, как он угасает.

Зобрист бросил Сиенну?

— Сиенна пыталась связаться со мной, чтобы навести справки, — пояснил Ректор, — но я не отвечал на ее звонки. Желание клиента для меня закон.

— Две недели назад, — продолжила Сински, — Зобрист появился в одном из флорентийских банков и анонимно арендовал банковскую ячейку. Тогда наконец сработала наша система особого контроля. Установленная в банке новая компьютерная программа распознавания лиц, даже загримированных, идентифицировала посетителя как Бертрана Зобриста. Моя команда вылетела во Флоренцию, и ей потребовалась неделя, чтобы найти его конспиративное убежище, но оно оказалось пустым, зато мы нашли там свидетельства создания Зобристом какого-то чрезвычайно заразного патогена, который он успел перепрятать в другое место. — Сински

помолчала. — Мы буквально сбились с ног, разыскивая его. И на следующий день перед рассветом его заметили на улице Арно и немедленно бросились в погоню. Вот тогда он забрался на башню Бадия и, прыгнув с нее, разбился насмерть.

— Не исключено, что он так и спланировал, — добавил Ректор. — Он был убежден, что жить ему осталось немного.

— Как бы то ни было, — продолжила Сински, — Сиенна тоже его искала. Каким-то образом ей удалось узнать, что наша группа вылетела во Флоренцию, и она следила за нами, рассчитывая, что мы приведем ее к нему. Когда он прыгнул, она, к сожалению, была рядом. — Сински вздохнула. — Не представляю, каким потрясением для нее было видеть, как ее любовник и наставник разбился насмерть.

Лэнгдону стало нехорошо, услышанное не укладывалось у него в голове. Единственным человеком, которому он доверял во всей этой запутанной истории, была Сиенна, а теперь ему говорят, что она не была той, за кого себя выдавала? Он ни за что не поверит, что Сиенна стала бы помогать Зобристу в создании чумы.

Или все-таки стала бы?

Ты бы пошел, спросила она, *на уничтожение по-*

ловины сегодняшнего населения планеты, чтобы сохранить наш вид от вымирания?

Лэнгдон похолодел.

— Когда Зобриста не стало, — продолжила рассказ Сински, — я использовала свои связи, чтобы вскрыть арендованную им ячейку. В ней, как ни удивительно, оказалось письмо, адресованное мне… и непонятное маленькое устройство.

— Проектор, — догадался Лэнгдон.

— Именно. В письме он предлагал мне первой посетить эпицентр, найти который можно было только с помощью оставленной им «Карты ада».

Лэнгдон мысленно представил себе измененную картину Боттичелли, изображение которой было заложено в крошечный проектор.

Теперь заговорил Ректор:

— Зобрист поручил мне доставить доктору Сински содержимое ячейки, но только после наступления завтрашнего утра. Когда оно оказалось у доктора Сински раньше времени, мы занервничали и предприняли ряд действий, чтобы вернуть содержимое и выполнить свои обязательства перед клиентом.

Элизабет перевела взгляд на Лэнгдона.

— Поскольку у меня не было уверенности, что мы успеем разгадать эту загадку, я обратилась

за помощью к вам. Вы что-нибудь помните об этом?

Лэнгдон покачал головой.

— Мы доставили вас на самолете во Флоренцию, где вы договорились о встрече с человеком, который, как вы считали, способен нам помочь.

Игнацио Бузони.

— Вчера вечером вы с ним встретились, — сказала Сински, — а потом вдруг исчезли. Мы решили, что с вами что-то случилось.

— И были правы, — подтвердил Ректор. — С вами, профессор, действительно произошли некоторые события. Стремясь вернуть проектор, мы направили своего агента по имени Вайента следить за вами от самого аэропорта. Но возле площади Синьории она вас потеряла. — Он недовольно скривился. — Эта ошибка была критической. А у Вайенты хватило наглости свалить все на птицу.

— Прошу прощения?

— Заворковавшего голубя. Судя по ее словам, она следила за вами, заняв идеальную позицию в одной из темных ниш. Мимо проходила группа туристов, и в этот момент на ящике с цветами под окном прямо над головой Вайенты громко заворковал голубь. Туристы остановились и задрали

головы, закрыв ей обзор. А когда она добралась до улицы, по которой вы шли, вас там уже не было. — Он с отвращением покачал головой. — Как бы то ни было, она потеряла вас на несколько часов. Наконец ей удалось вас разыскать, но вы уже были не один, а с другим человеком.

С Игнацио, подумал Лэнгдон. *Наверное, мы шли из палаццо Веккьо с маской.*

— Она благополучно следовала за вами до площади Синьории, но потом, судя по всему, вы ее заметили и решили разделиться. Один направился в одну сторону, другой — в другую.

Похоже, так и было, подумал Лэнгдон. *Игнацио скрылся с маской и успел спрятать ее в баптистерии, а затем с ним случился сердечный приступ.*

— А потом Вайента совершила ужасную ошибку, — продолжал Ректор.

— Выстрелила мне в голову?

— Нет, слишком рано себя обнаружила. Она захватила вас для допроса до того, как вам стало что-то известно. Нам нужно было знать, удалось ли вам расшифровать карту или рассказать доктору Сински то, что ей было нужно. Вы отказались говорить. Сказали, что скорее умрете.

Я искал смертельную чуму! И, наверное, думал, что вы наемники, желающие заполучить биоло-

гическое оружие!

Мощные двигатели яхты вдруг дали задний ход, замедляя бег судна при подходе к причалу. Впереди Лэнгдон разглядел невзрачный фюзеляж транспортного самолета «С-130», стоявшего под заправкой. На борту виднелась надпись «ВСЕМИРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ».

В этот момент появился Брюдер — лицо у него было мрачное.

— Мне только что сообщили, что единственная группа реагирования нужной квалификации, которая может оказаться на месте в течение пяти часов, — это мы сами. Так что рассчитывать мы можем только на себя.

Сински обреченно ссутулилась.

— А что местные власти?

Брюдер с сомнением покачал головой.

— Я бы их пока не привлекал. В настоящий момент точное местонахождение нам неизвестно, поэтому помочь они нам не смогут. Более того, вряд ли у них имеется опыт проведения операций по герметизации, и есть риск, что от них будет больше вреда, чем пользы.

— Primum non nocere, — кивая, прошептала на латыни Сински старейший принцип медицин-

ской этики — «Не навреди».

— И последнее, — снова заговорил Брюдер. — У нас по-прежнему нет никаких сведений о Сиенне Брукс. — Он посмотрел на Ректора. — Вы не в курсе, может ли она в Венеции рассчитывать на чью-либо помощь?

— Вполне вероятно, — ответил тот. — У Зобриста всюду есть последователи, и, насколько я знаю Сиенну, она использует все доступные ей ресурсы, чтобы выполнить возложенную на нее миссию.

— Ее нельзя выпускать из Венеции, — сказала Сински. — Мы не знаем, в каком состоянии сейчас находится растворимый пластиковый мешок. Если его кто-то найдет, достаточно будет лишь до него дотронуться, чтобы он порвался и возбудитель инфекции оказался в воде.

Осознавая, насколько серьезно положение, все замолчали, не зная, что предложить.

— Боюсь, что есть еще одна плохая новость, — заговорил Лэнгдон. — «Мусейон в убранстве злата мудрости святой». Сиенна знает, где это. Она знает, что мы ищем.

— Как?! — встревожилась Сински. — Вы же сами говорили, что не успели рассказать ей о своих догадках! Просто сказали, что находитесь

не в той стране!

— Так и есть, — подтвердил Лэнгдон, — но она знала, что мы ищем могилу Энрико Дандоло. В помощью Интернета она быстро узнает, где она… а растворимый пластиковый пакет наверняка находится где-то рядом. В стихотворении говорилось, что надо идти на звук падающих капель в затопленный дворец.

— Проклятье! — вырвалось у Брюдера, и он в бешенстве удалился.

— Ей ни за что нас не опередить, — заметил Ректор. — У нас есть фора.

Сински тяжело вздохнула.

— Я бы не была так в этом уверена. Наш самолет не слишком быстрый, а Сиенна, судя по всему, весьма предприимчива.

Когда «Мендаций» причалил к берегу, Лэнгдон с тревогой посмотрел на неуклюжий «С-130», стоявший на рулежной дорожке. Не верилось, что такая махина вообще способна подняться в воздух, к тому же на ней не было иллюминаторов. *Неужели я на нем прилетел?* Профессор совершенно этого не помнил.

То ли подействовала качка на борту яхты, то ли Лэнгдон заранее испугался замкнутого пространства в самолете, но у него вдруг случился сильный

приступ тошноты. Он повернулся к Сински.

— Сомневаюсь, что смогу лететь. Я не перенесу полет.

— С вами все в порядке, — заверила она. — У вас был очень трудный день, да еще сказываются токсины в организме.

— Токсины? — переспросил Лэнгдон, невольно отступая назад. — Вы о чем?

Сински отвернулась, явно досадуя, что сказала лишнее.

— Профессор, я прошу прощения. Я сама только что узнала результаты вашего медицинского освидетельствования. Недомогание, которое вы чувствуете, вызвано не только раной на голове.

Вспомнив потемневшую кожу на груди Феррриса, когда тот лишился чувств в базилике, Лэнгдон ощутил страх.

— Что со мной? — требовательно спросил он.

Сински заколебалась, словно решая, как лучше поступить.

— Давайте сначала поднимемся на борт.

Глава 81

Ателье «Пьетро Лонги», расположенное у восточной стены знаменитого собора Санта-Мария-Глориоза-деи-Фрари, было одним из главных поставщиков исторических костюмов, париков и аксессуаров в Венеции. Среди его клиентов числились кинокомпании и театральные труппы, а также влиятельные члены общества, которые заказывали себе в нем наряды для самых шикарных балов, проходивших в дни карнавала.

Рабочий день закончился, и служащий ателье уже собирался запереть двери, как вдруг громко звякнул колокольчик, возвещавший о приходе нового посетителя. Им оказалась запыхавшаяся привлекательная молодая женщина с собранными в конский хвост светлыми волосами. Она никак не могла отдышаться, будто только что пробежала марафонскую дистанцию. В ее карих глазах застыли страх и отчаяние.

— Мне надо поговорить с Джорджо Венчи, — заявила она, задыхаясь.

Всем надо, подумал служащий. *Но мало кто удостаивается такой чести.*

Джорджо Венчи — ведущий художник-модельер ателье — творил свои шедевры в одиночестве и встречался с клиентами крайне редко и только по предварительной записи. Как человеку очень богатому и влиятельному ему прощалась эксцентричность, к проявлениям которой относилась его страсть к уединению. Он в одиночестве принимал пищу, летал только на частном самолете и не переставая жаловался на постоянный рост потока туристов. Джорджо Венчи был не из тех, кто любит общество других людей.

— Прошу прощения, — ответил служитель с заученной улыбкой. — Боюсь, что синьора Венчи нет на месте. Может быть, я смогу вам помочь?

— Джорджо здесь! — возразила женщина. — Его квартира наверху. Я видела в ней свет. Я — его друг. И это срочно!

Она излучала отчаянную решимость. *Говорит, что друг?*

— А могу я сообщить Джорджо ваше имя?

Женщина взяла со стойки листок бумаги и написала на нем несколько букв и цифр.

— Передайте ему это, — сказала она, протягивая листок. — И, пожалуйста, побыстрее. У меня очень мало времени.

Служащий нерешительно отнес записку наверх

и положил на край длинного стола, за которым Джорджо что-то сосредоточенно строчил на машинке.

— Signore, — прошептал он. — Там внизу вас спрашивает какая-то женщина. Говорит, что это срочно.

Продолжая строчить, модельер одной рукой взял бумажку и бросил взгляд на написанное.

Швейная машинка перестала стрекотать.

— Пропустите ее немедленно! — скомандовал Джорджо, разрывая бумажку на мелкие клочки.

Глава 82

Еще продолжая набирать высоту, тяжелый транспортный самолет «С-130» заложил вираж и устремился через Адриатику на юго-восток. На его борту Роберт Лэнгдон ощущал подавленность и тревогу, вызванные как отсутствием иллюминаторов, так и ворохом вопросов, на которые он до сих пор не получил ответа.

Недомогание, которое вы чувствуете, сказала Сински, *вызвано не только раной на голове.*

При мысли о том, что она может ему сообщить, пульс у Лэнгдона участился, но сейчас Элизабет была занята обсуждением с командой СНР операции по локализации инфекции. Брюдер здесь же разговаривал по телефону с разными правительственными службами, которые занимались поисками Сиенны Брукс, и выяснял, нет ли новостей.

Сиенна…

Лэнгдон по-прежнему пытался понять, действительно ли она не случайно оказалась с ним рядом. Когда самолет набрал высоту, появился невысокий мужчина, называвший себя Ректором,

и, пройдя через салон, сел напротив Лэнгдона. Скрестив пальцы под подбородком, он задумчиво выпятил губы.

— Доктор Сински попросила меня ввести вас в курс дела… и внести некоторую ясность.

Лэнгдон сомневался, что этот человек мог в принципе что-то прояснить, а не запутать еще больше.

— Как я уже говорил раньше, — начал Ректор, — все закрутилось после того, как мой агент Вайента слишком рано вас захватила. Мы понятия не имели, как далеко вы продвинулись в разгадке головоломки, о чем просила доктор Сински, и что вы успели ей рассказать. Но мы боялись, что если она узнает о местонахождении проекта, который наш клиент нанял нас охранять, то она либо захватит его, либо уничтожит. Нам было необходимо найти его раньше ее, и поэтому мы должны были заручиться вашей помощью. — Ректор помолчал. — К сожалению, мы уже раскрыли свои карты… и вы бы наверняка нам не поверили.

— И тогда вы решили прострелить мне голову? — язвительно поинтересовался Лэнгдон, не скрывая злости.

— Мы разработали план, как заставить вас нам

поверить.

Лэнгдон вообще перестал что-либо понимать.

— Как можно заставить кого-то доверять себе… после похищения и допроса?

Ректор смутился.

— Профессор, вы что-нибудь слышали о группе химикатов под названием бензодиазепины?

Лэнгдон отрицательно покачал головой.

— Это фармацевтические препараты, которые используются, среди прочего, для лечения посттравматического стресса. Как вы, возможно, знаете, человека, пережившего ужасное событие типа автомобильной аварии или сексуального насилия, могут преследовать постоянные воспоминания о нем, вызывая расстройства на протяжении долгого времени. С помощью бензодиазепинов нейробиологи теперь могут лечить посттравматический стресс, условно говоря, еще до того, как он разовьется.

Лэнгдон молча слушал, не в состоянии понять, для чего Ректор все это ему рассказывает.

— При формировании новых воспоминаний о событиях, — продолжал Ректор, — они проводят двое суток в кратковременной памяти и только потом отправляются в память долговременную. С помощью новых бензодиазепинов можно легко

подвергнуть чистке кратковременную память… главным образом за счет удаления из нее этих новых воспоминаний до того, как они попадут в долговременную память. Если жертва нападения, к примеру, получит дозу бензодиазепина в течение нескольких часов после него, то воспоминания об этом навсегда сотрутся из ее памяти, и полученная травма уже никогда не будет давить на психику. Единственным минусом является то, что вместе с этим сотрутся и все другие воспоминания об этих двух последних днях.

Лэнгдон изумленно смотрел на Ректора.

— Так это вам я обязан амнезией!

Тот виновато вздохнул.

— Боюсь, что да. Созданной искусственным путем. Совершенно безвредной для здоровья, но полностью стирающей воспоминания из кратковременной памяти. — Он помолчал. — Пока вы были без сознания, вы бормотали что-то про чуму, и мы решили, что это навеяно изображением, заложенным в проектор. Мы понятия не имели, что Зобрист создал вирус новой чумы. — Он снова помолчал. — И еще вы все время повторяли нечто похожее на слово «визири».

Вазари. Наверное, на тот момент это было единственным, что ему удалось выяснить по

изображению. *Cerca trova*.

— Но… я считал, что амнезия вызвана раной на голове. В меня стреляли.

Ректор покачал головой.

— Никто в вас не стрелял, профессор. И никакой раны на голове у вас не было.

— Что?! — Лэнгдон машинально потрогал швы на опухшем месте на затылке. — Тогда как, черт возьми, вы объясните это! — Он раздвинул волосы, показывая рану.

— Часть мистификации. Вам сделали маленький надрез на коже и тут же наложили швы. Вы должны были поверить, что в вас стреляли.

Это не пулевое ранение?

— Мы хотели, чтобы, очнувшись, вы поверили, что вас пытались убить… что вы были в опасности.

— Но меня действительно пытались убить! — закричал Лэнгдон так громко, что все в салоне обернулись. — Я видел, как врача больницы — доктора Маркони — хладнокровно застрелили на моих глазах.

— Это то, что вы видели, — согласился Ректор, ничуть не смутившись, — но не то, что было на самом деле. Вайента работала на меня. И справлялась с этим превосходно.

— С убийством людей?

— Нет, — ответил Ректор спокойно. — С имитацией убийства людей.

Лэнгдон долго смотрел на невысокого мужчину, вспоминая, как доктор с седеющей бородой и кустистыми бровями повалился на пол, а на его груди расплылось кровавое пятно.

— Пистолет Вайенты был заряжен холостыми патронами, — продолжал объяснять Ректор. — Он привел в действие радиоуправляемый пиропатрон, который разорвал на груди доктора Маркони пакет с кровью. С доктором, кстати, все в порядке.

Лэнгдон закрыл глаза, не в силах переварить услышанное.

— А… больничная палата?

— Декорация на скорую руку. Профессор, я понимаю, что в это трудно поверить. Мы работали в очень жестких временных рамках, а поскольку вы плохо соображали, полного правдоподобия и не требовалось. Очнувшись, вы увидели то, что нам было нужно, — больничный реквизит, нескольких актеров и постановочное нападение.

У Лэнгдона голова шла кругом.

— Именно этим и занимается моя компания. Мы отлично умеем подменять реальность ил-

люзией.

— А как же Сиенна? — спросил Лэнгдон, с силой протирая глаза.

— Это был вопрос субъективного выбора, и я решил, что она — подходящая кандидатура. Моей главной задачей было защитить клиента от доктора Сински, и в этом наши с Сиенной желания совпадали. Чтобы завоевать ваше доверие, Сиенна спасла вас от убийцы и помогла добраться до боковой улочки. Ожидавшее такси тоже было нашим, и очередной радиоуправляемый пиропатрон разнес вдребезги заднее стекло, чтобы окончательно вас убедить. А такси привезло в квартиру, которую мы наспех подготовили.

Убогая квартирка Сиенны, подумал Лэнгдон, понимая теперь, почему она была обставлена всякой рухлядью. Становилось понятным и каким чудом одежда «соседа» оказалась ему точно впору.

Все это было постановкой. Даже отчаянный звонок сослуживицы Сиенны из больницы. *Сиенна, это Даникова!*

— А когда звонили в консульство, то набирали номер, который нашла вам Сиенна. И звонок на самом деле был на борт «Мендация».

— Выходит, я с консульством так и не связал-

ся…

— Нет, не связались.

Никуда не уходите, попросил его липовый сотрудник консульства. *За вами сейчас приедут.* А затем появилась Вайента, и Сиенна очень вовремя ее заметила на другой стороне улицы и вслух сделала вывод. *Роберт, правительство США послало за вами убийцу. Вам нельзя обращаться к властям! Ваша единственная надежда — узнать, что означает этот проектор.*

Ректор и его таинственная организация — чем бы, черт возьми, она ни занималась — очень ловко переориентировали Лэнгдона с работы на Сински на работу на себя. Созданная ими иллюзия была полной!

Сиенне блестяще удалось обвести меня вокруг пальца, подумал профессор скорее с грустью, чем со злостью. За время их короткого общения он успел по-настоящему к ней привязаться. И самым непонятным для него было то, как такая светлая и отзывчивая душа могла разделять идеи Зобриста по решению проблем перенаселения.

Могу вас заверить, сказала Сиенна, *что если не предпринять радикальных мер, то исчезновение нашего вида неизбежно… С математикой не поспоришь.*

— А как же статьи о Сиенне? — спросил Лэнгдон, вспомнив программку шекспировского театра и газетные вырезки о ее невероятно высоком интеллекте.

— Они настоящие, — ответил Ректор. — Чем больше в иллюзии фактов из реальной жизни, тем она правдоподобнее. При дефиците времени на подготовку нам пришлось ограничиться только ее компьютером и ее архивом вырезок о себе. Вы априори и не должны были их видеть — они просто служили страховкой на случай, если бы вы вдруг засомневались, является ли она той, за кого себя выдает.

— И пользоваться ее компьютером я тоже не был должен, — заметил Лэнгдон.

— Да, и вот тут мы потеряли контроль. Сиенна не ожидала, что команда СНР Сински выйдет на квартиру, и, когда появились агенты, перепугалась и была вынуждена импровизировать. Чтобы не разрушить иллюзию, она скрылась с вами на трайке. Поскольку операция вышла из-под контроля и прежний план не сработал, я был вынужден отозвать Вайенту, но она нарушила протокол и пустилась за вами в погоню.

— Она чуть не убила меня, — заметил Лэнгдон и рассказал Ректору о столкновении под крышей

палаццо Веккьо, когда Вайента направила пистолет прямо ему в грудь. *Больно не будет… но у меня нет выбора.* Сиенна тогда бросилась вперед и столкнула ее с балки, а потом Вайента полетела вниз и разбилась насмерть.

Ректор шумно вздохнул, размышляя над рассказом Лэнгдона.

— Не думаю, что она хотела вас убить… ее пистолет мог стрелять только холостыми патронами. Ей было нужно вас захватить, чтобы загладить допущенный промах и сохранить работу. Наверное, она считала, что если выстрелит холостым патроном, то докажет, что не была убийцей и все было простой инсценировкой. — Немного поразмыслив, Ректор продолжил: — Не стану гадать, действительно ли Сиенна собиралась убить Вайенту или просто хотела помешать ей выстрелить. Но я начинаю думать, что знаю ее гораздо хуже, чем полагал.

Я тоже, согласился с ним Лэнгдон, однако, вспоминая выражение шока и раскаяния на лице Сиенны, был уверен, что она не желала смерти оперативнице со склеенными в шипы волосами и случившееся скорее всего было несчастным случаем.

Лэнгдон почувствовал себя одиноким и непри-

каянным. Он повернулся к иллюминатору, чтобы бросить взгляд на лежащий внизу мир, но перед глазами была только глухая стена.

Я не могу здесь находиться!

— С вами все в порядке? — с беспокойством осведомился Ректор.

— Нет, — ответил Лэнгдон. — Ни о каком порядке не может быть и речи.

Он справится, подумал Ректор. *Просто пытается свыкнуться с новой реальностью.*

Американский профессор выглядел так, будто торнадо подхватил его, закружил, перенес в какой-то неведомый край и бросил там и теперь он совершенно сбит с толку и не понимает ни где он, ни что с ним.

Люди, становившиеся объектами операций Консорциума, редко осознавали истинное положение дел за пеленой инсценированных событий, но если такое и случалось, Ректор никогда не видел, какое это производило на них впечатление. Сегодня помимо вины, которую он ощущал, наблюдая за шокированным Лэнгдоном, на нем тяжким грузом висела ответственность за разразившийся кризис.

Я связался не с тем человеком. С Бертраном Зобристом.

Я доверился не тому человеку. Сиенне Брукс.

Теперь Ректор летел в самый эпицентр бури — туда, откуда на мир может обрушиться эпидемия смертельной чумы, способной потрясти всю планету. Если ему удастся выбраться из этой переделки живым, то Консорциум вряд ли переживет последствия. Впереди будет нескончаемая череда расследований и обвинений.

Неужели меня ждет такой конец?

Глава 83

Мне нужен воздух, подумал Роберт Лэнгдон. *Хотя бы вид, панорама чего-то…*

Закрытое пространство фюзеляжа без иллюминаторов давило на него. Да и невероятный рассказ об истинных событиях, произошедших с ним сегодня, ничуть не способствовал улучшению самочувствия. Мозг по-прежнему переполняли вопросы, оставшиеся без ответа… главным образом, связанные с Сиенной.

Как ни удивительно, но ему ее не хватало.

Она притворялась, напомнил он себе. *Использовала меня.*

Не говоря ни слова, Лэнгдон оставил Ректора и направился в носовую часть. Дверь кабины пилотов была открыта, и сочившийся оттуда дневной свет манил его, словно луч маяка. Пилоты его не заметили, и он устроился в дверном проеме, подставив лицо ласковому солнцу. Видневшееся в окна кабины открытое пространство было настоящей манной небесной. Чистое синее небо казалось таким мирным… и вечным.

Но в этом мире нет ничего вечного, напомнил

он себе, по-прежнему не в силах осознать масштаб надвигавшейся катастрофы.

— Профессор? — тихо окликнули его сзади.

Лэнгдон обернулся и от неожиданности невольно отпрянул. Перед ним стоял доктор Феррис. Последний раз Лэнгдон видел его задыхающимся на полу собора Святого Марка. А теперь он на борту их самолета и стоит, опираясь на переборку. На голове бейсболка, лицо покрыто какой-то розоватой мазью, грудь забинтована, а дыхание учащенное и поверхностное.

— Вы… живы?! — воскликнул Лэнгдон, вытаращив на него глаза.

Феррис устало кивнул:

— Более-менее.

Теперь он держался совсем по-другому, был расслаблен и спокоен.

— Но я думал… — Лэнгдон осекся. — Вообще-то я уже не знаю, что и думать.

Феррис сочувственно улыбнулся.

— Сегодня вам пришлось выслушать много лжи. Я подумал, что сейчас самое время извиниться. Как вы уже, наверное, поняли, я не работаю на ВОЗ и не ездил за вами в Кембридж.

Лэнгдон кивнул, уже перестав чему-либо удивляться.

— Вы работаете на Ректора.

— Да. Он направил меня оказать вам с Сиенной экстренную поддержку… и помочь скрыться от команды СНР.

— Тогда, полагаю, вы блестяще справились с этой задачей, — заметил Лэнгдон, вспомнив, как Феррис появился в баптистерии, убедил Лэнгдона, что работает на ВОЗ, а затем вывез их из Флоренции, позволив ускользнуть от команды Сински. — И вы, конечно, никакой не доктор.

Тот покачал головой:

— Нет, сегодня я себя за него выдавал. Моей задачей было помочь Сиенне еще больше уверить вас в том, что вам говорили, и подтолкнуть к дальнейшей расшифровке послания в проекторе, чтобы узнать место, на которое оно указывает. Ректор всеми силами хотел добраться до творения Зобриста первым и защитить его от Сински.

— Так вы не знали, что это была чума? — спросил Лэнгдон, по-прежнему испытывая беспокойство по поводу странной сыпи и внутреннего кровоизлияния у Ферриса.

— Конечно, нет! Когда вы упомянули о чуме, я подумал, что эту идею вам подкинула Сиенна, чтобы подстегнуть поиски. И я подыграл. Мы вместе сели на поезд в Венецию, а потом… все

изменилось.

— И почему же?

— Ректор посмотрел оставленный Зобристом ролик.

Да, ролик действительно впечатлял.

— И он понял, что Зобрист безумен.

— Именно. Ректор вдруг осознал, во что оказался втянут Консорциум, и пришел в ужас. Он немедленно потребовал связать его с человеком, который знал Зобриста лучше всех — с ФС-2080, чтобы узнать, известно ли ей, что создал Зобрист.

— ФС-2080?

— Извините, с Сиенной Брукс. Она выбрала себе это кодовое имя. Судя по всему, оно связано с движением трансгуманизма. А связаться с Сиенной Ректор мог только через меня.

— Звонок в поезде, — догадался Лэнгдон. — От вашей «больной матери».

— Понятно, что я не мог ответить на звонок Ректора в вашем присутствии, поэтому вышел. Он рассказал мне о видео, и я пришел в ужас. Он надеялся, что Сиенна тоже была не в курсе, но, когда я сказал, что вы с ней разговаривали о чуме и не собирались прекращать поиски, он понял, что Сиенна и Зобрист были заодно. И Сиенна

сразу превратилась в противника. Он просил держать его в курсе всех наших перемещений в Венеции… и собирался прислать команду, чтобы задержать ее. Агент Брюдер со своими людьми едва не схватил ее в базилике Святого Марка… но ей удалось ускользнуть.

Лэнгдон отрешенно смотрел в пол, вспоминая прощальный взгляд Сиенны, который она устремила на него, выбравшись из колодца на площадь.

Простите меня, Роберт. Простите за все.

— Она та еще штучка, — заметил Феррис. — Вы, наверное, не видели, как она ударила меня в базилике.

— Ударила?

— Да. Когда появились агенты Брюдера, я собирался позвать их и выдать Сиенну, но она, должно быть, догадалась. И ударила меня в грудь ребром ладони.

— Что?!

— Я даже не понял, как это случилось. Наверное, какой-то прием из боевых искусств. У меня там уже был синяк, так что боль была нестерпимой. Минут пять я не мог нормально дышать. Сиенна потащила вас на балкон, прежде чем кто-то из окружающих мог рассказать вам, что случилось

на самом деле.

Ошеломленный Лэнгдон вспомнил, как пожилая итальянка с гневом закричала на Сиенну и ударила себя кулаком в грудь.

Нет! — ответила Сиенна. *Закрытый массаж сердца его убьет! Посмотрите на его грудь!*

Прокручивая в голове эту сцену, Лэнгдон поразился, как стремительно Сиенна Брукс оценивала ситуацию и моментально находила выход. Фразу пожилой итальянки «L'hai colpito al petto» она тут же выдала за предложение сделать массаж сердца, хотя это было прямым обвинением: «Ты ударила его в грудь!»

Тогда в суматохе Лэнгдон этого даже не заметил.

Феррис болезненно улыбнулся.

— Вы, наверное, в курсе, что Сиенна Брукс весьма предприимчива.

Лэнгдон кивнул. *В курсе.*

— Люди Сински перевезли меня на борт «Мендация» и наложили повязку. Ректор попросил меня тоже полететь, поскольку, кроме вас, я единственный, кто провел с Сиенной весь день, и могу оказаться полезным.

Лэнгдон кивнул, но сыпь на лице Ферриса не давала ему покоя.

— А что все-таки у вас с лицом? — не выдержав, поинтересовался он. — И темное пятно на груди? Это не…

— Чума? — засмеялся Феррис и покачал головой. — Не знаю, говорили ли вам, но сегодня роль доктора мне пришлось играть дважды.

— Прошу прощения?

— Когда я появился в баптистерии, вы сказали, что мое лицо вам кажется смутно знакомым.

— Да, это так. Думаю, дело в глазах. Вы ответили, что забирали меня в Кембридже… — Лэнгдон помолчал. — Но теперь я знаю, что это не так…

— Я показался вам знакомым, потому что мы уже встречались. Но не в Кембридже. — Феррис внимательно посмотрел на Лэнгдона, проверяя, не узнает ли тот его. — Я был первым, кого вы увидели, когда очнулись в больнице.

Лэнгдон вспомнил маленькую полутемную палату. Он тогда плохо соображал, да и зрение оставляло желать лучшего, но он точно помнил, что первым человеком, которого он увидел, когда очнулся, был бледный пожилой доктор с кустистыми бровями и косматой бородой, говоривший только по-итальянски.

— Нет, — произнес Лэнгдон. — Первым, кого я увидел, когда очнулся, был доктор Маркони…

— Scusi, professore. Ma non si ricorda di me? Sono il dottor Marconi[42], — произнес Феррис на безупречном итальянском и по-стариковски сгорбился, разглаживая воображаемые брови и седеющую бороду.

У Лэнгдона отвисла челюсть.

— Доктором Маркони… были вы?

— Поэтому глаза и показались вам знакомыми. Я никогда не носил накладных бровей и бороды и, к сожалению, слишком поздно узнал, что у меня жуткая аллергия на латексный театральный клей, от которого кожа воспалилась и жутко чесалась. Понятно, что мой вид поверг вас в ужас… поскольку все ваши мысли были заняты чумой.

Лэнгдону оставалось только изумляться — он отлично помнил, как доктор Маркони непрестанно чесал себе бороду, а после выстрела Вайенты упал на больничный пол и на груди у него расплылось пятно крови.

— В довершение всех бед, — продолжил Феррис, показывая на забинтованную грудь, — в самый разгар операции у меня сдвинулся пиропатрон, и вернуть его на место возможности уже не было. В результате он взорвался под углом, сломал мне

---

[42] Примечания: 42

Извините, профессор. Вы меня не помните? Я доктор Маркони (*ит.*).

ребро, и образовался большой кровоподтек. Мне было трудно дышать весь день.

А я-то думал, что это чума.

Феррис глубоко вдохнул и поморщился.

— Думаю, что мне лучше сейчас вернуться на место и посидеть. — Он направился в глубь салона и вдруг обернулся. — Похоже, к вам новый посетитель.

Лэнгдон увидел, что к нему быстро шла Сински — ее длинные серебристые волосы развевались на ходу.

— Профессор, вот вы где!

Глава ВОЗ выглядела усталой, но в ее глазах светилась надежда. *Ей что-то удалось выяснить.*

— Прошу прощения, что покинула вас, — сказала она, подходя, — но нам нужно было уладить некоторые детали и кое-что выяснить. — Она показала на открытую дверь в кабину пилотов. — Решили посмотреть на солнечный свет?

Лэнгдон пожал плечами.

— Вашему самолету не хватает иллюминаторов.

Элизабет сочувственно улыбнулась.

— Кстати, о свете. Надеюсь, Ректору удалось пролить свет на кое-какие события, случившиеся с вами?

— Да, но ничего приятного я от него не услышал.

— И я тоже, — согласилась Сински и оглянулась. Убедившись, что их никто не слышит, она зашептала: — Поверьте, для него и его организации последствия будут самыми серьезными. Я об этом позабочусь. Однако сейчас всем нам надо сосредоточиться, чтобы обнаружить контейнер до того, как он растворится и инфекция попадет в воду.

Или до него доберется Сиенна и ускорит процесс.

— Я хотела поговорить с вами о месте, в котором находится могила Дандоло.

Лэнгдон постоянно возвращался в мыслях к этому потрясающему зданию, как только выяснилось, что именно оно является целью их поисков. «Мусейон в убранстве злата мудрости святой».

— Я только что узнала нечто крайне важное, — сказала Сински. — Мы разговаривали по телефону с местным историком, который, разумеется, понятия не имеет, почему мы интересуемся гробницей Дандоло. Знаете, каков был его ответ, когда я спросила, что находится под гробницей? — Она торжествующе улыбнулась. — Вода.

Лэнгдон удивился.

— В самом деле?

— Да, насколько я поняла, нижние уровни здания затоплены. За столетия грунтовые воды под зданием поднялись и затопили как минимум два его этажа. По словам историка, там полно воздушных карманов и полузатопленных залов.

Бог мой! Лэнгдон представил пещеру из ролика Зобриста, залитую странным светом, и едва заметные вертикальные тени столбов на покрытых мхом влажных стенах.

— Это затопленный зал.

— Именно.

— Но… как туда мог попасть Зобрист?

Глаза Сински блеснули.

— А вот это самое поразительное. Вы не поверите, что нам удалось узнать.

В этот самый момент из аэропорта Джованни Ничелли на узком островке Лидо в миле от венецианского берега взмыл в темнеющее сумеречное небо легкий двухмоторный самолет «Сессна сайтейшн мустанг».

Его владельца, знаменитого модельера Джорджо Венчи, на борту не было, но он приказал пилотам доставить молодую привлекательную женщину туда, куда она скажет.

Глава 84

На древнюю столицу Византии опустилась ночь.

На берегах Мраморного моря зажглись огни, высвечивая на фоне темного неба сияющие мечети и стройные минареты. Наступил час вечерней молитвы акшам, и по всему городу из громкоговорителей неслись протяжные голоса муэдзинов, призывавших к намазу.

Ля иляха илля Ллах!

Нет Бога, кроме Аллаха!

Правоверные поспешили в мечети, а город продолжал жить своей обычной жизнью: шумные студенты пили пиво, бизнесмены заключали сделки, торговцы громко расхваливали специи и ковры, а туристы завороженно на все это дивились.

Это был поистине город контрастов — религии и светскости, древности и современности, Запада и Востока. Расположенный на границе между Европой и Азией, этот вечный город служил настоящим мостом между миром Старого Света… и еще более древним миром.

Стамбул.

Больше не являясь столицей Турции, он на протяжении столетий оставался центром трех великих империй — Византийской, Римской и Османской. Не случайно Стамбул славится уникальностью разнообразия своих исторических памятников. Дворец Топкапы, Голубая мечеть, Семибашенный замок и множество других исторических мест окружены легендами о славных битвах, победах и поражениях.

Когда «С-130» заходил на посадку в стамбульском аэропорту имени Ататюрка, в ночном небе над городской суетой собирались грозовые тучи. Роберт Лэнгдон сидел в кабине пилотов на откидном месте позади летчиков и радовался возможности провести остаток полета, глядя на мир через стекло.

Немного поев и поспав около часа в хвостовой части самолета, он сумел наконец отдохнуть и теперь чувствовал прилив бодрости.

Справа он видел огни Стамбула — изогнутого в форме рога полуострова, уходящего в темноту Мраморного моря. Здесь располагалась его европейская часть, отделенная от азиатской темной и извилистой лентой.

Пролив Босфор.

Сверху Босфор походил на широкую открытую рану, которая рассекала Стамбул надвое. Но Лэнгдон знал, что пролив был источником жизненной силы для торговли. Он не только дарил городу две береговые линии вместо привычной одной, но и обеспечивал проход из Средиземного моря в Черное, превращая Стамбул в пограничную станцию между двумя мирами.

Самолет продолжал снижаться сквозь полосу тумана, и Лэнгдон пристально вглядывался в лежавший внизу город, стараясь отыскать массивное здание, ради которого они сюда прилетели.

Место захоронения Энрико Дандоло.

Как выяснилось, вероломный дож Венеции Энрико Дандоло не был похоронен на родине. Его останки были преданы земле в сердце цитадели, которую он завоевал в 1202 году… и вокруг которой раскинулся сам город. Как и полагается, Дандоло нашел последнее упокоение в самой знаменитой усыпальнице завоеванного им города — здании, которое и по сей день является жемчужиной всего региона.

Айя-София.

До 1204 года Айя-София, построенная в 360 году, была патриаршим православным собором, а по-

сле Четвертого крестового похода и завоевания Константинополя Энрико Дандоло превратил ее в католический храм. В пятнадцатом веке после захвата города турками-османами под предводительством султана Мехмеда эль-Фатиха, собор был обращен в мечеть и служил молельным домом для мусульман до 1935 года, после чего по декрету Ататюрка стал музеем.

Мусейон в убранстве злата мудрости святой, подумал Лэнгдон.

На украшение Айя-Софии не только пошло больше золота, чем даже на собор Святого Марка, но и само имя «Айя-София» в переводе с греческого означало «Премудрость Божия».

Представив себе массивное здание, Лэнгдон не мог вообразить, что где-то под ним есть темное озеро, в водах которого медленно растворяется пластиковый контейнер, готовый вот-вот заразить воду смертельным вирусом.

Он молился, чтобы они успели.

— Нижние ярусы здания затоплены, — взволнованно сообщила ему Сински пару часов назад и пригласила проследовать за собой в рабочий отсек. — Вы не поверите, что мы только что выяснили. Вы когда-нибудь слышали о режиссере-документалисте Гёкселе Гюленсое?

Лэнгдон покачал головой.

— Я искала информацию по Айя-Софии, — объяснила Сински, — и наткнулась на документальный фильм об этом соборе, снятый Гюленсоем несколько лет назад.

— Об Айя-Софии снято несколько десятков документальных фильмов.

— Да, — согласилась Элизабет, входя в рабочий отсек, — но не таких. — Она включила ноутбук и повернула к нему экраном. — Читайте сами.

Лэнгдон сел и увидел на экране статью, которая представляла собой выдержки из разных новостных изданий, в том числе ежедневной газеты «Хюрриет дейли ньюс», в которых обсуждался новый фильм Гюленсоя «В глубинах Айя-Софии».

Профессор сразу понял, что именно так взволновало Сински. Уже первые слова заставили его удивленно взглянуть на нее. *Погружение с аквалангом?*

— Да-да, — сказала Элизабет, — просто прочтите.

Лэнгдон так и сделал.

Погружение с аквалангом под Айя-Софию

Режиссер-документалист Гёксель Гюленсой

со своей командой исследователей-аквалангистов обнаружили затопленные помещения на глубине в несколько сот футов под храмовым сооружением Стамбула, которое пользуется особой популярностью среди туристов.

В ходе исследований они обнаружили многочисленные архитектурные шедевры, в том числе затопленные склепы с захоронениями детей-мучеников, насчитывающие восемь столетий, а также подводные тоннели, соединяющие Айя-Софию с дворцом Топкапы, дворцом Текфур и подземельями тюрьмы Анемас, о которых рассказывают легенды.

«По моему мнению, то, что находится под Айя-Софией, куда более захватывающе, чем то, что мы видим на поверхности», — заявил Гюленсой, рассказавший, что на съемку фильма его вдохновила старая фотография, сделанная исследователями с гребной лодки, плывшей в большом полузатопленном зале под фундаментом Айя-Софии.

— Вы наверняка правильно определили место! — взволнованно воскликнула Сински. — Судя по всему, под зданием есть огромные полузатопленные залы, проникнуть в которые можно и без подводного снаряжения. Скорее всего в одном из них Зобрист и снял свое видео.

Позади них стоял агент Брюдер и тоже внимательно смотрел на экран.

— Похоже, что подземные воды под зданием расходятся в самых разных направлениях. Если мешок растворится раньше, чем мы до него доберемся, то остановить распространение его содержимого будет невозможно.

— А это содержимое… — решился спросить Лэнгдон. — Вам известно, что это такое? Я имею в виду, точно? Я знаю, что речь идет о возбудителе заболевания, но…

— Мы изучили запись, — ответил Брюдер, — и пришли к выводу, что имеем дело скорее с биологическим, нежели химическим материалом… другими словами, с чем-то живым. Учитывая малые размеры емкости, мы считаем, что содержимое чрезвычайно заразно и способно к размножению. Передается ли заражение через воду, подобно бактериальной инфекции, или воздушным путем, как вырвавшийся на свободу вирус, пока неясно, но исключать нельзя ни то ни другое.

— Мы сейчас собираем информацию о температуре грунтовых вод в округе и постараемся оценить, для каких инфекций эти воды могут служить благоприятной средой, — добавила Син-

ски. — Но Зобрист был исключительно талантливым ученым и мог запросто создать инфекцию с уникальными свойствами. И я подозреваю, что он выбрал это место совсем не случайно.

Обреченно кивнув, Брюдер кратко изложил свое видение необычного эпицентра эпидемии в виде растворимого пластикового пакета, эффективность которого они начинали осознавать только сейчас. Разместив мешок в водной среде под землей, Зобрист создал исключительно устойчивую среду для инкубации: постоянная температура воды, отсутствие солнечной радиации, толчков, а также абсолютная изолированность от внешнего воздействия. Выбрав пластик с нужным периодом растворения, Зобрист мог оставить инфекцию без присмотра: созрев до нужного состояния, она потом сама вырвется на волю в точно назначенный час.

Даже если Зобрист сам никогда там больше не появится.

Шасси самолета коснулось посадочной полосы, и от внезапного толчка Лэнгдона подбросило на откидном сиденье в кабине пилотов. «С-130» резко затормозил и, свернув на рулежную дорожку, добрался до дальнего ангара, где наконец остановился.

Лэнгдон рассчитывал увидеть целую армию сотрудников ВОЗ в защитных костюмах, однако их ждал только большой белый фургон с ярко-красным крестом.

Здесь Красный Крест? Посмотрев внимательнее, Лэнгдон сообразил, что символ на борту автомобиля также являлся инверсией швейцарского флага и фургон на самом деле принадлежал другой организации — *посольству Швейцарии.*

Отстегнув ремень безопасности, он отыскал Сински, которая вместе с другими готовилась выйти из самолета.

— А где все? — спросил Лэнгдон. — Сотрудники ВОЗ? Турецкие власти? Все уже в Айя-Софии?

Сински смутилась.

— Вообще-то, — объяснила она, — мы решили не подключать турецкие власти. Самая опытная команда СНР Европейского центра уже с нами, так что лучше пока не поднимать шума и не вызывать ненужной паники.

Лэнгдон видел, как Брюдер и его команда застегивали молнии на больших спортивных сумках со спасательным снаряжением — костюмами биозащиты, респираторами и электронными детекторами.

Закинув сумку на плечо, Брюдер подошел к

ним.

— Мы выдвигаемся. Входим в здание, находим гробницу Дандоло, слушаем звук воды, как указано в стихотворении, а потом оцениваем обстановку и решаем, надо ли подключать власти для оказания помощи.

Лэнгдон уже видел сложности с реализацией предложенного плана.

— Айя-София закрывается на ночь, поэтому без местных властей нам в нее не попасть.

— Это не проблема, — успокоила его Сински. — Мой знакомый из посольства Швейцарии связался с куратором музея и попросил организовать частную экскурсию для одной важной персоны. Куратор согласился.

Лэнгдон скептически рассмеялся.

— Частную экскурсию для главы Всемирной организации здравоохранения? И армии сотрудников со спасательным снаряжением? Вам не кажется, что это вызовет вопросы?

— Команда СНР и снаряжение будут ждать в фургоне, пока Брюдер и мы с вами будем оценивать ситуацию, — объяснила Сински. — И для сведения: важной персоной являетесь вы, а не я.

— Прошу прощения?

— Мы сказали руководству музея, что знаме-

нитый американский профессор прилетел с командой исследователей для подготовки статьи о символах Айя-Софии, но вылет задержали на пять часов и он не успевает попасть в собор до закрытия. А поскольку завтра утром они уже уезжают, то мы надеялись…

— Ладно, — согласился Лэнгдон, — я понял идею.

— Музей выделил сотрудника, который будет вас сопровождать. Как выяснилось, он большой поклонник ваших трудов об исламском искусстве. — Сински устало улыбнулась, явно пытаясь изобразить оптимизм. — Нас заверили, что вам предоставят доступ в любой уголок здания.

— И главное, — заметил Брюдер, — он будет полностью в нашем распоряжении.

Глава 85

Лэнгдон рассеянно смотрел в окно фургона, мчавшегося вдоль берега по шоссе, соединявшему аэропорт Ататюрка с центром Стамбула. Швейцарским властям удалось договориться об упрощении таможенных процедур, и уже через несколько минут вся группа была в пути.

Сински велела Ректору и Феррису остаться на борту самолета вместе с несколькими сотрудниками ВОЗ и продолжить поиски Сиенны Брукс. Хотя никто всерьез не верил, что ей удастся добраться до Стамбула вовремя, однако она запросто могла связаться с кем-то из последователей Зобриста в Турции и попросить помощи в реализации его безумного плана, пока команда Сински еще не успела вмешаться.

Неужели Сиенна способна на массовое убийство? У Лэнгдона до сих пор не укладывались в голове события сегодняшнего дня. Однако, как ни больно было признавать горькую правду, факты остаются фактами. *Ты не знал ее, Роберт. Она использовала тебя.*

Над городом начал накрапывать мелкий дождь,

и под монотонные звуки «дворников» на лобовом стекле на Лэнгдона вдруг навалилась усталость. Справа виднелись огни роскошных яхт и огромных танкеров, заходивших из Мраморного моря в порт или, наоборот, его покидавших. Вдоль всего побережья высились красиво подсвеченные стройные элегантные минареты, окружавшие покрытые куполами мечети, молчаливо напоминая, что при всей современной светскости Стамбула его душой по-прежнему оставалась религия.

Лэнгдон всегда считал эту трассу протяженностью в десять миль одной из самых живописных в Европе. Удивительным образом сочетая прошлое с настоящим, она пролегала вдоль крепостной стены Константинополя, построенной за шестнадцать с лишним веков до рождения человека, чье имя теперь носила, — Джона Ф. Кеннеди. Этот президент США был большим почитателем усилий Кемаля Ататюрка по возрождению Турции на развалинах империи.

С проспекта Кеннеди открывался потрясающий вид на море, а сам проспект пролегал через живописные рощи и старинные сады, тянулся мимо пристани Йеникапы, затем опоясывал городские кварталы вдоль пролива Босфор и устремлялся

на север, огибая Золотой Рог. Там, высоко над городом, стояла османская твердыня — дворец Топкапы. Дворец был излюбленным местом туристов, приходивших сюда полюбоваться изумительным видом на Босфор и уникальной коллекцией османских сокровищ, включавших плащ и кинжал, которые, согласно преданию, принадлежали самому пророку Мухаммеду.

Но так далеко мы не поедем, подумал Лэнгдон, зная, что их пункт назначения — Айя-София — находился в центре города и до него оставалось проехать совсем немного.

Свернув с проспекта Кеннеди, фургон влился в плотный поток машин густонаселенного города, чьи улицы заполняли толпы людей, невольно возвращая Лэнгдона к проблемам, которые не раз поднимались в течение дня.

Перенаселение.

Чума.

Извращенные чаяния Зобриста.

Хотя Лэнгдону было известно, с какой целью прибыла в Стамбул команда СНР, он только сейчас начал полностью осознавать происходящее. *Мы направляемся в самый эпицентр.* Представив растворяющийся в воде пластиковый пакет с желтовато-коричневой жидкостью, он спра-

шивал себя, как его угораздило попасть в такой переплет.

Сюда, в Стамбул, его привело странное стихотворение, которое они с Сиенной обнаружили на обратной стороне посмертной маски Данте. Именно Лэнгдон указал команде СНР Айя-Софию в качестве цели. И он знал, что на месте поиски продолжатся.

И, преклонив затем колена в мусейоне,
В убранстве злата мудрости святой
Прильнет к земле, чтобы услышать
Журчанье капель в гулкой тишине.
Затем проследует в затопленный дворец,
Где в темноте хтонический таится зверь
Под водами кровавыми лагуны,
Которые вовек не отражают звезд.

Лэнгдон вновь с тревогой подумал о том, что последняя песня «Ада» Данте заканчивалась почти такой же сценой: спускаясь все ниже и ниже в преисподнюю, Данте и Виргилий добираются до нижней точки ада. Не зная, как оттуда выбраться, они слышат журчанье воды под ногами,

пробираются, следуя его звуку, через трещины и расщелины… и, наконец, покидают пределы преисподней.

Данте писал: «*Одно есть место: трудно б очень было его найти, когда бы ручейка журчание его нам не открыло… В том месте, где ручей бежал, была с расселиной наклонною скала… Скользили мы без отдыха над бездной, и наконец над нами в вышине сверкнул небес прекрасный купол звездный, и снова улыбнулись звезды мне*».

Не вызывало сомнения, что на написание собственного стихотворения Зобриста вдохновили эти строфы Данте, но у него все оказалось перевернутым с ног на голову. Лэнгдон и его спутники тоже пойдут по звуку журчащей воды, но, в отличие от Данте, не для того, чтобы выбраться из ада, а, наоборот, чтобы оказаться в самом его сердце.

Видя, как фургон с трудом пробирается по сужавшимся в густонаселенных районах улицам, Лэнгдон начал понимать, какой извращенной логикой руководствовался Зобрист, выбирая центр Стамбула для эпицентра эпидемии.

Здесь Восток встречается с Западом.

Перекресток мира.

Много раз в своей истории Стамбул становился жертвой смертельных эпидемий, которые уноси-

ли жизни бесчисленного множества горожан. Не случайно уже на последнем этапе эпидемии «черной смерти» в империи его назвали «цитаделью чумы», поскольку каждый день в городе погибало более десяти тысяч жителей. На нескольких знаменитых полотнах времен Османской империи изображено, как отчаявшиеся горожане роют общие могилы для гор трупов, — теперь в этом месте, в центре Стамбула, находится площадь Таксим.

Лэнгдон надеялся, что Карл Маркс ошибался, когда писал, что история повторяется дважды.

А на дождливых улицах ни о чем не подозревавшие горожане продолжали заниматься своими повседневными делами. Миловидная турчанка звала детей домой ужинать; два старика коротали время за столиком открытого кафе; хорошо одетая пара шла под зонтиком, держась за руки; из автобуса выскочил мужчина в смокинге и побежал, пряча под пиджаком футляр со скрипкой, — он явно опаздывал на концерт.

Лэнгдон вглядывался в лица прохожих, пытаясь представить, чем живет каждый из них.

Население состоит из отдельных людей.

Закрыв глаза, он отвернулся от окна и постарался не думать о нависшей над ними смертельной

опасности. Но было уже поздно. Откуда-то из глубин сознания выплыла картина «Триумф смерти» Питера Брейгеля Старшего — жуткая панорама обычного приморского города, в котором правят бал мор, нищета и смерть.

Фургон свернул направо, на улицу Торун, и Лэнгдон сначала решил, что они добрались до места. Слева в тумане стали видны очертания огромной мечети.

Но это была не Айя-София.

Голубая мечеть, сообразил он, узнав шесть устремленных ввысь минаретов, похожих на остро заточенные карандаши и опоясанных несколькими круговыми балконами şerefe, с которых муэдзины призывают к молитве. Где-то Лэнгдон читал, что экзотический, сказочный вид минаретов Голубой мечети послужил прообразом ставшего культовым замка Золушки в Диснейуорлде. Своим названием Голубая мечеть обязана огромному количеству голубых изникских керамических изразцов ручной работы, которыми украшен ее интерьер.

Мы уже близко, подумал Лэнгдон, когда фургон повернул на улицу Кабасакал и поехал вдоль широкой площади Султанахмет, которая расположена между Голубой мечетью и Айя-Софией

и славится изумительными видами на оба сооружения.

Лэнгдон прищурился, стараясь разглядеть сквозь мокрое ветровое стекло очертания Айя-Софии, но из-за дождя и работающих «дворников» видимость была плохой. К тому же движение на площади, казалось, остановилось.

Впереди виднелись только огни стоп-сигналов.

— Какое-то мероприятие, — объяснил водитель. — Наверное, концерт. Пешком будет быстрее.

— А это далеко? — поинтересовалась Сински.

— Сразу за этим парком. Три минуты. И тут безопасно.

Кивнув Брюдеру, Сински повернулась к команде СНР.

— Оставайтесь в фургоне. Постарайтесь подъехать к зданию как можно ближе. Агент Брюдер очень скоро с вами свяжется.

Сински, Брюдер и Лэнгдон вылезли из фургона и поспешили через площадь, стараясь держаться поближе к большим лиственным деревьям, чьи кроны позволяли хоть как-то укрыться от дождя. Указатели подсказывали посетителям направление к многочисленным достопримечательностям, которыми славилась площадь:

Египетскому обелиску, привезенному из Луксора, Змеиной колонне из святилища Аполлона в Дельфах, колонне Милион, от которой в Византийской империи отсчитывались все расстояния.

Наконец они вышли на открытое пространство возле располагавшегося в центре площади круглого водоема, и Лэнгдон посмотрел на восток.

Айя-София.

Даже не здание… а настоящая гора.

Блестя под струями дождя, массивная громада собора сама по себе походила на целый город. Ее центральный купол — невероятно широкий, серебристо-серый и ребристый, — казалось, покоился на скоплении других увенчанных куполами зданий, возведенных вокруг него. Четыре высоких минарета по углам — каждый с балконом и серебристо-серым шпилем — отстояли от здания так далеко, что даже не казались частью единого архитектурного комплекса.

Сински и Брюдер, которые до сих пор шли ровным ускоренным шагом, вдруг разом остановились, поднимая головы все выше и выше, не в силах охватить взглядом возникшую перед ними громаду.

— Мой Бог! — тихо простонал Брюдер, не веря своим глазам. — И мы будем искать… здесь?!

Глава 86

Меня держат под замком, размышлял Ректор, расхаживая по салону отогнанного в ангар «С-130». Он согласился полететь в Стамбул с Сински, чтобы помочь предотвратить кризис, пока тот окончательно не вышел из-под контроля. Он понимал, что эта помощь смягчит для него последствия невольной причастности к самому возникновению этого кризиса. *Но теперь Сински держит меня под замком.*

Как только самолет загнали в правительственный ангар аэропорта Ататюрка, Сински со своими людьми покинула его, приказав Ректору и нескольким сотрудникам оставаться на борту.

Ректор хотел выйти подышать свежим воздухом, но путь ему преградили пилоты с каменными лицами, напомнив, что доктор Сински просила всех оставаться на борту и не покидать самолет.

Плохи дела, подумал Ректор, усаживаясь в кресло и все больше тревожась за свое будущее. Он привык сам быть кукловодом, той высшей силой, которая дергает за ниточки, и вдруг вся его власть

испарилась.

Зобрист, Сиенна, Сински.

Они все его использовали… и даже манипулировали им.

И теперь, запертый в необычной камере фюзеляжа без иллюминаторов транспортного самолета ВОЗ, он спрашивал себя, не отвернулась ли от него удача окончательно… и не являлось ли его нынешнее положение кармическим возмездием за нечестно прожитую жизнь.

Я торгую ложью.

Я производитель лжи и мистификаций.

Ректор был не единственным, кто зарабатывал на жизнь таким образом, но при этом он не имел себе равных. По сравнению с ним остальные были мелкими сошками, и Ректор очень не любил, когда его ставили на одну доску с ними.

Доступные через Интернет фирмы с такими названиями, как «Алиби компани» и «Алиби нетворк», зарабатывали огромные деньги, предоставляя неверным мужьям и женам по всему миру возможность изменять своим супругам без риска попасться. Эти организации «останавливали время», чтобы их клиенты могли ускользнуть от мужа, жены или детей, и набили руку в организации вымышленных деловых встреч и кон-

ференций, визитов к несуществующим врачам и даже фиктивных свадеб. Они предоставляли фальшивые приглашения, брошюры, билеты на самолет, формы подтверждения бронирования и даже специальные контактные номера, которые соединяли с коммутатором «Алиби», где специально обученные сотрудники выдавали себя за тех, кто мог подтвердить правдивость созданной мистификации.

Однако Ректор никогда не разменивался на подобные мелочи. Он имел дело с крупномасштабным обманом, предоставляя услуги только тем, кто мог позволить себе заплатить за них миллионы долларов. Правительствам. Крупным корпорациям. Изредка — сверхбогатым важным персонам.

Для достижения своих целей эти клиенты могли рассчитывать на все ресурсы, персонал, опыт и творческий потенциал Консорциума. Но самое главное, им гарантировалось, что никакие расследования не смогут привести к заказчикам и вызвать подозрения в их причастности к мистификации. Шла ли речь о поддержке фондового рынка, оправдании военных действий, победе на выборах или выманивании террориста из подполья, сильные мира сего широко исполь-

зовали масштабные схемы дезинформации для формирования нужного общественного мнения.

Так было всегда.

В шестидесятые годы русские создали целую фиктивную шпионскую сеть, с помощью которой на протяжении многих лет снабжали британские спецслужбы дезинформацией. В 1947 году ВВС США инсценировали падение НЛО, чтобы скрыть катастрофу секретного летательного аппрата в окрестностях города Розуэлл в штате Нью-Мексико. А уже совсем в недавние времена мир заставили поверить, что Ирак обладает оружием массового уничтожения.

Почти тридцать лет Ректор помогал сильным мира сего защищать, сохранять и упрочивать свою власть. Хотя он проявлял крайнюю осмотрительность при выборе заказов, тем не менее всегда боялся, что когда-нибудь допустит ошибку и возьмется за то, за что браться не следовало.

И вот такой день настал.

Ректор был убежден, что каждый провал — следствие какого-то одного отдельно взятого момента: случайной встречи, неудачного решения, косого взгляда. В данном случае роковым стало принятое почти двенадцать лет назад решение взять на работу студентку, изучавшую

медицину и искавшую возможность подработать. Ее блестящий интеллект, поразительное знание языков и невероятная находчивость позволили ей быстро стать одним из самых ценных сотрудников Консорциума.

Сиенна Брукс была создана для этой работы.

Девушка сразу ухватила суть деятельности Консорциума, но Ректор чувствовал, что секреты имеются и у нее самой. За два года работы она получила щедрое вознаграждение, которое позволило ей оплатить образование, но потом вдруг объявила, что уходит. Она сказала ему, что хочет спасать мир, но в Консорциуме этого делать не может.

Когда спустя десять лет она вдруг объявилась, для Ректора это стало полной неожиданностью, но она принесла настоящий подарок — сверхбогатого потенциального клиента. Бертрана Зобриста.

Шеф поморщился. *Во всем виновата Сиенна. Она с самого начала была заодно с Зобристом.*

В отсеке для совещаний «С-130» сотрудники ВОЗ вдруг заговорили на повышенных тонах. Было видно, что они чем-то встревожены.

— Сиенна Брукс?! — громко переспросил один из них, прижимая телефонную трубку к уху. — Вы

уверены? — Выслушав ответ, он нахмурился. — Ладно, узнайте детали. Я подожду. — Закрыв трубку рукой, он повернулся к коллегам. — Похоже, Сиенна Брукс покинула Италию вскоре после нас.

Все сидевшие за столом застыли.

— Но как? — не выдержала одна из сотрудниц ВОЗ. — Мы же перекрыли аэропорт, мосты, вокзал…

— С аэродрома Ничелли на острове Лидо.

— Невозможно, — возразила сотрудница, качая головой. — Аэродром маленький, никаких регулярных рейсов. Обслуживает только местные прогулочные полеты на вертолетах и…

— Каким-то образом Сиенна Брукс получила доступ к личному реактивному самолету, владелец которого снимает в Ничелли ангар. Они выясняют подробности. — Подчиненный Сински снова заговорил в трубку: — Да, я здесь. Что удалось выяснить? — Выслушав ответ, он изменился в лице и растерянно опустился в кресло. — Я понял. Спасибо.

Разговор закончился, все выжидательно смотрели на своего коллегу.

— Самолет с Сиенной на борту вылетел в Турцию, — сообщил он и потер глаза.

— Надо срочно звонить в Европейское авиационное военно-транспортное командование! — предложил кто-то. — Пусть его развернут!

— Поздно. Двенадцать минут назад самолет приземлился на частном аэродроме Хезарфен в пятнадцати милях отсюда. Сиенны Брукс на его борту уже нет.

Глава 87

По крыше купола Айя-Софии барабанили капли дождя, уже превратившегося в ливень.

На протяжении тысячи лет она считалась самым большим религиозным храмом на земле, да и сейчас было трудно представить себе что-либо более внушительное. При взгляде на Айя-Софию Лэнгдон вспомнил слова византийского императора Юстиниана, которые тот, по преданию, произнес, когда строительство собора было завершено. Отступив на шаг, он гордо воскликнул: «Соломон, я превзошел тебя!» — имея в виду легендарный Иерусалимский храм.

Сински и Брюдер решительным шагом приближались к собору, который, казалось, все увеличивался в размерах.

Дорожки к собору обрамляли старинные пушечные ядра войска Мехмеда Завоевателя, напоминавшие о том, что история здания насыщена насилием: державы-победительницы, захватывавшие город, не раз приспосабливали его для удовлетворения своих религиозных нужд.

Подойдя к южному фасаду, Лэнгдон посмотрел

направо — там располагались три похожих на силосные башни строения, увенчанные куполами. Это были мавзолеи султанов, один из которых — Мурад III — считался отцом более ста детей.

В ночном воздухе раздался сигнал мобильного телефона. Вытащив свой сотовый, Брюдер посмотрел, кто звонит, и коротко спросил:

— Что у вас?

Слушая сообщение, он изумленно качал головой.

— Как такое возможно? — Дослушав до конца, он вздохнул. — Хорошо, держите меня в курсе. Мы собираемся входить.

Дождавшись, когда он закончит разговор, Сински поинтересовалась:

— Что там?

— Нужно быть начеку, — ответил Брюдер и, настороженно осмотревшись, перевел взгляд на Сински. — К нам могут явиться гости. Похоже, Сиенна Брукс уже в Стамбуле.

Лэнгдон ошеломленно посмотрел на агента, не в силах поверить, что Сиенна, во-первых, сумела добраться до Турции, а во-вторых, решила покинуть Венецию, несмотря на опасность быть не только пойманной, но и погибнуть от смертельной болезни, лишь бы не дать провалиться

плану Зобриста.

Сински тоже встревожилась и набрала в легкие воздуха, явно намереваясь расспросить Брюдера поподробнее, но потом передумала и повернулась к Лэнгдону.

— Куда теперь?

Лэнгдон показал налево, за юго-западный угол здания.

— Фонтан для омовений там, — сказал он.

Местом встречи с сопровождающим от музея был назначен обнесенный затейливой решеткой источник, вода из которого некогда использовалась мусульманами для ритуального омовения перед молитвой.

— Профессор Лэнгдон! — послышался мужской голос, когда они подошли ближе.

Из-под восьмиугольной, увенчанной куполом крыши фонтана выступил худощавый улыбающийся турок в очках и сером костюме. У него были редеющие волосы, и он взволнованно размахивал руками, буквально брызжа энтузиазмом.

— Профессор, сюда!

Лэнгдон со спутниками поспешили к нему.

— Здравствуйте, меня зовут Мирсат, — сказал он по-английски с акцентом. — Это огромная честь для меня.

— Ну что вы, это для нас большая честь, — ответил Лэнгдон, пожимая ему руку. — Спасибо, что согласились оказать нам гостеприимство в таком экстренном порядке.

— Да, да!

— А я — Элизабет Сински, — представилась доктор Сински, пожимая ему руку и показывая на Брюдера. — А это — Кристоф Брюдер. Мы помогаем профессору Лэнгдону. Мне очень жаль, что наш вылет задержали. И мы очень признательны за ваше понимание и помощь.

— Пожалуйста! Это сущие пустяки! — горячо заверил Мирсат. — Я готов все показать профессору Лэнгдону в любое время! Его небольшая книга «Христианские символы в мусульманском мире» пользуется особой популярностью в нашем сувенирном магазине.

В самом деле? — подумал Лэнгдон. *Теперь мне известно по крайней мере одно место, где она продается.*

— Пройдемте? — предложил Мирсат, жестом показав, куда идти.

Группа поспешила через небольшое открытое пространство и, миновав вход для туристов, оказалась перед массивными бронзовыми дверьми, утопленными в трех глубоких арках.

Там их ждали два вооруженных охранника. Завидев Мирсата, они отперли двери и открыли одну из них.

— Sağ olun, — произнес Мирсат одну из немногих фраз, которые были знакомы Лэнгдону. Это было особенно вежливое выражение благодарности. Посетители прошли внутрь, и дверь за ними закрылась с громким стуком, который отозвался в каменном зале гулким эхом.

Они очутились в нартексе Айя-Софии — узком притворе, типичном для христианских храмов пространстве, которое предназначалось для лиц, не имевших права входить внутрь главного помещения для молящихся.

Духовный крепостной ров, по образному выражению Лэнгдона.

Группа прошла к другим дверям, и Мирсат открыл их. Однако за ними оказался не наос, главное помещение храма, как ожидал Лэнгдон, а другой притвор, немного больше первого.

Эзонартекс — внутренний притвор, сообразил Лэнгдон, вспомнив, что в Айя-Софии имелось два уровня защиты от окружающего мира.

Будто готовя посетителя к тому, что ждет его впереди, эзонартекс был украшен значительно богаче внешнего притвора, экзонартекса, — его

полированные стены отражали свет изысканных люстр. На противоположной стене наполненного покоем пространства имелись четыре двери, а над ними располагалась великолепная мозаика, на которой Лэнгдон невольно задержал восхищенный взгляд.

Мирсат подошел к самой большой двери — внушительному входу, обшитому бронзовыми пластинами.

— Императорские ворота, — восторженно прошептал он. — В византийские времена проходить через них имел право только император. Обычно туристов через них не пускают, но сегодня особый случай.

Он уже потянулся к ручке двери, но вдруг остановился.

— Прежде чем мы войдем, — шепотом обратился он к своим спутникам, — позвольте узнать, есть ли что-нибудь конкретное, что бы вы хотели увидеть?

Лэнгдон, Сински и Брюдер переглянулись.

— Да, — ответил профессор. — Безусловно, тут очень много интересного, но, если можно, мы бы хотели начать с захоронения Энрико Дандоло.

Мирсат непонимающе дернул головой.

— Простите? Вы хотите посмотреть… могилу

Энрико Дандоло?

— Именно так.

Мирсат выглядел обескураженным.

— Но сэр… Захоронение Дандоло очень скромное. И там нет никаких символов. Не самое интересное.

— Я понимаю, — вежливо согласился Лэнгдон. — И все же мы были бы очень признательны, если вы нас туда проводите.

Мирсат долго смотрел на Лэнгдона, а потом перевел взгляд на мозаику девятого века над дверью, которой тот только что любовался. На ней был изображен Спас Вседержитель — иконописный образ Христа с Новым Заветом в левой руке и благословляющего правой.

Затем, будто на него снизошло озарение, уголки губ Мирсата растянулись в понимающей улыбке, и он шутливо погрозил пальцем.

— Да вы настоящий хитрец! Понимаю!

Лэнгдон опешил.

— Прошу прощения?

— Не волнуйтесь, профессор, — заговорщицки зашептал Мирсат. — Я никому не скажу, что вы здесь были.

Сински и Брюдер озадаченно посмотрели на Лэнгдона.

Тому оставалось лишь недоуменно пожать плечами, а Мирсат тем временем распахнул дверь и пропустил всех внутрь.

Глава 88

Айя-Софию иногда называют Восьмым чудом света, и Лэнгдон, оказавшись внутри собора, был вполне с этим согласен. Переступив порог огромного наоса, он в который раз убедился, что одного взгляда достаточно, чтобы ошеломить грандиозностью этого сооружения любого посетителя. На его фоне знаменитые соборы Европы казались просто карликами. Лэнгдон знал, что поражающие воображение размеры храма являлись отчасти иллюзией, удивительным эффектом византийской планировки, в которой наос занимал всю внутреннюю часть храма, в то время как в более поздние времена при строительстве соборов предпочтение отдавалось крестообразной планировке.

А ведь это здание на семьсот лет старше, чем Нотр-Дам, подумал Лэнгдон.

Немного освоившись в огромном зале, Лэнгдон поднял взгляд к венчавшему четырехугольное средокрестие плоскому золотому куполу, вершина которого отстояла от пола на сто пятьдесят с лишним футов. Купол состоял из сорока радиаль-

ных арок, чьи ребра при взгляде снизу казались расходящимися лучами солнца, а в нижней части купола шла круговая аркада из сорока арочных окон. В дневное время свет, проникавший через эти окна, многократно отражали стеклянные вкрапления в золотые пластинки, которыми купол был украшен изнутри, отчего создавалось ощущение сплошного светового пояса — того самого «мистического света», похвастаться которым могла только Айя-София.

Лэнгдон считал, что из всех живописцев лишь Джону Сингеру Сардженту удалось передать все золотое великолепие внутреннего убранства собора. Не случайно, создавая свое знаменитое полотно «Айя-София», художник ограничил палитру оттенками только одной краски. *Золотой.*

Сверкающий золотом купол часто называли «сводом самих небес». Его поддерживали четыре сферических треугольника — паруса, которые, в свою очередь, опирались на полукружия и тимпаны. Эти опоры покоились на отдельном ярусе из полусфер и аркад меньших размеров, отчего создавался эффект каскада архитектурных форм, нисходящих с небес на землю.

Также с небес на землю спускались, но уже по прямой, длинные тросы, на которых были под-

вешены многочисленные сверкающие люстры. Казалось, они висели так низко, что высокий человек мог запросто задеть их головой. Однако это была еще одна оптическая иллюзия, которую создавало огромное пространство. На самом деле расстояние от люстр до пола составляло больше двенадцати футов.

Грандиозность размеров Айя-Софии, как и других великих храмовых сооружений, служила двум целям. Во-первых, она показывала Богу, как велико Его почитание людьми. Во-вторых, показывала верующим их истинное место — сами физические размеры настолько подавляли, что любой, кто оказывался внутри храма, невольно ощущал свою ничтожность. Перед лицом Господа человек чувствовал себя жалкой пылинкой, крошечным атомом в руках Всевышнего.

Пока человек не осознает свою ничтожность, Господь ничего не сможет из него сотворить. Мартин Лютер сформулировал эту мысль в шестнадцатом веке, но именно этой идеей руководствовались зодчие с самого момента зарождения религиозной архитектуры.

Лэнгдон взглянул на Брюдера и Сински, которые завороженно рассматривали купол и только сейчас посмотрели вниз.

— Господи Иисусе! — не удержался Брюдер.

— Именно! — восторженно подхватил Мирсат. — И Аллах с Мухаммедом тоже!

Хмыкнув про себя, Лэнгдон наблюдал, как их гид обратил внимание Брюдера на алтарную часть, где по бокам мозаичного изображения Иисуса располагались два массивных диска с выведенными каллиграфической арабской вязью словами «Аллах» и «Мухаммед».

— В нашем музее, — объяснил Мирсат, — мы стремимся напомнить посетителям, что это священное место использовалось разными религиями и поэтому здесь выставлены христианские артефакты, относящиеся к тем временам, когда Айя-София была базиликой, и исламские — периода, когда она служила мечетью. — Он гордо улыбнулся. — Несмотря на противостояние религий в реальном мире, здесь эти артефакты мирно соседствуют. Я знаю, что вы с этим согласны, профессор.

Лэнгдон одобрительно кивнул, вспомнив, что, когда базилику превратили в мечеть, все, имевшее отношение к христианству, было замазано побелкой. Сочетание восстановленной христианской иконографии с исламской символикой создавало завораживающий эффект, поскольку

сама их стилистика была диаметрально противоположной.

В то время как христианская традиция отдавала предпочтение изображению ликов богов и святых, ислам фокусировал внимание на каллиграфии и орнаментах, призванных показать всю красоту мира, созданного Всевышним. Исламская традиция исходила из того, что только Господь мог создать жизнь, поэтому человеку не дозволено изображать что-либо живое — ни богов, ни людей, ни даже животных. Объясняя как-то студентам эту концепцию, Лэнгдон привел такой пример:

— Мусульманский Микеланджело никогда бы не смог изобразить лик Господа на потолке Сикстинской капеллы — он бы просто написал Его имя. Изображение лика Бога считалось бы богохульством. И христианство, и ислам логоцентричны, — продолжал он, — поскольку во главу угла ставят Слово. В христианской традиции Слово является плотью, о чем и говорится в Евангелии от Иоанна: «И Слово стало плотью, и обитало с нами». Поэтому изображать Слово в человеческой форме допустимо. В исламской же традиции, напротив, Слово не является плотью и должно оставаться в форме Слова… чаще всего в

виде каллиграфически выведенных имен исламских святых.

Один из студентов Лэнгдона удивительно точно резюмировал это сложное различие пометкой на полях: «Христианам нравятся лица, мусульманам — слова».

— А здесь, — продолжил Мисрат, показывая на другой конец потрясающего по красоте зала, — вы видите уникальное соединение христианства с исламом.

В просторной апсиде Богоматерь с младенцем Христом смотрели с потолка на мирхаб — полукруглую нишу, которая в мечетях указывает направление на Мекку. Рядом поднималась лестница, которая вела, казалось, на кафедру христианского проповедника, но на самом деле на минбар, с которого имам читал пятничную проповедь. А то, что можно было принять за место на клиросе в алтарной части, оказалось махфилем — огороженным решеткой возвышением для муэдзина, на котором он преклоняет колени и сопровождает молитву имама, нараспев произнося специальные славословия.

— Мечети и христианские соборы удивительно похожи, — заявил Мирсат. — Традиции Востока и Запада далеко не так различны, как принято

считать.

— Мирсат! — нетерпеливо обратился к нему Брюдер. — Мы бы хотели поскорее увидеть захоронение Дандоло, если вы не против.

Мирсат поморщился, будто подобная торопливость являлась проявлением неуважения к зданию.

— Да, — подтвердил Лэнгдон, — прошу нас извинить за спешку, но у нас очень жесткий график.

— Будь по-вашему, — вздохнул Мирсат и показал на высокий балкон справа. — Давайте поднимемся и посмотрим гробницу.

— «Поднимемся»? — изумленно переспросил Лэнгдон. — А разве гробница находится не в крипте? — Он помнил лишь, как она выглядела, но не знал, где именно располагается. Ему казалось, что она должна находиться где-то в темных подземных помещениях.

Мирсата, похоже, этот вопрос сильно удивил.

— Нет, профессор, могу вас заверить, что гробница Энрико Дандоло совершенно точно находится наверху.

Что, черт возьми, происходит? — терялся в догадках Мирсат.

Когда Лэнгдон попросил показать гробницу

Дандоло, Мирсат подумал, что это для отвода глаз. Никто никогда не просит показать эту гробницу. Мирсат решил, что на самом деле Лэнгдона интересовало загадочное сокровище, расположенное рядом с ней, а именно мозаичный деисусный чин со Спасом Вседержителем, который считался одним из самых таинственных художественных произведений во всем здании.

Лэнгдон изучает эту мозаику, но не хочет афишировать свой интерес, заключил он, посчитав, что профессор, наверное, втайне ото всех пишет работу об этом деисусе.

Но теперь он не знал, что и думать. Профессор наверняка был в курсе, что мозаичный деисусный чин располагается на втором этаже, тогда почему он так удивился?

Разве что и в самом деле ему нужна гробница Дандоло?

Озадаченный, Мирсат повел их по лестнице мимо одной из двух знаменитых урн Айя-Софии — огромного сосуда эллинистической эпохи емкостью тысяча двести литров, выточенного из цельного куска мрамора.

Уже молча поднимаясь в окружении гостей, Мирсат заподозрил неладное. Коллеги Лэнгдона вовсе не походили на ученых. Один из них напо-

минал военного — крепкий, решительный и одет во все черное. Что до женщины с серебристыми волосами, то Мирсат никак не мог отделаться от мысли, что где-то ее уже видел… *Может, по телевизору?*

Судя по всему, целью их визита было вовсе не то, о чем они говорили. *Тогда что?*

— Еще один пролет, — объявил Мирсат, когда они добрались до последней площадки, — и наверху вы увидите могилу Энрико Дандоло и, конечно… — он со значением посмотрел на Лэнгдона, — знаменитый мозаичный деисусный чин.

Никакой реакции не последовало. Выходило, что Лэнгдон здесь вовсе не из-за мозаики. И ему, и его спутникам по какой-то непонятной причине нужна была гробница Дандоло.

Глава 89

Пока они поднимались по лестнице, Лэнгдон чувствовал, как сильно нервничали Брюдер и Сински. И действительно, подъем на второй этаж казался бессмысленным. У профессора перед глазами стояло подземелье из ролика… и документальный фильм о затопленных ярусах под Айя-Софией.

Нам надо вниз!

Но другого варианта, кроме как следовать указаниям Зобриста, у них все равно не было. *И, преклонив затем колена в мусейоне в убранстве злата мудрости святой, прильнет к земле, чтобы услышать журчанье капель в гулкой тишине.*

Когда наконец они добрались до второго этажа, Мирсат повел их направо вдоль перил балкона, откуда открывался изумительный вид на лежавшее внизу святилище. Лэнгдон, сосредоточившись, смотрел только вперед.

Мирсат снова увлеченно заговорил о мозаичном деисусе, но Лэнгдон его не слушал. Их цель была перед ними.

Гробница Дандоло.

Она выглядела точно так же, как и помнилось Лэнгдону, — вмурованная в пол прямоугольная плита из белого мрамора, огороженная стойками с цепями.

Лэнгдон поспешил вперед и вгляделся в высеченную надпись:

HENRICUS DANDOLO

Пока остальные подходили, Лэнгдон уже начал действовать. Перешагнув через заградительную цепь, он подошел вплотную к плите и остановился. Не обращая внимания на громкие протесты Мирсата, опустился на колени, будто собираясь помолиться у могилы вероломного дожа. А затем, к ужасу Мирсата, положил на плиту ладони и распростерся ниц.

Наклоняя лицо к полу, Лэнгдон подумал, что выглядит совсем как мусульманин, кланяющийся Мекке.

Ошеломленный Мирсат буквально онемел от происходящего, и в здании вдруг воцарилась мертвая тишина.

Глубоко вдохнув, Лэнгдон повернул голову направо и осторожно прижал левое ухо к мраморной плите. Камень был холодным. Звук, эхом доносившийся сквозь него, слышался совершен-

но отчетливо.

Господи!

Все в точности, как описано Данте в последних строфах «Ада».

Лэнгдон медленно повернул голову и перевел взгляд на Брюдера и Сински.

— Я слышу, — прошептал он. — «Журчанье капель».

Брюдер перескочил через цепь и прильнул к плите рядом с Лэнгдоном, чтобы тоже услышать. Через мгновение он кивнул, подтверждая слова профессора.

Теперь, когда они слышали журчанье воды, без ответа оставался самый важный вопрос. *Где она течет?*

Перед глазами у них вновь возникли кадры из ролика: полузатопленная пещера в зловещих красных отблесках… где-то глубоко под ними.

Затем проследует в затопленный дворец,

Где в темноте хтонический таится зверь

Под водами кровавыми лагуны,

Которые вовек не отражают звезд.

Лэнгдон поднялся и перешагнул через загра-

дительную цепь обратно. Мирсат не сводил с него взгляда, полного тревоги и осуждения. Он смотрел снизу вверх, поскольку профессор был почти на фут выше его ростом.

— Мирсат, — обратился к нему Лэнгдон, — я прошу нас извинить. У меня нет времени на объяснение, но я должен задать очень важный вопрос об этом здании.

Мирсат слабо кивнул.

— Спрашивайте.

— Здесь, на могиле Дандоло, мы слышим журчанье воды, текущей под камнями. Нам надо знать, где она течет.

Мирсат покачал головой.

— Я не понимаю. Журчанье воды под полом слышно в Айя-Софии повсюду.

Все замерли.

— Ну да, — продолжил Мирсат, — особенно во время дождя. Поверхность крыши занимает около ста тысяч квадратных футов, и стекающей с нее воде иногда требуется несколько дней, чтобы полностью просочиться в почву. К тому же вода обычно не успевает уйти до следующего дождя, так что звуки падающих капель слышны практически постоянно. Вы, наверное, знаете, что Айя-София стоит на огромных пещерах, за-

полненных водой. Даже сняли документальный фильм, в котором…

— Да, да, — прервал его Лэнгдон, — но, может, вам известно, куда течет вода, чье журчанье слышно здесь, на могиле Дандоло?

— Разумеется, — ответил Мирсат. — Она течет туда, куда и вся вода Айя-Софии. В городское водохранилище.

— Нет, — вмешался Брюдер, перешагивая через заградительную цепь. — Мы спрашиваем не о водохранилище. Мы ищем большое подземное помещение, возможно, с колоннами.

— Да, — подтвердил Мирсат. — Древнее водохранилище именно так и выглядит — большое подземное помещение с колоннами. Надо сказать, оно выглядит весьма впечатляюще. Было построено в шестом веке для снабжения города водой. Сейчас там глубина воды всего четыре фута, но…

— Где это?! — нетерпеливо спросил Брюдер, и его громкий голос эхом разлетелся по залу.

— Водохранилище? — испуганно уточнил Мирсат. — В квартале на восток отсюда. — Он показал направление. — Оно называется Йеребатан-сарай.

Сарай? — удивленно подумал Лэнгдон. *Как*

Топкапы-сарай? По пути из аэропорта им часто попадались указатели с этим названием.

— А… разве «сарай» не означает «дворец»?

Мирсат кивнул:

— Да. Название нашего древнего водохранилища — Йеребатан-сарай, что означает «затопленный дворец».

Глава 90

Когда доктор Элизабет Сински, Лэнгдон, Брюдер и их окончательно сбитый с толку гид Мирсат покинули Айя-Софию, дождь уже лил стеной.

Затем проследует в затопленный дворец, подумала Сински.

Судя по всему, чтобы добраться до городского водохранилища Йеребатан-сарай, надо было вернуться назад, в сторону Голубой мечети, и взять чуть севернее. Мирсат показывал дорогу. Сински пришлось рассказать ему, кем они были на самом деле и как пытались предотвратить угрозу здоровью множества людей, которая таилась в затопленном дворце.

— Туда! — показал Мирсат и повел их через темный парк.

Громада Айя-Софии осталась позади, впереди блестели сказочные минареты Голубой мечети. Шагая рядом с Сински, агент Брюдер громко разговаривал по телефону, вводя в курс дела команду СНР и приказывая ей прибыть ко входу в водохранилище.

— Судя по всему, мишенью Зобриста были

городские запасы питьевой воды, — заметил Брюдер, с трудом переводя дыхание. — Мне понадобятся планы всех входящих и выходящих водоводов. Мы приведем в действие все системы полной изоляции и блокирования. Нам понадобятся физические и химические фильтры, а также вакуумные…

— Подождите, — вмешался Мирсат. — Вы меня неправильно поняли. Это водохранилище не снабжает город водой. Теперь не снабжает.

Брюдер убрал трубку телефона от уха и изумленно уставился на гида.

— Что?!

— В древние времена тут действительно хранились запасы питьевой воды, — пояснил Мирсат. — Но не в наши дни. Мы провели модернизацию системы водоснабжения.

Брюдер остановился под кроной большого дерева, и все последовали его примеру.

— Мирсат, — сказала Сински, — вы уверены, что никто не пьет воду из этого водохранилища?

— Конечно, никто! — заверил тот. — Вода там просто скапливается… и постепенно просачивается в почву.

Сински, Лэнгдон и Брюдер нерешительно переглянулись. Сински не знала, радоваться этой

новости или огорчаться. *Если никто не имел доступа к этой воде на регулярной основе, то зачем Зобрист выбрал именно это место для заражения?*

— После модернизации системы водоснабжения несколько десятилетий назад, — объяснил Мирсат, — это водохранилище перестало использоваться и превратилось просто в большое озеро в подземном зале. — Он пожал плечами. — Сейчас это просто туристическая достопримечательность.

Сински встрепенулась. *Туристическая достопримечательность?*

— Подождите… туда приходят люди? В водохранилище?

— Ну конечно! — подтвердил Мирсат. — Каждый день несколько тысяч туристов. Пещера того заслуживает. Там над водой проложены специальные мостки… и даже есть небольшое кафе. Вот с воздухообменом там неважно, поэтому обычно довольно душно и влажно, но туристов это не пугает.

Сински встретилась взглядом с Брюдером и поняла, что перед их глазами возникла одна и та же картина — темная влажная пещера со стоячей водой, в которой зреет патоген. Мало того, над

водой проложены мостки, по которым постоянно ходят туристы.

— Он создал биоаэрозоль, — заявил Брюдер.

Сински удрученно кивнула.

— И что это значит? — спросил Лэнгдон.

— А это значит, — ответил Брюдер, — что заразиться можно воздушным путем.

В самом начале Сински допускала такую возможность, но потом, узнав, что источник заразы находится в водной среде, из которой город снабжался водой, надеялась, что Зобрист избрал водосвязную биоформу. Водные бактерии живучи и устойчивы к изменениям внешних условий, но распространяются они не столь стремительно.

В отличие от болезнетворных организмов, переносимых по воздуху.

Те распространяются стремительно.

— Если это так, — заметил Брюдер, — то мы скорее всего имеем дело с вирусом.

С вирусом, согласилась Сински. *С самым быстрым патогеном, который только мог выбрать Зобрист.*

Выпустить вирус, переносимый по воздуху, под водой было, безусловно, неожиданным ходом, однако в природе существует немало форм жизни, которые развиваются в водной среде, а живут в

воздушной — комары, споры плесени, бактерии, вызывающие «болезнь легионеров», микотоксины, даже люди. Сински мрачно представила, как вирус заражает водоем… а потом зараженные микрокапельки насыщают влажный воздух подземелья.

Мирсат тем временем остановился и с тревогой смотрел на другую сторону запруженной машинами улицы. Проследив за его взглядом, Сински увидела здание из белого и красного кирпича — его единственная дверь была открыта, и в проеме виднелась лестница, ведущая вниз. Возле входа собралась группа хорошо одетых людей, которые терпеливо ждали под зонтиками, пока швейцар пропустит их вниз.

Какой-то модный танцевальный клуб под землей?

Прочитав на здании выведенное золотыми буквами название, Сински почувствовала, как у нее сдавило в груди. Ей стала понятна причина тревоги Мирсата, если, конечно, клуб не назывался «Водохранилище» и не был построен в 532 году.

— Затопленный дворец, — запинаясь, произнес Мирсат. — Похоже… в нем сегодня концерт.

— Концерт в водохранилище? — поразилась Сински.

— Это очень большое помещение, — пояснил их провожатый. — И часто используется для проведения культурных мероприятий.

Брюдер услышал достаточно. Он рванулся к зданию, пробираясь между застрявшими в пробке машинами на улице Алемдар. Сински и остальные устремились за ним.

Возле входа в водохранилище собралась группа посетителей, ждавших, когда их пропустят: три женщины в хиджабах, пара туристов, державшихся за руку, и мужчина в смокинге. Они жались к дверям, пытаясь укрыться от дождя.

Сински слышала доносившиеся снизу звуки классической музыки. *Берлиоз*, подумала она, оценив идиосинкразическую оркестровку, но, кому бы ни принадлежало исполняемое произведение, оно казалось явно неуместным на улицах Стамбула.

Подойдя ближе, Элизабет почувствовала, как из двери тянет теплым воздухом, который волнами накатывался снизу, из замкнутого пространства подземелья. Он нес с собой не только звуки скрипок, но и специфический запах влажности и большого скопления людей.

Дурные предчувствия Сински усилились.

На лестнице показалась, оживленно болтая,

группа туристов, и швейцар жестом пригласил войти новых посетителей.

Брюдер тут же выдвинулся вперед, но был вежливо остановлен швейцаром.

— Прошу вас подождать, сэр. Помещение переполнено. Надо дождаться, когда кто-нибудь выйдет. Это может занять всего минуту. Спасибо за понимание.

Брюдер уже готов был применить силу, но Сински положила руку ему на плечо и отвела его в сторону.

— Подождем! — распорядилась она. — Ваши люди на подходе, а в одиночку вы все равно не сможете обыскать все помещение. — Она показала на табличку, висевшую на стене. — Это помещение огромно.

Информационная табличка сообщала, что водохранилище было размером с собор — длиной почти в два футбольных поля, — а его потолок площадью более ста тысяч квадратных футов поддерживал целый лес из трехсот тридцати шести колонн.

— Посмотрите-ка сюда! — позвал Лэнгдон, стоявший в нескольких шагах от них. — Вы не поверите!

Сински подошла к нему, и Лэнгдон показал на

афишу, висевшую на стене.

Боже милостивый!

Глава ВОЗ не ошиблась, определив стиль исполняемой музыки, однако композитором оказался не Берлиоз, а другой представитель романтизма — Ференц Лист. Сегодня глубоко под землей Стамбульский государственный симфонический оркестр исполнял «Данте-симфонию» — одно из самых знаменитых произведений Ференца Листа. На его создание композитора вдохновило описанное Данте сошествие в ад и выход из него.

— Оно исполняется на протяжении недели, — сообщил Лэнгдон, изучив афишу. — Вход свободный. Концерт оплачен анонимным спонсором.

Синьски не сомневалась, кем был этот анонимный спонсор. Склонность Бертрана Зобриста к драматическим эффектам, похоже, основывалась на безжалостном практическом расчете. Неделя бесплатных концертов привлечет сюда тысячи новых туристов, которые и не собирались посещать водохранилище, они спустятся в подземелье, где надышатся зараженным воздухом, а потом отправятся домой и разнесут инфекцию по всему миру.

— Сэр? — обратился швейцар к Брюдеру. — Мы можем пропустить двух человек.

Брюдер повернулся к Сински.

— Свяжитесь с местными властями. Что бы мы ни нашли внизу, нам понадобится поддержка. Когда подъедут мои люди, пусть свяжутся со мной по рации для получения указаний. Я отправляюсь вниз и постараюсь понять, где Зобрист мог привязать эту штуку.

— Без респиратора? — спросила Сински. — Мы не знаем наверняка, цел ли по-прежнему пластиковый мешок.

Брюдер нахмурился и выставил ладонь навстречу потоку теплого воздуха, вырывавшегося снизу в дверной проем.

— Мне очень неприятно это говорить, но, если пластик растворился, то, полагаю, все в этом городе уже заражены.

Сински тоже так считала, но не хотела произносить это вслух в присутствии Лэнгдона и Мирсата.

— Кроме того, — добавил Брюдер, — я уже сталкивался с тем, как реагирует толпа, завидев моих людей в защитных костюмах. Сразу же начнется паника и давка.

Сински решила положиться на мнение Брюдера. Как-никак, это его сфера деятельности, и в подобных ситуациях ему приходилось бывать

не раз.

— Нам остается только надеяться, — продолжил Брюдер, — что пластик еще не успел раствориться и нам удастся его изолировать.

— Хорошо, — согласилась Сински. — Приступайте.

— Есть еще одна проблема, — вмешался Лэнгдон. — Как насчет Сиенны?

— А что насчет Сиенны? — не понял Брюдер.

— Какими бы ни были ее намерения в Стамбуле, но при ее способностях к языкам не исключено, что она владеет и турецким.

— И что?

— Сиенна знает, что в стихотворении говорится о «затопленном дворце», — начал объяснять Лэнгдон. — А на турецком «затопленный дворец» — это… — он показал на табличку с надписью «Йеребатан-сарай», — здесь.

— Да, — устало согласилась Сински. — Она запросто могла это сообразить и вообще не заходить в Айя-Софию.

Брюдер посмотрел на дверь и тихо выругался.

— Ладно, даже если она уже там и собирается разорвать пластиковый пакет, времени у нее было мало. Это огромное помещение, и она вряд ли знает, где конкретно искать. А когда вокруг

столько людей, ей не удастся прыгнуть в воду незамеченной.

— Сэр, — снова обратился к нему швейцар. — Вы собираетесь проходить?

Увидев, что к ним приближается еще одна группа любителей музыки, Брюдер кивнул.

— Я иду с вами, — заявил Лэнгдон.

Брюдер обернулся и посмотрел на него.

— Это невозможно.

Но Лэнгдон не собирался уступать.

— Агент Брюдер, мы оказались здесь в таком положении среди прочего и потому, что Сиенна Брукс весь день манипулировала мною. И, как вы сами сказали, мы уже можем быть заражены. Я буду вам помогать, хотите вы этого или нет.

Смерив его пристальным взглядом, Брюдер сдался.

Войдя в здание и начав спускаться вслед за Брюдером по лестнице, Лэнгдон почувствовал, как из недр подземелья поднимаются потоки теплого воздуха. Наполненный влагой ветерок доносил звуки «Данте-симфонии» Листа и узнаваемый, хоть и трудноопределимый запах большого скопления людей в замкнутом пространстве.

Ощущение было такое, будто Лэнгдона вдруг накрыло каким-то зловещим покровом, а из недр

земли вытянулась рука и сжала его в кулаке.

Музыка.

Симфонический хор из сотни участников теперь исполнял знаменитое место симфонии, четко выговаривая каждое слово мрачных Дантовых строф.

— Lasciate ogne speranza, — неслось снизу, — voi ch'entrate.

Эти несколько слов — самых знаменитых из «Ада» Данте — наполняли все вокруг зловонным дыханием смерти.

Под звучный аккомпанемент духовых инструментов хор снова повторил зловещее предупреждение:

— Lasciate ogne speranza voi ch'entrate!

Оставь надежду всяк сюда входящий!

Глава 91

В залитом красным светом подземном зале звучала музыка, навеянная описанием ада: горестные стенания, диссонанс струнных, низкий рокот литавр, который раскатывался под сводами подземелья, заставляя его вибрировать, как при землетрясении.

Повсюду, куда ни бросал взгляд Лэнгдон, полом служила блестящая водная гладь — темная, неподвижная и ровная, она походила на почерневший лед на каком-нибудь водоеме в Новой Англии.

Под водами кровавыми лагуны, которые вовек не отражают звезд.

Из воды на тридцать футов вверх поднимались бесконечные ряды мощных дорических колонн, которые поддерживали сводчатый потолок подземного зала. Снизу каждая колонна подсвечивалась красными светильниками, отчего этот сюрреалистический лес из сотен стволов, отражаясь в воде, казался уходящим в бесконечность, как будто перед глазами была иллюзия, созданная с помощью зеркал.

Спустившись вниз, Лэнгдон и Брюдер оста-

новились, пораженные открывшимся их взору призрачным подземельем. Казалось, оно само источает красноватый свет, и, окидывая взглядом огромное пространство, Лэнгдон невольно задышал мелко и часто.

Внизу воздух оказался тяжелее, чем он думал. Основная масса людей находилась чуть поодаль слева. Сам концерт проходил в глубине подземного зала возле дальней стены, и сотни зрителей сидели на специальных настилах, которые были установлены концентрическими кругами вокруг оркестра. Еще около ста человек стояли вокруг по периметру, немало любителей музыки расположились на соседних мостках и слушали, опираясь на крепкие перила и глядя на воду.

Лэнгдон внимательно всматривался в нечеткие силуэты в поисках Сиенны. Но ее нигде не было видно. Кругом были люди в смокингах, платьях, мусульманских накидках, хиджабах и даже шортах и толстовках. В багровом свете эта пестрая людская масса казалась участвующей в каком-то оккультном ритуале.

Даже если Сиенна здесь, понял профессор, *найти ее будет практически невозможно.*

В этот момент мимо него прошел грузный мужчина и, кашляя, направился к выходу. Брюдер

встрепенулся и проводил его внимательным взглядом. У Лэнгдона тоже слегка запершило в горле, но он сказал себе, что это от мнительности.

Размышляя, как действовать дальше, Брюдер нерешительно шагнул на мосток у лестницы. Чуть подальше от него расходились в стороны уже три мостка, которые, в свою очередь, тоже ветвились и, в конце концов, исчезали в темноте, превращая проложенные между колоннами проходы в настоящий лабиринт Минотавра.

Когда-то я в годину зрелых лет в дремучий лес зашел и заблудился, вспомнил Лэнгдон зловещие начальные строфы Первой песни шедевра Данте, *потерян был прямой и верный след.*

Перегнувшись через перила, Лэнгдон посмотрел в воду. Она была глубиной около четырех футов и кристально чистой. Покрытый мозаикой каменный пол был хорошо виден и кое-где покрыт тонким слоем ила.

Бросив быстрый взгляд на воду, Брюдер хмыкнул и снова посмотрел на зал.

— Что-нибудь напоминает картинку из видео Зобриста?

Да все, подумал Лэнгдон, разглядывая высокие влажные стены, и показал на дальний угол спра-

ва, в противоположной от оркестра и зрителей стороне.

— Мне кажется, это там.

— Мне тоже, — кивнул Брюдер.

Они поспешили по правому ответвлению мостка к безлюдному дальнему углу затопленного дворца.

Пока они шли, Лэнгдон размышлял, как легко было бы здесь незаметно спрятаться на ночь. Зобрист запросто мог это сделать, чтобы снять ролик. К тому же после щедрого спонсирования концертов на протяжении целой недели ему бы наверняка не отказали в просьбе провести в водохранилище какое-то время без посторонних, стоило только попросить.

Впрочем, сейчас это не имеет значения.

Брюдер ускорил шаг, невольно подстраиваясь под ускорявшийся темп музыки, теперь представлявшей собой каскады нисходящих задержаний.

Данте и Вергилий спускаются в ад.

Лэнгдон внимательно рассматривал крутые, покрытые мхом стены справа, сравнивая их с тем, что он видел на ролике. Сворачивая направо на каждом разветвлении, они все больше удалялись от толпы и приближались к дальнему углу. Обернувшись, Лэнгдон удивился, как далеко они

уже продвинулись.

Вскоре они почти перешли на бег. Кое-где встречались бесцельно бродившие по подземелью посетители, но в дальней части зала было совершенно безлюдно. Кроме Брюдера и Лэнгдона, тут никого не было.

— Здесь все одинаковое! — Брюдер не скрывал разочарования. — И что мы будем делать дальше?

Лэнгдон тоже пал духом. Он отлично помнил видео, но ничего похожего здесь пока не заметил и принялся читать слабо подсвеченные информационные таблички, расставленные вокруг. На одной было сказано, что вместимость водохранилища составляла почти восемьдесят тысяч кубометров воды. На другой рассказывалось об уникальной колонне, которую при строительстве забрали из соседнего сооружения. На третьей было изображение вырезанных на камне и сейчас уже трудно различимых символов «глаз плачущей курицы». Они выражали скорбь по рабам, погибшим при строительстве водохранилища.

На этой же табличке было написано слово, при виде которого Лэнгдон замер на месте.

Брюдер обернулся и тоже остановился.

— В чем дело?

Лэнгдон показал на табличку со стрелкой-указателем, на которой значилось имя одной из трех сестер-горгон — чудовища с женским лицом и змеями вместо волос.

MEDUSA =>

Брюдер прочитал надпись и непонимающе пожал плечами.

— И что?

Сердце у Лэнгдона бешено застучало. Он знал, что Медуза не просто чудовище, взгляд которого обращал все живое в камень, но и весьма видная представительница греческого пантеона подземных существ… особой их категории, известной как хтонические монстры.

Затем проследует в затопленный дворец,
Где в темноте хтонический таится зверь…

Она указывает направление, догадался Лэнгдон и бегом бросился по мостку. Брюдер едва поспевал за ним. Профессор мчался в темноте, следуя указателям со стрелками, направлявшими его к Медузе. Наконец он добрался до тупика с маленькой смотровой площадкой у самого основания

правой стены водохранилища.

Картина, открывшаяся перед ним, поражала воображение. Из воды выступала огромная, выточенная из мрамора голова Медузы с извивавшимися на месте волос змеями. Впечатление от жуткого зрелища усиливалось тем, что голова была перевернута и располагалась шеей вверх.

Перевернута с ног на голову, как проклятые грешники, подумал Лэнгдон, вспомнив «Карту ада» Боттичелли и размещенных вниз головой в Злопазухах грешников.

Подскочил запыхавшийся Брюдер и озадаченно уставился на изваяние перевернутой головы горгоны Медузы.

Лэнгдон подозревал, что это изваяние, послужившее опорой одной из колонн, было скорее всего грабительски вывезено, чтобы использоваться в качестве дешевого строительного материала. А перевернутое положение головы, без сомнения, объяснялось суеверным представлением, что это лишит ее демонической силы. И все же он не мог остановить шквал нахлынувших на него ассоциаций.

«Ад» Данте. Финал. Центр Земли. Там сила тяжести меняет направление. Там верх становится низом.

От предчувствия по коже у Лэнгдона побежали мурашки, и он, прищурившись, вгляделся в красноватую дымку, окружавшую изваяние. Большая часть волос-змей Медузы была погружена в воду, но ее глаза находились выше поверхности подземного водоема и смотрели влево.

Лэнгдон со страхом перегнулся через перила и проследил за взглядом статуи, который был направлен на показавшийся ему знакомым угол затопленного дворца.

Через мгновение он его узнал.

То самое место.

«Нулевая отметка» Зобриста.

Глава 92

Осторожно проскользнув под перилами, агент Брюдер тихо опустился в воду, которая оказалась ему по грудь. От холодной воды мышцы непроизвольно напряглись. Пол водохранилища оказался скользким, но позволял передвигаться достаточно уверенно. Немного постояв, чтобы освоиться, Брюдер подождал, пока круги на поверхности водоема успокоятся.

На какое-то время он даже задержал дыхание. *Двигайся медленно*, говорил он себе. *Не создавай волнения.*

На мостке наверху Лэнгдон, держась за перила, настороженно смотрел по сторонам.

— Все тихо, — прошептал он. — Поблизости никого.

Брюдер повернулся и посмотрел на огромную перевернутую голову Медузы, ярко освещенную красным прожектором. Вблизи она казалась еще больше.

— Двигайтесь в ту сторону, куда смотрит Медуза, — прошептал Лэнгдон. — У Зобриста была слабость к символизму и театральности… Не

удивлюсь, если он поместил свое творение на одной линии с ее смертоносным взглядом.

Великие умы мыслят одинаково. Брюдер был рад, что американский профессор настоял на своем и спустился с ним в подземелье. Благодаря его опыту и чутью они практически сразу добрались до этого удаленного уголка водохранилища.

Под звуки доносившейся издалека «Данте-симфонии» Брюдер вытащил маленький водонепроницаемый фонарик, погрузил его в воду и включил. Прорезав толщу воды, яркий галогеновый луч осветил дно водоема перед агентом.

Не спеши, Брюдер, снова напомнил он себе. *Не дай тебе бог что-нибудь задеть.*

Не говоря ни слова, он осторожно двинулся вперед и медленно, как миноискателем, водил фонариком по сторонам, стараясь не поднимать волнения.

Продолжая держаться за перила, Лэнгдон с тревогой чувствовал, что дышать становится все труднее. Во влажном и спертом воздухе водохранилища кислорода явно не хватало. Наблюдая, как Брюдер медленно продвигается вперед, профессор говорил себе, что все обязательно будет хорошо.

Мы успели вовремя.

Пластик не успел раствориться полностью.

Команда Брюдера его изолирует.

И все же ему никак не удавалось успокоиться. Всю жизнь он страдал от клаустрофобии и знал, что само нахождение в подземелье заставит его нервничать. *Над нами нависли тысячи тонн земли… которые держались на древних и уже вряд ли надежных колоннах.*

Заставив себя не думать об этом, Лэнгдон снова огляделся, проверяя, не привлекли ли они ненужного внимания.

Все тихо.

Те немногие, кого он видел, стояли на других мостках и смотрели в другую сторону — туда, где играл оркестр. Брюдера, медленно бредущего по воде в дальнем углу, никто не заметил. Лэнгдон переключил внимание на руководителя группы СНР — луч его фонарика, направленный на дно, по-прежнему виднелся в толще воды.

Лэнгдон перевел взгляд наверх и вдруг боковым зрением заметил какое-то движение слева — перед Брюдером выросла зловещая черная фигура, поднимавшаяся из воды. Лэнгдон повернулся и стал всматриваться в угрожающую темноту, невольно ожидая увидеть вылезающего из воды левиафана.

Видимо, заметив фигуру, Брюдер тоже замер на месте.

На стене появилась черная тень высотой в тридцать футов. Почти ничем не отличавшаяся от той, что отбрасывал врачеватель чумы на ролике Зобриста.

Да это же просто тень, сообразил Лэнгдон, облегченно выдыхая. *Тень Брюдера.*

Попав в луч погруженного в воду фонарика, Брюдер отбросил на стену тень, совсем как Зобрист на видео.

— Это то самое место, — сообщил ему Лэнгдон. — Вы уже совсем рядом.

Брюдер кивнул и продолжил медленное движение вперед. Лэнгдон шел по мостку, держась рядом с ним. Они отходили все дальше и дальше, и Лэнгдон бросил быстрый взгляд в сторону оркестра, чтобы убедиться, что их никто не видит.

Ничего подозрительного.

Поворачиваясь, профессор вдруг заметил, как на мостке блеснул отраженный свет. Опустив взгляд, он увидел маленькую лужицу красного цвета.

Кровь.

Лэнгдон стоял прямо в ней.

У меня идет кровь?

Он не чувствовал никакой боли, но стал лихорадочно проверять, не поранился ли где-нибудь. А может, это уже реакция на невидимые токсины в воздухе?

Лэнгдон проверил нос, ногти, уши и, убедившись, что с ним все в порядке, стал озадаченно озираться, стараясь понять, как могла кровь оказаться на мостке, если кроме него здесь никого не было.

Приглядевшись к лужице внимательнее, он заметил крохотную струйку, которая текла вдоль настила и собиралась в выемке у него под ногами. Судя по всему, ее источник находился где-то впереди, и она стекала вниз по наклонному мостку.

Наверное, там кто-то ранен, решил Лэнгдон и бросил быстрый взгляд на Брюдера, который уже приближался к центру водоема.

Профессор быстро зашагал вдоль ручейка, который становился все шире. *Что за чертовщина?* Он бросился вперед уже бегом и вскоре оказался на самом краю мостка, упиравшегося в стену.

Тупик.

В полумраке вода вокруг переливалась алым, словно здесь только что разыгралась кровавая бойня. И тут, заметив, как вода капает вниз с мостка, Лэнгдон понял, что ошибался.

Это не кровь.

Красная подсветка в зале и красный настил на мостках окрашивали прозрачные капли в алый цвет, отчего они казались кровью.

Это простая вода.

Однако, осознав это, Лэнгдон испытал не облегчение, а страх. Приглядевшись к лужицам, он понял, что это следы мокрых ступней.

Кто-то только что вылез из воды.

Лэнгдон обернулся, чтобы предупредить Брюдера, но тот был слишком далеко, а музыка достигла фортиссимо с ревом труб и грохотом литавр. Звук был оглушительным. Лэнгдон вдруг ощутил рядом чье-то присутствие.

Я здесь не один.

Он медленно повернулся к стене, в которую упирался настил. В десяти футах он разглядел в тени нечто округлое, похожее на большой камень с накинутой сверху черной тканью. С нее капала вода. Фигура не шевелилась. А затем вдруг пришла в движение.

Она стала выпрямляться и подняла голову, которая до этого была уткнута в колени. Лица не было видно.

Оно закрыто черной паранджой, сообразил Лэнгдон.

Традиционная верхняя одежда мусульманок полностью скрывала женщину, но, когда она повернулась к Лэнгдону, он встретился с пристальным взглядом ее глаз, смотревших на него из узкой прорези.

Он сразу узнал их.

Сиенна Брукс рванулась из своего укрытия, в прыжке налетела на Лэнгдона и, сбив его с ног, понеслась прочь.

Глава 93

Агент Брюдер замер на месте. Впереди под галогеновым лучом фонарика блеснул металл. Затаив дыхание, он очень медленно сделал еще один шаг, изо всех сил стараясь не вызвать в воде волнение. Теперь он мог разглядеть гладкую титановую пластину, прикрученную ко дну.

Табличка Зобриста.

Вода была такой чистой, что он смог разобрать даже завтрашнюю дату и надпись:

СЕГОДНЯ В ЭТОМ МЕСТЕ
МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА

Главное, не торопиться, напомнил себе Брюдер, чувствуя прилив уверенности. *У нас есть еще несколько часов, чтобы положить этому конец.*

Вспомнив содержание ролика, Брюдер осторожно направил луч фонарика влево от таблички — там на видео был подвешен пластиковый мешок. Следя за лучом, Брюдер недоуменно сощурился.

Никакого мешка не было.

Он посветил чуть левее, точно в то место, где должен был находиться мешок.

По-прежнему ничего.

Но… он же здесь был!

Сжав челюсти, Брюдер сделал еще один осторожный шаг, светя по сторонам.

Мешка не было, только табличка. На какое-то мгновение Брюдер с облегчением решил, что эта угроза, как и немало случившегося за день, оказалась мистификацией.

Может, это просто розыгрыш?

Неужели Зобрист хотел только напугать нас?

И тут слева от таблички он увидел едва заметную на покрытом илом дне бечевку, похожую на дохлого водяного червя. На конце бечевки была привязана маленькая пластмассовая застежка с торчавшими из нее обрывками пластикового пакета.

Брюдер долго смотрел на то, что от него осталось, — совсем как клочки лопнувшего воздушного шара — и отказывался верить своим глазам.

Мы опоздали.

Он представил, как растворяется и рвется мешок под водой… как его смертоносное содержимое расползается по воде… как поднимается на поверхность водоема. Дрожащим пальцем он выключил фонарик и долго стоял в темноте, стараясь собраться с мыслями. Эти мысли обра-

тились в мольбу.

Господи, сохрани и защити нас.

— Агент Брюдер, повторите! — прокричала Сински в рацию и спустилась по лестнице ниже, надеясь, что связь там будет лучше. — Я не поняла!

Снизу налетел порыв теплого воздуха, устремившийся наверх в открытую дверь. Снаружи прибывшая на место команда СНР, чтобы не вызвать панику, облачалась за углом в защитное снаряжение и ждала сообщений от Брюдера.

— …остатки мешка… — доносились по рации обрывки доклада Брюдера, — …на свободе.

Что?! Сински молилась, что на самом деле все совсем не так, как она поняла.

— Повторите! — скомандовала она уже на самых нижних ступеньках, где музыка звучала совсем громко.

Здесь связь была намного лучше.

— …и я повторяю… инфекция на свободе!

Сински пошатнулась и едва удержалась на ногах при входе в подземелье. *Неужели это возможно?!*

— Мешок растворился. — Голос Брюдера звучал громко и ясно. — Инфекция в воде!

Сински прошиб холодный пот, и она обвела

взглядом открывшееся перед ней подземелье. В красноватом свете мерцала обширная поверхность воды, из которой поднимались сотни колонн. Но, главное, здесь находились люди. Сотни людей.

Сински смотрела на ничего не подозревавшую толпу, оказавшуюся в устроенной Зобристом смертельной ловушке. Ее реакция была инстинктивной.

— Агент Брюдер, немедленно возвращайтесь! Мы начинаем эвакуацию.

Брюдер отреагировал моментально.

— Ни в коем случае! Заблокируйте выход! Отсюда никто не должен выйти!

Будучи руководителем Всемирной организации здравоохранения, Сински привыкла к тому, что ее приказы выполнялись беспрекословно. В первое мгновение она даже решила, что ослышалась. *Заблокировать выход?!*

— Доктор Сински! — Голос агента перекрывал музыку. — Вы меня слышите? Заблокируйте чертовы двери! — Брюдер еще раз повторил команду, но в этом уже не было необходимости.

Сински понимала, что он прав. Перед лицом грозящей пандемии изоляция была единственным разумным вариантом действий. Она ин-

стинктивно сжала в руке амулет из лазурита.

Принести в жертву немногих ради спасения многих. Взяв себя в руки, Элизабет поднесла рацию к губам.

— Подтверждаю, агент Брюдер. Даю приказ перекрыть выход. — Она уже собралась повернуться и отдать команду, как вдруг заметила в толпе какое-то движение.

Женщина в парандже стремительно мчалась по мосткам, расталкивая всех, кто попадался ей на пути. Казалось, она бежала прямо на Сински и ее целью был выход из подземелья.

За ней гонятся, вдруг поняла Элизабет, заметив бегущего за женщиной человека. И обмерла, узнав его. *Да это же Лэнгдон!*

Она снова перевела взгляд на женщину в паранджа, которая быстро приближалась и что-то кричала на ходу по-турецки всем встречным. Сински не знала турецкого, но реакция людей была такой же, как при крике «Пожар!» в забитом до отказа театре.

По толпе прокатилась волна паники, и к выходу теперь бежали не только женщина в паранджа и Лэнгдон. Бежали все.

Повернувшись спиной к несущейся на нее толпе, Сински отчаянно закричала своим людям,

оставшимся наверху:

— Заприте двери! Перекройте выход! НЕМЕДЛЕННО!

Когда Лэнгдон свернул за угол и ворвался на лестницу, Сински была уже на ее середине и кричала, срывая голос, требуя заблокировать выход. Сиенна Брукс следовала за ней по пятам — мокрая паранджа не позволяла ей двигаться быстрее.

Лэнгдон слышал, как сзади его настигала объятая паникой толпа.

— Закрыть выход! — снова крикнула Сински.

Перескакивая через три ступеньки, Лэнгдон быстро догонял Сиенну. Было слышно, как наверху стали закрываться тяжелые двойные двери.

Слишком медленно.

Сиенна поравнялась с Сински, ухватилась за ее плечо и, отбросив назад, в отчаянном прыжке рванулась вперед. Сински споткнулась и упала на колени, а ее столь дорогой сердцу амулет ударился о бетонные ступеньки лестницы и раскололся надвое.

Поборов инстинктивное желание помочь подняться упавшей женщине, Лэнгдон промчался мимо нее наверх. Теперь до Сиенны оставалось всего несколько футов, еще чуть-чуть, и он до нее дотянется. Но она была уже на верхней площад-

ке, а двери закрывались слишком медленно. Не сбавляя скорости, Сиенна изогнула свое стройное тело и начала боком протискиваться в проем между створками дверей.

Ей почти удалось проскользнуть, но тут паранджа зацепилась за крючок и остановила ее в нескольких дюймах от свободы. Она попыталась освободиться, и в это время Лэнгдон успел ухватиться за край ее одежды. Крепко в него вцепившись, он потянул Сиенну на себя, пытаясь втащить назад, но она исступленно вырывалась, и через мгновение в руках Лэнгдона осталась только мокрая ткань.

Двери наконец закрылись, едва не прищемив Лэнгдону пальцы, а застрявшая в щели ткань не позволяла закрыть створки полностью.

В эту узкую щель Лэнгдон видел, как Сиенна Брукс выскочила на оживленную улицу и ее бритая голова заблестела при свете уличных фонарей. На ней были те же джинсы и свитер, в которых она ходила весь день, и Лэнгдона вдруг охватило горькое ощущение предательства. Но оно длилось всего несколько секунд. Неудержимая сила подхватила Лэнгдона сзади и буквально вжала в дверь.

Это подоспела объятая паникой толпа.

На лестнице раздавались крики смятения и ужаса, а звуки симфонии сменились какофонией. Лэнгдон чувствовал, что его все сильнее вдавливают в дверь, и боялся, что его грудная клетка вот-вот сплющится.

И тут двери, не выдержав, распахнулись, и Лэнгдона вышвырнуло на улицу, будто пробку из бутылки шампанского. Его отбросило на несколько шагов вперед, и он с трудом удержался на ногах. За ним из подземелья выливался поток людей, похожих на муравьев, спасающихся из отравленного муравейника.

Заслышав шум, из-за угла появились агенты СНР в полном защитном облачении и респираторах, что моментально усилило панику.

Лэнгдон отвернулся и посмотрел на другую сторону улицы в надежде увидеть Сиенну. Но заметил лишь огни машин и царившую кругом неразбериху.

И вдруг слева на улице мелькнула бритая голова и тут же исчезла за углом. Лэнгдон бросил отчаянный взгляд назад, но ни Сински, ни полицейских, ни агентов СНР без громоздких защитных костюмов не увидел. Помощи ждать было не от кого.

Лэнгдон понял, что может рассчитывать только

на себя. И он, не раздумывая, бросился в погоню.

А внизу, в самом дальнем углу водохранилища, агент Брюдер стоял в одиночестве по пояс в воде. В темноте до него доносились крики обезумевших от ужаса туристов и музыкантов, прокладывавших себе путь к выходу и исчезавших на лестнице.

Блокировать выход не удалось, с ужасом осознал Брюдер. *Локализация провалилась*.

Глава 94

Роберт Лэнгдон не был легкоатлетом, но благодаря плаванию ноги у него были сильными, а шаг широким. За считаные секунды он домчался до угла, свернул за него и, оказавшись на широкой улице, торопливо огляделся.

Она должна быть где-то здесь!

Дождь перестал, и под яркими фонарями улица хорошо просматривалась. Спрятаться на ней было негде. И все же Сиенна исчезла.

Лэнгдон остановился, чтобы перевести дыхание, и, уперев руки в бедра, внимательно разглядывал залитую дождем улицу. Единственным движущимся объектом на ней был набиравший скорость городской автобус Стамбула, отъехавший от остановки и находившийся ярдах в пятидесяти от профессора.

Сиенна запрыгнула в него?

Это было бы слишком рискованно. Неужели она решится загнать себя в такую ловушку, зная, что ее будут искать? С другой стороны, если она считала, что никто не видел, как она повернула за угол, а тут как раз так удачно подвернулся

автобус…

Не исключено.

В верхней части кабины автобуса горела строка, указывающая конечный пункт маршрута: ГАЛАТА.

Лэнгдон подбежал к пожилому мужчине, стоявшему под навесом у входа в ресторан. Незнакомец был одет в украшенную вышивкой длинную рубаху, на голове — белый тюрбан.

— Извините, — с трудом переводя дыхание, обратился к нему Лэнгдон. — Вы говорите по-английски?

— Конечно, — ответил тот, удивленно глядя на запыхавшегося профессора.

— Галата — это какое-то место?

— Галата? — переспросил турок. — Галатский мост? Или башня? Может, порт?

— Галата! — Лэнгдон показал на удалявшийся автобус. — Куда идет вон тот автобус!

Бросив взгляд на автобус, турок немного подумал и ответил:

— Галатский мост. Он проложен от Старого города через бухту Золотой Рог.

Застонав от досады, Лэнгдон снова лихорадочно осмотрел улицу, но Сиенны на ней не было. Мимо них в сторону водохранилища пронеслись

с сиренами машины аварийно-спасательных служб.

— Что случилось? — встревоженно спросил турок. — Там все в порядке?

Бросив еще один взгляд в сторону удалявшегося автобуса, Лэнгдон понял, что другого выхода у него не было.

— Нет, сэр, — ответил он. — Там возникла чрезвычайная ситуация, и мне нужна ваша помощь. — Он показал на изящный серебристый «бентли», который только что подогнал с парковки служащий ресторана. — Это ваша машина?

— Да, но…

— Вы должны меня подвезти. Я понимаю, что вы видите меня впервые, но происходит нечто ужасное. Это вопрос жизни и смерти.

Мужчина в тюрбане внимательно посмотрел Лэнгдону в глаза, будто хотел заглянуть ему в душу, и согласно кивнул.

— Тогда поехали.

«Бентли» резко рванул с места, заставив Лэнгдона невольно ухватиться за сиденье. Турок оказался опытным водителем, и ему, похоже, доставляло удовольствие лавировать между машинами, играя в догонялки с автобусом.

Через три квартала они пристроились автобусу

в хвост. Лэнгдон подался вперед, стараясь через заднее стекло автобуса разглядеть пассажиров. В салоне царил полумрак, и Лэнгдон мог различить только смутные силуэты находившихся в нем людей.

— Пожалуйста, поезжайте за автобусом, — попросил Лэнгдон. — У вас есть телефон?

Турок вынул из кармана мобильник и протянул его профессору. Тот рассыпался в благодарностях, но потом сообразил, что не знает, кому звонить. Контактных номеров Сински или Брюдера у него не было, а звонок в штаб-квартиру ВОЗ в Швейцарии мог занять целую вечность.

— Как мне позвонить в полицию? — наконец спросил он.

— Один-пять-пять, — ответил турок. — По всему Стамбулу.

Набрав три цифры, Лэнгдон стал ждать. Довольно долго никто не отвечал, но потом включился автоответчик и сообщил сначала на турецком, а потом на английском, что из-за большого количества звонков нужно подождать. Лэнгдон подумал, что причиной загруженности линии, наверное, стало происшествие в водохранилище.

Судя по всему, в затопленном дворце сейчас творился сущий ад. Представив, как Брюдер вы-

лезает из воды, Лэнгдон задался вопросом, что тому удалось найти. У него было дурное предчувствие.

Сиенна оказалась в воде раньше.

У автобуса зажглись стоп-сигналы, и он остановился на остановке. Водитель «бентли» тоже остановился у обочины ярдах в пятидесяти позади автобуса, предоставляя Лэнгдону отличную возможность видеть всех входящих и выходящих пассажиров. С автобуса сошли только трое мужчин, но Лэнгдон внимательно их рассмотрел, зная, как ловко Сиенна умеет преображаться. Потом снова перевел взгляд на заднее стекло автобуса. Оно оказалось тонированным, но внутри теперь горел яркий свет, и пассажиров можно было разглядеть. Ища глазами Сиенну, он почти вплотную прижался к ветровому стеклу «бентли».

Только бы не ошибиться!

И тут он ее увидел.

Она сидела, отвернувшись, почти в самом конце салона — бритая голова, узкие плечи.

Это точно она.

Когда автобус тронулся, свет в салоне снова погас. Но за секунду до этого Сиенна обернулась и бросила взгляд сквозь заднее стекло.

Лэнгдон съежился на переднем сиденье и чуть сполз вниз. *Она меня заметила?* Водитель «бентли», вырулив на дорогу, пристроился за автобусом.

Шоссе теперь спускалось к берегу, и впереди показались огни низко нависшего над водой моста. Машины на нем стояли, замерев в пробке. Все движение казалось парализованным.

— Египетский базар, — пояснил водитель. — В дождливые вечера тут всегда полно народу.

Он показал на неимоверно длинное здание на берегу, стоявшее в тени одной из самых красивых мечетей Стамбула — Новой мечети, если Лэнгдон правильно помнил название этого впечатляющего сооружения со знаменитыми высоченными минаретами-близнецами. Египетский базар превосходил размерами большинство американских торговых центров, и Лэнгдон видел, что его огромный арочный вход был запружен потоками входящих и выходящих людей.

— Alo! Acil Durum! — *Алло! Служба экстренной помощи!*

Лэнгдон посмотрел на телефон в руке. *Полиция.*

— Да, алло! — торопливо заговорил он, поднося трубку к уху. — Меня зовут Роберт Лэнгдон. Я

работаю с Всемирной организацией здравоохранения. У вас на водохранилище чрезвычайное происшествие, и я преследую женщину, которая его устроила. Она на автобусе возле Египетского базара, который следует…

— Одну секунду, — прервал его оператор. — Я соединю вас с диспетчерской.

— Нет, подождите! — запротестовал Лэнгдон, но его опять перевели в режим ожидания.

Водитель «бентли» испуганно повернулся к нему.

— На водохранилище чрезвычайное происшествие?!

Лэнгдон уже собирался рассказать, но в это время лицо водителя вдруг стало красным, как у демона.

Стоп-сигналы автобуса!

Дернув головой, турок огляделся по сторонам и, подрулив к автобусу, остановился прямо за ним. В салоне снова зажегся свет, и теперь Лэнгдон отлично видел Сиенну. Она стояла у задней двери и нетерпеливо дергала за шнур экстренной остановки и барабанила в дверь, требуя ее открыть.

Она меня заметила, догадался Лэнгдон. Вне всякого сомнения, Сиенна понимала, что в такой пробке на мосту ее запросто могут поймать.

Лэнгдон тут же открыл дверь машины, но Сиенна уже спрыгнула с подножки и бегом устремилась в темноту. Лэнгдон сунул телефон владельцу.

— Расскажите полиции все, что видели! Пусть оцепят район!

Турок в тюрбане испуганно кивнул.

— И спасибо! — крикнул Лэнгдон. — *Teşekkürler!*

С этими словами он бросился вниз по холму в погоню за Сиенной, которая мчалась к столпотворению возле Египетского базара.

Глава 95

Стамбульский Египетский базар существует уже триста лет и является одним из крупнейших крытых рынков мира. Этот обширный комплекс, построенный в форме буквы «Г», состоит из восьмидесяти восьми сводчатых залов, разделенных на сотни киосков, где местные торговцы оживленно предлагают покупателям умопомрачительное разнообразие специй, фруктов, трав и, конечно же, всенепременного рахат-лукума.

Вход на базар представляет собой массивный каменный портал с готической аркой, расположенный на углу Цветочного пассажа и улицы Тахмис. Ежедневно его порог переступают свыше трехсот тысяч покупателей, и Лэнгдону показалось, что в этот вечер все триста тысяч решили прийти туда одновременно. Он бежал, стараясь не потерять Сиенну из виду. Она была всего в двадцати ярдах впереди него и целенаправленно бежала прямо к толпе у входа, явно не собираясь останавливаться.

Добравшись до каменной арки, она нырнула в толпу и стала пробираться сквозь нее, стараясь

как можно быстрее оказаться внутри здания. У порога она на мгновение обернулась и посмотрела назад. В ее глазах стоял страх, совсем как у охваченной паникой маленькой девочки, отчаянно искавшей спасения.

— Сиенна! — крикнул Лэнгдон.

Но она нырнула в людское море и исчезла.

Профессор бросился за ней, расталкивая прохожих и вытягивая шею, пока наконец ему не удалось ее увидеть — она поворачивала налево в западное крыло здания.

От обилия разложенных на прилавках экзотических специй кружилась голова: карри из Индии, шафран из Ирана, цветочный чай из Китая — их яркие цвета создавали удивительный калейдоскоп из желтых, коричневых и золотых тонов. С каждым шагом Лэнгдон ощущал новый аромат — то пикантных грибов, то горьких корений, то мускусных масел, и все это на фоне оглушительного гомона голосов на языках всех уголков мира. В условиях постоянной толкотни и давки это было серьезной проверкой на прочность всех органов чувств.

Тысячи людей.

Ощутив мучительный приступ клаустрофобии, Лэнгдон почти остановился, но все-таки заставил

себя идти дальше в глубь рынка. Он видел, как Сиенна целеустремленно двигалась вперед, ни на что не обращая внимания. Она явно решила идти до конца… чего бы ей это ни стоило.

На мгновение Лэнгдон задумался: а зачем он вообще гонится за ней? *Ради правосудия?* Но, учитывая, что она сделала, трудно было себе представить, какое наказание ее ждет, если ее поймают.

Чтобы предотвратить пандемию? Но что сделано, то сделано.

Продолжая пробираться сквозь толпу, Лэнгдон вдруг понял, почему так отчаянно хотел догнать Сиенну Брукс.

Я хочу получить ответы.

Всего в десяти ярдах впереди Сиенна пробиралась к выходу в конце западного крыла рынка. Обернувшись, она увидела Лэнгдона и заметно испугалась, поняв, что он совсем близко. Потом обернулась еще раз и, споткнувшись, потеряла равновесие и стала падать.

Она налетела головой на плечо оказавшегося перед ней человека, и тот от неожиданности пошатнулся. Падая, Сиенна взмахнула правой рукой, инстинктивно пытаясь за что-нибудь зацепиться и удержаться на ногах. Под руку ей

попался только лоток с жареными каштанами, и она ухватилась за него, опрокидывая на себя и рассыпая плоды по всему полу.

В три прыжка Лэнгдон преодолел расстояние до места ее падения. Но там валялись только опрокинутый лоток и каштаны. Сиенна исчезла. Торговец громко кричал.

Куда она делась?

Лэнгдон лихорадочно обернулся, но Сиенны и след простыл. Остановив взгляд на западном выходе, находившемся всего в пятнадцати ярдах от места, где он стоял, Лэнгдон понял, что ее картинное падение не было случайным. Он бросился к выходу и выскочил на огромную площадь, запруженную людьми. На ней ее тоже не оказалось.

Прямо впереди на другой стороне многополосной трассы виднелся Галатский мост, перекинувшийся через широкие воды Золотого Рога. Справа высились ярко освещенные минареты-близнецы Новой мечети. А слева — только открытая площадь… заполненная толпами людей.

Рев автомобильных гудков заставил Лэнгдона снова посмотреть на шоссе, отделявшее площадь от вод залива. И тут он увидел Сиенну — она была уже в сотне ярдов от него и, перебегая шоссе, на котором автомобили набирали скорость, чудом

избежала смерти между двумя грузовиками. Она направлялась к морю.

Транспортный узел на берегу Золотого Рога задыхался от скопления автобусов, такси, паромов и прогулочных катеров.

Лэнгдон со всех ног помчался через площадь к шоссе. Добравшись до ограждения, он бросил взгляд на приближавшиеся фары и, решив, что успеет, действительно благополучно пересек первые две из многочисленных полос магистрали. За пятнадцать секунд, ослепленный фарами и оглушенный сердитым ревом гудков, он все-таки сумел рывками пересечь шоссе, уклоняясь от машин и пережидая на разделительных полосах, и наконец оказался на заросшем травой берегу залива.

Хотя он по-прежнему не терял Сиенну из виду, та была уже далеко и, не задерживаясь у стоянок такси и автобусов, направлялась прямиком к причалам, где царило оживленное движение: здесь швартовались и отплывали экскурсионные баржи, водные такси, рыболовные боты и скоростные моторные лодки. На другой стороне Золотого Рога мерцали огни городских кварталов, и Лэнгдон не сомневался, что если Сиенне удастся туда попасть, то найти ее уже не удастся,

возможно, никогда.

Добравшись до пристани, он помчался по настилу вдоль береговой линии, вызывая удивленные взгляды туристов, которые ожидали посадки на целую флотилию прогулочных теплоходов, крикливо украшенных разнообразными куполами, искусственной позолотой и обилием переливающихся неоновых огней.

Лас-Вегас на Босфоре, подумал Лэнгдон, пробегая мимо.

Сиенна была далеко впереди и уже не бежала. Она остановилась у причала для частных катеров и разговаривала с одним из владельцев.

Не пускайте ее на борт!

Когда расстояние между ними сократилось, Лэнгдон разглядел, что Сиенна говорила с молодым парнем, стоявшим у штурвала и собиравшимся отчаливать. Парень вежливо улыбался, но отрицательно качал головой. Сиенна продолжала жестикулировать, но тот, видимо, отказал ей окончательно и повернулся к приборной панели.

Сиенна бросила взгляд на приближавшегося Лэнгдона — на ее лице было написано отчаяние. Два подвесных мотора катера вспенили воду, и судно начало медленно отходить от причала. И

вдруг Сиенна взмыла в воздух и, пролетев над водой, приземлилась на корму из стеклопластика. Почувствовав толчок, водитель обернулся, и на его лице выразилось изумление. Катер уже находился в двадцати ярдах от берега, и парень, сердито крича, перешел на холостой ход и с решительным видом двинулся к непрошеной гостье.

Дождавшись, когда он окажется рядом, Сиенна легко скользнула в сторону и, схватив его за запястье, резким движением перекинула через борт. Владелец катера плюхнулся в воду и через мгновение вынырнул, осыпая ее проклятьями на турецком.

Сиенна невозмутимо бросила ему спасательный круг и вернулась к штурвалу. Двигатели взревели, и катер помчался вперед.

Лэнгдон стоял на причале, с трудом переводя дыхание и наблюдая, как изящное белое судно разрезает воду и постепенно превращается в смутную тень. Он окинул взглядом горизонт, понимая, что Сиенна теперь может не только добраться до противоположного берега, но и затеряться в лабиринте бесчисленных водных путей, соединявших Черное море со Средиземным.

Ищи теперь ветра в поле.

Владелец катера вылез из воды на причал и

побежал звонить в полицию.

Глядя на удалявшиеся огни угнанного катера, Лэнгдон вдруг ощутил ужасное одиночество. Рев двигателей становился все тише и вдруг совсем смолк. Лэнгдон удивленно вгляделся в темноту. *Она что — выключила двигатели?*

Фонари тоже перестали удаляться и лишь мягко покачивались на волнах Золотого Рога. По какой-то причине Сиенна Брукс остановилась.

Кончился бензин?

Приложив ладони к ушам, Лэнгдон прислушался и уловил едва различимый рокот двигателей, работавших на холостом ходу.

Если топливо не кончилось, то в чем же дело?

Он ждал. Десять секунд. Пятнадцать секунд. Тридцать секунд.

И вдруг двигатели снова заработали — сначала нехотя, а затем все решительнее. Лэнгдон с изумлением наблюдал, как огни катера, описав широкую дугу, приближались к берегу.

Она возвращается!

Когда катер подошел к причалу, Лэнгдон увидел, что Сиенна стоит у штурвала с отрешенным видом. Сбавив обороты, она пришвартовалась в тридцати ярдах от Лэнгдона на том же месте, где катер стоял раньше, после чего заглушила

двигатели.

Стало совсем тихо.

Стоя наверху, Лэнгдон смотрел на нее и не верил своим глазам. Сама Сиенна так и не подняла головы.

Вдруг она закрыла лицо руками, съежилась, и ее стала бить дрожь. Когда она наконец взглянула на Лэнгдона, глаза у нее были полны слез.

— Роберт, — всхлипнула она. — Я больше не могу убегать. И мне некуда идти.

Глава 96

Инфекция вырвалась на волю.

Элизабет Сински стояла у подножия лестницы, ведущей в водохранилище, и окидывала взглядом очищенный от людей зал. Дыхание затруднял респиратор: у входа в опустевшее помещение она надела защитный костюм сама и приказала сделать то же всем членам команды СНР. Она понимала, что могла уже заразиться, но так ей было спокойнее. Группа, облаченная в пухлые белые комбинезоны с герметическими шлемами, походила на отряд астронавтов, проникших на космический корабль пришельцев.

Сински знала, что наверху толпились в смятении сотни перепуганных любителей симфонической музыки и сами музыканты — многие из них пострадали в давке, и им оказывалась помощь. Остальные предпочли поскорее унести ноги. Элизабет понимала, что ей здорово повезло и она легко отделалась: причиненный ей урон ограничивался ушибленным коленом и сломанным амулетом.

Даже вирус не распространяется быстрее стра-

ха, подумала она.

Двери в водохранилище сейчас были герметически запечатаны и охранялись полицией. Вопреки опасениям Сински, что местные полицейские власти постараются оттеснить ее в сторону, при виде защитного снаряжения команды СНР и услышав о возможном заражении чумой, никто из них об этом даже не заикнулся.

Мы можем рассчитывать только на себя, подумала глава ВОЗ, глядя на лес отражающихся в воде колонн. *Никто не жаждет здесь оказаться*.

Позади нее два агента СНР закрывали выход на лестницу огромным полиуретановым полотном и закрепляли его на стене тепловой пушкой. Еще двое разложили на дощатом настиле множество электронных приборов и принялись их настраивать, будто готовились обследовать место преступления.

А ведь это и есть место преступления, подумала Элизабет.

Она снова представила себе женщину в мокрой парандже, выбежавшую из водохранилища. Судя по всему, Сиенна Брукс рисковала собственной жизнью, чтобы помешать ВОЗ расстроить изощренный замысел Зобриста. Она проникла сюда и вскрыла пластиковый мешок…

Лэнгдон пустился за ней в погоню, и у Сински пока не было никакой информации о том, как развивались события дальше.

Надеюсь, что с профессором Лэнгдоном все в порядке, подумала она.

Агент Брюдер стоял на краю мостка. С его мокрой одежды капала вода, а сам он невидящим взглядом смотрел на перевернутую голову Медузы, размышляя, что делать дальше.

Будучи сотрудником СНР, Брюдер привык мыслить глобальными категориями и не принимать во внимание никакие личные или этические соображения, подчиняя их одной цели — спасти как можно больше жизней в долгосрочной перспективе. И об угрозе собственной жизни он задумался только сейчас. *Я сам полез во все это*, с досадой констатировал он, коря себя за рискованный шаг и при этом отлично понимая, что поступить по-другому просто не мог. *Нам нужно было разобраться, что к чему.*

Брюдер заставил себя переключиться на неотложную задачу — реализацию плана «Б». К сожалению, если локализовать угрозу не удастся, план «Б» всегда один и тот же — расширить радиус. Борьба с инфекцией во многом схожа с противостоянием лесным пожарам: чтобы по-

бедить в войне, иногда приходится отступать, позволяя противнику выиграть отдельно взятое сражение.

Брюдер не считал, что на данный момент возможность полной локализации упущена окончательно. Скорее всего Сиенна Брукс вскрыла пластиковый мешок всего за несколько минут до массовой истерии и эвакуации. Если это так, то люди, хоть их количество и исчислялось сотнями, могли не успеть подхватить инфекцию, поскольку находились достаточно далеко от очага заражения.

Кроме Лэнгдона и Сиенны, констатировал Брюдер. Они были в самом эпицентре, а теперь находятся где-то в городе.

Брюдера беспокоило еще одно — нестыковка в фактах. В воде он так и не нашел остатков пластикового мешка. Но если содержавшуюся в нем заразу выпустила Сиенна — толкнув ногой или разорвав руками, — он бы наверняка нашел хоть какие-то клочки пластика.

Но он ничего не нашел. Остатки просто исчезли. Полагать, что Сиенна могла забрать их с собой, было глупо, поскольку к тому моменту они представляли собой скользкую расползающуюся массу.

Так куда же они делись?

Брюдеру не давала покоя мысль, что он что-то упускает. Однако сейчас главным было решить проблему локализации, для чего необходимо найти ответ на один ключевой вопрос.

Каков на данный момент радиус заражения?

Брюдер знал, что ответ они получат в течение нескольких минут. Его подчиненные установили портативные детекторы вирусов на мостках, расположенных на разном удалении от эпицентра. Эти приборы использовали полимеразную цепную реакцию для определения вирусного заражения.

Руководитель команды СНР не терял надежды. В водоеме отсутствовало течение, да и времени прошло очень мало, поэтому он рассчитывал, что детекторы зафиксируют заражение относительно небольшой зоны, которую они смогут обработать химикатами, а затем откачать из нее воду.

— Готовы? — спросил техник в мегафон.

Оперативники возле приборов подняли вверх большие пальцы в знак подтверждения.

— Начали! — раздалась команда.

По всему водохранилищу аналитики склонились над приборами и приступили к работе.

Каждый прибор анализировал пробу, взятую в одной из точек концентрических дуг, расходившихся от таблички Зобриста.

В воцарившейся тишине все напряженно ждали результатов и молились, чтобы на приборах загорелись только зеленые индикаторы.

А потом началось…

На ближайшем к Брюдеру приборе замигал красный индикатор. Сжав кулаки, он с тревогой перевел взгляд на следующий. Тот тоже мигал красным.

Этого не может быть!

По залу прокатились изумленные возгласы. Брюдер с ужасом наблюдал, как на всех без исключения приборах загорались красные сигналы. До самого выхода из водохранилища.

О, Господи… подумал он. Россыпь мигающих красных огней переливалась по всему залу, что свидетельствовало только об одном: радиус заражения был огромен.

Все водохранилище буквально кишело вирусами.

Глава 97

Роберт Лэнгдон смотрел сверху на Сиенну Брукс, которая сжалась в комок возле штурвала угнанного катера, и пытался понять, что произошло.

— Я понимаю, что вы меня презираете, — всхлипнула она, поднимая на него взгляд.

— Презираю?! — переспросил он. — Да я понятия не имею, *кто вы такая*! Вы мне все время лгали!

— Я знаю, — тихо отозвалась она. — И мне очень жаль. Но я хотела поступить правильно.

— Выпустив на свободу вирус чумы?

— Нет, Роберт, вы не понимаете.

— Еще как понимаю! — ответил Лэнгдон. — Я понимаю, что вы залезли в воду, чтобы разорвать пластиковый мешок и выпустить вирус Зобриста на свободу прежде, чем его успеют нейтрализовать!

— Какой еще пластиковый мешок? — От удивления у Сиенны округлились глаза. — Я ничего не знаю ни о каком пластиковом мешке. Я спустилась в водохранилище, чтобы *остановить* вирус

Бертрана… *украсть* его и уничтожить… чтобы он не попал в руки никому, включая доктора Сински и ВОЗ.

— Украсть? И зачем скрывать его от ВОЗ?

Сиенна горько вздохнула.

— Вы очень многого не знаете, но теперь это все уже не важно. Мы опоздали, Роберт. И у нас не было шансов успеть.

— Еще как были! Вирус должен был попасть в воду только *завтра*. Зобрист сам назначил этот день, и если бы вы не полезли в воду…

— Роберт, я не выпускала вирус! — закричала Сиенна. — Я полезла в воду, пытаясь отыскать его, но было слишком поздно. Там ничего не оказалось.

— Я вам не верю, — сказал Лэнгдон.

— Я знаю, что не верите. И понимаю почему. — Она вытащила из кармана мокрый буклет и бросила его Лэнгдону. — Может, это вас убедит. Я нашла это перед тем, как спуститься в воду.

Профессор поймал буклет и развернул его. Это была программка семи концертов в водохранилище, на которых должна была исполняться «Данте-симфония».

— Обратите внимание на даты, — сказала Сиенна.

Лэнгдон перевел взгляд на числа, потом, удивившись, посмотрел еще раз. Почему-то он считал, что сегодняшнее выступление было первым из семи, на которые люди в течение недели должны были приходить в зараженное чумой водохранилище. Но программка говорила о другом.

— Сегодня что — *последний* концерт? — спросил он, отрывая взгляд от буклета. — И оркестр выступает уже целую неделю?

Сиенна кивнула.

— Я была удивлена не меньше вашего. — Она помолчала, и ее глаза потемнели. — Вирус уже был выпущен, Роберт. И выпущен неделю назад.

— Этого не может быть, — не сдавался Лэнгдон. — Это должно было произойти *завтра*. Зобрист даже указал дату на специальной табличке.

— Да, я видела ее в воде.

— Тогда вы знаете, что на уме у него был *завтрашний* день.

Сиенна вздохнула.

— Роберт, я знала Зобриста гораздо лучше, чем вы думаете. Он был настоящим ученым, нацеленным на результат. Теперь я понимаю, что дата на табличке — это не дата *выпуска* вируса на

свободу. Это другое, нечто гораздо более важное для него.

— И что же это такое?

Сиенна выпрямилась и посмотрела ему в глаза.

— Это дата глобального поражения — дата математической прогрессии, когда вирус распространится по всему миру… и поразит каждого его жителя.

От такой перспективы у Лэнгдона мурашки побежали по коже, но он не исключал, что Сиенна снова лжет. В ее объяснении был один очень существенный пробел, а она уже доказала, что способна солгать о чем угодно.

— Есть одна маленькая нестыковка, Сиенна, — возразил он, глядя на нее сверху вниз. — Если чума уже распространилась по всему миру, то почему люди не болеют?

Она медленно к нему повернулась.

— Потому что… — начала она, и слова застряли у нее в горле. — Бертран создал не чуму. — Ее глаза снова наполнились слезами. — Он создал нечто гораздо более страшное.

Глава 98

Хотя респиратор продолжал исправно пропускать кислород, Элизабет Сински никак не могла взять себя в руки и навести порядок в мыслях. С тех пор как приборы Брюдера обнаружили страшную правду, прошло пять минут.

Наши возможности изолировать вирус улетучились уже давно.

Судя по всему, пластиковый пакет растворился еще на прошлой неделе, видимо, во время самого первого концерта, а они шли, как теперь выяснилось, на протяжении семи дней подряд. Оставшиеся на веревке лоскутки не растворились только потому, что были покрыты специальным защитным составом, позволявшим держать пластиковый мешок на привязи.

Инфекция была на свободе целую неделю.

Поскольку изолировать патоген уже не представлялось возможным, сотрудники CHP развернули в водохранилище временную лабораторию и занялись его исследованием — анализом, классификацией, оценкой опасности. Пока удалось точно установить только одну его характеристи-

ку, но она никого не удивила.

Вирус распространялся воздушным путем.

Содержимое мешка, видимо, всплыло на поверхность, и вирус разлетелся по всему закрытому помещению. *Для заражения всего воздуха в ограниченном пространстве большой массы патогена и не требовалось*. Сински это понимала.

В отличие от бактерий или химических патогенов, вирусы распространяются среди населения с невероятной скоростью, причем их проникающая способность намного выше. Являясь по своей природе паразитами, вирусы проникают в организм и обволакивают клетку организма-носителя путем так называемой адсорбции. Затем они впрыскивают в эту клетку свою ДНК или РНК, заставляя ее воспроизводить себя в постоянно нарастающих количествах. Когда их становится достаточно много, они убивают клетку, прорывают ее оболочку и отправляются на поиски новых клеток для нападения, после чего весь процесс повторяется заново.

При кашле, чихании или просто дыхании зараженный человек выбрасывает в воздух мельчайшие капельки, которые остаются в подвешенном состоянии, пока их не вдохнет другой человек, после чего и в его организме начинается

описанный выше процесс.

Экспоненциальный рост, подумала Сински, вспоминая графики Зобриста, иллюстрирующие стремительное увеличение населения Земли. Зобрист использовал экспоненциальный рост вирусов для противодействия экспоненциальному росту населения.

Теперь главным, что следовало выяснить в первую очередь, было следующее: *что этот вирус делает с человеком?* Другими словами — *как он атакует организм носителя?*

Вирус Эбола ослабляет способность крови к свертыванию, что приводит к внутренним и внешним кровотечениям, которые невозможно остановить. Хантавирус поражает легкие. Целое семейство вирусов под общим названием «онковирусы» вызывают рак. А вирус иммунодефицита человека вызывает СПИД. В медицинском сообществе ни для кого не секрет, что если бы ВИЧ распространялся воздушным путем, то он мог бы оказаться фатальным для всего человечества.

Итак, что же поражает вирус Зобриста?

В любом случае его действие проявляется не сразу… ни из одной больницы в округе не поступало сведений о пациентах с необычными симптомами.

Желая поскорее узнать результаты анализа, Сински поспешила в лабораторию. Около лестницы она увидела Брюдера — тот нашел место, где телефон принимал слабый сигнал, и с кем-то разговаривал, понизив голос.

Она подошла как раз в тот момент, когда он заканчивал разговор.

— Хорошо, я все понял, — произнес он, и на его лице отразились одновременно изумление и ужас. — И я еще раз подчеркиваю — строжайшая секретность! Кроме тебя об этом не должен знать никто! Позвони, как только появятся новости. Спасибо. — С этими словами он нажал отбой.

— Что происходит? — спросила Сински.

Брюдер медленно выдохнул.

— Я только что разговаривал со старым приятелем. Он — ведущий вирусолог Центра по контролю и профилактике заболеваний в Атланте.

— Вы связались с ЦКПЗ без моей команды? — возмутилась Сински.

— Я посчитал это целесообразным, — ответил Брюдер. — Мой знакомый умеет держать язык за зубами, а нам понадобится намного больше данных, чем мы можем получить в этой временной лаборатории.

Сински бросила взгляд на маленькую команду СНР. Ее члены брали пробы воды и тут же исследовали их на портативных приборах. Брюдер был прав.

— Мой приятель в ЦКПЗ, — продолжил Брюдер, — работает в отлично оснащенной микробиологической лаборатории, и он подтвердил существование чрезвычайно заразного и ранее неизвестного вируса.

— Погодите! — перебила его Сински. — А как же вы так быстро переправили туда образец?

— Я ничего не переправлял, — мрачно ответил Брюдер. — Он взял на анализ свою собственную кровь.

Сински сразу поняла, что это значит.

Вирус уже разлетелся по всей планете.

Глава 99

Лэнгдон медленно шагал, ничего не замечая вокруг, будто очутился в каком-то ночном кошмаре и никак не мог проснуться. *Что может быть страшнее чумы?*

Не говоря больше ни слова, Сиенна выбралась из катера и, жестом пригласив Лэнгдона следовать за собой, направилась по безлюдной, покрытой гравием дорожке в сторону от пристани и скопления людей.

Хотя она больше не плакала, Лэнгдон чувствовал, что нервы у нее напряжены до предела. Вдали слышался вой сирен, но она этого, похоже, даже не замечала. Она смотрела себе под ноги невидящим взглядом, будто мерный скрип гравия под ногами ввел ее в транс.

Они вошли в маленький парк, и Сиенна направилась к участку, где деревья росли особенно густо и рядом никого не было. Там они сели на скамейку, с которой был виден залив. На другой его стороне светилась древняя Галатская башня — холмистый берег у ее подножия заполняли тихие жилые кварталы. Отсюда мир казался уди-

вительно спокойным и безмятежным — прямой противоположностью тому, подумал Лэнгдон, что творилось сейчас в водохранилище. Он не сомневался, Сински и команда СНР уже в курсе, что оказались на месте слишком поздно, чтобы остановить чуму.

Сиенна сидела рядом и тоже смотрела на море.

— У меня мало времени, Роберт, — сказала она. — Власти в конце концов узнают, где меня искать. Но я должна успеть рассказать вам правду… всю без утайки.

Лэнгдон молча кивнул. Сиенна вытерла глаза и повернулась, чтобы видеть его лицо.

— Бертран Зобрист… — начала она, — был моей первой любовью. И стал моим наставником.

— Мне уже рассказали об этом, Сиенна, — сказал Лэнгдон.

Она изумленно на него посмотрела, но продолжила говорить, будто боялась сбиться:

— Я встретила его в том возрасте, когда люди особенно восприимчивы и чувствительны, и его идеи и сила интеллекта стали для меня настоящим потрясением. Бертран, как и я, верил, что наш вид находится на грани вымирания… что нас ждет ужасный конец, который на самом деле гораздо ближе, чем кто-либо осмеливается

признать.

Лэнгдон промолчал.

— Все детство, — продолжила Сиенна, — я мечтала спасти мир. А все вокруг говорили: «Ты не можешь спасти мир, так что не стоит ради этого приносить в жертву свое счастье». — Она помолчала, стараясь не расплакаться. — А потом я встретила Бертрана — красивого, умного человека, который сказал мне, что мир не только можно спасти… но что его спасение — моральный долг каждого. Он познакомил меня со своими единомышленниками — людьми поразительных способностей и ума… людьми, которые могут изменить будущее. Впервые в жизни я перестала чувствовать себя одинокой, Роберт.

Ощутив боль в ее словах, Лэнгдон понимающе улыбнулся.

— Мне в жизни пришлось столкнуться с ужасными событиями, — голос Сиенны звучал прерывисто. — И оставить их в прошлом мне никак не удавалось… — Она отвела взгляд и провела рукой по бритой голове. Потом, собравшись с силами, продолжила: — Может, поэтому единственное, что меня поддерживает, — это вера в нашу способность стать лучше… и предотвратить надвигающуюся катастрофу.

— И Бертран тоже в это верил? — спросил Лэнгдон.

— Всей душой. Его вера в человечество была безграничной. Он был трансгуманистом и считал, что мы стоим на пороге новой эры — эры истинного преображения. Он обладал даром футуролога, способностью видеть то, что мало кому может в принципе прийти в голову. Он осознавал поразительные возможности генетики и верил, что через несколько поколений человечество станет абсолютно другим биологическим видом — генетика сделает нас здоровее, умнее, сильнее и даже сострадательнее. — Она помолчала. — Но была одна проблема. Он не думал, что у человечества будет время реализовать такую возможность.

— Из-за перенаселения… — предположил Лэнгдон.

Она кивнула.

— Мальтузианский кризис. Бертран часто говорил мне, что чувствует себя святым Георгием, сражающимся с подземным чудовищем.

Лэнгдон не понял, что она имеет в виду.

— С Медузой?

— Метафорически да. Медуза и весь пантеон хтонических божеств живут под землей, потому

что они напрямую связаны с Матерью Землей. Хтонические существа всегда являлись символами…

— Фертильности, — закончил фразу Лэнгдон, удивляясь, как ему самому это раньше не приходило в голову. *Плодородие. Население*.

— Да, фертильности, — подтвердила Сиенна. — Бертран использовал термин «хтоническое чудовище» для обозначения зловещей угрозы нашей собственной плодовитости. Он считал переизбыток потомства появившимся на горизонте чудовищем… которое необходимо срочно укротить, иначе оно нас просто пожрет.

Мы становимся заложниками своей способности к размножению, сообразил Лэнгдон. *Она и есть хтонический зверь.*

— И Бертран решил бросить вызов этому монстру… но как?

— Пожалуйста, постарайтесь понять, — просительно заговорила Сиенна, — что эти проблемы далеко не просты. Отбор — всегда неблагодарное занятие. Человек, отрезающий ногу трехлетнему ребенку, — страшный преступник… если, конечно, это не врач, пытающийся спасти его от гангрены. Иногда выбор приходится делать в пользу меньшего из двух зол. — К ее глазам

снова подступили слезы. — Я знаю, что Бертран преследовал благородную цель… но его методы… — Сиенна отвернулась. Было видно, что она находится на грани срыва.

— Сиенна, — обратился к ней Лэнгдон шепотом. — Мне необходимо понять. Объясните мне, что сделал Бертран. Что он выпустил в мир?

Сиенна взглянула на него, и в ее глазах читался страх.

— Он выпустил вирус, — прошептала она. — И этот вирус особенный.

Лэнгдон затаил дыхание.

— Расскажите мне.

— Бертран создал так называемый вирусный *вектор*. Это вирус, созданный специально для того, чтобы вносить в клетки, которые он атакует, генетическую информацию. — Она немного помолчала, давая ему время усвоить услышанное. — Вирусный вектор… не убивает клетку организма носителя… но внедряет в нее заданный элемент ДНК, который приводит к существенному изменению ее генома.

Лэнгдон пытался понять, что это значило. *Вирус изменяет ДНК?*

— Коварство этого вируса, — продолжала Сиенна, — заключается в том, что никто даже не

подозревает о том, что инфицирован. Никто не заболевает. И нет никаких симптомов, указывающих на наше генетическое изменение.

Лэнгдон почувствовал, как в висках у него застучала кровь.

— И что это за изменение?

Сиенна на мгновение прикрыла глаза.

— Роберт, — прошептала она, — как только вирус оказался выпущенным в водохранилище, началась цепная реакция. Каждый, кто оказался в подземелье и вдохнул там воздух, заразился. Все эти люди стали носителями вируса… невольными соучастниками инфицирования окружающих и источником экспоненциального распространения инфекции, которая пронеслась по планете, подобно лесному пожару. На сегодня носителями вируса являются абсолютно все жители Земли. И вы, и я… и любой другой.

Вскочив на ноги, Лэнгдон принялся нервно расхаживать перед скамейкой взад-вперед.

— Так что он делает с нами? — повторил он.

Сиенна долго молчала.

— Вирус обладает способностью делать человеческий организм… бесплодным. — Ей было явно не по себе. — Бертран создал чуму бесплодия.

Лэнгдон был ошеломлен. *Вирус бесплодия?* Он

знал, что существуют вирусы, которые могут вызвать бесплодие, но крайне заразная инфекция, переносимая воздушным путем и способная стерилизовать вмешательством на генетическом уровне, казалась чем-то из другой реальности… какой-то оруэлловской антиутопией.

— Бертран часто теоретизировал насчет такого вируса, — тихо сказала Сиенна, — но я и подумать не могла, что он попытается его создать… не говоря уже о том, что ему это удастся. Когда я получила от него письмо и узнала, что он сделал, то пришла в ужас. Я изо всех сил пыталась его найти и уговорить уничтожить свое творение. Но я опоздала.

— Подождите, — прервал ее Лэнгдон, наконец-то обретая дар речи. — Но если вирус делает бесплодными всех людей на земле, то новых поколений просто не будет и человечество закончит свое существование… сразу.

— Верно, — тихим голосом подтвердила Сиенна. — Только целью Бертрана было не уничтожить, а, наоборот, сохранить человечество, поэтому его вирус действует избирательно. Хотя теперь Инферно внедрен в ДНК всех людей и будет передаваться по наследству всем грядущим поколениям, он вызовет бесплодие только

у определенного процента населения. Другими словами, хотя носителями вируса являются все без исключения жители Земли, стерилизации подвергнется лишь выбранная наугад часть населения планеты.

— Какая… часть? — не удержался Лэнгдон, сам не веря, что задает подобный вопрос.

— Как вы знаете, Бертран был одержим «черной смертью» — эпидемией чумы, которая унесла жизни трети населения Европы. Он верил, что природа сама знает, как производить отбор. Проделав математические расчеты с данными по бесплодию, вызванному вирусом, Бертран пришел в восторг, узнав, что они точно соответствуют уровню смертности при эпидемии чумы, уносившей жизнь каждого третьего. То есть это именно то соотношение, которое позволит проредить население в нужной для выживания пропорции.

Это чудовищно, поразился Лэнгдон.

— «Черная смерть» проредила стадо и проложила путь к Возрождению, — продолжила Сиенна, — и Бертран создал Инферно как катализатор глобального обновления — своего рода «черную смерть» трансгуманизма. Разница лишь в том, что действие вируса приведет не к смерти

определенного процента инфицированных, а только к их бесплодию. Поскольку носителями вируса теперь являются все жители Земли, треть населения и сейчас, и в будущих поколениях никогда не сможет произвести потомство. Совсем как рецессивный ген, который передается всему потомству, но проявляется лишь у определенной его части.

У Сиенны дрожали руки, но она продолжала:

— В письме ко мне Бертран говорил, что очень гордится своим творением и считает Инферно изящным и гуманным решением проблемы. — На ее глаза вновь навернулись слезы, и она их смахнула. — По сравнению с жестокостью «черной смерти» доля истины, наверное, в этом есть. Не будет никаких больниц, переполненных умирающими, никаких разлагающихся трупов на улицах, никаких скорбящих выживших, оплакивающих своих близких. Люди просто перестанут так много рожать. На планете снизится рождаемость, кривая ее роста изменит направление, и население постепенно начнет сокращаться. — Она помолчала. — Результат окажется гораздо эффективнее чумы, которая сокращала население разово и ненадолго, создавая лишь временный провал в графике роста населения. А своим Инферно

Бертран решил проблему навсегда… и решил ее в духе трансгуманизма. Бертран занимался генной инженерией и работал с зародышевой линией. Он решал проблемы на корневом уровне.

— Но это же генетический терроризм… — прошептал Лэнгдон. — Это меняет саму природу человека, причем на фундаментальном уровне.

— Бертран смотрел на это иначе. Он мечтал исправить роковой изъян в человеческой эволюции… И изъян этот — в нашей чрезмерной плодовитости. Человек при всем своем уникальном интеллекте оказался не способен контролировать численность собственной популяции. Ни бесплатная контрацепция, ни образование, ни государственные программы стимулирования малосемейности не приносят нужных результатов. Мы продолжаем рожать… хотим того или нет. Вы знаете, что, по данным Центра по контролю и профилактике заболеваний, почти половина беременностей в США — незапланированные? А в слаборазвитых странах эта цифра составляет свыше семидесяти процентов!

Лэнгдон уже встречал эти статистические данные, но только сейчас начал осознавать, что за ними стоит. Как биологический вид, люди повторяют судьбу кроликов, которых завезли на

тихоокеанские острова, где они размножались до тех пор, пока не уничтожили там всю экосистему и не вымерли сами.

Бертран Зобрист изменил наш вид… пытаясь его спасти… путем превращения в менее плодовитых особей.

Лэнгдон глубоко вздохнул и бросил взгляд на видневшиеся на горизонте Босфора суда — подобно им, он не чувствовал под собой почвы. Звуки сирен раздавались уже рядом, и Лэнгдон понял, что времени у них осталось совсем немного.

— Но самое страшное заключается не в том, — снова заговорила Сиенна, — что Инферно вызывает бесплодие, а в самой его способности к этому. Переносимый по воздуху вирусный вектор является квантовым скачком, который намного опередил свое время. Бертрану удалось вырвать нас из темных веков генной инженерии и перенести в далекое будущее. Он открыл человечеству доступ к процессу эволюции и предоставил возможность усовершенствовать наш вид широкими мазками. Ящик Пандоры теперь открыт, и обратного пути нет. Бертран создал алгоритм изменения человеческой расы… и если он попадет в плохие руки, то Господь помилуй и сохрани нас… Такую технологию нельзя было создавать. Как

только я прочитала письмо Бертрана, в котором он рассказывал, как ему это удалось, я тут же его сожгла. И поклялась найти вирус и уничтожить все его следы.

— Я не понимаю, — вмешался Лэнгдон, и его голос дрожал от гнева. — Если вы хотели уничтожить вирус, то почему не сотрудничали с доктором Сински и ВОЗ? Почему не связались с ЦКПЗ или еще с кем-нибудь?!

— Вы шутите?! Правительственные организации ни в коем случае нельзя допускать к таким технологиям! Подумайте сами, Роберт! На протяжении всей истории человечества любая прорывная научная технология — начиная от получения огня и заканчивая ядерной энергией — обязательно использовалась в военных целях и практически всегда оказывалась в руках сильных государств. Откуда, по-вашему, взялось наше биологическое оружие? Начало его созданию положили исследования таких организаций, как ВОЗ и ЦКПЗ. Технология Бертрана — пандемический вирусный вектор, воздействующий на генетический код, — является самым мощным оружием, когда-либо созданным человеком. Она открывает путь к ужасам, вообразить которые просто невозможно, включая создание биоло-

гического оружия избирательного действия. Представьте себе патоген, который поражает исключительно людей, чей генетический код имеет определенные этнические маркеры. Он позволит провести масштабную этническую чистку на генетическом уровне!

— Я понимаю ваши опасения, Сиенна, но эта технология может использоваться и в благих целях, верно? Разве это открытие — не дар небес генетической медицине? Например, возможность сделать прививку всему населению Земли?

— Возможно, но, к сожалению, от людей, облеченных властью, я не жду ничего хорошего.

Вдалеке послышался рокот вертолета. Лэнгдон поднял взгляд и сквозь кроны деревьев увидел над Египетским базаром огни летательного аппарата, который огибал холм и направлялся в сторону пристани.

Сиенна напряглась.

— Мне пора уходить, — сказала она, поднимаясь, и посмотрела на мост Ататюрка. — Надеюсь, мне удастся перебраться через мост пешком, а потом…

— Вы никуда не пойдете, Сиенна, — твердо произнес Лэнгдон.

— Роберт, я вернулась потому, что должна была

объясниться. Теперь вы все знаете.

— Нет, Сиенна, — возразил он. — Вы вернулись, потому что всю жизнь убегали, а сейчас поняли, что сыты этим по горло.

Сиенна сникла.

— А какой у меня выбор? — спросила она, глядя, как вертолет медленно облетает залив. — Если меня поймают, то сразу отправят за решетку.

— Вы не сделали ничего плохого, Сиенна. Не вы создали этот вирус… и не вы его выпустили.

— Да, но я очень постаралась, чтобы Всемирная организация здравоохранения до него не добралась. Если я не окажусь в турецкой тюрьме, то наверняка предстану перед каким-нибудь международным трибуналом по обвинению в биологическом терроризме.

Шум двигателей вертолета стал громче, и Лэнгдон посмотрел на пристань. Вертолет завис над причалами и обшаривал прожектором пришвартованные суда.

Сиенна готова была сорваться с места в любую секунду.

— Послушайте, — обратился к ней Лэнгдон, стараясь говорить как можно мягче. — Я знаю, через что вам пришлось пройти и что вы испуганы, но постарайтесь посмотреть на все объектив-

но. Этот вирус создал Бертран. Вы пытались его остановить.

— Но у меня ничего не вышло.

— Да, теперь этот вирус на свободе, а научному и медицинскому сообществу надо знать его природу. Вы — единственный человек, который знает о нем хоть что-то. Может, есть какая-то возможность его нейтрализовать… или как-то противодействовать. — Лэнгдон не сводил с нее проникновенного взгляда. — Сиенна, миру нужно знать то, что известно вам. Вы не можете просто исчезнуть.

Хрупкое тело Сиенны била дрожь, казалось, что переполнявшие ее уныние и тревога вот-вот вырвутся наружу.

— Роберт, я… я не знаю, что мне делать. Я даже не знаю, кто я теперь. Посмотрите на меня. — Она провела рукой по лысой голове. — Я превратилась в чудовище. Как я могу…

Лэнгдон сделал шаг вперед и обнял ее. В его объятиях она казалась очень хрупкой и вся дрожала. Он нежно зашептал ей на ухо:

— Сиенна, я знаю, что вы хотите бежать, но я вас не отпущу. Рано или поздно вам придется кому-то поверить.

— Я не знаю… — всхлипывала она. — Я не знаю,

смогу ли.

Лэнгдон прижал ее к себе сильнее.

— Начните с малого. Сделайте первый шаг. Доверьтесь мне.

Глава 100

Резкий стук по металлической обшивке фюзеляжа заставил Ректора вздрогнуть. Снаружи кто-то барабанил рукояткой пистолета по крышке люка самолета, требуя открыть.

— Всем оставаться на своих местах, — скомандовал пилот «С-130», направляясь к люку. — Это турецкая полиция. Они только что подъехали.

Ректор и Феррис обменялись быстрыми взглядами.

Судя по лихорадочным звонкам, которые делали сотрудники ВОЗ, и их напряженным лицам, Ректор догадывался, что миссия по локализации вируса провалилась. *Зобристу удалось осуществить свой план*, подумал он. *Благодаря моей компании*.

Снаружи раздавались требовательные голоса, что-то кричавшие на турецком.

Ректор вскочил на ноги.

— Не открывайте им! — приказал он пилоту.

Тот остановился и изумленно посмотрел на Ректора.

— Это еще почему?

— ВОЗ является международной организацией, — ответил Ректор, — и этот самолет — суверенная территория!

Пилот покачал головой.

— Сэр, наш самолет находится в турецком аэропорту, и, пока он не покинет воздушного пространства Турции, на него распространяются законы этого государства. — С этими словами он подошел к люку и открыл его.

В проеме показались два полицейских в форме. В их холодных взглядах читалась суровая решительность.

— Кто командир экипажа? — спросил один из них с сильным акцентом.

— Я, — ответил пилот.

Полицейский передал ему два листа бумаги.

— Ордера на арест двух пассажиров. Мы их забираем.

Пробежав взглядом документы, пилот посмотрел на Ректора и Ферриса.

— Позвоните доктору Сински, — попросил Ректор пилота. — Мы представляем международную миссию по ликвидации чрезвычайной ситуации.

Один из полицейских смерил Ректора насмешливым взглядом.

— Доктору Элизабет Сински? Главе Всемирной организации здравоохранения? Так она и отдала приказ о вашем аресте.

— Этого не может быть, — возразил Ректор. — Мы с мистером Феррисом находимся в Турции для оказания помощи доктору Сински.

— Тогда вы плохо ее оказываете, — отозвался второй полицейский. — Доктор Сински связалась с нами и назвала ваши имена как участников биотеррористического заговора на территории Турции. — Он достал наручники. — Вы оба будете доставлены в управление для допроса.

— Я требую адвоката! — возмутился Ректор.

Через тридцать секунд его и Ферриса в наручниках провели по трапу и грубо затолкали на заднее сиденье черного седана. Автомобиль рванул с места и помчался по бетонной площадке перед ангаром. Добравшись до дальнего угла аэропорта, выехал из него через заранее проделанную брешь в металлической сетке ограды. Уже за пределами аэропорта машина, прыгая на ухабах, миновала пустырь, на котором ржавела неисправная авиационная техника, и, наконец, остановился возле старого служебного здания.

Двое полицейских в форме вышли из машины и осмотрелись. Убедившись, что слежки нет,

они сняли полицейскую форму и выбросили ее. Потом помогли Феррису и Ректору вылезти из машины и сняли с них наручники.

Потирая запястья, Ректор подумал, что пребывание под стражей ему явно противопоказано.

— Ключи под ковриком, — сказал один из «оперативников», показывая на стоявший неподалеку белый фургон. — В сумке на заднем сиденье все, что вы просили, — документы, наличные, мобильники, одежда, а также пара-тройка вещей, которые могут вам пригодиться.

— Благодарю вас, — сказал Ректор. — Вы молодцы.

— Хорошая подготовка, сэр. — С этими словами два турка сели в черный седан и уехали.

Сински бы меня ни за что не отпустила, напомнил себе Ректор. Осознав это еще во время перелета в Стамбул, он по электронной почте послал сигнал тревоги в местное отделение Консорциума, предупредив, что ему и Феррису может понадобиться срочная эвакуация.

— Вы думаете, она от нас не отстанет? — поинтересовался Феррис.

— Сински? Наверняка нет. Правда, сейчас, полагаю, ее волнуют совсем другие проблемы.

Они забрались в белый фургон, и Ректор, порыв-

шись в содержимом сумки, нашел документы. Затем натянул на голову бейсболку, в которой была спрятана маленькая бутылочка односолодового виски «Хайленд парк».

Эти ребята действительно профессионалы.

Ректор посмотрел на янтарную жидкость и сказал себе, что следует подождать до завтра. А потом вспомнил про пластиковый мешок Зобриста и задумался о том, каким вообще будет это завтра.

Я нарушил свое главное правило. Я сдал клиента.

Ректор чувствовал непривычную растерянность, зная, что завтра мир содрогнется от новости о катастрофе, которая произошла в немалой степени благодаря его усилиям. *Без меня Зобристу не удалось бы осуществить задуманное.*

Впервые в жизни незнание не казалось ему моральным принципом, который все оправдывал. Пальцы сами крутанули крышку бутылки с шотландским виски.

Порадую себя напоследок, подумал он. *Так или иначе, мои дни все равно сочтены.*

Ректор сделал большой глоток, наслаждаясь обволакивающим горло теплом.

Неожиданно темноту пронзил свет фар и мигалок полицейских машин, которые окружили

фургон со всех сторон.

Лихорадочно оглядевшись по сторонам, он застыл на месте.

Все перекрыто.

Пока к фургону подходили турецкие полицейские с оружием на изготовку, Ректор сделал последний глоток виски «Хайленд парк» и поднял руки над головой, сдаваясь.

Он знал, что на этот раз полицейские настоящие.

Глава 101

Швейцарское консульство в Стамбуле располагается в центре «1. Левент-плаза» в элегантном ультрасовременном небоскребе, благодаря вогнутому фасаду из голубого стекла напоминающем фантастический монолит на фоне древней столицы.

Час назад Сински покинула водохранилище и разместила в консульстве временный командный пункт. Местные радиостанции наперебой сообщали о давке, которая произошла в водохранилище во время последнего исполнения «Данте-симфонии» Листа. Подробностей не сообщалось, но появление на месте происшествия международной медицинской бригады в защитных костюмах породило массу слухов и домыслов.

Сински смотрела в окно на городские огни и ощущала глубокое одиночество. Она машинально потянулась рукой к амулету на шее, но его там не оказалось. Обе половинки сломанного талисмана лежали сейчас на столе.

Глава ВОЗ только что закончила составлять

список экстренных встреч, которые должны были начаться в Женеве через несколько часов. Специалисты самых разных организаций уже спешили на них, и сама Сински предполагала вскоре прибыть туда, чтобы раздать нужные инструкции. К счастью, кто-то из сотрудников ночной смены принес ей чашку обжигающе горячего кофе по-турецки, которую она моментально осушила.

В дверь заглянул молодой сотрудник консульства.

— Мадам? Вас хочет видеть Роберт Лэнгдон.

— Благодарю вас, — ответила она. — Пропустите его.

Двадцать минут назад Лэнгдон связался с ней по телефону и рассказал, что Сиенне Брукс удалось скрыться от него на угнанном катере. Сински уже знала об этом от полиции, которая продолжала прочесывать район, но пока безрезультатно.

Увидев в дверях профессора, Сински едва его узнала. Костюм перепачкан, волосы всклокочены, во ввалившихся глазах усталость.

— Профессор, с вами все в порядке? — Она поднялась ему навстречу.

— Вечер выдался не из легких, — отозвался Лэнгдон с усталой улыбкой.

— Прошу вас, — Элизабет показала на стул, — присядьте.

— Вирус Зобриста… — начал профессор без преамбул, опускаясь на стул. — Я думаю, его выпустили неделю назад.

Сински согласно кивнула:

— Да, мы пришли к такому же выводу. Пока нет сообщений о пострадавших, но мы выделили образцы и готовимся их всесторонне изучить. К сожалению, чтобы толком понять, что это за вирус… и на что он способен, уйдет несколько дней, а то и недель.

— Это векторный вирус, — сообщил Лэнгдон.

Сински удивленно вскинула голову. То, что ему вообще известен этот термин, стало для нее полной неожиданностью.

— Прошу прощения?

— Зобрист создал переносимый по воздуху вирус, который способен изменить ДНК человека.

Сински резко поднялась, опрокинув стул, на котором сидела. *Это невозможно!*

— С чего вы взяли?

— Об этом мне сказала Сиенна, — тихо произнес Лэнгдон. — Полчаса назад.

Сински обеими руками оперлась о стол и посмотрела на профессора с внезапным недо-

верием.

— Так она не сбежала?

— Сбежала, — возразил профессор. — Она была на свободе и беспрепятственно уходила в море на катере, так что запросто могла навсегда исчезнуть. Но передумала. И вернулась по собственной воле. Сиенна хочет помочь нам разрешить этот кризис.

Сински саркастически хмыкнула.

— Простите, профессор, но я не склонна доверять мисс Брукс и уж тем более принимать на веру столь нелепые утверждения.

— А я ей верю, — ничуть не смутившись, заявил Лэнгдон. — И если она утверждает, что это векторный вирус, то я бы на вашем месте не стал сразу отмахиваться от ее слов и отнесся бы к ним серьезно.

На Сински вдруг навалилась усталость, и ей стало трудно осознавать, что говорит Лэнгдон. Она подошла к окну и посмотрела на ночную панораму города. *Вирусный вектор, меняющий ДНК?* При всей фантастичности подобного ужасного сценария исключать его было нельзя. Зобрист занимался генной инженерией и лучше других знал, что мельчайшее изменение в одном-единственном гене может иметь катастро-

фические последствия для всего человеческого организма — рак, нарушения в работе органов и заболевания крови. Даже такая тяжелая болезнь, как фиброзно-кистозная дегенерация, при которой ее жертва буквально утопает в слизи, вызывается крошечным дефектом в регулирующем гене седьмой хромосомы.

Сейчас специалисты уже работали над тем, чтобы лечить подобные генетические дефекты простейшими векторными вирусами, которые вводятся непосредственно пациенту. Эти незаразные вирусы были запрограммированы на прохождение через те-ло пациента и замену поврежденных участков ДНК. Однако эта новая наука, как и все науки, имела и оборотную сторону. Действие векторного вируса может быть как благотворным, так и губительным… в зависимости от целей его создателя. Если вирус запрограммирован на внедрение поврежденной ДНК в здоровые клетки, то его действие может оказаться чрезвычайно разрушительным. А если сделать такой вирус еще и заразным и переносимым по воздуху…

При мысли об этом Сински содрогнулась. *Что за генетический кошмар сотворил Зобрист? И каким образом он намеревается «проредить*

человеческое стадо»?

Сински понимала, что ответ на этот вопрос может занять много недель. Генетический код человека представляет собой запутаннейший лабиринт из бесчисленного множества химических пермутаций. Найти в этом лабиринте одно конкретное изменение Зобриста — это все равно что искать иголку в стоге сена… причем даже не имея представления, на какой планете этот конкретный стог сена находится.

— Элизабет? — Низкий голос Лэнгдона оторвал ее от размышлений.

Сински отвернулась от окна и посмотрела на профессора.

— Вы слышали, что я сказал? — спросил он, продолжая спокойно сидеть на стуле. — Сиенна хотела уничтожить этот вирус не меньше вашего.

— Я в этом очень сомневаюсь.

Лэнгдон глубоко вздохнул и поднялся.

— Выслушайте меня. Незадолго до смерти Зобрист написал Сиенне письмо, в котором рассказал о том, что сделал. Он точно описал механизм действия вируса… как он будет нападать на клетки… и как будет решать поставленную задачу.

Сински замерла. *Есть такое письмо?!*

— Прочитав письмо, Сиенна пришла в ужас. Она хотела остановить его. Она считала этот вирус слишком опасным, чтобы позволить кому-то, включая Всемирную организацию здравоохранения, получить к нему доступ. Неужели вы не понимаете? Сиенна пыталась уничтожить вирус, а не выпустить его!

— Значит, было письмо? — Ни о чем другом Сински уже не могла думать. — С конкретным описанием?

— По словам Сиенны, да.

— Нам нужно это письмо! Это описание сэкономит нам месяцы работы, которые уйдут на выявление его действия, и позволит понять, что с этим можно сделать.

Лэнгдон покачал головой.

— Вы не понимаете. Когда Сиенна прочитала письмо, она пришла в ужас. И сразу же сожгла его. Она хотела быть уверенной, что никто…

Сински со злостью стукнула кулаком по столу.

— Она уничтожила то единственное, что могло бы нам помочь решить эту проблему?! И вы хотите, чтобы я ей доверяла?

— Принимая во внимание ее действия, я знаю, что прошу слишком много. Однако прежде чем вы сотрете ее в порошок, я хотел бы напомнить,

что Сиенна обладает уникальным интеллектом, включая феноменальную память. — Лэнгдон помолчал. — А что, если она сможет вспомнить достаточно, чтобы оказать вам реальную помощь?

Сощурив глаза, Сински едва заметно кивнула.

— И как, профессор, в таком случае вы предлагаете мне поступить?

Лэнгдон показал ей на пустую чашку из-под кофе.

— Я предлагаю вам выпить еще кофе… и выслушать единственное условие, которое выдвинула Сиенна.

Пульс у Сински участился, и она взглянула на телефон.

— А вы знаете, как с ней связаться?

— Знаю.

— Тогда скажите, о чем она просит.

Лэнгдон изложил просьбу Сиенны, и какое-то время Сински молчала, обдумывая услышанное.

— Я думаю, это будет правильно. К тому же что вы теряете? — добавил Лэнгдон.

— Если все, что вы сказали, правда, то я согласна. — Сински придвинула к нему телефон. — Звоните.

К ее удивлению, Лэнгдон его не взял. Вместо

этого он направился к двери, пообещав через минуту вернуться. Удивившись, Сински вышла за ним в коридор и увидела, как он прошел через приемную консульства и направился к лифтам. Сначала она решила, что он собирается воспользоваться одним из них, однако вместо этого профессор тихо проскользнул в женский туалет.

Через несколько мгновений он вернулся в сопровождении женщины лет тридцати с небольшим. Сински не сразу поняла, что это и есть Сиенна Брукс. Симпатичная блондинка с конским хвостом, которую она видела раньше, полностью преобразилась, став совершенно лысой, как будто побрилась наголо.

Войдя в кабинет, оба посетителя молча присели к столу.

— Заранее прошу меня извинить, — начала Сиенна. — Я понимаю, что нам предстоит многое обсудить, но я надеюсь, что сначала вы позволите мне сказать то, что для меня очень важно.

Сински отметила горечь в ее словах.

— Конечно. Говорите.

— Мадам, — начала та, и голос ее задрожал, — вы — глава Всемирной организации здравоохранения. Вы лучше других знаете, что мы являемся видом, который находится на грани исчезнове-

ния… из-за неконтролируемого роста населения. На протяжении ряда лет Бертран Зобрист пытался привлечь внимание таких влиятельных людей, как вы, к этой проблеме, с тем чтобы найти выход. Он обращался в самые разные организации, которые, по его мнению, могли повлиять на ситуацию — Институт всемирного наблюдения, Римский клуб, Движение за оптимальную численность населения, Совет по международным отношениям, — но нигде не находил понимания и готовности серьезно обсуждать возможные решения. Всех устраивали просветительские программы предупреждения беременности, предоставление налоговых льгот малодетным семьям и даже планы колонизации Луны! Неудивительно, что Бертран буквально лез на стенку от безразличия, с которым сталкивался.

Сински молча смотрела на нее, никак не реагируя. Сиенна сделала глубокий вдох.

— Доктор Сински, Бертран обратился к вам лично. Он умолял вас признать, что мы стоим на краю пропасти… предлагал обсудить, что с этим делать. Но вместо того чтобы выслушать его предложения, вы обозвали его безумцем, включили в разыскной список и загнали в подполье. — Голос Сиенны окреп от негодования. — Бертран умер в

одиночестве, и все потому, что люди, подобные вам, отказываются даже признать тот очевидный факт, что наше катастрофическое положение может потребовать принятия трудных решений. Вся вина Бертрана в том, что он говорил правду… и за это был подвергнут остракизму. — Сиенна вытерла глаза и устремила взгляд на стоявшую напротив Сински. — Поверьте, я знаю, что такое одиночество… но нет ничего тяжелее одиночества, вызванного непониманием. От него человек теряет связь с реальностью. — Сиенна замолчала, и в кабинете повисла напряженная тишина. — Это все, что я хотела сказать, — прошептала она.

Сински долго на нее смотрела, а потом опустилась в кресло.

— Мисс Брукс, — произнесла она, стараясь держаться спокойно, — вы правы. Я действительно не слушала раньше… — Она сложила руки на столе и посмотрела Сиенне в глаза. — Но я готова слушать теперь.

Глава 102

Часы в приемной швейцарского консульства давно пробили час ночи. Лежавший на столе блокнот Сински был почти целиком заполнен записями, вопросами, графиками. Глава Всемирной организации здравоохранения уже пять минут молча стояла у окна, устремив взгляд на ночной город.

За ее спиной Лэнгдон и Сиенна тихо сидели и ждали, сжимая в руках чашки с остатками кофе по-турецки. В воздухе висел тяжелый аромат молотых кофейных зерен и фисташек. Тишину нарушало только слабое гудение люминесцентных ламп над головой.

Чувствуя, как сильно колотится ее сердце, Сиенна задавалась вопросом, что теперь думает Сински, узнавшая жестокую правду во всех подробностях. *Вирус Бертрана — это чума бесплодия. Треть населения планеты не сможет иметь потомства.*

Рассказывая, Сиенна наблюдала, как менялось выражение лица Сински — при всей своей сдержанности Элизабет не могла полностью скрыть

эмоции. Сначала она была потрясена самим фактом, что Зобристу удалось создать векторный вирус, переносимый по воздуху. Затем на ее лице отразилась радость от того, что этот вирус не убивает людей, но радость эта была недолгой и сменилась ужасом от осознания, что треть населения Земли оказалась стерилизованной. Было видно, что тот факт, что вирус способен привести к бесплодию, затронул в Сински что-то глубоко личное.

Сиенна же испытала огромное облегчение. Она сообщила главе ВОЗ все, что содержалось в письме Бертрана. *У меня больше нет секретов.*

— Элизабет? — негромко окликнул Лэнгдон.

Сински медленно повернулась, не сразу оторвавшись от своих мыслей. Лицо ее казалось осунувшимся.

— Сиенна, — заговорила она ровным голосом, — информация, которую вы предоставили, будет очень полезной при выработке стратегии разрешения кризиса. Я очень ценю вашу откровенность. Как вам известно, возможность использования пандемических вирусных векторов для иммунизации больших групп населения уже рассматривается на теоретическом уровне, однако считалось, что такая технология — дело

далекого будущего. — Сински вернулась к столу и опустилась в кресло. — Прошу меня извинить, — сказала она, качая головой. — Но у меня до сих пор не укладывается в голове, что это не научная фантастика.

Еще бы, подумала Сиенна. Все качественные скачки в медицине — изобретение пенициллина, анестезия, рентгеноскопия, увиденное в микроскоп деление клетки — всегда воспринимались именно так.

Доктор Сински посмотрела на свой блокнот.

— Через несколько часов в Женеве на меня обрушится шквал вопросов. И не сомневаюсь, что первый будет о том, есть ли возможность противодействовать этому вирусу.

Сиенна тоже об этом думала.

— И я полагаю, — продолжила Сински, — что первым предложением будет исследовать вирус Бертрана, понять его как можно лучше и затем попытаться создать другой его штамм, который будет запрограммирован на восстановление ДНК в первоначальном виде. — Во взгляде Сински, устремленном на Сиенну, было мало оптимизма. — Возможно ли в принципе создание такого контрвируса — отдельный вопрос, но я бы хотела услышать ваше мнение в гипотетическом плане.

Мое мнение? Сиенна нерешительно посмотрела на Лэнгдона. Тот кивнул, явно желая сказать: *Ты и так уже зашла далеко. Так что не стесняйся. Говори без обиняков все, что думаешь.*

Сиенна откашлялась и заговорила сильным ровным голосом:

— Мадам, я много лет провела с Бертраном в мире генной инженерии. Как вам известно, геном человека — удивительно тонкая и хрупкая структура… по сути, карточный домик. И с каждым нашим новым вмешательством повышается риск ошибки, в результате которой может обрушиться вся конструкция. Лично я считаю, что пытаться вернуть ДНК в прежнее состояние после того, что уже сделано, чрезвычайно опасно. Бертран был исключительно талантливым ученым-провидцем. Он опередил других на многие годы. Я не думаю, что в настоящее время можно кому-то доверить копаться в геноме человека в надежде все исправить. Даже если будет изобретено нечто, что позволит рассчитывать на успех, само испытание вируса будет означать инфицирование всего населения чем-то новым.

— Справедливо, — согласилась Сински, видимо, ничуть не удивившись услышанному. — Но есть и другое, гораздо более важное соображение. Мы

можем сознательно оставить все как есть.

— Прошу прощения? — опешила Сиенна.

— Мисс Брукс, я могу не соглашаться с методами Бертрана, но верность его оценки положения дел не вызывает сомнений. Планета стоит на пороге кризиса перенаселения. Даже если нам удастся нейтрализовать вирус, не имея при этом реального альтернативного решения проблемы перенаселения, мы просто вернемся к исходной ситуации.

Видя шок, в который эти слова повергли Сиенну, Сински устало усмехнулась:

— Не ожидали услышать от меня такое?

Сиенна покачала головой.

— Я даже не знаю, как на это реагировать.

— Тогда я попробую удивить вас еще раз, — сказала Сински. — Как я уже говорила, через несколько часов руководители ведущих мировых организаций здравоохранения соберутся в Женеве, чтобы обсудить этот кризис и выработать план действий. За все время моего пребывания на посту главы ВОЗ таких важных совещаний еще не было. — Она пристально посмотрела на молодого врача. — Сиенна, я хочу, чтобы вы приняли в нем участие.

— Я?! — опешила та. — Но я не занимаюсь ген-

ной инженерией. И я рассказала вам все, что знаю. — Она показала на блокнот Сински. — И вы уже все записали.

— Отнюдь, — вмешался Лэнгдон. — Сиенна, для любого содержательного обсуждения необходим нужный *контекст*. Доктору Сински и ее команде понадобится выработать моральную позицию для оценки разных вариантов реагирования на этот кризис. Она считает, что вы можете внести в это существенный вклад.

— Полагаю, что моя позиция не понравится ВОЗ.

— Возможно, — согласился Лэнгдон, — однако именно поэтому вам и надо там быть. Вы представляете новое поколение мыслителей. У вас есть альтернативная точка зрения, иной взгляд. Вы можете помочь им понять образ мыслей мечтателей, подобных Бертрану, — блестящих умов, чья убежденность в своей правоте заставляет их брать ответственность на себя и действовать самостоятельно.

— Бертран не был первым.

— Не был, — подтвердила Сински, — и он не будет последним. Каждый месяц ВОЗ находит лаборатории, где ученые на свой страх и риск пробуют силы в серых зонах науки, начиная от

манипуляций со стволовыми клетками и заканчивая созданием не существующих в природе химер — организмов из генетически различных тканей. Это очень опасная практика. Наука развивается так быстро, что уже никто не понимает, где проходит граница допустимого.

Сиенна не могла с этим не согласиться. Совсем недавно два видных вирусолога Фушье и Каваока создали крайне болезнетворный вирус-мутант H5N 1. Они преследовали чисто научные цели, однако их новое творение обладало определенными свойствами, которые серьезно встревожили специалистов по биобезопасности и вызвали бурные споры в Интернете.

— Боюсь, что дальше будет только хуже, — заметила Сински. — Мы стоим на пороге новых технологий, которые не можем себе даже представить.

— И новой философии, — добавила Сиенна. — Движение трансгуманизма вот-вот выйдет из тени и превратится в господствующее направление. Один из его фундаментальных принципов заключается в том, что у людей есть моральный долг участвовать в процессе эволюции… использовать наши технологии для улучшения вида — сделать людей здоровее, сильнее и умнее.

Скоро все это станет возможным.

— И вы не думаете, что подобные воззрения противоречат эволюционному процессу?

— Нет, — убежденно заявила Сиенна. — Люди постепенно эволюционировали на протяжении тысячелетий, изобретая все новые технологии. Чтобы согреться, они научились добывать огонь трением одной палочки о другую; чтобы прокормить себя — создали сельское хозяйство; для борьбы с болезнями изобрели вакцины; а теперь создают генетические инструменты для совершенствования собственного организма, чтобы выжить в меняющемся мире. — Она помолчала. — Я считаю, что генная инженерия — это очередной этап в длинном списке человеческих достижений.

Сински глубоко задумалась, а потом спросила:

— Значит, вы считаете, что мы должны приветствовать эти инструменты с распростертыми объятиями?

— Если мы этого не сделаем, — ответила Сиенна, — то достойны жизни не больше пещерного человека, который замерзает насмерть, боясь разжечь огонь.

В наступившем молчании ее слова надолго повисли в воздухе.

Нарушил тишину Лэнгдон.

— Боюсь показаться старомодным, — начал он, — но я вырос на теории Дарвина и не могу не усомниться в разумности ускорения естественного процесса эволюции.

— Роберт, — горячо возразила Сиенна, — генная инженерия не является ускорением процесса эволюции. Это естественный ход событий! Не забывайте, что Бертрана Зобриста создала эволюция. Его поразительный интеллект был продуктом того самого процесса, который описал Дарвин… эволюции во времени. Его редкостное понимание генетики было не откровением свыше, а результатом многолетнего интеллектуального развития человека.

Лэнгдон промолчал, обдумывая услышанное.

— А будучи дарвинистом, — продолжила Сиенна, — вы знаете, что у природы всегда находился способ держать численность населения под контролем — эпидемии, голод, наводнения. Но позвольте задать вам вопрос: разве не может природа на этот раз избрать другой путь? Вместо того чтобы насылать на нас ужасные беды и страдания… не могла ли природа через процесс эволюции создать ученого, который изобретет способ постоянно держать численность насе-

ления под контролем? Никакой чумы. Никаких смертей. Просто поддержание равновесия с окружающей средой…

— Сиенна, — вмешалась Сински. — Сейчас уже поздно. Пора отправляться. Но прежде я хотела бы кое-что прояснить. Сегодня вы много раз повторяли, что Бертран не был плохим человеком… что он любил людей и так глубоко и искренне хотел спасти наш вид, что решился на столь радикальные действия.

Сиенна кивнула.

— Цель оправдывает средства, — сказала она, цитируя флорентийского политического деятеля и мыслителя Никколо Макьявелли.

— Тогда скажите, вы действительно считаете, что цель оправдывает средства? И спасение мира настолько благородная цель, что она дала Бертрану право выпустить на волю этот вирус?

В комнате воцарилась напряженная тишина. Сиенна подалась вперед, в ее глазах горела решимость.

— Доктор Сински, как я уже говорила, я считаю действия Бертрана *безрассудными* и крайне опасными. Будь у меня возможность остановить его, я бы это сделала не задумываясь. *Прошу* вас мне поверить.

Элизабет Сински перегнулась через стол и мягко взяла ее руки в свои.

— Я верю вам, Сиенна. Верю каждому вашему слову.

Глава 103

Холодный влажный воздух в аэропорту имени Ататюрка был пронизан туманом, который стелился по бетонному покрытию возле частного ангара.

Подъехавших на лимузине Лэнгдона, Сиенну и Сински встретил сотрудник ВОЗ, который помог им выйти из машины.

— Все готово к вылету, ждем вашей команды, мадам, — сообщил он, сопровождая их в скромное помещение терминала.

— А как насчет мистера Лэнгдона? — поинтересовалась Сински.

— Частный самолет до Флоренции. Его временные документы уже на борту.

Сински кивнула.

— А другой вопрос, который мы обсуждали?

— Все уже делается. Посылка будет отправлена в ближайшее время.

Сински поблагодарила сотрудника, который сразу направился по бетонной площадке к самолету, и повернулась к Лэнгдону.

— Вы уверены, что не хотите к нам присоеди-

ниться? — Устало улыбнувшись, она откинула назад длинные серебристые волосы и заправила их за уши.

— На данном этапе, — шутливо ответил он, — простой специалист по истории искусств вам вряд будет чем-то полезен.

— Мы обязаны вам очень многим, — возразила Сински. — БО́льшим, чем вам кажется. В том числе… — Она показала на Сиенну, которая, отстав от них, остановилась у большого окна и смотрела на ожидавший их «С-130», о чем-то глубоко задумавшись.

— Спасибо, что поверили ей, — тихо произнес Лэнгдон. — Мне кажется, в ее жизни это случалось нечасто.

— Я думаю, что у нас с Сиенной Брукс будет много чему поучиться друг у друга. — Сински протянула руку. — Счастливого пути, профессор.

— И вам, — отозвался Лэнгдон, пожимая ее руку. — Удачи в Женеве.

— Она нам точно понадобится, — сказала она. — Я дам вам немного времени попрощаться. Когда закончите, пусть она поднимается на борт.

По пути к самолету Элизабет сунула руку в карман и, вытащив две половинки сломанного амулета, крепко зажала их в кулаке.

— И не выбрасывайте этот посох Асклепия! — крикнул Лэнгдон ей вслед. — Его наверняка можно починить, так что эта беда поправимая.

— Спасибо, — махнула рукой Сински. — Надеюсь, что не только эта.

Сиенна Брукс стояла у окна и смотрела на огни взлетно-посадочной полосы — из-за лежавшего на земле тумана и собиравшихся на небе туч они казались какими-то призрачными. На диспетчерской вышке вдалеке развевался турецкий флаг: красный стяг с полумесяцем и звездой — наследием Османской империи — реял в современном мире по-прежнему гордо.

— О чем вы задумались? — послышался сзади низкий голос.

— Надвигается гроза, — ответила Сиенна, не оборачиваясь.

— Я вижу, — тихо произнес Лэнгдон.

После долгой паузы Сиенна повернулась к нему.

— И мне жаль, что вы не летите с нами в Женеву.

— Мне приятно это слышать, но вы будете заняты обсуждением будущего. И старомодный профессор университета будет только отвлекать вас от важных дел.

Она удивленно посмотрела на него.

— Вы считаете себя слишком старым для меня, верно?

Лэнгдон рассмеялся.

— Сиенна, я определенно слишком стар для вас!

Она смущенно переступила с ноги на ногу.

— Ладно… но вы по крайней мере знаете, где меня найти. — Она по-девчоночьи пожала плечами. — В смысле… если, конечно, захотите повидаться.

Он улыбнулся.

— Конечно, захочу.

Настроение у нее чуть улучшилось, но они снова замолчали, не зная, что сказать на прощание.

Глядя на Лэнгдона, Сиенна вдруг почувствовала, что ее захлестывает всепоглощающая волна эмоций. Не удержавшись, она приподнялась на цыпочках и поцеловала профессора в губы. А когда отстранилась, в глазах ее стояли слезы.

— Я буду очень скучать, — прошептала она.

Лэнгдон нежно улыбнулся и обнял ее.

— Я тоже.

Они долго стояли, прижавшись друг к другу, не в силах разомкнуть объятия. Наконец Лэнгдон произнес:

— Есть старинное выражение… которое нередко приписывают самому Данте. «Запомни сегодня… ибо с него начинается вечность».

— Спасибо, Роберт, — сказала она, уже не сдерживая слез. — Я наконец-то чувствую, что у меня есть цель.

Лэнгдон прижал ее к себе еще крепче.

— Вы всегда говорили, что хотите спасти мир, Сиенна. Возможно, это ваш шанс.

Сиенна тихо улыбнулась и отвернулась. Она шла к готовившемуся взлететь «С-130» и думала обо всем, что уже случилось… что еще может случиться… и о возможном будущем.

Запомни сегодня, повторяла она себе, *ибо с него начинается вечность.*

Поднимаясь на борт самолета, Сиенна молилась, чтобы Данте оказался прав.

Глава 104

Бледное солнце над Соборной площадью уже клонилось к закату, освещая белую мраморную облицовку колокольни Джотто и отбрасывая длинные тени на великолепный флорентийский собор Санта-Мария-дель-Фьоре.

Когда Роберт Лэнгдон проскользнул в собор и нашел свободное место, траурная служба по Игнацио Бузони уже началась. Лэнгдона порадовало, что церемония проходит именно здесь, в бессмертной базилике, за которой Бузони присматривал на протяжении многих лет.

Несмотря на красочность внешнего облика, интерьер флорентийского собора был суров и аскетичен. Но сегодня в нем царила атмосфера какой-то особой торжественности. Высокопоставленные чиновники, друзья и коллеги съехались со всей Италии отдать дань памяти жизнерадостному толстяку, которого все любовно называли Дуомино.

По сообщениям СМИ, Бузони скончался, совершая позднюю прогулку по Соборной площади, что он любил делать больше всего на свете.

Атмосфера на церемонии была на удивление жизнеутверждающей, с рассказами родных и друзей о забавных эпизодах из его жизни. Один из коллег рассказал, что, по словам самого Бузони, с его любовью к искусству эпохи Возрождения могла сравниться только любовь к спагетти по-болонски и карамельному пудингу.

После службы, когда собравшиеся разбились на группы и начали с нежностью вспоминать случаи из жизни Игнацио, Лэнгдон прошелся по собору, любуясь шедеврами Дуомо, которые Бузони так любил. «Страшный суд» Вазари под куполом, витражи Донателло и Гиберти, часы Уччелло, мозаичный пол, на который часто просто не обращают внимания.

Лэнгдон остановился перед знакомым лицом. Данте Алигьери. На знаменитой фреске Микелино великий поэт стоит перед горой чистилища и держит в руке, будто скромное подношение, свой шедевр — «Божественную Комедию».

Лэнгдон невольно задумался о том, какой была бы реакция Данте, узнай он о влиянии своей эпической поэмы на мир через много столетий, в том будущем, вообразить которое было не под силу даже его гению.

Данте обрел вечную жизнь, подумал профессор,

вспомнив высказывания о славе древнегреческих философов. *Ты жив, пока вспоминают твое имя.*

Когда он пересек площадь Святой Елизаветы и вернулся в элегантный отель «Брунеллески», наступал вечер. В номере его ждала большая посылка, при виде которой он с облегчением выдохнул. Наконец-то ее доставили.

Посылка, о которой я просил Сински.

Лэнгдон торопливо развернул сверток и вынул драгоценное содержимое. Как он и просил, оно было аккуратно упаковано и завернуто в пузырчатую пленку.

К его удивлению, в посылке оказалось еще кое-что. Судя по всему, Элизабет Сински, используя свое немалое влияние, сумела вернуть ему даже то, о чем он и не просил. В посылке были его вещи — рубашка с пуговками на воротничке, брюки цвета хаки и твидовый пиджак. Вся одежда тщательно вычищена и выглажена. Прислали даже его кожаные туфли, тоже начищенные. Порадовался он и возвращенному бумажнику.

Но особенно приятно его удивил последний предмет, при виде которого он не смог сдержать довольной улыбки, хотя и понимал, что так сильно дорожить им было по-детски глупо.

Мои часы с Микки-Маусом!

Лэнгдон немедленно надел их на руку, и знакомое ощущение потертого кожаного ремешка на запястье странным образом вселило в него чувство стабильности и уверенности. Полностью переодевшись в свою одежду, Роберт Лэнгдон снова ощутил себя самим собой.

Позаимствовав у менеджера отеля сумку с символикой «Брунеллески», он положил в нее прибывший в посылке драгоценный предмет и вышел на улицу. Вечер был очень теплым, что делало прогулку по улице Кальцайуоли в сторону палаццо Веккьо с его одинокой башней особенно приятной.

В палаццо он обратился в службу охраны, поскольку заранее предупредил, что хочет встретиться с Мартой Альварес. Его направили в Зал пятисот, в котором по-прежнему находилось много туристов. Прибыв на место в точно назначенное время, Лэнгдон рассчитывал, что Марта его уже ждет, но ее нигде не было видно.

Остановив проходившего мимо экскурсовода, он спросил:

— Scusi? Dove passo trovare Marta Alvarez?[43]

Тот, расплывшись в широкой улыбке, ответил

---

[43] Примечания: 43
Извините, где я могу найти Марту Альварес? (*ит.*)

на ломаном английском:

— Синьора Альварес? Ее нет. Она родить! Каталина! Красавица!

Лэнгдон был рад услышать о Марте такие чудесные новости.

— Ahh… che bello. Stupendo![44]

Экскурсовод поспешил дальше, а Лэнгдон задумался, как лучше поступить с содержимым сумки.

Приняв решение, он быстро прошел мимо фрески Вазари через заполненный туристами Зал пятисот к лестнице, которая вела к музею палаццо, стараясь не попадаться на глаза охранникам.

Наконец он оказался возле узкого коридора, соединявшего два зала музея. В нем было темно, а вход перегораживали два столбика с цепочкой, на которой висела табличка «CHIUSO/ЗАКРЫТО».

Оглядевшись, Лэнгдон приподнял цепочку и проскользнул под ней в темное помещение. Там он осторожно достал из сумки завернутый в пузырчатую пленку предмет и распаковал его.

На него снова смотрела посмертная маска Данте. Она была все в том же пакете, в котором Лэнгдон оставил ее в камере хранения на вокзале

---

[44] Примечания: 44
Как… хорошо. Замечательно! (*ит.*)

Венеции, откуда ее и забрали по просьбе профессора. Маска была в идеальном состоянии, если не считать стихотворения, написанного на ее обратной стороне изящным шрифтом, закрученным в спираль.

Лэнгдон посмотрел на старинный шкафчик, который использовался в качестве витрины. *Посмертная маска Данте выставлялась лицом к посетителям… так что никто ничего не заметит.*

Он осторожно вынул маску из пакета, а затем очень бережно водрузил на прежнее место. Маска снова обрела покой на своей привычной обивке из красного бархата.

Лэнгдон закрыл дверцу витрины и немного постоял, разглядывая лицо Данте, призрачно белевшее в темном помещении. *Наконец-то дома.*

Прежде чем покинуть музей, профессор незаметно отставил в сторону столбики с цепочкой и табличкой, загораживавшие вход в коридор. А затем остановил проходившую по галерее молодую сотрудницу.

— Signorina? В витрине с посмертной маской Данте надо включить свет. В темноте ее очень плохо видно.

— Извините, — ответила та, — но этот экспонат

сейчас не выставляется. Маска Данте находится в другом месте.

— Как же так? — притворно удивился Лэнгдон. — А я только что ею любовался!

На лице женщины отразилась растерянность. Она бросилась в коридор, а Лэнгдон тихо выскользнул из музея.

Эпилог

Самолет компании «Алиталия», совершавший ночной рейс в Бостон, летел на запад на высоте тридцати четырех тысяч футов. Внизу простирались залитые лунным светом темные воды Бискайского залива.

На борту Роберт Лэнгдон перечитывал «Божественную Комедию». Мелодичность строф, написанных терцинами[45], вкупе с гулом реактивных двигателей оказывали на него гипнотически убаюкивающее действие. Слова Данте, казалось, текли со страниц и вызывали в сердце профессора отклик, словно были только что написаны специально для него.

Читая, он вновь убеждался в том, что поэма Данте была не столько об ужасах преисподней, сколько о силе человеческого духа, способного выдержать любые испытания, какими бы тяжкими они ни оказались.

За бортом показалась полная луна — яркая

---

[45] Примечания: 45

Стихотворная форма, состоящая из трехстиший, построенных на рифмовке средней строки каждого трехстишия с двумя крайними строками следующего.

и завораживающая, она затмевала все другие небесные светила. Глядя в иллюминатор на раскинувшееся перед ним бескрайнее пространство, Лэнгдон вспоминал события последних дней.

Самое жаркое место в аду уготовано тем, кто в пору нравственного испытания предпочитает оставаться в стороне. Никогда прежде Лэнгдон не осознавал смысл этих слов так ясно. *В опасные времена нет греха страшнее бездействия.*

Лэнгдон знал, что он, как и миллионы других людей, повинен в этом грехе. Мир захлестнула пандемия нежелания людей смотреть правде в глаза, когда речь заходит о судьбе всего человечества. Лэнгдон пообещал себе никогда об этом не забывать.

Самолет мчался на запад, а Лэнгдон думал о двух отважных женщинах, которые сейчас находились в Женеве, чтобы встретить будущее лицом к лицу и смело ответить на вызовы изменившегося мира.

На горизонте появились облака, они становились все больше, и наконец одно из них наползло на луну и погасило ее яркий свет. Роберт Лэнгдон откинулся на кресле, чувствуя, что его одолевает сонливость. Выключив лампочку над головой, он бросил последний взгляд в иллюминатор. Мир в

темноте за окном преобразился. На небе мерцали россыпи ярких звезд.

Выражение признательности

Я хотел бы выразить самую искреннюю признательность — в первую очередь, как всегда, своему редактору и близкому другу Джейсону Кауфману, за его трудолюбие и талант… но, главное, неиссякаемый оптимизм.

Моей потрясающей жене Блайт за ее любовь и понимание, а также за превосходное чутье и помощь в качестве редактора.

Моему неутомимому агенту и верному другу Хейде Ланге за искусное проведение переговоров в стольких странах и по стольким вопросам, что это невозможно себе даже представить. Я буду вечно ей благодарен за ее профессионализм и энергию.

Всей команде издательства Doubleday — за энтузиазм и креативность при работе над моими рукописями. Отдельное спасибо Сюзанне Херц за ее разносторонние таланты и вкус… и умение ими пользоваться, Биллу Томасу, Джуди Джейкоби, Майклу Уиндзору, Джо Галлахеру, Робу Блуму, Норе Рейчард, Бет Мейстер, Марии Карелла, Лоррейн Хайленд, а также Сонни Мета, Тони Кирико,

Кэти Трейгер, Энн Месситт и Маркусу Долу. Спасибо всем потрясающим сотрудникам отдела продаж издательского дома Random House… вам просто нет равных.

Моему мудрому адвокату Майклу Руделлу за его непревзойденное чутье в больших и малых делах и за его дружбу.

Моей незаменимой помощнице Сьюзен Морхаус за ее харизму и энтузиазм. Без нее все погрузилось бы в хаос.

Всем моим друзьям в британском издательстве Transworld, в особенности Биллу Скотт-Керру за творческий подход, поддержку и жизнерадостность, а также Гейл Рибак за превосходное руководство.

Моим итальянским издателям Modadori, особенно Рики Каваллеро, Пьеру Кузани, Джованни Дутто, Антонио Франкини и Клаудии Скью; турецким издателям Altin Kitaplar, в частности Ойе Альпар, Эрдену Хеперу и Бату Бозкурту за особую помощь в связи с местами, описанными в этой книге.

Моим замечательным издателям по всему миру за их увлеченность и самоотверженность.

Леону Ромеро-Монтальво и Лучано Гульельми за умелое руководство переводческими центра-

ми в Лондоне и Милане.

Доктору Марте Альварес Гонсалес за ее удивительную эрудицию и то, что она познакомила нас с уникальной архитектурой Флоренции и хранящимися в ней шедеврами.

Неподражаемому Маурицио Пимпони за все, что он сделал, чтобы наша поездка в Италию оказалась плодотворной.

Всем историкам, экскурсоводам и специалистам Флоренции и Венеции, которые не жалели для меня времени и щедро делились своими знаниями: Джованне Рао и Эуджении Антонуччи из Библиотеки Медичи Лауренциана; Серене Пини и сотрудникам палаццо Веккьо; Джованне Джусти из галереи Уффици; Барбаре Федели из баптистерия и Дуомо; Этторе Вио и Массимо Биссону из собора Святого Марка; Джорджо Тальяферро из Дворца дожей; Изабелле ди Ленардо, Элизабет Кэрролл Консавари и Елене Свалдуз — за знакомство со всей Венецией; Аннализе Бруни и сотрудникам Национальной библиотеки Святого Марка; а также многим другим, кого мне не удалось упомянуть в этом кратком списке, я выражаю самую искреннюю признательность.

Рейчел Диллон Фрид и Стефани Делман из литературного агентства Sanford J. Greenburger за

все, что они делают как в Соединенных Штатах, так и за рубежом.

Обладателям блестящих умов и глубоких знаний доктору Джорджу Эйбрахаму, доктору Джону Тринору и доктору Бобу Хелму за научные консультации.

Моим первым читателям за их впечатления и объективность: Грегу Брауну, Дику и Конни Браун, Ребекке Кауфман, Джерри и Оливии Кауфман, а также Джону Чаффи.

Сетевому знатоку Алексу Кэннону, который вместе с командой агентства Sanborn Media Factory обеспечивает порядок в виртуальном мире.

Джадду и Кэти Грегг — за то, что предоставили мне тихое убежище в Грин-Гейблс для написания заключительных глав этой книги.

Превосходным сетевым ресурсам: Princeton Dante Project, Digital Dante (проект Колумбийского университета) и World of Dante.